

A light blue background map of the Russian North, showing the Arctic coastline and major river networks like the Yenisey, Lena, and Yenisey. The map is framed by a thin black border.

А. К. Матвеев

**СУБСТРАТНАЯ
ТОПОНИМИЯ
РУССКОГО
СЕВЕРА**

IV

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

А. К. Матвеев

**Субстратная
топонимия
Русского Севера**

IV

**Топонимия
мерянского типа**

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2015**

УДК 812.161.1'373.21

ББК Ш141.12–314

М 333

Рецензент: член-корреспондент РАН,
д-р ист. наук *В. В. Напольских*

Составитель и научный редактор
канд. филол. наук *О. В. Смирнов*

Матвеев, А. К.

Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа / А. К. Матвеев ; сост., науч. ред. О. В. Смирнов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 313 с., ил., 21 карта.

ISBN 978-5-7996-1513-0

Посмертная публикация не законченного А. К. Матвеевым исследования дорусских географических названий Европейской России – субстратной топонимии мерянского типа. Подготовлена к печати по материалам личного архива автора. Книга является четвертой частью монографии А. К. Матвеева «Субстратная топонимия Русского Севера» (первые три части опубликованы в 2001–2007 гг.).

Издание включает в себя этимологический анализ предположительно мерянских географических детерминантов и топооснов в субстратной топонимии исторических мерянских земель, карты с ареалами их распространения, теоретический очерк мерянской проблемы в контексте проблем происхождения субстратных географических названий Русского Севера, некоторые наблюдения о происхождении мери и мерянского языка.

УДК 808.2

ББК Ш14.1.12-314

ISBN 978-5-7996-1513-0

© Матвеев А. К.,
правообладатель, 2015
© Издательство Уральского
университета, 2015

Содержание

От научного редактора (<i>О.В. Смирнов</i>).....	6
Мерянская линия А.К. Матвеева (<i>О.В. Востриков</i>).....	19

МАШИНОПИСЬ ТЕКСТА

Субстратная топонимия Русского Севера. IV.

ТОПОНИМИЯ МЕРЯНСКОГО ТИПА

Содержание.....	25
Предисловие.....	28
1. Топонимия исторических мерянских земель.....	32
1.1. Постановка вопроса.....	32
1.2. Русская топонимия как источник сведений о мере.....	40
1.2.1. Этноним <i>меря</i> и его отражение в русской топонимии.....	40
1.2.2. Названия культовых камней в исторических мерянских землях.....	48
1.3. Географические термины-детерминанты в субстратной топонимии исторических мерянских земель.....	52
1.3.1. К проблеме выявления географических терминов в субстратной топонимии.....	52
1.3.2. Детерминанты ойконимов.....	56
1.3.2.1. Детерминант <i>-бол</i> (и варианты).....	56
1.3.2.2. Детерминант <i>-(V)дом</i>	65

1.3.3. Детерминанты лимнонимов.....	72
1.3.3.1. Детерминант $-(V)xp(V)$	72
1.3.3.2. Названия озер и рек на <i>-кор</i> , <i>-кур</i> (и варианты).....	82
1.3.4. Детерминанты гидронимов.....	86
1.3.4.1. Предварительное замечание.....	86
1.3.4.2. Детерминант <i>-Vga</i>	87
1.3.4.3. Детерминант <i>-Vx</i>	90
1.3.4.4. Детерминанты <i>-Vкиа</i> , <i>-Vкса</i> и <i>-Vхта</i> , <i>-Vгда</i> (и варианты).....	94
1.3.4.5. Детерминант <i>-бож</i> (и варианты).....	117
1.3.4.6. Детерминант <i>-ингирь</i>	123

РУКОПИСЬ ТЕКСТА

1.4. Субстратные основы в топонимии исторических мерянских земель.....	130
1.4.1. Предварительные замечания.....	130
1.4.2. Физико-географические объекты.....	131
1.4.3. Флора.....	156
1.4.4. Фауна.....	166

ЧЕРНОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1.4.4. Фауна (продолжение) <i>«папка № 2-осн. СТПС IV, от л. 57 до л. 69»</i>	172
1.4.5. Человек <i>«папка № 2-осн. СТПС IV, от л. 70 до л. 87»</i>	176
1.4.6. Жилье, хозяйство, быт <i>«папка № 2-осн. СТПС IV, от л. 88 до л. 113»</i>	181
1.4.7. Качества и отношения <i>«папка № 2-осн. СТПС IV, от л. 114 до л. 175»</i>	189
1.4.8. Основы широкого распространения с неясной семантикой <i>«папка № 2-осн. СТПС IV, от л. 176 до л. 198»</i>	209

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

Некоторые результаты изучения предположительно
мерянских детерминантов

«папка № 4-осн. СТПС IV, от л. 1 до л. 3»..... 221

Выводы к 1 части

«папка № 4-осн. СТПС IV, от л. 144 до л. 148»..... 224

Общие соображения о происхождении мери
и мерянского языка

«папка № 4-осн. СТПС IV, л. 151»..... 226

Примечания научного редактора..... 229

Библиография..... 239

Сокращения..... 254

Карты..... 259

Указатель топонимов..... 290

От научного редактора

Александр Константинович Матвеев (1926–2010), выдающийся российский лингвист, член-корреспондент РАН, один из основателей топонимастики в России, этимолог, специалист по финно-угорским языкам, значительную часть своей научной деятельности посвятил этимологическому исследованию топонимии северных областей России (Архангельская, Вологодская), объединяемых географическим понятием Русский Север.

С 2001 по 2007 гг. им написаны и опубликованы первые три части книги «Субстратная топонимия Русского Севера». Это фундаментальный труд, в котором нашла отражение научная методология региональных этимологических исследований в топонимии, разработанная А.К. Матвеевым и с успехом реализованная им на богатейшем материале многолетних полевых записей топонимов в Архангельской и Вологодской областях России.

Первая часть «Субстратной топонимии Русского Севера» (СТРС) содержит анализ топонимических формантов, их этническую интерпретацию и описание ареалов. Во второй части анализируются прибалтийско-финские и саамские основы субстратных географических названий Русского Севера. Это наиболее молодой, так называемый «верхний» пласт субстратной топонимии. При этом особое внимание уделено дифференцирующим основам, позволяющим различать

прибалтийско-финские и саамские по происхождению топонимы. Третья часть СТРС посвящена одной из самых трудных проблем топонимии Русского Севера – наследию исчезнувших древних финно-угорских языков, которые исторически не сохранились и объединены А.К. Матвеевым в понятие *севернофинских*. Итогом работы являются выявленные ареалы, карты бывшего расселения финских народов на территории Русского Севера и картина стратиграфии различных финно-угорских топонимических пластов. В особенности значимо убедительное доказательство наличия на Русском Севере саамского субстратного пласта, описание его диалектной принадлежности, границ между саамским и севернофинским топонимическими ареалами, а также обоснование родства севернофинских языков в первую очередь с саамскими и волжско-финскими диалектами.

Четвертую часть своего выдающегося труда по расшифровке топонимического наследия Русского Севера А.К. Матвеев дописать не успел. Это исследование должно было перекинуть своеобразный мостик с территории Русского Севера на земли Центральной России, раскрыть древнюю языковую связь финно-угорского населения этих территорий. Связующим звеном, по мнению А.К. Матвеева, служит *топонимия мерянского типа*, т.е. наследие мерянского языка и близких к нему диалектов, следы которых обнаруживаются в том числе и на Русском Севере [Матвеев 1996; 1997; 1998; 2006]. Безусловной ценностью незаконченной книги является предпринятое А.К. Матвеевым этимологическое исследование субстратной топонимии территории Центральной России: исторических мерянских земель (ИМЗ). Представленные в этом исследовании этимологии дают ценнейший материал для реконструкции мерянского языка и родственных диалектов.

В научном архиве А.К. Матвеева сохранился подробный план четвертой части «Субстратной топонимии Русского Севера» (СТРС IV), предисловие, законченные рукописи первых разделов, большое количество черновых материалов, в том числе списки топонимов для последующих глав, и обширная картотека. Написанные автором разделы СТРС IV представляют собой цельное и очень важное с научной точки

зрения исследование, подготовительные материалы также обладают научной ценностью. Уверен, что четвертая книга СТРС должна быть опубликована, ценнейший материал – введен в научный оборот с надеждой, что не завершённый А.К. Матвеевым труд будет продолжен его последователями.

Первая и непростая задача редактора – это определение состава и принципов публикации исследования, одна часть которого получила текстовое оформление, а другая представляет собой совокупность разного рода черновых записей. Прежде чем сформулировать принятые решения, необходимо описать состояние архивных материалов А.К. Матвеева по мерянской проблеме.

Состав архива А.К. Матвеева по проблеме летописной меры

Архив СТРС IV состоит из 11 основных и 10 дополнительных папок (с пометой *доп.* на обложке), 8 ящиков топонимической картотеки и 1 ящика библиографических карточек. Необходимые отсылки будем делать с помощью номера папки в основном (ниже *осн.*) или дополнительном (*доп.*) блоке материала. Нумерация папок составлена редактором.

Папки № 1-доп. и № 2-доп. озаглавлены: *Краткий очерк мерянской топонимии* (КОМТ). В них содержится 2 экземпляра распечатанного на принтере текста первых двух глав КОМТ, около 100 листов каждый экземпляр. На обложке папки № 1 под заголовком КОМТ – карандашная приписка: *старый вариант*. В папке № 2 содержится этот же текст с более поздними редакторскими правками. Оба варианта КОМТ открываются титульным листом, на котором значится: *А.К. Матвеев. Краткий очерк мерянской топонимии, Екатеринбург, 2006 год*. Из введения узнаем, что КОМТ должен был включать в себя 4 главы: *1. Введение, 2. Детерминанты мерянских географических названий, 3. Мерянские топоосновы, 4. Мерянская проблема в свете топонимических данных*. В папках № 1 и № 2 содержатся только первые 2 главы. Главы 3 и 4 не обнаружены и, по всей видимости, не были написаны автором.

По неизвестным причинам А.К. Матвеев не стал публиковать КОМТ. В последующем подготовленные к печати первые две главы КОМТ легли в основу разделов 1.1–1.3 задуманной им четвертой части «Субстратной топонимии Русского Севера», а глава 3 КОМТ (Мерянские топоосновы) в СТРС IV получила нумерацию 1.4. Существенная часть текста КОМТ была опубликована в книге А.К. Матвеева «Онома-тология» [Матвеев 2006: 162–221]. В СТРС IV эта часть текста автором включена не была.

Таким образом, первоначально А.К. Матвеев начал писать книгу о мерянской топонимии как отдельное издание, озаглавленное им «Краткий очерк мерянской топонимии». Судя по дате, первые две главы этой книги были оформлены им в 2005–2006 гг. Однако впоследствии профессор изменил свое решение. В 2007 г. была опубликована третья часть «Субстратной топонимии Русского Севера». Вероятно, замысел автора по мерянской проблеме изменялся, укрупнялся, в результате чего мерянская тема была положена исследователем в основу последующей четвертой части СТРС. Довольно существенно изменилась и планируемая нумерация, и структура и содержание глав задуманной книги. С 2008 по 2010 г. А.К. Матвеев продолжал работу над книгой о мерянской топонимии уже в новом формате. В основном эта работа была посвящена составлению словаря мерянских топооснов, который должен был сформировать раздел 1.4. СТРС IV. Параллельно в это же время А.К. Матвеев готовил к публикации книгу «Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала» (полностью подготовив, увидеть издание он уже не успел). Работа над мансийским словарем – итоговой работой, вобравшей в себя результаты многолетнего экспедиционного сбора и проверки материала, – отодвинула исследование мерянской проблемы: на рукописной обложке СТРС IV автором зачеркнута дата предполагаемого выхода книги «2010» и поставлен год «2011».

В других дополнительных папках архива СТРС содержатся копии опубликованных научных работ А.К. Матвеева по мерянской проблематике, ксерокопии и выписки из работ других авторов, черновые материалы к написанной главе о мерянских терминах-детерминантах

(раздел 1.3. СТРС IV), черновая картотека топооснов от А до Я с перечнем топонимов для каждой из основ.

Теперь об основных папках СТРС IV, их 11.

Папка № 1-осн. содержит 106 листов первых глав СТРС IV, частично напечатанных на принтере с рукописными правками, частично написанных рукой А.К. Матвеева. Оригинал текста начинается с титульного листа, на котором значится: *А.К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера. IV*, далее стоит подзаголовок: *Топонимия мерянского типа*, и внизу: *Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011*. На последующих листах приведена краткая аннотация и *Содержание* с подробной нумерацией глав, разделов, подразделов и параграфов СТРС IV. В папке № 1 содержится полный текст *Предисловия* и разделов *1.1. Постановка вопроса*, *1.2. Русская топонимия как источник сведений о мере* и *1.3. Географические термины-детерминанты в субстратной топонимии исторических мерянских земель*. Текст разделов 1.1–1.3 представляет собой существенно переработанный текст глав 1 и 2 КОМТ. К тексту приложены рукописные карты (12 листов).

Папка № 2-осн. содержит 198 рукописных листов раздела *1.4. Субстратные основы в топонимии исторических мерянских земель*. Это словарь мерянских топонимических основ, скомпонованных по идеографическому принципу. Первые 56 листов – текст для чистового набора. Полностью написаны подразделы *1.4.1. Предварительные замечания*; *1.4.2. Физико-географические объекты*; *1.4.3. Флора*. Основы внутри подразделов даются в алфавитном порядке. Чистовая часть рукописи обрывается в подразделе *1.4.4. Фауна* на основе *нуж-, нуш-‘шука’*. Далее, после разделителя и до конца папки, идут черновые материалы – заготовки для словарных статей. Черновые материалы продолжают идеографическую классификацию материала: продолжение подраздела *1.4.4. Фауна*; подразделы *1.4.5. Человек*; *1.4.6. Жилье, хозяйство, быт*; *1.4.7. Качества и отношения*; *1.4.8. Основы широкого распространения с неясной семантикой*. Каждая основа в черновых материалах представлена на одном или нескольких листах, на которых

выписаны предполагаемые топонимы с этой основой и дан сравнительный материал, чаще всего сопоставляемое марийское слово. Основы в черновых материалах внутри подразделов также разложены в алфавитном порядке. В некоторых случаях приложены листы с рукописными картами, иллюстрирующими распространение топонимов с данными основами (9 карт).

Взятые вместе, папки № 1 и № 2 основной части архива формируют цельную, законченную этимологическую часть работы, в которой представлен анализ мерянских детерминантов и словарь мерянских топонимов. Текст этих двух папок СТРС IV был в высокой степени проработан А.К. Матвеевым и подготовлен к печати, эта часть архива и составила основу данной публикации.

Папка № 3-осн. содержит предварительные материалы для раздела, который в *Содержании* папки № 1 (т.е. в «чистой» части архива) обозначен как раздел 1.6. *Иносубстратные элементы в топонимии ИМЗ*. В этой папке приведена другая нумерация этого раздела «1.4.5.», что с очевидностью показывает: структура и нумерация глав книги А.К. Матвеевым менялась. В папке № 3 содержится некая старая нумерация, скорее всего, при подготовке последнего варианта книги к содержанию этой папки автор вернуться не успел. Материалы папки объединены по подразделам, но очень разнородны. Например, в материалах к подразделу *Прибалтийско-финский адстрат на территории ИМЗ* содержится: распечатанный на принтере текст соответствующего параграфа из «Ономатологии» [Матвеев 2006: 223–233], отрывки из предварительных вариантов этого же текста, дополнительные материалы в виде списков топонимов и рукописных карт с обозначением топонимов без пояснений, отдельные карточки с топонимами тоже без пояснений. Материалом к подразделу *Предварительные замечания* являются несколько карточек с набросками различных мыслей автора. Материалы к подразделам *К проблеме марийского адстрата* и *К вопросу о «пермских» элементах в субстратной топонимии ИМЗ* отсутствуют.

В папке № 4-осн. собраны разнородные предварительные материалы, которые были предназначены для раздела 1.5. *Проблемы лингвоэтнической интерпретации субстратной топонимии ИМЗ*. В большом количестве представлены различные варианты отрывков из «Ономатологии», а также черновики статьи «Мерянские дендротопонимы как лингвоэтнический индикатор», опубликованной в журнале *Finnisch-ugrische Mitteilungen* [см. Матвеев 2010]. Как и в папке № 3-осн., здесь содержатся отдельные заметки по теме раздела, не образующие единого текста. Из оригинальных рукописных материалов следует отметить: 3 рукописных листа, озаглавленные: *Некоторые результаты изучения предполагаемых мерянских детерминантов*; 5 рукописных листов с одной картой, озаглавленные: *Выводы к 1 части*, которые также содержат выводы относительно распространения отдельных детерминантов ИМЗ. В этой же папке (л. 7–32) обнаружены перечни и номера топонимов, которые обозначены на картах к разделу 1.3. *Географические термины-детерминанты в субстратной топонимии исторических мерянских земель* СТРС IV. Эти перечни мы публикуем вместе с картами из папки № 1.

Папка № 5-осн. озаглавлена: *Материалы к 1.6. (словообразование, аффиксы)*. Это тоже старая нумерация, не соответствующая последней структуре СТРС IV. В папке собраны списки топонимов ИМЗ, иллюстрирующие различные топоформанты, не описанные в разделе 1.3. Они называются А.К. Матвеевым *Топоформанты с неустановленной семантикой* либо *Топоформанты предположительно семантически идентифицированные или с неустановленной семантикой*, например -Vма (-Vба), -Vсма, -Vша, -Vсиа, -Vда, -Vта, -Vть, -Vс, -Vн(ь)га, -гууж, -(V)жма, -(V)шма, -(V)мса, -(V)мза, -ман, -хань и др. [V – обозначение любой гласной буквы, от лат. *vocalis*. – О.С.]. Списки топонимов в основном даны без пояснений. Из последней структуры СТРС IV подраздел с рассмотрением этих формантов был А.К. Матвеевым исключен.

Папка № 6-осн. озаглавлена: *Топонимия мерянского типа на Русском Севере. Предварительные замечания*. В действительности здесь собраны материалы не только к разделу 2.1. *Предварительные замечания*, но и к разделам 2.2. *Свидетельства русской топонимии*

и 2.3. *Общая характеристика топонимии мерянского типа на Русском Севере*. В основном это варианты отрывков из книги «Ономатология» [Матвеев 2006: 135–145 и 174–182], списки топонимов на Русском Севере с формантами *-Вкса*, *-Вкша*, *-Вхта*, *-Вгда*, соответствующие рукописные карты и рукописный текст, обозначенный как неопубликованный текст докторской диссертации А.К. Матвеева с анализом формантов *-Вкса*, *-Вкша* на Русском Севере.

Папки № 7, 8, 9-осн. содержат предварительные материалы соответственно к разделам 2.4. *Вологодский регион*, 2.5. *Важский регион*, 2.6. *Среднеустьянский субрегион*. В основном это списки топонимов, систематизированные по основам и формантам, без дополнительных пояснений. В папке № 8 содержится подробный план (на 2 листах) параграфа, озаглавленный: *Важский ареал*. В папке № 9 особую ценность представляют материалы экспедиций в Устьянский район (списки топонимов, характеристика объектов, пояснения к топонимам, списки диалектных слов) и карты с обозначением топонимов.

Папка № 10-осн. озаглавлена: *Заключение*. В действительности здесь собраны предварительные материалы к разделам 2.7. *Другие территории* и 2.8. *Мерянский и севернофинские языки*. В основном это распечатки отрывков из «Ономатологии». Есть 3 листа оригинального рукописного текста под заголовком «Меряноиды на русском Северо-Западе» о топонимии, близкой мерянской, на территории Тверской и Новгородской областей, в частности о тверских озерах на *-дро*. Особую ценность представляет рукописная таблица на 48 листах с сопоставлением топонимов (в алфавитном порядке основ) по 4 регионам: ИМЗ, Костромской край, Вологда с Кубенским озером, Поважье со среднеустьянским микроареалом.

Папка № 11-осн. озаглавлена: *Карты. Сокращения*. В действительности здесь в основном варианты карт, которые представлены в «Ономатологии». Оригинальные карты СТРС IV находятся непосредственно в папках, относящихся к тем или иным разделам книги. Собраны заготовки для библиографии в виде распечаток из различных статей А.К. Матвеева по мерянской проблематике и других частей СТРС.

Ввиду того, что черновые материалы, содержащиеся во всех папках, кроме папок № 1-осн. и № 2-осн., не формируют цельного текста и требуют дополнительной научной обработки и анализа, мы не публикуем их в этом издании. В будущем использование нами материалов «черновой части» архива СТРС IV будет сопровождаться соответствующими ссылками на этот архив.

О принципах подачи материала

В данной публикации сохраняется последовательность представления материалов, сформированная А.К. Матвеевым.

Чистовой авторский текст СТРС IV открывается листом *Содержание* в том виде, в котором оно приведено А.К. Матвеевым в самом начале материалов папки № 1 основного блока архива. По всей видимости, это самый последний авторский вариант структуры СТРС IV. В некоторых случаях отсылки автора по тексту к тем или иным главам не соответствуют нумерации авторского *Содержания*, сохраняя некоторые элементы прежней структуры, тогда мы сохраняем оригинальный текст, но делаем соответствующие примечания. Чистовая часть источника заканчивается подразделом 1.4.4 (л. 56 папки № 2-осн.).

При публикации чистовой части в максимальной степени сохраняется оригинальный авторский текст. Исключением являются способы подачи значений слов, ссылок на литературу и сносок. Эти атрибуты научного текста приведены к единообразию: значения слов даются в одиночных кавычках ‘...’, ссылки на литературу – в квадратных скобках [...], авторские сноски обозначаются звездочками (*, **) и даются в конце страницы. К единообразию приведены также все сокращения и ссылки на источники. В чистовой части текста А.К. Матвеев последовательно выделяет курсивом топонимы, лексемы, части топонимов, звуки. Этот принцип подачи материала сохранен.

Примечания редактора имеют сплошную нумерацию, отмечаются арабскими цифрами и приводятся после основного текста. Частные дополнения и поправки редактора даются в угловых скобках. Редакционная правка применялась только для устранения явных ошибок

и неясностей (например, «в *⟨поза⟩прошлом веке*» – о XIX в.). Для сохранения единства с СТРС II и СТРС III основной текст СТРС IV дополнен алфавитным перечнем топонимов с указанием страниц книги, на которой они этимологизируются или упоминаются.

Карты, на которые содержатся ссылки по тексту, из папок № 1-осн. и № 2-осн. архива СТРС IV публикуются в конце книги вместе с перечнями топонимов, обозначенных на этих картах (были обнаружены в папке № 4-осн.).

Публикация черновых материалов СТРС IV (л. 57–198 папки № 2-осн.) осуществляется иначе. Здесь выдерживаются принципы публикации архивных материалов. Это выражается в том, что вводится нумерация листов архивного материала и содержание каждого листа публикуется с указанием номера последнего (он приводится в угловых скобках перед текстом, расположенным на этом листе). Как и в чистовой части, мы старались в максимальной степени сохранить оригинальный авторский текст. Все добавления от редактора, например, опущенные в черновике обозначения языка при иноязычных лексемах, даются в угловых скобках: «⟨~ Мар.⟩ *туп* ‘спина’, ‘оборотная сторона’ [СМЯ 7: 265]». Как и в чистовой части, мы сохраняем принцип подачи: значений слов – в одиночных кавычках, топонимов и сравниваемых лексем – курсивом, а ссылок на литературу – в квадратных скобках. Эти элементы приведены к единообразию.

Как правило, лист черновых материалов начинается с обозначения топоосновы, а рядом с ней А.К. Матвеев обычно размещал соответствующую марийскую лексему. В данном издании применяется следующая схема: топооснова ставится на ту же строку, что и номер листа, в позицию заголовка (в центре, полужирным шрифтом), а марийское соответствие – строкой ниже.

⟨л. 71⟩

туб-

⟨~ Мар.⟩ *туп* ‘спина’, ‘оборотная сторона’ [СМЯ 7: 265].

Далее на листе рукописи обычно приводится перечень топонимов. При воспроизведении этого перечня сохраняется порядок следования названий, авторская нумерация топонимов, авторские условные обозначения, ссылки на источники, а также та детализация привязок топонимов, которая приведена в черновых материалах. Это относится, например, к обозначениям районов, местностей (уездов), к гидрографическим цепочкам, например: *Ўна* > *Нельша* > *Нея* (*Костр*). Знак «>» в практике топонимического описания означает «впадает», т.е. топоним *Ўна* является рекой, которая впадает в реку *Нельша*, которая, в свою очередь, является притоком реки *Нея*.

При публикации черновых архивных материалов унифицирована и выверена система знаков для обозначения привязок и ссылок на источники. Привязка к областям и районам (местностям) дается в круглых скобках, ссылки – в квадратных (в оригинале то и другое может даваться в круглых скобках, либо вообще без скобок). Сокращения названий областей и видов объектов приведены к единообразию с чистовой частью рукописи. Ряд обозначений районов (местностей) и ссылок на источники из черновых материалов не расшифровывается однозначно, например: «*Уница*, р. близ Ростова и оз. Неро (Шулец. вол.) [Титов; Горюнова]». Такие обозначения не включены в список сокращений и приводятся так, как они обозначены в черновых материалах автором, чтобы оставить читателю возможность собственного прочтения. Как видим, ссылки на источники в черновых материалах зачастую даются неполно (без указания на год издания и на страницу) и сокращенно. При отсутствии однозначного прочтения географических помет и ссылок на источники редакция сохраняет оригинальный текст черновика.

Там, где в целях прозрачности и единообразия подачи материала нумерация топонимов, условные знаки и обозначения языка добавлены редакцией, эти добавления приводятся в угловых скобках, например:

8. *Кукишинга*, н. п. на р. × > Вочь > Вохма [Кузнецов 1910: 65].

«9.» *Кукишево*, с. (Ряз) [Там же: 125].

- <10.> *Куксóво* > Ужуга > Унжа (Кологр).
 <11.> *Ку́шии*, пок. (Мантур).
 <~ Мар.> *кукишо*, горн. *кукишы* 'сухой' [СМЯ 3: 108];

Это значит, что после топонима, обозначенного А.К. Матвеевым цифрой 8, на этот лист внесены еще 3 топонима, но уже без нумерации, условный значок «~», обозначающий лексическое соответствие, и сокращенное название языка соответствия «мар.» добавлены редакцией.

Необходимо иметь в виду, что не все топонимы, перечисляемые автором в черновых материалах под той или иной основой, действительно иллюстрируют эту основу и должны были бы попасть в чистовую часть. Это черновые перечни, скомпонованные по формальному признаку и подлежащие дальнейшему структурному и этимологическому анализу, в ходе которого часть приводимых топонимов, скорее всего, была бы выбракована. Публикаторы идут на ощутимый риск, издавая черновые материалы, поскольку это может привести к справедливой научной критике относительно некоторых этимологических позиций. Однако публикация этой части книги необходима для придания цельности и относительной завершенности работы А.К. Матвеева над словарем мерянских топооснов – на тот момент, когда она остановилась навсегда. Относительно же будущих исследователей мерянской проблемы – надеемся на их объективность и справедливую оценку первичных наблюдений А.К. Матвеева, содержащихся в архиве СТРС IV.

Важно также другое. Публикация черновых материалов позволяет зримо представить исследовательскую «кухню» автора, этап обдумывания проблемы. Данная публикация представляет ценность как источник, раскрывающий методологию научной работы выдающегося русского финно-угроведа и этимолога А.К. Матвеева.

Редакция благодарит кафедру русского языка и общего языкознания УрФУ за произведенный первичный набор текста КОМТ,

который был нами отредактирован и приведен в соответствие с чистовым текстом папок № 1-осн. и № 2-осн. СТПС IV.

Мы выражаем благодарность Вячеславу Мараудину, подготовившему к печати топонимические карты.

Особые слова благодарности хочется сказать протоиерею Олегу Владимировичу Вострикову, на кандидатскую диссертацию которого А.К. Матвеев часто ссылается по тексту СТПС IV. Один из самых талантливых учеников профессора Матвеева, О.В. Востриков – единственный из них, кто в своих трудах касался мерянской проблематики. Именно на его суд был прежде всего представлен подготовленный нами текст книги.

О.В. Смирнов

Мерянская линия А.К. Матвеева

Мерянская тема была лично дорога Александру Константиновичу Матвееву. Ученый принял постановку проблемы мерянского субстрата в русском языке от своего старшего друга – петербургского профессора Александра Ивановича Попова. Позднее А.К. Матвеев писал: «Наиболее интересными в концепции А.И. Попова являются, пожалуй, мысли о вымерших неизвестных языках Севера, выраженные не всегда четко, иногда противоречащие друг другу, но совершенно по-новому освещающие проблему. Если суммировать, то главное в этом то, что в субстратной топонимии Севера есть значительный слой, оставленный центральными финно-уграми (мерей), занимавшими в языковом отношении особое место, но во многих отношениях близкими к саами. <...> Эти идеи, сформулированные А.И. Поповым, весьма плодотворны» [1999, архив А.К. Матвеева].

Обладая в высшей степени системным стратегическим мышлением, А.К. Матвеев годами готовил плацдарм к наступлению на мерянскую проблему по всем правилам военного искусства. Личная картотека по теме включала не одну тысячу выписок. Мне посчастливилось приобщиться к этой работе. Александр Константинович был необычайно щедрым научным руководителем, который не боялся отдавать заветные темы в еще не окрепшие руки (это не исключало строгости научного руководства: свою первую этимологическую статью о происхождении русского диалектного слова *сорьез* ‘хариус’ я перерабатывал не менее

десяти раз). Так вот, однажды он предоставил мерянскую картотеку, свой многолетний заветный труд, в распоряжение автора этих строк, тогда еще студента, надеясь найти в нем верного продолжателя. На этой основе взошла кандидатская диссертация «Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья» (1979), в которой, в частности, рассматривалась и проблема мерянского субстрата в русском языке.

К сожалению, дальнейшее сотрудничество не состоялось, жизнь распорядилась иначе, но А.К. Матвеев, не оставляя других многочисленных направлений своей научной деятельности, постоянно продолжал работать над мерянской темой. Подготовленное к печати издание, которое сейчас передо мной, – это видимая часть того айсберга, который вырос многолетними трудами выдающегося лингвиста.

Читая четвертую часть монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» с подзаголовком «Топонимия мерянского типа», я думаю о принципах работы А.К. Матвеева.

В отличие от многих этимологов, он предпочитает серьезные, детальные оговорки к любому предположению, заранее оговаривает все возможные контраргументы, тщательно их взвешивая и оценивая. Каждая этимологическая версия А.К. Матвеева прошла длительную авторскую правку и переработку. Это следствие его исключительной требовательности ко всему, что он делал, но дело не только в этом. Это также следствие огромной фактографической базы, которую Александр Константинович создавал в течение многих десятилетий, базы, не позволяющей плестись блестящим, но односторонним решением. Во многом его исследовательский метод определяется совершенно уникальным по длительности и интенсивности опытом полевой работы, которому трудно найти аналог в отечественной лингвистической науке. С 1955 г. он ежегодно выезжал в поле, сначала в одиночку, а затем во главе лингвистических экспедиций, основал целую «полевую школу» топонимических исследований и уникальную картотеку Топонимической экспедиции – фундамент многочисленных научных трудов кафедры русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета. Великолепный

фактограф, он создал лучшие топонимические картотеки по территориям Русского Севера и Урала, он первым среди топонимистов начал серьезнейшим образом разрабатывать и создавать формализованные топонимические картотеки. Итоговые работы А.К. Матвеева, в том числе СТРС IV (пусть эта монография и осталась незаконченной), представляют собой результат многолетних «квадратно-гнездовых раскопок», не оставляющих оппонентам серьезных шансов на оспаривание тщательно обоснованных выводов.

Гиперкорректность А.К. Матвеева по отношению к науке сказалась в принципиальном отказе ученого от построения глобальных лингвистических теорий «объяснения всего». Это не значит, что Александр Константинович Матвеев не умел «летать» (карьера ученого началась в авиационном училище, может быть, отсюда его способность к видению всей сложности и многогранности научной проблемы «с высоты», с учетом огромного количества связей и зависимостей), но для него блестящие гипотезы никогда не были самоцелью.

Работы А.К. Матвеева представляют огромный интерес с методологической точки зрения. На базе СТРС IV, чрезвычайно насыщенного полемикой издания, можно было бы создать обширное методологическое и методическое пособие. Вот несколько методов, которые в результате многих лет работы Александр Константинович Матвеев ввел в топонимические исследования: метод тотального накопления архивного и полевого материала, метод многократной перепроверки гипотезы, метод топонимического моделирования. В то же время Александр Константинович был свободен от формального следования одному или даже нескольким методам исследования (свойство выдающегося ученого). Потрясающая эрудиция и столь же потрясающая интуиция позволяли ему каждый раз начинать исследование той или иной лингвистической проблемы путем свободного движения мысли. Методы, добытые собственными «потом и кровью», профессор Матвеев с легкостью дарил своим ученикам, которые со временем создавали на этой базе целое научное направление (так появились, например, в Уральском университете научные группы по образной номинации, по идеографии). И всегда

А.К. Матвеев выбирал проблемы, которые были ему лично интересны, потому-то он и мог зажигать этим интересом своих учеников, создавая каждый раз творческий коллектив единомышленников.

Какие бы исследования мерянской темы ни предпринимались в дальнейшем (а интерес к этой теме в последние годы растет), монографию А.К. Матвеева «Топонимия мерянского типа (СТРС IV)» невозможно будет игнорировать. Фронтально собранный архивный и полевой материал, тщательный учет всего, что было когда-либо написано по данной теме, фронтальная этимологическая проверка собранного материала по всем доступным лексикографическим источникам, принятые автором публикуемого исследования, а главное, связующая факты обоснованная идея обеспечат этому исследованию приоритет в науке и авторитет в среде нынешних и будущих поколений лингвистов.

Протоиерей О.В. Востриков

МАШИНОПИСЬ ТЕКСТА

А. К. Матвеев

**СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ
РУССКОГО СЕВЕРА**

IV

Топонимия мерянского типа

Екатеринбург

2011

2

А. К. Матвеев

Субстратная
топонимия
Русского Севера

IV

~~Мерянская проблема и субстратная
топонимия Русского Севера~~
Топонимия мерянского типа

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
~~2010~~ 2011

Автограф титульного листа монографии А.К. Матвеева
(папка № 1-осн. СТРС IV, л. 2)

От составителя

Приводимый ниже план-замысел А.К. Матвеева был помещен перед основным текстом рукописи. Он отражает последний, самый поздний вариант нумерации частей и глав СТРС IV (папка № 1-осн. СТРС IV, л. 5–7).

Содержание

1. Топонимия исторических мерянских земель

1.1. Постановка вопроса

1.2. Русская топонимия как источник сведений о мере

1.2.1. Этноним *меря* и его отражение в русской топонимии

1.2.2. Названия культовых камней в исторических мерянских землях

1.3. Географические термины-детерминанты в субстратной топонимии исторических мерянских земель

1.3.1. К проблеме выявления географических терминов в субстратной топонимии

1.3.2. Детерминанты ойконимов

1.3.2.1. Детерминант *-бол* (и варианты)

1.3.2.2. Детерминант *-(V)дом*

1.3.3. Детерминанты лимнонимов

1.3.3.1. Детерминант *-(V)хр(V)*

1.3.3.2. Названия озер и рек на *-кор*, *-кур* (и варианты)

1.3.4. Детерминанты гидронимов

1.3.4.1. Предварительное замечание

1.3.4.2. Детерминант *-Vga*

1.3.4.3. Детерминант *-Vx*

1.3.4.4. Детерминанты *-Vkша*, *-Vкса* и *-Vхта*, *-Vгда* (и варианты)

1.3.4.4.1. Детерминанты *-Vкша*, *-Vкса*

1.3.4.4.2. Детерминанты *-Vхта*, *-Vгда* (и варианты)

1.3.4.4.3. Сопоставительный анализ гидронимов с детерминантами *-Vхта*, *-Vгда* (и варианты) и *-Vкша*, *-Vкса*

1.3.4.5. Детерминант *-бож*

1.3.4.6. Детерминат *-ингирь*

1.4. Субстратные основы в топонимии исторических мерянских земель

1.4.1. Предварительные замечания

1.4.2. Физико-географические объекты

1.4.3. Флора

1.4.4. Фауна

1.4.5. Человек

1.4.6. Жилье, хозяйство, быт

1.4.7. Качества и отношения

1.4.8. Основы широкого распространения с неясной семантикой

1.5. Проблемы лингвостнической интерпретации субстратной топонимии ИМЗ

1.5.1. Предварительные замечания (вопрос о границах ИМЗ и членение на микрорегионы)

1.5.2. Некоторые наблюдения в области фонетики

1.5.3. Сопоставительный анализ топооснов и топоформантов и вопросы словообразования

1.5.4. Лексика субстратной топонимии ИМЗ на финно-угорском фоне

1.5.5. Некоторые соображения о лингвистическом статусе мерянского языка и его месте в группе финских языков

1.5.6. Вопросы диалектного членения мерянского языка (ярославская, владимирско-суздальская и костромская мера)

1.6. Иносубстратные элементы в топонимии ИМЗ

1.6.1. Мерянский ареал, лингвистическое окружение мери и вопросы стратиграфии субстратной топонимии ИМЗ

1.6.2. Типы субстрата на территории ИМЗ (субстрат, субсубстрат, адстрат)

1.6.3. К проблеме «марийского» субстрата

1.6.4. Прибалтийско-финская адстратная топонимия на территории ИМЗ

1.6.5. О языке нижнеклязьминцев

1.6.6. К вопросу о «пермских» элементах в субстратной топонимии ИМЗ

1.6.7. О потенциальных предшественниках мери (к проблеме домерянского субстрата)

2. Субстратная топонимия мерянского типа на Русском Севере

2.1. Предварительные замечания

2.2. Свидетельства русской топонимии

2.3. Общая характеристика топонимии мерянского типа на Русском Севере

2.3.1. Топоформанты мерянского типа

2.3.2. Топоосновы мерянского типа

2.4. Вологодский регион

2.5. Важский регион

2.6. Среднеустьянский субрегион

2.7. Другие территории

2.8. Мерянский язык и севернофинские языки

3. Заключение. Мерянская проблема и субстратная топонимия Русского Севера

Библиография

Сокращения

Карты

Указатель топонимов

Предисловие

Территория Русского Севера (РС) – современных Архангельской и Вологодской областей – в древности заселялась из регионов Фенноскандии, Межозерья, Северного Урала, Прикамья, а также из Волго-Окского междуречья (ВОМ) и Костромского края (КК), причем миграции происходили неоднократно и в них участвовали многие племена, прежде всего, насколько известно, финские. Побережья главных рек РС – Северной Двины, Онеги, Мезени – осваивались в первую очередь, а едва ли не важнейшими были миграции из бассейна верхней Волги. Определенную роль в этих передвижениях играли и меряне – древние насельники значительной части Волго-Окского междуречья – а также родственные с ними другие волжско-финские племена. Эти миграционные процессы должны были, естественно, отразиться и в субстратной топонимии РС.

Благодаря исследованиям археологов, длительные этнокультурные связи ВОМ-КК и РС прослеживаются достаточно хорошо [Брюсов 1952; Фосс 1952; Андреева 1987; Рябинин 1997 и др.]. Намного меньше известно об этноязыковых связях мерян с древним населением РС.

Нельзя сказать, что этот вопрос совсем не привлекал внимание ученых. Уже первые исследователи мерянской проблемы считали, что меряне жили не только на территории исторических мерянских земель

(ИМЗ), но и значительно севернее. Археолог А.С. Уваров проводил границу Мерянской земли от верховьев Шексны и южной части Кубенского озера, далее по реке Сухоне, а затем к костромским рекам Меже и Унже [Уваров 1871: 646]. Т.С. Семенов считал, что мерянские названия распространены вплоть до Сухоны в Вологодском, Кадниковском, Никольском и Тотемском уездах Вологодской губернии [Семенов 1891: 251]. С.К. Кузнецов еще больше расширяет мерянский ареал к северу и востоку, проводя северную границу мерянских названий по Сухоне, затем по Северной Двине до устья Тоймы, а оттуда к Сольвычегодску и реке Сыsole вплоть до Вятской губернии [Кузнецов 1910: 93]. Эти соображения не были лишены некоторых оснований, но они не подтверждались сколько-нибудь убедительными фактами, так как этимологии топонимов в подавляющем большинстве случаев были ошибочны.

Других ученых больше интересовали интеррегиональные связи географических названий. Еще Д. Европеус в «поза»прошлом веке указывал на многочисленные черты сходства топонимии ВОМ и РС [Европеус 1868; 1874]. Позднее сопоставлениями такого рода занимались Б.А. Серебренников [Серебренников 1955] и Е.М. Поспелов [Поспелов 1967; 1970]. Сравнивая гидронимию ВОМ и РС, эти исследователи, однако, не касались мерянской темы. Их труды имели иную направленность, тем не менее способствуя выявлению общего фонда в названиях рек ВОМ и РС. Единственным ученым, который специально, правда, очень кратко, рассматривал мерянскую проблему на фоне топонимии более северных территорий, был финский лексиколог Я. Калима [Kalima 1941; 1942].

Установив ряд соответствий между топонимами Карелии, РС и КК (*Шелтозеро*, *Шокиша* и др.) и убедившись в том, что такие названия нельзя считать прибалтийско-финскими, Калима выдвинул «мерянскую» теорию, считая, что древними насельниками КК были меряне. Согласно теории Калимы, русские, освоившие сперва территорию мери, перенесли затем часть мерянских наименований в Карелию и на РС, причем в этом процессе могли принимать участие и меряне, переселявшиеся вместе с русскими [Kalima 1946: 127].

В концепции Калимы многое вызывает возражения, особенно тезис о массовом переносе мерянских названий русскими или самими мерянами, хотя транспортиция отдельных топонимов и даже фрагментов топонимической системы могла иметь место. Есть сомнение и в целесообразности употребления термина «мерянский» по отношению к названиям такого рода, поскольку еще надо доказать, что наименования типа *Шелтозеро*, *Шокиа* именно мерянские. Специалисты единодушно отвергли «мерянскую» теорию Калимы (см., например, [Nissilä 1967: 98–99]), но в ней, как представляется сейчас*, был элемент научной истины (см. 2)¹.

Выборочные сопоставления топонимов ВОМ, КК и РС можно найти также в кандидатской диссертации О.В. Вострикова, посвященной финно-угорским заимствованиям в русских говорах КК [Востриков 1979]. Несколько севернорусских параллелей мерянским географическим названиям приводит в своей монографии О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1985: 5].

Сопоставление топонимических материалов показало, что между географическими названиями ВОМ-КК и РС имеются многочисленные соответствия. Это дало основание использовать верхневолжскую топонимию при интерпретации географических названий РС, а топонимию РС при анализе верхневолжских. Тем самым два мощных массива родственных топонимов на смежных территориях создали в своей совокупности уникальную базу для сопоставительного и лингвогеографического анализа, а в конечном счете и для этимологической интерпретации субстратных названий, намного увеличивая ее возможности.

Четвертая часть монографического исследования субстратной топонимии РС (СТРС IV) посвящена тем географическим названиям

---

* Ср. справедливую оценку И.И. Муллонен: «В целом заслуживающая внимания теория вызывает возражение исследователей в той ее части, где автор говорит о путях и времени проникновения мерянских названий в северные области. Он предполагает, что они были перенесены русскими... Логичнее было бы предположить, что общность топонимии Верхнего Поволжья с топонимией северных областей имеет более древние истоки и восходит ко времени распространения на север племен из Волго-Окского междуречья» [Муллонен 1988: 85].

этого региона, которые надежно не интерпретируются из прибалтийско-финских, саамского и пермских языков либо объясняются из них только частично, но имеют параллели в субстратной топонимии ВОМ и КК, т.е. в топонимии исторических мерянских земель, или имеют дифференцирующие соответствия в волжско-финских языках. Это обуславливает необходимость первоначально обратиться к субстратной топонимии ИМЗ и определяет структуру четвертой части монографии. Первый раздел (1) посвящен субстратной топонимии ИМЗ, т.е. географическим названиям «центральной» мери и лингвистически близких к ней других финнов, обитавших в ВОМ, а также мерянским топонимам КК, по-видимому, территории более поздней мерянской миграции. Во втором разделе (2) потенциальные мерянизмы субстратной топонимии РС сопоставляются с субстратными топонимами ИМЗ. Поскольку эти топонимы РС могут восходить к разным источникам и далеко не все из них могут считаться собственно мерянскими, их совокупность в целом имеет топонимией мерянского типа. Таким образом, название «Топонимия мерянского типа» указывает только на то, что на территории РС выявлены географические наименования, близкие мерянским топонимам ИМЗ или даже тождественные им. Вопрос о том, можем ли мы считать их собственно мерянскими или принадлежащими каким-либо родичам мерян, решается в зависимости от анализа всего комплекса имеющихся фактов, засвидетельствованных на той или иной микротерритории.

В заключении (3) обобщаются основные результаты исследования. В приложениях приводятся библиография, сокращения, карты, список топонимов.

1. Топонимия исторических мерянских земель

1.1. Постановка вопроса

Территория России складывалась в течение многих столетий. В ходе своего продвижения на новые земли древние русичи встречались с разными народами. В одних случаях этнические контакты не приводили к обрусению и местное население сохраняло свой язык и этническое самосознание; в других – оно полностью растворялось среди русских. Это прежде всего относится к древним финским народам центральной части России и Русского Севера. Здесь у многих русских финские корни.

Из вымерших финских народов центральной России наиболее значительным и известным была меря. Споры об ее этнической принадлежности продолжают до сих пор, насчитывая уже полтора столетия. Мало кто сомневается в финских истоках мерянского этноса. Но была ли меря волжско-финским народом, находилась ли в близком родстве с прибалтийскими финнами или являлась каким-то особым промежуточным финским этносом – об этом идет дискуссия.

Благодаря археологическим раскопкам достаточно хорошо известен образ жизни и хозяйствования мери, а также этапы развития

мерянского этноса и его обрусения*. Большинство археологов считает мерю сильно расчлененным в этническом и диалектном отношениях волжско-финским или прибалтийско-финско-волжско-финским народом. От лингвистов, изучающих сохраненные русским языком реликты мерянской речи, зависит окончательное решение вопроса.

Мерянская проблема сводится к двум основным задачам – определению места мери и ее языка среди финских народов и языков и установлению территории ее расселения.

Решение первой задачи зависит прежде всего от количества и качества лингвистических источников, а также адекватности принципов и методов исследования. Начиная с XIX в., в качестве основного источника информации о мерянском языке использовалась субстратная топонимия, распространенная на территории исторических мерянских земель. Однако даже самые осведомленные и методически подготовленные исследователи имели в своем распоряжении относительно небольшой и не всегда качественный материал. Отсюда и противоречивые суждения.

Если не учитывать явно ошибочную «угорскую» теорию Д. Европеуса [Европеус 1868; 1874], то, как правило, меря считается финским племенем, но спектр взглядов велик: от сближения мери с марийцами в трудах Т.С. Семенова [Семенов 1891], С.К. Кузнецова [Кузнецов 1910], М. Фасмера [Vasmer 1935], до объявления ее прибалтийско-финским племенем, населявшим земли рядом с летописной весью

---

* См.: Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. 94. М., 1961; Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // Советская археология. 1980. № 2; Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. М., 1986; Финно-угры и балты в эпоху средневековья / ред. В.В. Седов. М., 1987; Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996; Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997; Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Археология Костромского края. Кострома, 1997; Седых В.Н. Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб., 2001.

(вепсами), в небольшой статье А.Л. Погодина, богатой идеями, но не фактами [Pogodin 1933].

Источники другого рода – русские диалектные и арготические слова предположительно мерянского происхождения – анализирует в своей монографии О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1985]. Дополнив их некоторыми топонимическими материалами, он восстанавливает на этой основе систему мерянских фонем, фрагменты морфологии и даже воссоздает краткий мерянский текст. О.Б. Ткаченко вслед за П. Равилой [Ravila 1937; 1938] отвергает предположение М. Фасмера и его предшественников о тождестве или близком языковом родстве мери и марийцев. Принимая тезис о промежуточном положении мерянского языка между волжско-финскими и прибалтийско-финскими языками, уже достаточно утвердившийся в науке [Попов 1974; Востриков 1979; Добродомов 1980], он, однако, приходит к выводу об особенной близости мерянского к прибалтийско-финским и мордовским языкам [Ткаченко 1985: 185, 189].

Таким образом, в проблеме лингвоэтнической идентификации мерянского языка альтернативу создают прежде всего труды и позиции М. Фасмера и его предшественников, сблизивших языки мери и марийцев, и О.Б. Ткаченко, считающего мерян в языковом отношении близкими родственниками прибалтийских финнов и мордвы. Однако попытку О.Б. Ткаченко привлечь в качестве источника изучения мерянского языка лексические заимствования трудно признать доказательной из-за разнородности фактов и некритического отношения к ним. Перспективнее все же анализ географических названий: они несравненно многочисленнее*, системнее, точно привязаны географически и легче распознаются как мерянские. Методика изучения субстратных топонимов тоже достаточно хорошо разработана. Поэтому можно надеяться, что по завершении сбора топонимического материала проблема лингвоэтнической

---

* Ср. мнение С.Л. Николаева о фактическом отсутствии в говорах Волго-Клязьминского междуречья финно-угорских лексических заимствований [Николаев 1994: 47]. В действительности они все-таки есть, хотя и в небольшом количестве (ср., например, *вёкса* ‘озерный сток’).

идентификации мерянского языка будет решена. При этом и достоверно установленные мерянизмы русских говоров и арго, а также трудно интерпретируемых антропонимов найдут* свое место в процессе его реконструкции.

Но этот путь реализуется только в том случае, если будет надежно верифицирован весь топонимический и лексический материал, имеющий отношение к данной проблеме, а также учтена русская адаптация; если будет решительно отброшен автохтонистский тезис о том, что на территории исторических мерянских земель все звучащее не по-русски должно считаться мерянским по происхождению, и будут, соответственно, разработаны приемы отделения мерянского от немерянского; если, наконец, будут учитываться диалектная дробность мерянского языка и глубокая архаичность мерянских форм, которые приходится сопоставлять с фактами современных финских языков, т.е. если будет соблюдаться принцип историзма.

Вторая задача – установление границ расселения мери – решается по историческим и археологическим сведениям, данным русской этнотопонимии и результатам анализа собственно мерянских топонимических реликтов. Именно в этом отношении наиболее многообещающи контакты исторической и лингвистической наук, которые объединяются на единой базе – картографировании – и тем самым корректируют и направляют совместные поиски. Сейчас такая возможность открывается и в районах, расположенных далеко к северу от очерченных ранее границ расселения летописной мери, поскольку археологические находки мерянского типа обнаружены близ Белого озера и на Ваге [Финно-угры и балты: 65, 70].

Летописная мера населяла Волго-Окское междуречье и Костромской край, иногда в совокупности называемые историческими мерянскими землями, к которым относят современные Владимирскую, Ивановскую, Ярославскую области, восточные районы Московской

---

* Антропонимия легко заимствуется и географически подвижна. Это затрудняет ее этимологизацию.

и Тверской, а также западную часть Костромской*. При установлении ареала расселения мери исследователи основываются на исторических сведениях, извлеченных из русских летописей, археологических материалах, а также на распространении этнотопонимов, содержащих этноним *меря* (см. 1.2.1). Исторические, археологические и этнотопонимические сведения о расселении летописной мери в целом согласуются и дополняют друг друга. Заметим только, что костромская меря считается вторичной по отношению к «центральной» (ростово-суздальско-ярославской) [Рябинин 1986: 118].

Этот раздел монографии (1) посвящен тем субстратным географическим названиям на территории ИМЗ, которые с достаточным основанием могут считаться мерянскими. Его конечная цель – выявить и проанализировать основной корпус мерянской топонимии, т.е. наиболее показательные и частотные наименования, подготовив тем самым почву для сопоставления субстратных названий ИМЗ (ВОМ-КК) с субстратной топонимией РС. Но в процессе изучения топонимии ИМЗ приходилось рассматривать и некоторые географические наименования, принадлежность которых к мерянским спорна или вообще должна быть отвергнута. Как правило, однако, эти названия восходят к языкам, территориально смежным с мерянским и находящимся с ним в той или иной степени родства.

Предпринятая разработка мерянской темы ни в какой мере не претендует на сколько-нибудь окончательные выводы: речь идет о сложной проблеме, в решении которой неуместны торопливость и амбициозность. К тому же, автор давно убедился в том, сколь ограниченные возможности, несмотря на все свое значение, открывают для исследователя вымершего языка субстратные топонимы и заимствованные

---

* Границы ИМЗ, КК, ВОМ, устанавливаемые по современному административно-территориальному делению, естественно, условны. Они вводятся и используются только для элементарной географической привязки, наиболее простой и удобной. Реальные границы лингвоэтнических общностей и конкретных ареалов часто с ними не совпадают. Так, мерянские топонимические типы прослеживаются на юге Вологодской области, явно продолжая ареалы ИМЗ. Это прежде всего относится к территориям, примыкающим с севера к Пошехонью.

диалектизмы, а других источников, как известно, мерянский язык не оставил. Поэтому речь может идти только о реконструкции некоторых фрагментов мерянского языка, прежде всего фонетических, словообразовательных и лексических. Именно по этой причине автор старался включить в книгу лишь наиболее показательные факты, оставляя проницательности будущих интерпретаторов многочисленные, но пока неясные явления. Естественно, что автора никогда не оставляло стремление в какой-то степени способствовать решению проблемы лингвоэтнической принадлежности мери, тем не менее главную цель своей работы он все-таки видел в выявлении доказательных связей субстратной топонимии РС и географических названий ИМЗ.

О мерянах, их хозяйстве, образе жизни, культуре известно не так мало, но, высоко оценивая многолетние труды историков и археологов и учитывая их общие выводы, автор, однако, остается неизменно приверженным принципу чисто лингвистической интерпретации материала. Поэтому в книге рассматривается только лингвистический аспект мерянской проблемы. Напротив, в своих выводах автор неизбежно выходит на историческую и этногенетическую проблематику. Это неудивительно, поскольку язык, особенно в древности – важный атрибут этноса. Автор понимает односторонность такого подхода, но полагает, что в настоящее время целесообразен именно этот путь к истине. Комплексные исследования, необходимые для решения столь сложных проблем – дело исследователей будущего. Сейчас же важнее последовательно и доказательно представить факты одного порядка.

Автор не видит необходимости возвращаться к вопросу об этапах в изучении мерянского языка: соответствующие сводки можно найти в трудах М. Фасмера, О.В. Вострикова, А.И. Попова, О.Б. Ткаченко и других исследователей. Однако, справедливости ради, нельзя не упомянуть о значении этимологических разысканий ныне почти забытых первых исследователей мерянской топонимии, особенно Т.С. Семенова и С.К. Кузнецова. Многое в работах М. Фасмера восходит к их трудам*.

---

* О работах Фасмера см. (СТРС I, 23–26).

Подчеркнем также значение наблюдений А.И. Попова для решения мерянской проблемы. Некоторые его замечания, например, об общих чертах мерянского и саамского языков [Попов 1974: 26], заслуживают пристального внимания. Методическая сторона также многократно освещалась в научной литературе как автором (см. СТРС I, 58–100), так и другими исследователями. Поэтому и она не требует здесь особого рассмотрения.

Источники работы разнообразны. Для территории Костромской области и некоторых районов Ярославской (Некрасовского и Пошехонского) это прежде всего материалы Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (ТЭ). Другой важнейший источник для всей исследуемой территории – топографические и общегеографические карты различных масштабов и времени издания. Кроме того, учитывались данные исторических документов разных лет, различные описания и путеводители, а также другие подобные материалы.

Подача материала в тексте и на картах упрощена: без особой необходимости не даются ссылки на источник, из весьма нередкого многообразия вариантов обычно выбирается наиболее распространенный, который считается основным, «он» приводится в заглавии рубрики и первым в перечне вариантов, а также при отсутствии необходимости перечислять варианты. Сказанное, однако, не относится к тем случаям, когда засвидетельствована более ранняя историческая форма, которой при надежной верификации отдается предпочтение перед наиболее частотной. Предпочитаются также менее адаптированные формы. Реконструированные названия приводятся под знаком * (*Шелешпальский* > *Шелешпал). Географические термины приводятся в соответствии с источником. Когда вид поселения не установлен, ставится помета *n. n.* (населенный пункт).

Картографируются, как правило, только достаточно точно локализованные топонимы, однако анализируются и интересные в каком-либо отношении нелокализованные названия. В пределах соответствующего ареала в некоторых случаях картографируются наименования,

которые могут быть образованы от антропонимов, возникших на русской почве из освоенных ранее субстратных топонимов.

Автор обращается к русской топонимии, только когда она имеет значение для интерпретации мерянской или указывает на расселение мери. Не рассматривается в книге корпус лексических заимствований, за исключением тех предположительных мерянизмов русской диалектной лексики, которые невозможно отделить от топонимов. Это особенно относится к сфере географической терминологии. Факты такого рода извлекались из картотеки ТЭ, а также различных диалектных словарей.

1.2. Русская топонимия как источник сведений о мере

1.2.1. Этноним меря и его отражение в русской топонимии

Если попытаться обобщить крайне немногочисленные и давно известные исторические сведения о мере, разделив их на достаточно достоверные и весьма проблематичные, то получим следующие не очень утешительные результаты. Первое упоминание о мере (*Merens*) относится к VI в. н.э. [Иордан 1960: 89, 150], последнее в русской летописи – 907 г. Эти сведения надежны, но воспроизводят мерянский хронотоп в усеченном виде: меряне заселили ВОМ до VI в. н.э. и полностью обрусели, конечно, не в начале X в. * Важность этих сведений прежде всего в том, что они указывают на местонахождение меры в VI в. по соседству с мордвой (у Иордана рядом – *Merens*, *Mordens*) и на ее достаточно важную роль в бурных событиях VI в. (иначе не стоило бы и упоминать). А с другой стороны – в том, что, начиная с X в., меря уже не интересует русскую летопись.

Далее начинаются весьма проблематичные интерпретации. Если меря и мордва у Иордана и в ранних русских летописных сводах четко

---

* Прямое указание на это находим в хорошо известном месте жития ростовского епископа Леонтия (XI в.), который «мерьский язык добре умеяше» [Житие св. Леонтия: 11]. Отсюда следует, что в XI в. мерянский язык еще функционировал.

фиксируются и противопоставляются, то в вопросе о соотношении меры и черемиси (марийцев) много неясного: тождество иордановских *Imniscaris* (*Sremniscans*) с черемисью нельзя считать доказанным², в первом перечне народов «Афетовой части» в древнейшем списке «Повести временных лет» есть мера, но нет черемиси [ПСРЛ I: 4], нет ее и среди данников варягов, возглавляемых Рюриком. Мера же фигурирует во всех этих текстах. Конечно, могло быть и так, что Иордан писал все-таки о черемиси, что на первых страницах летописи она не упоминается случайно и что Рюрик просто не сумел обложить ее данью: ведь в дальнейшем летопись различает мерю и черемись. Но возможно и другое: эти факты чем-то обусловлены. Вряд ли мера и черемись были одним народом*, который выступал под разными именами: из летописи это все-таки не следует. Но ощущение территориальной и этнической близости народов могло каким-либо образом отразиться и в исторических памятниках. В свете сказанного не было бы неожиданностью и последующее распространение этнонима *черемись* на мерю. Примечателен в этом отношении следующий фрагмент из работы А.И. Попова о названиях народов СССР: «Некоторый интерес представляют сведения о марийцах в русских источниках XVI в. Автор Казанского летописца, пробывший долгое время в татарском плену, писал: «“Черемиса, зовемая Отяки (т.е. удмурты, вотяки. – А.П.), тое ж глаголють Ростовскую чернь, забежавши тамо от крещения Русково...”» [Попов 1973: 105]. Ростов на оз. Неро – один из древних меряньских центров. Поэтому вполне возможно, что под Ростовской чернью в источнике разумелось еще не до конца обрусевшее меряньское простонародье, причисленное к черемисам. Подчеркнем для полной ясности, что речь никоим образом не идет о трансформации мерян в марийцев, а лишь о переносе внешнего этнонима марийцев на еще уцелевших к этому времени мерян, причем этот перенос мог распространяться только на какую-то часть их. Перенос этнонимов с одного народа на другой в древности был обычен,

---

* Ср.: «Черемисы были вкраплены оазисами среди меряньских поселений... составляя таким образом одну из ветвей меряньского племени» [Кузнецов 1910: 73].

а русская средневековая история знает такие впечатляющие примеры, как распространение внешнего этнонима *остяк* чуть ли не на все народы Западной Сибири. Удивительно быстрое исчезновение мери со страниц русских исторических памятников может иметь и в этом свое объяснение.

Менее проблематично использование по отношению к мере широко распространенного внешнего этнонима *чудь*. Так, часто упоминаемый в работах о мере *Чудской Конец* (часть города Ростова) обычно связывается с мерянами [Vasmer 1935: 557; Леонтьев, Рябинин 1980: 79]. Этнонимы этого типа многократно зафиксированы на территории ИМЗ, ср. в ВОМ – *Чудинка*, н. п. (Моск), *Чудинки*, местн. (Яр) [Смирнов 1929: 90], *Чудская*, н. п. (Влад), *Чудской Закоулок*, пуст. (Яр) [Смирнов 1929: 90], *Чудь*, н. п. (Иван, дважды), *Чудь*, н. п. (Нижег) и др.; в КК – *Чудская волость* [АСВР III, № 240], *Чудь*, н. п. (трижды), *Чудцы*, н. п. (дважды) и др. Поэтому кажется естественным связывать названия такого рода с летописной мерей. Однако все эти факты совершенно бесполезны для решения вопроса о лингвоэтнической идентификации мери и местах ее былого обитания, поскольку на мерянской территории оставили следы и другие финны, а этноним *чудь* прилагался ко многим финским народам и его этническое значение на территории ИМЗ неизвестно.

Теперь обратимся к вопросу о происхождении этнонима *меря*. Прежде всего отметим, что нет никаких данных о других наименованиях мери на территории ИМЗ, кроме *чудь*. Поэтому невозможно установить, *меря* – самоназвание или внешний этноним, хотя из противопоставления *мари* (самоназвание) – *черемисы* (внешний этноним) как будто бы следует, что скорее всего *меря* – самоназвание, и это подтверждается очень большой звуковой близостью этнонимов *мари* и *меря*.

Вопрос о связи двух этих этнических наименований не нов. Он вызвал довольно живую полемику, так как звуковая близость названий и территориальная смежность самих народов логично вели к заключению о их родстве. Уже М.А. Кастрен в середине XIX в. указывал на возможную связь этнонимов *меря* и *мари* [Castrén 1857: 133]. Этот

взгляд поддерживали многие. Так, С.К. Кузнецов писал, что *меря* – предки черемисов. Под натиском славян *меря* медленно отступала на восток и северо-восток, при этом изменив свое имя *меря* на *мари* [Кузнецов 1910: 49]. К этой же точке зрения присоединяется затем и М. Фасмер, указывая на горномарийскую форму *Märä* [Vasmer 1935: 515; 1941: 28]. Но так как фактически функционирует мар. горн. *мары* ‘мари; муж, мужчина’, это вызвало справедливые возражения: мар. *a* в слове *мари(ü)* по диалектам не изменяется, поэтому *меря* не может возникнуть из *мари(ü)*.

Тем не менее сопоставление *merja* ~ *mari* находим у Б. Коллиндера, который соотносил эти этнонимы с индоевропейскими источниками, ср. др.-инд. *marya* – ‘мужчина’, ‘юноша’, сред.-перс. *mērak* – ‘молодой человек’ [Collinder 1977: 143]. Индоевропейская этимология, видимо, имеет право на существование. Ее поддерживает и П. Хайду, сопоставляющий финно-угорские этнонимы с др.-инд. *māryah* ‘молодой человек, юноша’, авест. *marya-* ‘юноша’, др.-перс. *marīka* ‘подданный’, ‘дружинник’ и считающий, что в марийский язык слово проникло из иранских источников, а *меря* была близким к марийцам этническим подразделением [Хайду 1985: 66–67].

Поскольку изменение *a* ~ *ä* ~ *e* могло произойти на иранской почве (ср. сред.-перс. *mērak*), совсем не обязательно выводить *меря* из *мари(ü)* или *мари(ü)* из *меря*. У двух родственных смежных народов самоназвания могли восходить к разным близким источникам или измениться еще в глубокой раннефинской древности. Разумен взгляд А.И. Попова: отрицая тождество марийцев и мерян, он тем не менее указывает, что этнонимы *меря* и *мари(ü)* имеют общее индоевропейское происхождение [Попов 1973: 106]. Заслуживает внимания и мнение Р.А. Агеевой: *мари (марий)* восходит к иранским источникам, а *меря* – «этнически близкий современным марийцам» народ, который «носил имя того же происхождения» [Агеева 1990: 64]. Действительно, связь этих наименований вряд ли целесообразно отвергать. Несмотря на определенные звуковые различия, этнонимы *меря* и *мари(ü)* следует относить к числу родственных названий финно-угорских народов. Этимология

Ф.И. Гордеева (этноним *меря* из балтоязычного гидронима *Меря*) крайне сомнительна [Гордеев 1985: 94–95].

Эта версия находит подтверждение и в сопоставлении компонента *-мерь* в названии реки *Локсомерь* (близ Ростова) с этнонимом *меря* ~ *мари* [Vasmer 1935: 557]. Гидроним *Локсомерь* бесспорно финно-угорский (ср. мар. горн. *лаксы*, *лаксак* ‘яма’, ‘углубление’), что хорошо подтверждается и наименованием реки *Локсица* в бассейне Нерли Клязьминской. Сопоставление *-мерь* и *меря* подкрепляется и современным марийским материалом, ср. русские формы названий марийских населенных пунктов *Кукмарь*, *Лумарь*, *Мунамарь*, *Пижмарь* и соответственные марийские *Кукмарий*, *Лумарий*, *Мунамарий*, *Пижмарий*, т.е. «Горные мари», «Лумские мари», «Мунанские мари», «Пижанские мари» [Куклин 1985: 183, 162, 147]. Ср. еще *Ирмарь* – *Йырмарий*, *Ляжмарь* – *Лажмарий*, *Пумарь* – *Пумарий* [Воронцова, Галкин 2002: 103, 175, 276–277]. В свете этих данных утверждение, что «этнонимы, как правило, выступают в качестве определения названий, а не как детерминант» и что в названиях на *-мерь* поэтому «совершенно невозможно» видеть этноним *меря* «уже с точки зрения принципов номинации и семантики» [Алквист 2001: 451], можно объяснить только незнанием фактов. Фасмер был несколько озадачен тем, что *Локсомерь* – название реки, однако в исторических документах это местность, село в Ростовском крае, ср. в грамоте 1473 г.: «да в Ростове Покровское, да Савинское да Локъсомерь з деревнями» [ДДГ, № 70]. Таким образом, первоначально *Локсомерь* – «Локсинская меря», «Меря на Локсе» (ср. р. *Локсица* < *Локса). Эта конструкция совершенно аналогична марийской³.

Важно также подчеркнуть, что для других финских народов названия населенных пунктов такого рода нехарактерны. Не исключено, правда, что некогда они были у вепсов (ср. *Арбужевесь*, *Луковесь*, *Череповесь* и т.п.) или русские в древности именовали так отдельные группировки вепсов, но это очень спорно ввиду дискуссионности этимологических толкований топоформанта *-весь* и его редкости. Однако у марийцев рассматриваемый ойконимический тип очень распространен. По-видимому, был он и у мерян.

Сказанное, разумеется, не дает оснований для вывода о том, что меря – древние марийцы. Это были близкие, но разные этнические группы. Впоследствии, когда меря сходила с исторической сцены и, как бывает в таких случаях, утрачивала этническое самосознание и этнический престиж, т.е. не воспринималась другими народами как особый этнос, самоназвание *меря* было, очевидно, забыто. Но меряне еще долго могли говорить на своем языке, хотя именовались, по-видимому, уже иначе. Возможно, на них переносились этнонимы соседних народов.

Летопись называет только два места обитания мери – районы озера Неро (Ростовского) и озера Клешино (Переславльского). Это территория «центральной» (ярославской) мери. Так как в отличие от чуди меря свои следы оставила на определенной ограниченной территории, причем нет данных, что в древнерусский период этноним *меря* переносился на какой-либо другой народ, неоценимую помощь при решении вопроса о расселении мери оказывают этнотопонимы, производные от слова *меря*: названия населенных пунктов и других объектов, вторичные по отношению к этнониму. Этот общеизвестный методический прием для установления мерянского ареала используется уже давно – со времен первых исследователей мерянской проблемы А.С. Уварова и Д.А. Корсакова. Этнотопонимы, образованные от слова *меря*, учитываются археологами, историками и лингвистами при определении границ расселения этого летописного племени. Особенно часто *Мерские станы* можно видеть на археологических картах. Таким образом, данная методика для установления мерянского лингвоэтнического ареала применяется уже давно, но сколько-нибудь полная карта этнотопонимов, производных от *меря*, насколько известно, не была составлена. На карте 1 воспроизведены выявленные названия этого типа. Фактически этнотопонимов такого рода много больше, но далеко не все из них подходят для картографирования.

Во-первых, не учитывались многочисленные названия типа *Мериново*, хотя при *Чудь > Чудин > Чудинов > Чудиново*, казалось бы, можно ожидать и *Меря > Мерин > Меринов > Мериново*. Однако совпадение с русским *мерин*, широко распространенным в топонимии,

исключает возможность использования таких названий в лингвотнической диагностике, ср. показательный пример – болото *Мериново* в Нейском районе Костромской области с параллельными наименованиями *Мериньё* и *Кобыльё* [ТЭ].

Во-вторых, из-за трудностей в локализации очень сложно использовать этноантропонимы (*Мерец* > *Мерецков*, *Мерич* > *Меричев*, *Мерько* > *Мерьков* и т.п.) и производные от них этноантропотопонимы, так как они могут принадлежать мигрантам. Все эти названия – источник ценной информации, но их картографирование может исказить действительный ареал. Поэтому они тоже не учитывались.

Таким образом, картографировались только этнотопонимы, омонимичные с этнонимом (*Меря*, уменьшительное *Мерка*) и относительные прилагательные в субстантивированной форме (*Мерская*) или в сочетаниях с географическим термином (*Мерский стан*, *Мерское болото*). Примерно так же безотносительно к вопросам картографирования рассматривает эти названия и А.И. Попов [Попов 1974: 15].

В соответствии с установленными критериями на территории ИМЗ было выявлено 17 этнотопонимов (ВОМ – 11, КК – 6)*, образованных непосредственно от этнонима *меря*, т.е. достаточно надежных с точки зрения лингвотнической идентификации, и обладающих точной или относительно точной географической привязкой. Кроме того, на карте отмечены места обитания мери по летописи (у озер Неро и Клещино). Картографирование показало, что по данным этнотопонимии в период контактов с русским населением меря занимала южную часть современной Ярославской области, запад Владимирской, северо-восточную половину Московской, крайний юго-восток Тверской, небольшую заволжскую часть Ивановской и запад Костромской, вплоть до бассейна Унжи.

Разумеется, действительная картина была несколько иной. Этнотопонимы сохраняются обычно в зонах маргинального или внутри-

---

* На карте 1 – 16 этнотопонимов. Топоним *Мерско*, вол. (Твер) находится за пределами бланковой карты.

регионального контакта между пришельцами и аборигенами в местах более или менее длительного процесса ассимиляции. Но этнотопонимы могут и не возникнуть, несмотря на этноязыковой контакт. Фактически мерянский ареал был несколько больше. Так, он несомненно охватывал северную часть Ярославской области в бассейне Шексны (Пошехонье). Вместе с тем примечательно, что территория современной Ивановской области, за исключением небольшого участка на левобережье Волги с названием *Мерский стан*^{*}, а также восток Владимирской области не входят в зону этнотопонимии, производной от *меря*. Между тем на правобережье Волги⁴ обнаруживается своя языковая и археологическая специфика, причем эти факты пока не получили объяснения у лингвистов, но уже интерпретированы археологами как переходные между костромскими и владимирскими археологическими памятниками [Рябинин 1986: 103]⁵.

Нельзя исключить также, что некоторые названия с основой *нер-* типа р. *Нерская*, оз. *Нерское* восходят к **Мерская*, **Мерское*. Такое изменение фонетически вполне возможно. Но это предположение трудно доказуемо, если нет свидетельств в памятниках. Все же небезынтересно, что названия типа *Нерская*, *Нерское* особенно характерны именно для ИМЗ. В одном случае, исторические документы фиксируют более раннюю форму *Мер(ь)ская* (приток р. Москва), в настоящее время *Нерская*. Иногда, напротив, есть свидетельства об исходной основе *нер-*, ср.: *Нерский стан* на р. *Большая Нерль*; *Нерская*, на р. *Нерль*; *Новоселки Нерские* (*Нерлские*, *Нерльские*). Соответственно к каждому такому названию по возможности необходим индивидуальный подход.

Ареал этнотопонимов, образованных от *меря*, должен учитываться не только при установлении мест былого пребывания мери, но и при выявлении топонимов мерянского происхождения.

---

^{*} Это заволжское название явно связано не с «центральной», а с «костромской» группой этнотопонимов, производных от *меря*.

1.2.2. Названия культовых камней в исторических мерянских землях

Трудно надеяться на то, что в русской топонимии отразились и сохранились сколько-нибудь заметные следы мерянской языческой веры с ее атрибутами идолопоклонства, тотемизма, шаманизма и т.п. Такого рода реликты могли быть связаны только с конкретными реалиями. Поэтому прежде всего следовало бы ожидать отражения в каких-либо формах ярко выраженных у мерян культов коня и медведя. Однако убедительных следов культа коня в русской топонимии ИМЗ пока не обнаружено. Что касается культа медведя, то о нем, может быть, свидетельствует хорошо известная легенда о начале Ярославля и по крайней мере два названия *Медвежий Угол* на территории «центральной» мери (у Суздаля и Ярославля), которые, впрочем, могут быть и чисто образными.

Тем более удивительно, что через века до нас дошли отголоски мерянского культа священных камней, закрепленные и в русской топонимии. Этому, конечно, способствовали монументальность и прочность камня, его «вечность» по сравнению с кратким сроком, отпущенным человеку и другим живым существам.

Култ священных камней хорошо известен и у некоторых других финно-угорских народов, особенно у саамов, которые поклонялись так называемым сейдам – естественным камням (см. [Манюхин 1996]).^{*} У мерян култ священных камней также был широко распространен. Краеоведам и археологам об этих камнях, которые в ряде случаев сохранились до нашего времени, было известно уже давно (см. [Дубов 1990:

---

^{*} В деревне Карельское Плесецкого района Архангельской области ТЭ зафиксировала слово *бабка* в значении 'валун'. Представляет интерес следующий контекст: «Валун у нас был посреди поляны, бабкой его называли. Мы этой бабке поклонялись и матери наши поклонялись, вроде как святой камень. Кто цветочки приносил, кто хлебушка. Еще одна бабка у нас была в речке. Мы с нее ныряли». Глухой отзвук былого поклонения камню, может быть, слышится и в следующей фиксации, относящейся уже к Пошехонью (ТЭ): *Мамка*, камень на левом берегу реки Сога. «Большой камень на берегу стоял. Все ребятишки грелись на этом камне. Он теплый был. Когда купались – грелись. Мамкой и звали».

101–106]]⁶. В последнее время дополнительные сведения о мерянских культовых камнях были собраны, изучены и систематизированы А. Альквист [Альквист 1996; 2006]⁷.

В статье 1996 г. Альквист выделяет две группы среди мерянских священных камней – *Мирские* и *Синие*, указывая, что зона их распространения – Переславский и Ростовский районы Ярославской области, т.е. территория двух важнейших по данным русской летописи центров мерянской земли. Однако из текста ее статьи следует, что эта ареальная характеристика справедлива только по отношению к Синим камням, тогда как Мирские камни фиксируются в Ростовском и примыкающем к нему с северо-запада Борисоглебском районе.

Мирские камни встречаются на территории населенных пунктов. Пока их выявлено 8 [Алквист 1996: 248]. Альквист осторожно сравнивает это название со словом *меря*, основываясь на том, что ударение здесь на первом слоге – *ми́рский*, а обычно – *мирско́й* (*сход* и т.п.). Она предполагает, что эти камни связаны с поклонением предкам. В большинстве случаев Мирские камни имеют многочисленные ямки, углубления искусственного происхождения. Считается, что они служили для сбора дождевой воды, которой приписывалась целительная сила, или для жертвоприношений. Местное русское население сохраняет элементы традиционного почитания этих камней, во всяком случае в рассказах о прошлом, но оно решительно связывает их наименования со словом *мир* ‘сельская община’, т.е. Мирские камни являются общими для всех жителей деревни, всего «мира».

Вполне возможно, что меря поклонялась этим камням, но их связь со словом *меря* сомнительна прежде всего потому, что в нем не было *ѣ* (ё), которое, как известно, в русских говорах иногда переходит в *и*. Ударение действительно кажется необычным, но такие колебания в говорах встречаются, ср. *но́вый* и *новóй*, *мя́кий* и *мягко́й*, *мя́котный* и *мякотно́й* [см. СРНГ]. Поэтому *мирско́й* коррелирует с *ми́рский*. Более интересна география: о скоплениях Мирских камней в других районах нет информации. Следовательно, предположение об изменении *ме́рский* > *ми́рский* на почве народной этимологии к слову *мир* тоже

не лишено оснований. В отношении звукового колебания *e ~ и* также есть интересные данные, интерпретация которых, однако, затруднительна. В Галичском районе Костромской области несколько раз фиксировалось распространенное в прошлом акцентированное обращение священников к прихожанам «граждане меряне» (ТЭ). Казалось бы, следует думать о сохранившемся в этом обращении этнониме, ср. «во времена же Кия и Щока и Хорива новгородстии людие и с ними словени, и кривичи, и меряны» [УЛС: 20]. Но ввиду возможного *миряне > меряне* считать факт, засвидетельствованный ТЭ, сколько-нибудь надежным реликтом нельзя. Любопытно и наименование поля *Мерицины* близ д. Черемисское и с. Георгиевское «что в Мерском» (КК). Учитывая рус. диал. *мэрицик* ‘землемер’ (Вят, Костр, Яр) и *мерици́на* ‘участок луга, где косят сообща’ (Киров) [СРНГ 18: 124], можно думать, что *мерици́на* исконно русское образование от слова *мэрить*. Но оно может быть связано и с распространенным в диалектах многозначным *мирици́на* ‘мирские дела’, ‘общая работа в деревне’, ‘работа миром, помощь’ и т.п. [СРНГ 18: 174–175]. Контаминация образований от этнонима *меря* и слов *мир* и *мерить* вполне возможна, но использование фактов такого рода в лингвоэтнических исследованиях не может дать надежных результатов, и вопрос о их происхождении остается открытым.

Синие камни встречаются чаще: 14 по [Алквист 1996: 247], свыше 30 по [Алквист 2000б: 85], 43 по новейшим данным [Алквист 2006: 4]. По величине они обычно больше, чем Мирские. По цвету Синие камни совсем не обязательно синие или сине-серые. Эти камни в большинстве своем находятся в стороне от селений, часто около воды. Названия *Синий камень*, возможно, являются особого рода калькой с мерянского языка, в которой *камень* – калькированный термин, а *синий* – адаптированное в русской речи мерянское прилагательное, родственное фин. *sininen*, морд. *señ* ‘синий’ (подробнее см. СТРС III, 138–139). Священный характер таких камней связан, видимо, с символическим значением синего цвета, особенно с учетом того, что обычно Синие камни находятся близ водоемов. Считается, что синий цвет – атрибут высших божеств, в том числе и водяных, а основные культовые

центры мерян были связаны со значительными для ростово-ярославского края озерами. Поэтому можно допустить, что Синие камни были посвящены местным водяным богам.

Вряд ли удастся найти в субстратной топонимии собственно мерянские эквиваленты русским *Синим камням*. Но и то, что русская топонимия сохранила этот фрагмент мерянской языческой веры, большая удача для историков и лингвистов. А. Альквист полагает, что «чем больше мы будем иметь сведений о *Синих камнях* внемерянских территорий, тем труднее будет считать их только мерянскими» [Альквист 2000б: 85] и что это «явление должно считаться не только мерянским, а уходящим корнями еще древнее» [Альквист 2006: 5]. Действительно, в русской топонимии название *Синий камень* не является редкостью. Зафиксирован этот топоним и в других местах, ср. фин. *Sininen kivi* ‘Синий камень’ и т.п. [Альквист 2000б: 85; 2006: 4–11]. Безусловно во многих случаях мы имеем дело с цветовым признаком, который является универсальным. Однако на мерянской территории *Синие камни* образуют зону очень высокой плотности, которая не характерна для других регионов России (исключая некоторые районы РС). Это и позволяет допустить, во-первых, что в своем большинстве названия *Синий камень* на территории ИМЗ несут нецветовую информацию (они могут и не быть синими), а являются сакральными, и, во-вторых, что такие названия могут рассматриваться как своеобразные мерянские индикаторы, естественно, уже в рамках русского языка (см. также [Шилов 2001: 26]). Опровергнуть это предположение могут только надежные статистические данные по другим территориям и картографирование, то и другое в работах Альквист отсутствует.

1.3. Географические термины-детерминанты в субстратной топонимии исторических мерянских земель

1.3.1. К проблеме выявления географических терминов в субстратной топонимии

Географическая терминология – важнейшая составная часть, основа любой топонимической системы, однако способы ее использования различны и определяются структурой языка. Поскольку мерянский язык, бесспорно, относится к финно-угорским, а меря непосредственно предшествовала русским переселенцам, следует ожидать в субстратной топонимии ИМЗ наличия, во-первых, агглютинативных структур постпозитивного типа, а во-вторых, географических терминов в самостоятельном топонимическом употреблении. И то и другое действительно характерно для субстратных географических названий ИМЗ.

Географически (территориально) меря принадлежит к финскому миру. Уже это указывает на необходимость поиска соответствий именно в языках финских этносов, а не в географически отдаленных от мери языковых общностях пермских и угорских народов. Но есть и надежные языковые различители, исключаяющие пермские или угорские корни мери, в частности, полное отсутствие на территории ИМЗ обозначения озера, характерного для пермян, угров и самодийцев (коми *ты*, венг. *tó*, ненец. *то*). Это, разумеется, не означает, что в топонимии

ИМЗ не может быть элементов, имеющих соответствия как раз в пермских и угорских или даже в самодийских языках, т.е. на финно-угорском или уральском уровне.

Однако, определяя мерянский язык как финский, мы делаем только первый шаг в решении главных задач – установления специфики мерянского языка, его места среди финских языков и отделения мерянской топонимии от немерянской, что прежде всего обуславливается успехами в идентификации мерянских топоформантов и типовых основ. Успешное изучение топонимических реликтов на территории ИМЗ полностью зависит от решения этой проблемы. Только выявление и интерпретация мерянских топоформантов и типовых основ создаст базу для надежной этимологизации всего массива предположительно мерянских топонимов. Само собой разумеется, что таким путем будет приобретен и эталон для поиска мерянских элементов на РС (ср. [Матвеев 1996: 4–5]). Короче говоря, необходимо установить некий минимум исходных данных, который получил бы своего рода «консенсус» и стал точкой отсчета для дальнейших исследований.

На территории ИМЗ древняя топонимия выступает в сильно измененной обруселой форме. Она плохо собрана и недостаточно изучена как с лингвогеографической, так и с историко-лингвистической точки зрения. Поэтому названия, которые считаются сейчас мерянскими, могут и не быть таковыми. Разнородность субстратной топонимии ИМЗ несомненна. Уже сейчас можно уверенно говорить о наличии прибалтийско-финского адстрата на территории ВОМ и КК. Возможно, здесь есть и субсубстратные названия. Следовательно, выделение основных субстратных типов топонимов и идентификация их как мерянских связаны со значительными трудностями. В первую очередь необходимо выявить топонимические факты, с большей или меньшей вероятностью принадлежащие мерянскому языку, и отделить их от близких фонетически, структурно и лингвогеографически субстратных топонимов, восходящих к другим финно-угорским языкам. Чисто формальная классификация, не имеющая опоры в этимологии, семантике, словообразовании и лингвистической географии, конечно, является необходимым

предварительным этапом структурно-словообразовательного анализа, но редко бывает полезной при лингвоэтнической идентификации топонимов. Таковы, например, «гидронимические суффиксы» *-(V)ть* и *-ль* [Алквист 2001: 438], о значении и происхождении которых пока ничего не известно. Трудно сказать даже, действительно ли это значащие компоненты или «ложные» форманты. В других случаях фиксации редки и ареалы топонимов не удастся установить (названия рек на *-чер*, *-шор*, *-шур*). Невозможно отнести к основным типам и интересные наименования на *-мар(ь)* (*Ихмарь*, *Кухмарь* и т.п.), которые рассматриваются как оронимы и сопоставляются с морд. *мар* 'куча; холм, курган' [Алквист 2001: 451]. Причина этого опять-таки в их низкой частотности, обусловленной рельефом ИМЗ. Нет пока убедительной этимологии и для гидронимических формантов с финалью *-ма* типа *-(V)жма*, *-(V)шма*, *-(V)сьма* и т.п., которые могут оказаться как детерминантами, так и словообразующими аффиксами.

Соответственно нет и абсолютных критериев выделения топонимии мерянского типа. Поэтому, стремясь максимально объективизировать метод, в качестве «опорных» идентифицирующих структурных типов, которые следует считать мерянскими, будем рассматривать только топонимы, имеющие в своем составе ясно выраженные детерминанты, т.е. географические термины, не затрагивая аффиксальные образования, поскольку семантика аффиксов чаще всего не связана с видом объекта и реконструируется с трудом. К тому же, функционирование одних и тех же аффиксов в различных финно-угорских языках, а также лапидарность их фонетической структуры со своей стороны не способствуют процессу интерпретации. Исходя из этих соображений, при отборе материала автор руководствовался наличием следующих признаков: 1) распространение структурно-словообразовательного типа с детерминантом исключительно или главным образом на территории ИМЗ и его отсутствие на смежных территориях (кроме РС, где предполагается наличие мерянской или родственной с ней топонимии); 2) фонетическое или структурное своеобразие детерминанта, позволяющее выделить топоним из фонетически и структурно близких типов географических

названий, принадлежащих другим финно-угорским этносам, т.е. наличие полной (отсутствие близких соответствий) или относительной дифференциации (соответствия в немногих языках); 3) полная или относительная прозрачность семантики детерминанта, исключающая или, по крайней мере, уменьшающая возможность произвольных толкований и случайных совпадений (при этом особенно важна регулярная или преимущественная соотнесенность с определенным видом объектов); 4) наличие достаточно выраженного ареала (микроареала); 5) полное или частичное совпадение ареала детерминанта с ареалами других предположительно мерянских детерминантов, а также с зоной распространения этнопонимов, производных от *меря*; 6) достаточная частотность в пределах ареала (микроареала); 7) употребление соответствующего географического термина не только в качестве детерминанта, но и топонима, а также фиксация географического термина в функции основы; 8) фиксация детерминанта в сочетаниях с различными предположительно мерянскими основами (особенно если эти основы употребительны в сложениях с другими мерянскими детерминантами); 9) употребление соответствующего апеллятива в русской диалектной лексике. Разумеется, все эти условия в совокупности встречаются далеко не всегда, что зависит от семантики детерминанта, его употребительности и других внешнелингвистических факторов. Кроме того, учитывалось и мнение исследователей о принадлежности того или иного типа названий к мерянской топонимии.

При всем этом следует настоятельно подчеркнуть, что наибольшей дифференцирующей способностью обладают не отдельные детерминанты, а их совокупность, зафиксированная на определенной территории. В комплексе и недифференцирующие по тем или иным причинам группы топонимов, а иногда даже этимологически темные названия могут сыграть большую роль в процессе лингвистической идентификации.

Поскольку более или менее надежные и достаточно частотные мерянские микропонимические типы пока не выявлены (а дорусская микропонимия должна быть прежде всего мерянской), обзор

предположительно мерянских топонимических типов начинаем с ойконимии, которая в целом является более поздней, чем гидронимия, и в формантно-ареальном плане хорошо увязывается с мерянскими источниками (1.3.2). После этого характеризуем названия озер – лимнонимы (1.3.3), которые условно можно причислить к «точечным» объектам, и это их сближает с ойконимами и отделяет от «линейных» объектов (рек), обозначаемых гидронимами, наиболее многочисленным, пестрым и трудным для интерпретации разрядом географических названий (1.3.4).

Во избежание повторов и в целях большей доказательности детерминант и основа, восходящие к одному и тому же определенному географическому термину, рассматриваются в комплексе (например, детерминант *-VxpV* и основа *яxp-* ‘озеро’).

1.3.2. Детерминанты ойконимов

1.3.2.1. Детерминант -бол (и варианты)

Названия на *-бол* (*Кинобол, Яхробол*), *-боль* (*Возоболь, Толго-боль*), *-бола* (*Брембола, Игобола*), *-боло* (*Киболо, Пужболо*), *-болы* (*Дё-болы*), *-болка* (*Вознеболка*), *-болово* (*Вежболово, Вороболово*) и др., а также на *-бал* (*Куткобал, Шухобал*), *-балка* (*Шенбалка*), *-балово* (*Курдобалово, Турбалово*), много реже на *-пол, -поло, -полово, -нал, -палово* (*Пушпол, Нушполо, Пыполово, Шаипал, Почепалово*) довольно широко распространены на территории ВОМ (выявлено 37 топонимов, закартографировано 33, фактически их, по-видимому, несколько больше). Часто эти названия зафиксированы в нескольких вариантах, ср. *Возоболь, Возобол, Возопол, Возополь*; *Нушполо, Нушпола, Нушпала, Нушполы* и т.п. Первичный облик названия иногда помогают восстановить антропонимы, ср. *Рáкоболь, Рáкоболо* (жители – *ракобóлы*), что позволяет считать более древней формой **Рáкобол*, ср. еще *Патробáл, Спас-Патрабóлье* (фамилия – *Патрабóлов*), следовательно, исходная форма **Патробól < *Пáтробол* или **Пáтрабол*. Частотность согласной финали *-л(ь)* свидетельствует о том, что для мерянских ойконимов на *-бол* было характерно консонантное окончание на согласный, тогда как гласные финали являются результатом русской адаптации. При этом надо иметь в виду,

что суффиксы *-ово*, *-ево* (особенно в *Шишебольцево* из явного *Шишеболец < *Шишебол) могут указывать на антропонимическое происхождение топонима. Не картографированы, поскольку оказались за пределами бланковой карты, тверские названия *Ерболово* и *Турбалово*, а также нелокализованное тверское *Пушпол*. Не удалось установить и местонахождение топонима *Солбал* (упомянут в [Попов 1974: 16]).

На территории КК закартографировано 10 названий на *-бол*, сосредоточенных в северо-западной части края между верхним течением Костромы и верхним и средним течением Унжи. Эти названия распределяются по следующим подтипам: *-бол* (*Инобол*, *Сибол*, *Яхнобол*), *-боль* (*Кордоболь*), *-болы* (*Хихиболы*), *-бал* (*Кужбал*, *Пезобал*, *Ружбал*), *-пол* (*Шимпол*), *-полово* (*Картополово*). Все эти подтипы зафиксированы и в ВОМ. Ойконим *Картополово* наименее показателен, так как может быть образован от антропонима (особенно с учетом ойконима *Картополово* в Ярославской области). Не удалось локализовать топонимы *Сомбал*, *Субол*, *Шебал(ь)*, *Ямбол*. Фамилия *Тихоболов*, распространенная в Вохомском районе, позволяет восстановить мерянский ойконим *Тихобол, но его местонахождение не известно.

В общей сложности на территории ИМЗ закартографировано 43 названия с детерминантом *-бол* и его вариантами.

Ареал названий на *-бол* (см. карту 2) в целом коррелирует с зоной распространения этнотопонимов, производных от *меря* (см. карту 1), причем половина названий на *-бол* находится на территории Ярославской области (22 из 43), 5 наименований образуют уплотнение в районе Владимира и Суздаля, а 10 топонимов, как уже отмечалось, сосредоточено на северо-западе КК. Следует заметить, однако, что при полном отсутствии этнотопонимов, производных от *меря*, в Пошехонье, т.е. на волжском левобережье ярославских земель, зафиксировано 6 названий на *-бол*, что может свидетельствовать как о длительном проживании компактной группы мери в этих местах уже после прихода русских, так и об отсутствии условий для возникновения тут этнотопонимов. Другая немаловажная деталь: названия на *-бол* почти неизвестны на территории Ивановской области (только *Возоболь* и на самой границе с Ярославской

областью *Почепалово*). Это точно соответствует данным этнотопонимической карты, подтверждая тем самым лингвоэтническое своеобразие населения правобережья Волги на территории Ивановской области.

Названия на *-бол* и т.п. встречаются намного чаще топонимов на *-пол* и т.п. (среди картографированных соответственно 35 и 8), а наименования с гласным *о* в форманте (*-бол*, *-пол*) чаще названий с гласным *а* (*-бал*, *-пал*) – соответственно 32 и 11. Некартографированные и нелокализованные топонимы (всего 9) в 5 случаях имеют вокализм *о*. Все это свидетельствует о том, что в русском языке основным вариантом топоформанта является *-бол* из потенциально мерян. **-pol*, **-bol* или **-pāl*, **-bāl* с передачей *ā* финских языков русским *о*, обычной для древнерусского периода. Каких-либо заметных особенностей в ареальном распределении вариантов топоформанта обнаружить не удалось. Правда на территории ВОМ названия на *-пол* и т.п. сдвинуты к краям ареала, что, может быть, указывает на их связь с зонами лингвоэтнического контакта (см. карту 2). В какой-то мере это относится и к костромским наименованиям. Однако там особенно обращает на себя внимание четкий «рифмованный сегмент» *-бал* в бассейне Неи (*Кужбал*, *Пезобал*, *Ружбал*), по-видимому, отражающий относительно поздний этап ассимиляции, когда мерянское **ā* уже воспринималось русскими как *а*. Но ввиду безударной позиции с полной уверенностью об этом говорить все-таки не приходится. Поскольку компонент *-бал* находится в безударной позиции, он мог испытать влияние развивающегося аканья, ср. *Патробал* [ДДГ, № 89] и современную фиксацию *Снас-Патрабóлье*, фамилию *Патрабóлов*, а также в памятнике XVI в. «в *Патроболе*» [ПМЯУ: 23].

Чаще всего названия на *-бол* относятся к населенным пунктам (волостям, селам, деревням), иногда они прилагаются также к смежным рекам, ср. село *Нушполо* (*Нушпола*, *Нушпала*, *Нушполы*) и река *Нушпола* (*Нушполка*), или озеру, ср. населенный пункт *Яхробол* и озеро *Яхробольское*. Метонимическим переносом ойконим > гидроним или ойконим > ороним объясняются и те более редкие случаи, когда известен только гидроним (*Ружбал*, *Шенбалка*) или наименование урочища

(*Хихиболы, Шаипал*). Такие переносы обусловлены исчезновением населенного пункта и обычны в топонимическом словообразовании. Поэтому *-бол* должен рассматриваться как чисто ойконимический топоформант, который вопреки Д. Европеусу не следует сопоставлять с венг. *folyó* ‘река’ [Европеус 1868: 64–65; 1874: 12]. Однако семантика этого топоформанта точно не установлена.

М. Фасмер и А.И. Попов признают его ойконимический характер. Ссылаясь на письменное сообщение Я. Калимы, Фасмер сопоставляет *-бол* с фин. *palva* (в топонимах), венг. *falu* ‘деревня’ [Vasmer 1935: 587], Попов склоняется к сравнению с пермскими источниками, ср. удм. *nal* ‘сторона’, которое использовалось еще недавно для обозначения поселения группы родственных лиц [Попов 1974: 22–23]. Следовательно, основы типа *Пеза-* ‘Гнездо’, *Толга-* ‘Перо’ надо считать наименованиями живших здесь родов, аналогичными удмуртским [Там же: 23]. Как эти, так и другие этимологические поиски (ср. манс. *pāvyl*, в вымершем чувовском диалекте мансийского языка *beól* ‘поселение’, саам. *bælle* ‘сторона’, ‘половина’, морд. *веле* ‘село’*, мар. *вел* ‘сторона’, ‘край’, ‘страна’) не выходят, однако, за уровень гипотез. Есть еще версия, что *-бол* следует возводить к конструкции с послелогом, имеющим значение ‘на’ [Семенов 1891: 251–252], ср. мар. *ѳмбал* ‘на’, аналог которой можно видеть в названиях марийских деревень *Кырыкымбал* ‘На горе’, *Эжерымбал* ‘На реке’, ‘За рекой’. Подтверждение этой версии видят в том, что мерянские селения с названиями на *-бол* часто находятся на берегах рек, наименования которых являются основами соответствующих ойконимов: *Шухобал* на р. *Шуга*, *Яхнобол* на р. *Яхна* и т.п. Взгляд этот подвергнут критике [Попов 1974: 16, 22–23, 25], однако такого рода соответствий действительно много, что требует объяснения.

Подсчеты показали, что картографированные названия на *-бол* (43 фиксации) членятся на четыре группы: 1) ойконимы, образованные от гидронимов (*Рака* > *Ракобол, *Толга* > *Толгобол*), – 10 фиксаций; 2) ойконимы, от которых образованы гидронимы (*Вежболово* >

---

* Ср. морд. *Ало веле* ‘Нижнее село’, *Од веле* ‘Новое село’.

Вежболовка, Пачебол > Пачеболка), – 9 фиксаций; 3) гидронимы, восходящие к исчезнувшему ойкониму (*Игобола, Ружбал*), – 7 фиксаций; 4) ойконимы, не имеющие соответствий в гидронимии (*Куткобал, Пужболо*), – 15 фиксаций. Особый случай представляет собой *Киболо* – «Каменное поселение» (ср. мар. *кү* ‘камень’) на р. *Каменка*.

Конструкция с послелогом возможна в первой группе названий (25 %), невозможна во второй и четвертой (55 %). В третьей группе (20 %) теоретически допустимы оба пути (поскольку можно, например, представить такую эволюцию: р. *Ига > н. п. *Игобол > р. *Игобола*).

Поскольку модель с послелогом адекватна только для части случаев, эта версия должна быть отвергнута, хотя топоформант *-бол* не засвидетельствован в качестве основы и в самостоятельном топонимическом употреблении, что, казалось бы, свидетельствует в ее пользу*.

Очень важно также, что аналогичный топоформант достаточно широко распространен на РС, опять же выступая прежде всего в ойконимах, при этом имеются совершенно ясные и доказательные случаи, свидетельствующие о его детерминантном характере, ср. название деревни *Андопал* при реке *Андога* и озере *Андозеро*. По-видимому, этот детерминант был общим для ряда финно-угорских языков, совпадая полностью или варьируя [Матвеев 1996: 6–7]. Подробнее об этом см. СТРС I, 206–211. На мерянское происхождение этих названий в ВОМ и КК указывают их распространение во всей зоне этнотопонимов, образованных от *мера*, массовый характер, обусловленный принадлежностью населению, которое непосредственно предшествовало русским пришельцам, и, наконец, отсутствие других высокочастотных топоформантов на территории ИМЗ, которые могли бы считаться собственно ойконимическими.

---

* На самом деле это не так: в субстратной топонимии ойконимические термины в качестве основ и в самостоятельном топонимическом употреблении фиксируются редко. Поэтому тот факт, что соответствующий географический термин (*Бол, *Бал, *Пол, *Пал и т.п.) в самостоятельном топонимическом употреблении не засвидетельствован, не должен удивлять: названия населенных пунктов обычно четко дифференцируются в своих микросистемах.

В то же время точное значение и происхождение детерминанта *-бол* не установлены и для решения этого трудного вопроса почти равноценны сопоставления с угорскими (венг. *falu*, манс. *nāvył, beðl*), самскими (*bælle*), пермскими (*nal*), мордовскими (*веле*) и марийскими (*вел*) данными. Другие соображения об этимологической интерпретации этого детерминанта и его аналогов на РС см. в СТРС I, 206–211.

Несмотря на этимологические трудности, детерминант единодушно считается мерянским [Vasmer 1935: 585–587; Попов 1965: 126–127; Попов 1974: 15–16, 22–23; Востриков 1979: 60–63; Ткаченко 1985: 61–62], прежде всего благодаря географической привязке к территориям ИМЗ и совпадению его ареала с зоной мерянской этнотопонимии.

Колебания звуков в топоформанте (*б – п* и *о – а*) могли быть обусловлены различными факторами (влиянием соседних звуков, временем усвоения и т.п.) и возникнуть как в языке-источнике, так и на русской почве. Топонимы *Нушполо*, *Шаипал* ясно указывают на связь вариантов, имеющих начальное *п* (*-поло*, *-пал* и т.п.) с предшествующим звуком *ш*. Соответственно названия *Пужболо*, *Кужбал*, *Ружбал* свидетельствуют о взаимосвязи *-боло*, *-бал*, и предшествующего *ж*. Все это хорошо иллюстрирует общность вариантов с начальным *п* и *б*. Единство топоформанта подтверждается и отсутствием скольконибудь выраженных ареальных закономерностей в распределении его вариантов.

В формах типа *Киболо*, *Пужболо* очевидно воздействие русской морфологической адаптации, отраженное уже в ранних документах (ср. на РС река *Онега* – озеро *Онего*, река *Пинега* – город *Пинежь* и т.п.). Однако в этом случае адаптация происходит не к слову *озеро*, а к *село*, (*по*)селение. А. Альквист приводит варианты названия села *Деболовское* –

Дёбол, Дёбола и Дёболы [Альквист 1997: 28]. Здесь налицо и русская фонетико-морфологическая адаптация и смешение форм*.

Ответ на вопрос, какие формы первичны, в ситуации, которую создает русское освоение, можно найти в исторических источниках, указывающих на преобладание консонантных окончаний, ср. в документах XV–XVI вв.: «что их селе в Суздальском Шухобал...» [АСВР I, № 315], «да луг на реке на Шекстне Шашпал» [АСВР II, № 658] и т.п. Русская адаптация, однако, не всегда имеет императивный характер. Она зависит от множества фактов, в том числе не только фонетико-морфологических и хронологических, но, например, от языковых тенденций (моды) на данной территории. Тем не менее, отряд ТЭ, работавший в районе Яхробольского озера, многократно зафиксировал названия селений *Шачебол* и *Яхробол* исключительно в этой форме.

В свете всего сказанного вопрос об исходной (мерянской) форме этого географического термина следует решать с учетом следующих данных: 1) нет никаких сведений о наличии в мерянском языке взрывного **b* типа русского *б* в анлауте; 2) чередование глухих смычных с медиальными (*p ~ β*) в интервокальном положении и консонансах с сонорными распространено в различных финно-угорских языках; 3) медиальные могут восприниматься русскими как звонкие; 4) колебания гласных *o ~ a*, как давно установлено, может быть связано с разным временем усвоения финского (в широком смысле) звука *ä*; 5) фактический материал указывает на консонантный ауслаут в этом слове. Отсюда

---

* Мерянское происхождение ойконима *Дёболы* вообще под вопросом уже из-за начального *д*, которого не может быть в исконно мерянском слове. К тому же на карте конца XVII в. отмечена пустошь *Деболово* в Звенигородском уезде, т.е. западнее Москвы [Кусов 1993: 276]. Определенный интерес представляет поэтому рус. ярсл. *дѣб* ‘конец, край, предел’, ‘крайняя, последняя полоса (земли)’, *дебовий* ‘последний в очереди или при счете’, распространенное в близких значениях также и в других говорах (влад., вят., нижегор., орл., сарат., смол.) [СРНГ 7: 312]. С другой стороны, А.Л. Шилов предполагает, что *Дёбола* и *Дёболово* связаны с мар. *tõba* ‘возвышенный, высокий; круча, возвышенность’ [Шилов 2001: 19], однако надо иметь в виду, что это слово в марийском языке не является исконным, будучи тюркским заимствованием [Исанбаев 1994: 154]. Наконец, нельзя исключить, что здесь локативный суффикс типа прибалтийско-финского *-la* [Алквист 2001: 453].

следует, что несмотря на преобладание форм с *-бол*, *-бал*, следует восстанавливать исходное **pāl*, которое в сложном слове (топониме) могло преобразоваться в **bal* > рус. *бал*, *бол*.

Хорошо выраженные проявления русской фонетической и фонетико-морфологической адаптации форманта *-бол* в различных вариантах позволяют допустить, что в ареале могут встретиться и названия, претерпевшие еще более глубокую переработку. Здесь уместно прежде всего обратиться к такому этимологическому казусу, как *Суздаль*.

Сомнения вызывает прежде всего известная скандинавская этимология топонима *Суздаль* (< *suðr* ‘южный’ + *dalr* ‘долина’)*. Варьирование скандинавских форм (*Súrdalar*, *Surtsdalar*, *Sursdalsr* и т.п.) ясно указывает на народную этимологию генетически нескандинавского слова. А.Л. Шилов, подробно анализируя скандинавскую, финно-угорскую и славянскую версии происхождения этого названия логично предпочитает финно-угорскую [Шилов 1996: 12–19], предлагая свой вариант этимологического решения на мерянской основе из фин. *hu(u)hta* ‘подсека’, эрз. *tšuvto*, мокш. *šufta* ‘дерево’ [Там же: 18]. Эта этимология далеко не бесспорна, однако ответ действительно следует искать в мерянском материале. На это, казалось бы, указывают уже гидронимы *Сúздарь* с вариантом *Сúздаль* (басс. р. Юг в Вологодской области) и *Сúздаль* (басс. р. Кострома в Костромской области), находящиеся в пределах зоны мерянских миграций, но в первом случае ввиду смежного названия деревни *Сúздалиха* очень вероятен перенос названия

---

* Эта этимология, видимо, побудила А. Аלקвист предположить, что топоформант *-бол* в ИМЗ скандинавского происхождения [Аלקвист 2000а: 33–34], что вызвало справедливую критику А.Л. Шилова [Шилов 2001: 24]. Действительно, при столь высокой частотности топоформанта *-бол* на территории ИМЗ следовало бы ожидать выявления здесь и других скандинавских реликтов (кроме спорных *Суздаль* и *Ростов*). Кроме того, возникает вопрос, как в этом случае соотносить ареал *-бол* в ИМЗ с аналогичными топоформантами на РС, поскольку он явно должен рассматриваться как часть обширного ареала родственных топоформантов. В более поздней работе А. Аלקвист эта версия не фигурирует [Алквист 2001: 451–453].

из Волго-Окского междуречья самими мерянами или русскими, не исключен он и во втором случае.

Однако можно по-другому подойти к этимологическому анализу топонима *Суздаль*. Поскольку этот ойконим находится в окружении мерянских названий населенных пунктов на *-бол*, допустимо восстановить первоначальную форму **suzbal*, которая по очень вероятной ассимиляции под влиянием переднеязычных могла преобразоваться в **suzdal*. В свою очередь топооснова *суз-* может быть связана с мар. *сузо*, эрз. *сувозей*, мокш. *сузи* 'глухарь'. Естественно, и у этой этимологии могут найтись слабые места, но она во всяком случае несколько не хуже весьма проблематичного предположения о скандинавском происхождении названия *Суздаль*, тем более что рядом с этим ойконимом находятся такие наименования на *-бол*, как *Вежболово*, *Киболо*, *Кинобол*, *Шухобал*. Можно допустить, наконец, что **suzbal* было переработано в *Suðrdalr* и т.п. в результате народной этимологии на скандинавской почве.

Ареал ойконимов на *-бол* ясно указывает на их мерянское происхождение, тем более что на территории ИМЗ другого столь распространенного ойконимического типа нет. Однако А. Альквист, признавая типичность названий на *-бол* для мерянских земель, тем не менее не идентифицирует их как мерянские [Альквист 2000а: 18]. В то же время попытки привлечь факты, относящиеся к другим территориям [Альквист 2000а: 31–32], не способствуют решению этого вопроса. Так, гидронимы *Кундоболка* и *Пиченбал* относятся к бассейну Мокши намного южнее ИМЗ. Уже поэтому они могут быть не мерянскими, а принадлежать какому-нибудь другому финскому этносу, быть перенесенными в эти места группой мигрантов и т.п. То же самое можно сказать и о населенных пунктах *Арполово* в Рязанской области, *Выболово* и *Корыпалово* – в Нижегородской и др. Все такие факты, конечно, достойны внимания и должны тщательно изучаться, но в качестве аргумента они в настоящее время неприемлемы, так как не образуют ни системы, ни ареала.

Ареал ойконимов на *-бол* (карта 2) прежде всего показателен в том отношении, что соответствует зонам распространения этнонимов, образованных от *меря* (карта 1), и гидронимов с высокочастотной основой *яхр-* ‘озеро’ (карта 4). Это, как и ойконим *Яхробол*, бесспорное доказательство принадлежности топонимических элементов *яхр-* ‘озеро’ и *-бол* ‘селение’ к мерянской лексике. На это же указывает отсутствие названий на *-бол* в пределах ареала гидронимов на *-Vх* (карта 6) и зоны *юхр-* (карта 4), что свидетельствует о специфике субстратной топонимии нижнеклязьминского субрегиона и о том, что она, по-видимому, была создана не мерей, а каким-то другим финским народом. Показательно, что единичное для нижнеклязьминской зоны название *Юхроболево* находится на краю ареала *-бол* в переходной зоне от языка **jахr-* к языку **jихr-* и смежно с наименованием истока *Яхроболской*, засвидетельствованным в документе XVI в. [Смолицкая 1976: 286].

1.3.2.2. Детерминант *-(V)дом*

Названия этого типа встречаются очень редко. Почти все они прилагаются к населенным пунктам. А.И. Попов в статье о топонимии мерянских и муромских областей приводит только *Ка(р)чкодом*, *Тюхтедомово*, *Шельшедам* (*Шельшедом*), *Шушкодом* [Попов 1974: 19].

Топоним *Ка(р)чкодом* локализовать не удалось. Точно установлено местонахождение ярославских населенных пунктов *Тюхтедомово* (на современной карте *Тюхтедамово*) и *Шельшедом*, а также костромского *Шушкодом* (см. карту 3). Не без сомнения сюда можно отнести еще ойконим *Талдом* на севере Московской области. Кроме того, неоднократно зафиксированное в памятниках XIV–XVI вв. название Костромской волости *Иледам* [ДДГ, № 12, 20, 89 и др.] дошло до нас в виде ойконима *Ильдомское* на крайнем северо-востоке Ярославской области близ границы с Костромской. Фонетических препятствий для переработки *Иледам* > *Ильдом* нет, а в памятниках *Иледам* обычно упоминается рядом с гидронимом *Обнора*. Современный ойконим *Ильдомское* находится всего в десяти километрах от этой ярославской реки.

Есть предположение, что топоним *Ильдомское* надо связывать с мар. *илыдыме* ‘необитаемый’, ‘нежилой’ [Семенов 1891: 233; Кузнецов 1910: 54] и соответственно с мерянским **il'Doma* ‘необитаемый (безжизненный)’, образованным с помощью каритивного суффикса, обозначающего отсутствие признака [Ткаченко 1985: 102]. Возможно, что некоторые субстратные топонимы на *-дома(а)*, *-том(а)* в ИМЗ и на РС действительно содержат суффикс отсутствия признака. Однако топоним *Ильдомское* вряд ли относится к их числу, во-первых, из-за исторически засвидетельствованной исходной формы названия волости *Иледам*, а во-вторых, по причине вхождения этого топонима в «рифмованную» полосу названий на *-(V)дом* на севере Ярославской области (см. карту 3), которую не могли образовать каритивы из-за своей редкости (см. об этом ниже).

Наконец, есть основания считать, что упоминаемое в памятниках наименование слободки *Шелшедам* [ДДГ, № 89] следует отличать от современного ойконима *Шельшедом* близ Ярославля. Дело в том, что *Шелшедам* упоминается рядом со слободкой *Кештома* в Шохонском уезде, к которому не относились окрестности Ярославля. В то же время гидронимы *Кештома* и *Шельша* в бассейне Шексны находятся рядом. Таким образом, исторический *Шелшедам* и современный *Шельшедом* надо относить к разным объектам. Старожилы города Пошехонье утверждают, что прежнее название местности по реке *Шельша* – *Шельшедомская волость* (ТЭ). Вместе с тем в памятниках указывается и село *Шелишодом* Ярославского уезда [ПМЯУ: 25]. Здесь же на территории Заволжского стана Ярославского уезда неоднократно упоминается название урочища *Широдома* (*Ширдома*, *Широдьма*, *Жирдома*) [ПМЯУ: 198, 199, 200, 202, 204], которое также, по-видимому, следует относить к названиям на *-(V)дом*.

На территории Костромского края (КК) засвидетельствованы названия населенных пунктов *Лиходомово* (если не из рус. **Лихой Дом*), *Лоходомово*, *Шильдома* (реки с таким названием нет), *Шушкодом* и урочища *Шишедам* (*Шишадам*). Кроме того, в самой вершине реки *Лежа* в Грязовецком районе Вологодской области находится куст

деревень *Леждом*. Поскольку эта территория непосредственно примыкает к границе Ярославской области, а других названий такого типа на Вологодчине нет, наименование *Леждом* также следует включать в число ярославских и костромских названий на *-(V)дом*. Таким образом, из двенадцати закартографированных названий этого типа пять засвидетельствованы в КК, пять – на Ярославщине, одно на крайнем юге Вологодской области и одно близ Москвы. Однако принадлежность наименований *Талдом*, *Лиходомово* и *Шильдома* к названиям на *-(V)дом* неоспорна.

Этот топоформант относится к ярко дифференцирующим, так как не имеет надежных соответствий в других финских языках. А.И. Попов указывает, что названия такого рода, прилагаемые к волостям и населенным пунктам, означают какой-то вид угодья или поселения и, возможно, связаны с севернорусским географическим термином *едома*, выступающим в различных значениях [Попов 1974: 19], но служащим, как правило, для обозначения урочищ [СРНГ 8: 323]. Недостаток фактов препятствует раскрытию семантики топоформанта, хотя такие названия, как *Шельшедомская волость* и куст деревень *Леждом*, действительно как будто бы указывают на значение ‘волость’, ‘группа поселений’, особенно если учесть, что ‘селение’, ‘поселение’ обозначается в субстратной мерянской топонимии другим детерминантом *-бол* (см. 1.3.2.1).

Можно, однако, предложить и другое объяснение. Зона распространения форманта специфична. Он не засвидетельствован во Владимирской, Ивановской, а также в южной половине Ярославской области и связан с северными окраинами мерянского ареала. Возможно, что это диалектная черта мерянской топонимии, обусловленная внешнелингвистическими моментами, отраженными в семантике соответствующего географического термина, который может означать какие-то региональные особенности местности или расположения селений. Во всяком случае большинство названий на *-(V)дом* (10 из 12) образуют на карте узкую полосу на левобережье Волги между нижним течением Шексны и нижним течением Унжи. Как раз по этой территории с юга на север проходят две гряды невысоких холмов – Даниловская возвышенность

и Галичская возвышенность. Поэтому нельзя исключать, что детерминант *-(V)дом* действительно связан со словом *едома*, но в значении ‘невысокая гора’, ‘возвышенность’, которое фиксируется в диалектных словарях [СРНГ 8: 323; СГРС III: 305]. Древние племена часто селились на возвышенных местах, где было безопасней и экологичней. Эту версию поддерживает и название реки *Эдома*, правого притока Волги выше Ярославля, которая в верховьях, где находится село Николо-Эдома, течет в крутых берегах между возвышенностей. На топографических картах показано, что и другие населенные пункты с названиями на *-(V)дом* обычно расположены на небольших возвышенностях.

Данные памятников (*Иледам*, *Шелшедам*) указывают на исходную форму детерминанта *-едам*, что также свидетельствует о связи *-Vдом* и *едома*. Статус детерминанта в этом случае подтверждается и такой параллелью, как *Шишебольцево* (см. 1.3.2.1) – *Шишедам*.

Возможно, что топооснова *едом-* представлена также в названии реки *Едомша* (*Ведомша*) в басс. оз. Галичское (КК), быв. с. *Ведомша* (Яр), гидронимах *Ведомка* (Моск) и *Ведомость* (Нижег).

Слово *едома* относят к неясным по происхождению. Предложенные этимологии неубедительны (подробности см. [Шилов 1997: 8–10]). Не исключено, что оно собственно мерянское.

А. Аלקвист видит в названиях с окончаниями *-том(a)*, *-дом(a)* каритивные образования с финно-угорским суффиксом отсутствия призна [Алквист 2001: 441–442]. К ним она относит ярославские топонимы *Исколдома*, *Шелашедом* (так!) и, может быть, *Тюхтеданово* (так!), которые сравниваются с *Талдом*, *Шушкодом* на смежных территориях. Уверенно рассматривается в качестве каритивного речное название *Колдома* ‘Безрыбная’ (приток Волги), имеющее такие параллели в Вологодской области, как *Колдома* и *Кольдема* (при смежной реке *Рыбница*). Кроме того, по мнению Аלקвист, «на основе сравнительного материала» к каритивным, видимо, можно отнести гидронимы *Урдома*, *Кештома*, *Пертома* и *Шолтома* [Алквист 2001: 442].

Надо, однако, иметь в виду, что *Тюхтеданово* находится на р. *Тюхта*. Поэтому ойконим может быть образован от гидронима.

Безусловно вторично название *Леждом* (< *Лежа*). Вполне вероятно, что к гидрониму восходят наименования *Шелшедам*, *Шельшедомская во-лость* (< *Шельша*). Очевидно, что названия такого рода не могут быть каритивными. Ареальная смежность позволяет перенести этот вывод и на другие названия с топоформантом *-(V)дом*.

Возможность существования детерминанта *-(V)дом* Альквист не рассматривает. Между тем, хотя бытование каритивных форм в субстратной топонимии ИМЗ и РС вполне вероятно, доказать факт каритивности той или иной формы в каждом конкретном случае крайне трудно, так как фиксации фонетического компонента *-том(а)*, *-дом(а)* в исходе слова для этого явно недостаточно. Дело в том, что в топонимии обычно констатируется наличие признака, а не его отсутствие. Поэтому названия каритивного характера встречаются нечасто и не образуют сколько-нибудь заметных сгущений. В. Ниссиля пишет, что каритивные прилагательные на *-ton*, *-tön* обильно представлены в финской диалектной топонимии, но приведенные им примеры, которые относятся в основном к озерам, содержат преимущественно два каритива *kala-ton* ‘безрыбный’ и *nimetön** ‘безымянный’ [Nissilä 1962: 69]. Русские аналоги с префиксом *без-*, по данным ТЭ, также относятся прежде всего к водным объектам, особенно озерам, с абсолютным преобладанием каритивных топонимов, образованных от прилагательных *безрыбный* (*безрыбий*), *бездонный* и *безымянный*, ср. оз. *Безрыбное*, оз. *Безрыбье*, ур. *Бездонная Ляга*, оз. *Бездонное*, омут *Бездонный*, просека, р. *Безымянная*, бол., оз. *Безымянное*, о., руч. *Безымянный* и т.п. Кроме того, в русском языке по отношению к самым разным объектам широко используются топонимические образования от семантического каритива *пустой*, ср. грива, пожня, р. *Пустая*, оз., поле *Пустое*, луг, о., руч. *Пустой*, озера, пожни, ручьи *Пустые* и т.п. Прочие каритивы (пожня *Безбережье*, руч. *Безвершинный* и некоторые другие) – большая редкость.

---

* Ничего похожего на эту форму в субстратной топонимии ИМЗ и РС не обнаружено. И это естественно: «безымянные» объекты обычно появлялись на поздних топографических картах.

В отличие от функционирующих языков словообразовательные каритивы в субстратной топонимии выявить трудно еще и потому, что финно-угорский по происхождению суффикс начинается с согласных *t* или *ð*, которые могут выпасть, если основа имеет исход на согласный. В то же время компонент *-ом(а)* совпадает с суффиксом прилагательных и причастий *-Vm(a)*, а также детерминантом *-ма* ‘земля’, что также создает трудности при выявлении каритивных форм.

А. Альквист справедливо утверждает, что «важнейшую роль в определении каритивного суффикса играет семантика топоосновы, а именно то, допустимо ли существование признака, выражаемого предполагаемой топоосновой, в связи с данным географическим объектом» [Алквист 2001: 442], но она не учитывает, что опора на этимологию субстратного топонима часто бывает шаткой.

Рассмотрим наиболее убедительный пример – *Колдома* ‘Безрыбная (река)’ (фин.-угор. **kol* ‘рыба’ + каритивный суффикс) [Алквист 2001: 442]. С формальной стороны этимология кажется безупречной, но возможно иное членение топонима – *Колд-ома* или *Колдо-ма* с выделением формантов *-Vма* или *-ма*. Следовательно, нужны дополнительные аргументы. Альквист пытается их найти, приводя вологодский ойконим *Колдома*, но название населенного пункта ‘*Безрыбный (ая, ое)*’ только озадачивает. Больше способствует решению вопроса лимоним *Кольдема* по соседству с гидронимом *Рыбница*. Однако река *Рыбница* (значительный приток Лозско-Азатского озера) непосредственно не связана с небольшим озером *Кольдема*. Это лесное озерко находится в стороне от *Рыбницы*, причем, между *Рыбницей* и *Кольдемой* есть другие озера – *Чертово* и *Потозеро*. Кроме того, надо иметь в виду, что по наличию ихтиологической фауны озера обычно сравниваются с озерами, а не с реками (среди озер в отличие от рек много безрыбных – «пустых» или однородных по ихтиофауне – «щучьих», «окуневых» и т.п.). Речные же названия типа *Рыбная*, *Рыбница* и т.п. указывают на обилие рыбы по сравнению с другими реками.

Все это здесь говорится не для того, чтобы категорически отвергнуть предложенную этимологию волжского гидронима. Вполне

может быть, что *Колдома* на самом деле каритив со значением ‘Безрыбная (река)’ и что вологодский ойконим *Колдома* – какая-то метонимия с тем же значением, а лимноним *Кольдема* действительно ‘Безрыбное (озеро)’. Наша цель – показать, что аргументировать каритивность очень сложно, если даже основываться на этимологии субстратных топонимов и физико-географических реалиях.

Однако основная трудность, как уже было сказано, связана все-таки с выделением форманта, а соответственно, и основы. Топооснова *колд-* в топонимии широко распространена и сочетается с разными топоформантами, ср.: *Колда*, р. (Пин), *Колдай*, руч. (Бел), *Колдов*, пок. (Бел), *Колдозеро*, *Колдручей* (Плес), *Колдокурья*, ур. (Пин), *Колдома*, оз., *Колдомка*, р. (Бел), *Колдома*, д. (Кир), *Колдомский*, руч., *Колдомское*, бол. (Нянд), *Колдюга*, р. (Влгд). Эти факты свидетельствуют, что даже такой, казалось бы, убедительный пример, как *Колдома* ‘Безрыбная’ может иметь другие этимологические решения. То же следует сказать и о названиях *Пертома* и *Урдома*, ср. соответственно топонимы *Перта*, *Пертема*, *Пертнаволок*, *Пертова*, *Пертозеро*, *Пертоя*, *Пертручей*, *Пертуга*, *Пертюг* и мн. др.; *Урдомка*, *Урдюга* (три названия!), *Урдюжское*, *Урдярьозеро* и др. (см. подробности в СТРС III, 85, 119, 149).

На территориях ИМЗ и РС множество топонимов с финалями *-том(а)*, *-дом(а)*, а некоторые из них зафиксированы по несколько раз (*Андома*, *Колдома*, *Охтома*, *Пертома* и др.). Наличие общей основы для ряда названий с разными формантами (см. выше о топонимах с основами *колд-*, *перт-*, *урд-*) или характерная фонетическая примета, например, специфическая группа согласных *хт* в корне (*Лохтома*, *Охтома*, *Рухтома*, *Ухтома* и т.п.) почти всегда позволяют не только взять под сомнение, а и вообще отвергнуть предположение, что эти финали являются каритивными суффиксами*.

---

* Как опасны «игры в суффиксы» показывает чисто формальное вычленение компонента *-тома*, *-дома*, при котором остающиеся «основы» принимают вид *V-* (*У-дома*), *VC-* (*Ор-дома*), *CV-* (*Мя-дома*), *CVC-* (*Лох-тома*), хотя фактически имеют структуры *VC-*, *VCC-*, *CVC-*, *CVCC-*.

Названия на *-(V)дом*, характерные для ИМЗ, при всей их малочисленности – не фантом, основанный на звуковом сходстве. Они обладают ареальной спецификой, связаны прежде всего с населенными пунктами, не имеют, что немаловажно, соответствия с глухим согласным (**-tom > (*)-том*⁸) и параллелей в топонимии других финских языков. Поскольку эти наименования являются субстратными и засвидетельствованы на территории ИМЗ, их можно предположительно идентифицировать как мерянские по происхождению ойконимы. Что касается каритивных географических названий, то они в топонимии редки, их трудно выявить и определить как каритивы. На территории ИМЗ и РС много гидронимов со звуковыми комплексами *-том(а)*, *-дом(а)*, ср. *Исколдом*, *Ирдом*, *Истомка*, *Колдома*, *Курдома*, *Урдома* и т.п. Можно, конечно, допустить, что среди них есть каритивные, но доказать это в каждом конкретном случае затруднительно. С другой стороны, и не все названия населенных пунктов на *-дом(ово)*, *-дам(ово)* следует относить к ойконимам на *-(V)дом* как по ареальным показателям, так и по характеру внутренней формы, ср. наименования деревень в памятниках *Амстрадамово* (*Астрадамово*) [Кусов 1993: 261] на Тверской дороге и *Кошкодамово* [Там же: 291]* в Карачевском уезде.

1.3.3. Детерминанты лимнонимов

1.3.3.1. Детерминант *-(V)хр(V)*

В северной части ВОМ и КК озер сравнительно мало, и они не образуют таких скоплений, как статичные озера бассейнов Клязьмы и Оки. Именно поэтому там не было условий для сохранения лимнонимов с озерным топоформантом, а несколько крупных озер, по видимому, имели в мерянском языке другое обозначение **ner (< *mer)* ‘большое озеро’, ‘море’ [Матвеев 1978] (см. 1.4.2).

Озерные названия на *-(V)хр(V)* ‘озеро’, характерные для ИМЗ, обсуждались неоднократно и обычно квалифицировались как мерянские

---

* Ср. антропонимы *Кошкодамов* (? < **Кошкодавов*) и *Кошкодав* [Веселовский 1974: 162].

(см. [Попов 1965: 118–119; 1974: 18–19; Седов 1974: 32]). Эти названия в ИМЗ представлены достаточно широко, но почти все сосредоточены на юго-востоке региона во Владимирской области и прилежащих к ней южных окраинах Ивановской, где засвидетельствовано 32 таких наименования (фактически их, конечно, больше): 16 двусложных (*Вихра*, *Махра*), 15 трехсложных (*Вочехро*, *Пузехра*) и одно четырехсложное (*Кочехоро*). Наиболее плотно они расположены вдоль Клязьмы между устьем Нерли и местом впадения Клязьмы в Оку. Все это исключительно названия озер, т.е. собственно лимнонимы. Среди них отсутствуют образования с русскими притяжательными суффиксами *ов* и *ин* и почти нет наименований с суффиксами существительных (только *Выхрица* и, может быть, *Вохрыч*). Поэтому нет никаких сомнений в том, что $-(V)xp(V)$ – озерный топоформант.

На других территориях ИМЗ выявлено только три названия этого типа: два озера с названием *Махра* в Московской и Владимирской областях и речка *Инохра* на западе КК. Поскольку наименование *Инохра* прилагается и к смежному болоту, вполне вероятно, что некогда болото было озером. Эти три названия находятся в пределах ареала высокочастотной топоосновы *яxp*- ‘озеро’ (карта 4), что и подтверждает правильность толкования топоформанта $-(V)xp(V)$ как «озерного» детерминанта.

Многочисленные названия с основой *яxp*- на территории ИМЗ в свое время выявил М. Фасмер, сравнивая топонимы *Яхробол*, *Яхра*, *Яхренга*, *Яхрянка*, *Яхрома* [Vasmer 1935: 585], но не интерпретируя ее как мерянскую. Впоследствии названия ИМЗ и РС с основами *яxp*-, *ягр*-, *явр*- были сопоставлены с фин. *järvi*, саам. *jaw're*, мар. *jär, jer*, морд. *eŕke* ‘озеро’, причем эта этимология была подтверждена сравнением с реалиями [Попов 1948: 173; 1965: 118–119; 1974: 18–19; Матвеев 1965], а топонимы с основой *яxp*-, характерные для ИМЗ, стали рассматриваться как мерянские [Попов 1974: 18–19; Седов 1974: 32; Ткаченко 1985: 181; Матвеев 2001: 34–47].

А. Альквист считает, что названия с основами *яxp*-, *ягр*- «можно действительно с большей вероятностью связывать с имеющимся теперь

или в мерянское время озером» [Альквист 2000а: 24], но нигде не говорит о том, что эти названия мерянские [см. Альквист 1997: 29–30; 2000а: 24–25; 2001: 458]. Альквист приводит топонимы *Яхробол*, *Яхрома* (4 названия), *Яхромино*, а также *Ягренево* [Альквист 2000а: 24–25]. В другой работе упомянуты еще *Яхрово* и *Ягорба* [Альквист 1997: 29]⁹.

Следует, однако, различать названия с основами *яхр-* и *ягр-*. Основа *яхр-* характерна для топонимии ИМЗ, а *ягр-* для РС (*Ягрема*, *Ягрова*, *Ягрыш* и др.). Колебания *яхр-* ~ *ягр-* в ИМЗ (*Яхрома* ~ *Ягрома) и *ягр-* ~ *яхр-* на РС (*Ягрема* ~ *Яхрема) не засвидетельствованы. Исключения объяснимы: *Ягорба* относится к северной части Пошехонья, смежной с РС, а многочисленные гидронимы *Яхреньга* (9 названий) на юго-востоке РС восходят к *Ягреньга. Они возникли в результате диссимилиации заднеязычных смычных. Это подтверждается тем, что в зоне, где распространены гидронимы *Яхреньга*, зафиксировано 12 рек и ручьев с названием *Ягрыш*.

Что касается наименования населенного пункта *Ягренево* близ Переславля-Залесского, то оно образовано от фамилии *Ягрнев*, засвидетельствованной в документе XV в., относящемся к Переславскому уезду [АСВР I, № 82]. Отантропонимическое или отантропотопонимическое происхождение этого ойконима подтверждается и названием деревни *Ягренево* Бежецкого уезда, зафиксированным также в документах XV в. [АСВР I, № 147, 367, 568]. Деревня *Ягренево* близ города Бежецка (Тверская область) существует и в настоящее время. Трудно сказать, связаны ли эти ойконимы с основой *ягр-*, но к озерным названиям с основой *яхр-* они не имеют отношения.

Среди топонимов с основой *яхр-*, засвидетельствованных в ИМЗ, также не все следует учитывать. Наименование пустоши *Яхрово*, в 1627–1628 гг. относившейся к сельцу Никольскому Шуромского стана [Смирнов 1929: 89], локализуется достаточно точно, так как известно местонахождение населенных пунктов Шурма и Никольское в Московской области. Однако посессивная форма названия и отсутствие адекватных сведений об объекте (пустошь!) делают проблематичной целесообразность его картографирования. Но поскольку пустошь *Яхрово*

находилась в непосредственной близости от реки *Яхрома*, можно не учитывать этот топоним без ущерба для точности ареала. Другой случай – деревня *Яхромино* Калязинского района Тверской области на берегу реки Жабня. А. Альквист приводит это название, подчеркивая, что рядом с деревней есть болото, которое «во время весеннего паводка превращается в озеро» [Альквист 2000а: 24]. Населенный пункт точно локализован, но посессивная форма и ненадежность сведений о водном объекте наводят на мысль о том, что в основе названия оттопонимический антропоним – фамилия *Яхромин*. Эту фамилию и обнаруживаем в документе начала XVI в., относящемся к Жабенской волости Кашинского уезда, где упомянут крестьянин Якуш *Яхромин* [АСВР III, № 172]. Естественно, что вторичное название картографировать нецелесообразно.

На территории ИМЗ до настоящего времени выявлено 12 субстратных топонимов, которые надежно возводятся к основе *яхр-*: *Яхра*, *Яхренка*, *Яхрень* (в некоторых источниках – *Яхруша*), *Яхринка*, *Яхробол*, *Яхрома* (4 названия), *Яхромша*, *Яхронка*, *Яхруст* (см. карту 4)*. За исключением ойконима *Яхробол* (> озеро *Яхробольское*) с прозрачной семантикой ‘Озерное селение’ (*бол* – ‘селение’), все эти названия обозначают реки. В восьми случаях установлено, что в бассейне реки есть озеро, в одном (*Яхрома*) несомненен факт существования озера в прошлом [Попов 1974: 18], в двух – данных пока нет. Но и этих сведений достаточно для того, чтобы видеть в основе *яхр-* обозначение озера. Основа *яхр-* устойчива: редкие варианты (*Яхарма*, *Яхорма*) [Альквист 1997: 29] либо фиксируют «акающее» произношение, либо окказиональны. Показательны и словообразовательные приметы: форманты *-Има* (*Яхрома*, ср. *Ягрема* на РС) и *-Инь* восходят к древним финно-угорским суффиксам прилагательных **Im* и **in* [Lehtisalo 1936: 86–91, 136–138; Серебrenников 1963: 169; Галкин 1966: 64–66]. Эти же суффиксы в других названиях могли повлиять на форму русского слова (*Яхренка*, *Яхринка*,

---

* А.И. Попов [Попов 1974: 18] приводит еще оз. *Яхробомша* и *Яхорза* (что?), но их местонахождение пока не установлено.

Яхронка). Формант *-Vмиа* скорее всего восходит к сочетанию отыменного суффикса прилагательных с уменьшительным [Попов 1974: 26]*. Наиболее загадочен формант *-уст* (*Яхруст*), в котором, однако, можно видеть разновидность «речного суффикса» *-Vхта*, *-Vзда*, по мнению А. Альквист, мерянского [Альквист 2000а: 30–31; 2000б: 83, 86].

Отпадение начального *j* произошло, по-видимому, в гидрониме *Ахробость* (верховья р. Черемуха, впадающей в Волгу в гор. Рыбинск Ярославской области). К сожалению, нам известна только картографическая форма, но если она верна, то можно высказать следующие предположения. Поскольку основа *ахр-* ни на территории ВОМ, ни в КК, в других названиях не засвидетельствована, а самое верховье реки представляет собою обширное торфяное болото (бывшее озеро?), возможно, перед нами измененное наименование **Яхробость*, т.е. произошел редкий случай утраты начального *j* в основе *яхр-*. В словообразовательном отношении **Яхробость* можно сопоставить с *Ягорба*, а также с *Яхруст* и *Яхробмиа*.

Таким образом, большинство суффиксальных образований от основы *яхр-* вполне вписывается в предполагаемые формальные характеристики мерянского языка как одного из финских языков (волжско-финского или близкого к ним), а основа может быть реконструирована в виде **jахr* или **jäхr*.

Ареал основы *яхр-* соответствует ареалу этнопонимов, производных от *меря*, образуя аналогичный пробел в юго-восточной части ИМЗ (см. карты 1 и 2). Поскольку нет исторических сведений о каком-либо народе, кроме мери, который проживал бы в период русского освоения этой территории в пределах зоны *яхр-* и ареала этнопонимов, образованных от *меря*, нет другой этнопонимии с подобной зоной распространения, а также нет никаких данных о каком-либо другом субстратном озерном термине с таким же ареалом, есть все основания считать реконструированный термин **jахr* (*jäхr*) мерянским.

---

* Ср. в костромской гидронимии: р. *Нея* – р. *Нельшиа* (приток Неи) [Попов 1974: 26], р. *Тома* и рядом менее значительная р. *Томшиа* (притоки р. Мера) [ТЭ]. Ср. также *Яхруша*.

В ауслауте бессуфиксальные с точки зрения русского языка лимнонимы с детерминантом $-(V)xp(V)$ обычно имеют окончание *a* (*Вихра*, *Суехра*) и *o* (*Выиехро*, *Смехро*). Примечательно, однако, что в старину фиксировались и варианты с конечным согласным *p*, ср. *Нефр* < *Нехр [АСВР III, № 480, 482]. В настоящее время формы с конечным *p* (*Поныхарь*, *Семахар*) встречаются реже (5 названий), чем наименования с вокалическим исходом, но они очень показательны, так как сохраняют консонантный ауслаут языка-источника.

Эти данные свидетельствуют о вероятности существования в языке субстрата основ с фонетической структурой $CVC(C)-$, что вело к взаимодействию согласных на стыке основы и топоформанта с консонантным анлаутом. Были и другие факторы, которые способствовали преобразованиям топоформанта: он находился в слабой позиции и, судя по всему, имел исход на труднопроизносимую в ауслауте группу согласных *xp*. Обычная для русского языка и устойчивая в положении перед гласным группа *xp* в ауслауте тем не менее не встречается [ОС 1974: 508], что и объясняет ее изменчивость в процессе фонетикоморфологического освоения. В то же время взаимодействие как консонантного, так и вокалического исхода основы с начальным *j* топоформанта и последующим гласным приводило к ассимиляциям и диерезам, а как следствие этого – к широкому распространению двусложных лимнонимов типа *Вихра*, *Махра*, которые возникали из многосложных.

Русское освоение устранило труднопроизносимую группу согласных *xp* в ауслауте развитием окончаний *o*, *a* (*Вохро*, *Вочехро*, *Вихра*, *Пузехра*) и с помощью эпентетических гласных (*Печхар*, *Поныхарь*, *Семахар*, *Учхор*), а иногда тем и другим способом (*Кочехоро*, *Ламхоро*, *Пурхало** < *Пурхаро*). Есть фиксации, свидетельствующие о том, что этот процесс еще не завершен, ср. параллельные формы *Поныхарь* и *Понехра*, *Семахар* и *Семахро*. Все это объясняет многообразие

---

* В этом лимнониме произошла обычная диссимилиация вибрантов. В других случаях фонетические процессы не совсем понятны (ср. *Печехра* и вариант *Печхало*).

вариантов топоформанта, ср.: *-ахар*, *-ахро*, *-ехоро*, *-ехра*, *-ехро*, *-ихра*, *-ыхарь*, *-хар*, *-харо*, *-хор*, *-хоро*, *-хра* (*-фра*), *-хро* (*-фро*).

Анализ русского фонетико-морфологического освоения лимнонимов на *-(V)xp(V)* важен прежде всего в том отношении, что позволяет реконструировать топоформант в виде **jVxr**, поскольку при наличии гласного в ауслауте многовариантность русской формы субстратных названий маловероятна: гласный языка-источника заменяли бы на *о* или *а* русского языка, как это обычно происходит в заимствованных словах [Kalima 1919: 63–75; Матвеев 1959: 98–101]. Не мешает вспомнить и о лимнониме *Рушеягръ* на РС (см. СТРС I, 288–289; СТРС II, 264).

А. Альквист согласна с тем, что формант *-хра*, *-хро* достаточно типичен для мерянской территории и «относится, скорее всего, к мерянскому времени» [Альквист 2000а: 30]. Остается неясным, считается ли этот формант мерянским. Однако в одной из последних работ Альквист уже утверждает, что «сама география не позволяет нам рассматривать названия на *-V + хр*а ‘озеро’ как мерянские» [Алквист 2001: 450].

В связи с этим полезно вновь обратиться к данным лингвистического картографирования и прежде всего к названиям *Махра* и *Инохра*, которые представляют большой интерес, во-первых, по той причине, что свидетельствуют об употреблении в пределах ареала основы *яхр*-термина **яхр* в роли детерминанта, т.е. основа *яхр*- и топоформант *-(V)xp(V)* являются топонимическими реализациями одного и того же мерянского обозначения озера (см. карту 4), а во-вторых, потому что указывают на одинаковую адаптацию географического термина со значением ‘озеро’, выступающего в функции детерминанта, на всей территории ИМЗ. Показательно также, что лимноним *Махра* есть и среди названий клязьминских озер.

В общей сложности, было картографировано 35 названий на *-(V)xp(V)* (карта 4): *Вихра*, *Вичехра*, *Войхра*, **Вохра* < *Завохранец*,

---

* Вопрос о качестве гласного трудно решить не только из-за его колебаний и даже выпадения в русском языке, но и потому, что согласный *j* мог исчезнуть уже в языке-источнике, и это могло обусловить последующие комбинаторные изменения.

Вохро, Вохрыч, Вочехро, Выхрица, Вышехро, Инохра, Исихра, Качхра, Кивехро, Конхро, Кочехоро, Кочихра, Ламхоро, Ламхра, Махра (3 названия), *Нефра, Нефро, Нечихра, Печехра (Печхало), Печхар, Поныхарь (Понехра), Пузехра, Пурхало (Пурхаро), Санхар, Селихра (Селехра), Семахар (Семахро), Смехро, Суехра, Учхор*. К территории Владимирской области относится 29 наименований, Ивановской – 4, Московской – 1, Костромской – 1, т.е. подавляющее большинство топонимов на $-(V)xp(V)$ связано с Владимирской областью. Некоторые названия не удалось локализовать (*Сезехра, Сохра*).

Карта свидетельствует, что топонимы с детерминантом $-(V)xp(V)$, кроме двух названий *Махра* и *Инохра*, сосредоточены в нижнем и среднем течении Клязьмы, в основном на левобережье ниже устья Нерли. Поэтому в дальнейшем будем именовать этот субрегион нижнеклязьминским. Из 32 нижнеклязьминских лимнонимов на правобережье Клязьмы зафиксировано 8, а еще 2 на левом берегу Оки недалеко от устья Клязьмы. Ареал достаточно плотен и четок, но явно связан с географическими условиями – множеством старичных озер в пойме Клязьмы и низовьях ее крупных притоков, что объясняет относительно хорошую сохранность лимнонимии: совокупность однотипных названий, хотя и подверженная русскому освоению, тем не менее не утрачивает формальный показатель.

А. Альквист, ссылаясь на Г.П. Смолицкую [Смолицкая 1973: 247; 1974: 65, 68], утверждает, что названия на $-(V)xp(V)$ сосредоточены «в основном по среднему и нижнему течению Оки и нижнему течению Клязьмы» [Альквист 1997: 29; 2000а: 25]. Карта 4 свидетельствует, что это не так. Дело в том, что Смолицкая объединила с названиями на $-(V)xp(V)$ более южные наименования на *рха, рхи, рка, рга* и др., которые тяготеют к мордовской топонимии, ср. морд. *эрьке, эрьке* ‘озеро’. Перечень всех этих формантов приводится в работе Смолицкой [Смолицкая 1974: 65]. Позднее [Смолицкая 1987: 26] ареал названий на *хра*, уже без упоминания о других формантах, распространяется на правобережное Поочье от устья Пары до устья Теши, включая и низовья Мокши, с чем нельзя согласиться, так как в результате выделяется

обобщенный, недифференцирующий топонимию различных языков ареал, к которому некритически апеллирует А. Аלקвист. Между тем о необходимости различать названия на *xpa* и *pxa* (с вариантами) писал еще А.И. Попов [Попов 1965: 118–119; 1974: 18, 27].

Сопоставление ареала лимнонимов с формантом $-(V)xp(V)$ и названий с основой *яxp-* (карта 4) позволяет сделать вывод, что в зоне *яxp-* встречаются отдельные наименования на $-(V)xp(V)$, а в нижнеклязьминском субареале названия с основой *яxp-* отсутствуют. Это несоответствие находит объяснение, если учесть результаты картографирования других топонимических типов ИМЗ.

Коррелятивность ареала топонимов с основой *яxp-* и ареала этнопонимов, производных от *меря*, позволяет идентифицировать эти топонимы как мерянские (см. карту 1). Отсюда следует, что сохранившиеся в зоне *яxp-* названия с топоформантом $-(V)xp(V)$ тоже следует считать мерянскими, восстанавливая топоформант в виде $*-яxp$ ($< *j\acute{a}xr$ или $*j\ddot{a}xr$). Это в первую очередь относится к двум названиям *Махра* к северу от верхнего течения Клязьмы, костромскому *Инохра* и уже не без сомнения к среднеклязьминским лимнонимам близ устья реки Нерль и выше по течению Клязьмы (см. карту 4). Соответственно отсутствие названий с основой *яxp-* и этнопонимов, производных от *меря*, в нижнеклязьминском субареале позволяет предположить, что в этих местах для обозначения озер употреблялся другой географический термин, который, однако, фонетически был близок к $*-яxp$, поскольку в функции форманта адаптировался аналогичным образом, т.е. в $-(V)xp(V)$.

По всей видимости, этот термин сохранился в названиях озер *Юхор*, *Юхора*, *Юхро*^{*}, а также *Юхроболево* (см. карту 4), которое зафиксировано на старинном «чертеже» окрестностей Владимира [Кусов 1993: 339], и может быть восстановлен в форме $*юxp < *juxr$, тем более что лимноним *Юхроболево* соответствует названию озера

---

* Этот лимноним в устье Оки примечателен в том отношении, что является самым восточным из названий такого рода, значительно расширяя тем самым зону расселения жителей нижнеклязьминского субрегиона.

Яхробольское*. Основанием для идентификации этой топонимической лексемы как географического термина служит не только относительная частотность названий и регулярность корреляции с объектом (озером), но и четкая ареальная противопоставленность основ *яхр-* и *юхр-*: эти термины находятся в отношении дополнительной дистрибуции, что позволяет выделять зону *юхр-*, для которой характерно отсутствие этнотопонимов, производных от *меря*. Веское подтверждение терминологического характера основ *яхр-*, *юхр-* и их исходного значения ‘озеро’, а также принадлежности основы *яхр-* мерянской топонимии можно видеть в оппозиции названий *Яхробол* в зоне *яхр-* и **Юхробол* в зоне *юхр-*. Реконструированные термины несомненно родственны, при этом слово **juxr* должно рассматриваться как эквивалент мерянскому **jaxr* в каком-то неидентифицированном пока финно-угорском языке субрегиона нижней Клязьмы, а слово **бол* (**pāl* ‘селение’ (см. 1.3.2.1) как общее достояние мерянского и этого неизвестного языка.

Поскольку освоение консонантного ауслаута **xr* в терминах **jaxr* и **juxr* в русском языке осуществлялось одинаковым образом и уже рассматривалось в процессе анализа названий с формантом *-(V)xp(V)* (см. выше), заметим только, что в субстратных названиях представлены все способы переработки группы **xr* в ауслауте слова

---

* В.С. Кусов наряду с озером *Юхроболево* упоминает и исток *Юхрободской* [Кусов 1993: 339], очевидно, из **Юхробольской*. Это снимает какие-либо сомнения в отношении названия озера *Юхроболево*, которое имеет посессивную форму, и позволяет достаточно надежно восстанавливать исходное **Юхробол*. В то же время немаловажно, что Г.П. Смолицкая среди нелокализованных гидронимов Поочья упоминает исток *Яхробольской* [Смолицкая 1976: 286], который зафиксирован во Владимирских писцовых книгах XVI в. По-видимому, **Юхробольской* исток и *Яхробольской* исток обозначают один и тот же объект, и это еще раз подтверждает, что **юхр* ‘озеро’. Но как объяснить существование названия в двух формах? Возможно, оно было зафиксировано у носителей разных языков. В таком случае допустимо, что в XVI–XVII вв. эти языки еще существовали. Однако нельзя исключить, что различные звуковые варианты наименования бытовали уже у обрусевших финно-угров. Наконец, могло сказаться действие аналогии к широко распространенной основе *яхр-*, известной и по топонимам в окрестностях Москвы. Так или иначе, наличие звуковых вариантов свидетельствует о том, что название функционировало в переходной зоне от ареала *юхр* к *яхр*. На это указывают и другие топонимические данные (см. карты 1, 4).

*juxr, ср. *Юхро* (**juxr* > *Юxp[o]*), *Юхор* (**juxr* > *Юx[o]p*) и *Юхора* (**juxr* > *Юx[o]p[a]*). Однако требует разъяснения различный вокализм терминов **jaxr* и **juxr*.

Интерпретация оппозиции **jaxr* – **juxr*^{*} должна увязываться с системным для марийского [Грузов 1969: 126–130] и пермских [Лыткин 1957: 81–82] языков процессом сужения корневого гласного. Серьезное подтверждение существования согласного ауслаута в этих терминах и сужения корневого гласного, отраженного в **juxr*, находим в гидронимах с формантом *-Vx* (*Вондух*, *Ландех*, *Люлих* и т.п.). Названия этого типа, имеющие согласный ауслаут, характеризуются четким и плотным ареалом в нижнем течении Клязьмы (карта 6). См. об этих названиях 1.3.4.3.

О соотношении мерянской тополексеми **jaxr* (**jäxr*) с соответствующими словами в других финских языках см. СТРС II, 263–267.

1.3.3.2. Названия озер и рек на *-кор*, *-кур* (и варианты)

На территории ВОМ выявлено и закартографировано 26 названий этого типа, но они крайне вариативны (*-кор*, *-коря*, *-кур*, *-кура*, *-гор*, *-гора*, *-горь* и др.) и не исключено, что имеют разные истоки, ср. *Ункор*, *Учкор*; *Кочекоря*; *Качкур*, *Печкур*, *Сучкур*; *Вишкура* (*Вишкур*), *Печкура*; *Воскураш* (< ? **Воскур*); *Латыгор*, *Укогор*; *Конгора*, *Янгора*; *Кучегорь*, *Пошагорь* и др. Ареальные характеристики вариантов невыразительны, но в непосредственной близости от Волги на территории ВОМ названия такого рода редки, частотнее они в пойме Клязьмы и по нижней Оке, что, вероятно, связано с физико-географическими особенностями обозначаемых объектов (см. ниже). Выделим еще два названия рек с детерминантом *-гора* в бассейне Шексны (к русскому по происхождению оронимическому топоформанту *-гора*, обозначающему в КК и на РС

---

^{*} В настоящее время мерянские реконструкции еще очень условны. Учитывая фин. *järvi*, мар. *jär*, следует восстанавливать мерян. **jäxr*, но саам. *jaw're* дает возможность думать о **jaxr*. Соответственно допустимы варианты **juxr* и **jüxr* в языке нижней Клязьмы. Поэтому формы **jaxr* и **juxr* пока следует воспринимать как условное обозначение обоих вариантов реконструкции.

горы и крутые берега, а по метонимии и населенные пункты, они не имеют отношения). Совсем нет наименований этого типа к востоку от рек Которосль и Клязьминская Нерль вплоть до Волги (кроме поймы Клязьмы, как уже было сказано, и довольно сомнительного *Пошагорь* в верхнем течении Луха).

Таким образом, на территории ВОМ названия с топоформантом *-кор, -кур* (и вариантами) сосредоточены в низовьях Оки, пойме Клязьмы, узкой полосой между верхним течением Клязьмы и Волгой, а также в низовьях Шексны. Обобщенный ареал этих названий воспроизведен на карте 5.

Картографирование позволило выявить и любопытное распределение наименований с различным корневым вокализмом формантов. Названия с гласным *о* сосредоточены преимущественно на северной и восточной стороне этого узкого ареала, а с гласным *у* – на южной и западной (см. карту 5). Интерпретация столь своеобразного распределения языковых фактов затруднительна, так как подобного рода фонетические соответствия широко распространены в финно-угорских языках, но могут проявиться и на русской почве. Пока следует заметить, что география названий с гласным *у* частично соответствует ареалу нижнеклязьминских наименований озер с формантом *-(V)хр(V)* и обозначению озера **juхr*, а узкая полоса подобных названий, вытянутая с севера на юг, проходит и между Клязьмой и Волгой вдоль западной границы расселения мери.

Кроме закартографированных, есть еще несколько интересных нелокализованных названий (р. *Каскура*, ур. *Мерлекуры* [Попов 1947: 278], оз. *Тюкогор*, р. *Тунгор*), но они не могут изменить общую пеструю картину. Напротив, фиксации географических терминов в топонимическом употреблении (оз. *Кура*, оз. *Куро*, р. *Курка*, ур. *Корья* (топкое место по рр. Мал. Нерль и Тошма в Пересл. у. [Смирнов 1929: 44]), нелокализованные пок. *Кура*, ур. *Верхние Куры* [Попов 1947: 278], а возможно, и две реки с названием *Курга* с их костромскими параллелями, о которых см. ниже) ясно указывают, что в роли детерминантов выступают географические термины **kur(V)*, **kor(V)*, **korja* (**kor'a*), которые

в определенных случаях трансформировались после гласных и сонорных в *-гор*, *-гора*, *-горь* (возможно, также *-герь* в результате каких-то не очень ясных ассимилятивных процессов в гидрониме *Ундюгерь*). Все это диалектные варианты одного термина, имеющего очень широкое распространение на РС как в виде русского диалектизма *курья* с преимущественным значением ‘речной залив’, ‘небольшая речка’, так и в полностью субстратных и полупереводных названиях гидрообъектов в качестве детерминанта *-курья* (*-курье*, *-корья*, *-корье*). Правда, на РС начальное *к* в топоформанте обычно сохраняется, хотя известны и примеры с начальным *г*, причем на территории близ Кубенского озера, очень близкой к мерянским землям (речки *Кóлогорье**, *Рíмгурье*). Подробнее см. СТРС I, 194–197.

На территории ВОМ топонимы с рассматриваемыми топоформантами прилагаются прежде всего к рекам и пойменным («старичным») озерам, но иногда и к урочищам. Поэтому не исключено, что в ряде случаев формы на *-гор(ь)*, *-кор* являются результатом переработки озерных названий на *-(V)хр(V)* в вариантах *-хра*, *-хро*, *-хор*. Первоначальная семантика термина, видимо, все же ‘речной залив’ (отсюда ‘старичное озеро’, ‘старица’), ‘небольшая речка’.

На территории КК соответствующие названия представлены слабо (всего 4 наименования) и только в его северо-западной части между верховьями Костромы и Унжи, причем лишь название реки *Конногорь* (левый приток Костромы) явно относится к топонимам рассматриваемого типа и очень напоминает гидроним *Конгора* в Пошехонье.

Встречаются компоненты *кур-*, *кор-* и в основах. Ср. в ИМЗ гидронимы *Куровка*, *Курумза*, *Курохта*, *Кореж* (*Кореш*), лимнонимы *Воскураш*, *Курово*, *Корама*, *Кораиш*. На территории КК есть рр. *Курочина*, *Кора*, *Корега*, *Корюга*, ур. *Кураиш*. Здесь фактов меньше, чем в ИМЗ, и они менее показательны с формальной точки зрения (кроме *Кураиш*). Возможно потому, что костромские названия не связаны с рассматри-

---

* Из русского *Кóло (около) *горы* выводиться невозможно, так как эта речка протекает по сильно заболоченной низине бассейна реки Большой Пучкас, где никаких гор нет.

ваемым термином, хотя другие попытки этимологизации гидронимов *Кора*, *Корега*, *Корюга* нельзя признать удачными. М. Фасмер сравнивает *Корега* с фин. *kuore* ‘корюшка’ [Vasmer 1935: 547–548], но корюшка проникла в бассейн Волги только «в последние годы» [Атлас пресноводных рыб России: 174]. О.В. Востриков приводит для группы этих слов как данные Фасмера, так и фин. *korea* ‘красивый’, коми *kõr* ‘олень’ и вепс. *kar* ‘залив’ [Востриков 1979: 59–60, 70]. Все эти этимологии неубедительны, представляя собой набор случайных соответствий из территориально далеких языков.

Детерминанты *-кура* со значением ‘овраг’, *-курья* ‘проток’, ‘приток’ выделял еще Д. Европеус, считая их угорскими по происхождению [Европеус 1874: 12], но более убедительны прибалтийско-финские соответствия, ср. фин. *kuri* ‘длинное узкое углубление; залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами’ и саам. *kurra*, *gurrâ*, *kur* ‘узкое углубление (проход) в горной тундре’, ‘отверстие’, ‘ущелье’ [SKES: 247]. Подробнее см. СТПС I, 194–197.

Особую группу составляют два гидронима *Курга* на территории ВОМ и костромские названия с топоформантом *-курга* (*Ликурга*, *Никурга*, *Якурга*^{*}). Материал ограничен, поэтому их анализ затруднителен. Прежде всего следует иметь в виду, что волго-окские и костромские топонимы могут быть и не связаны друг с другом. Ярославское *Курга*, например, сопоставляют с фин. *kurki*, эст. *kurg* ‘журавль’ [Vasmer 1935: 559–560]. В то же время костромские наименования характеризуются односложными топоосновами *ли-*, *ни-*, *я-*, что в свою очередь вынуждает поставить вопрос, действительно ли здесь формант *-курга*, а, например, не *-урга*. К тому же *Ликурга* известно пока как ойконим, а *Якурга* зафиксировано также в форме *Якург*. Все это не дает оснований для сколько-нибудь серьезных обобщений. Все же примечательно, что в КК отсутствуют названия на *-кор(а)*, *-кур(а)* и т.п. (кроме *Конногорь* на западной периферии КК) и, таким образом, топоформанты *-кур(а)* и *-курга* лингвогеографически оказываются в отношении дополнительной

---

* *Якурга* находится в Вологодской области близ границы с Костромской.

дистрибуции: топонимы на *-кур(a)* характерны для ВОМ, на *-курга* – для КК. Поэтому можно предположить, что в топонимии ИМЗ отражены два родственных диалектных слова **kur(a)* и **kurg(a)*.

Своеобразная география, возможные контаминации с лимнонимами на *-(V)xp(V)*, сильное варьирование и соотношенность как с озерами, так и реками не позволяют использовать этот детерминант как надежный мерянский индикатор, тем более что подобные наименования встречаются нечасто.

1.3.4. Детерминанты гидронимов

1.3.4.1. Предварительное замечание

За редкими исключениями, которые всегда оговариваются, при анализе гидронимов с финалью *-a* учитываются только трехсложные и весьма редкие четырехсложные названия. Объединение многосложных образований с двусложными (ср. [Алквист 2001: 438–439, 445]) при всех его плюсах, в частности, увеличении корпуса исследуемых единиц, все же нецелесообразно, во всяком случае, на первых этапах изучения того или иного топоформанта, так как среди двусложных названий могут быть топонимизированные географические термины, эллиптические топонимы, утратившие формант, наименования, представляющие собой чистые основы, вообще не имевшие форманта, и, наконец, двусложные образования, возникшие из многосложных в результате выпадения гласных. Отсюда следует, что объединение многосложных и двусложных названий при анализе субстратных топонимов с финалью *-a* нежелательно, так как может привести к искажению исходной картины. Разумеется, при совершенствовании методики, достижении определенных результатов, вычленении географических терминов в топонимическом употреблении, успехах в этимологизации топооснов и т.п. будет возможно и объединение какой-то части двусложных наименований с многосложными, но пока это преждевременно.

1.3.4.2. Детерминант *-Vza*

Финно-угорский речной детерминант *-Vza* подробно анализируется в СТРС I, 249–256, и СТРС III. Лингвоэтническая идентификация гидронимов на *-Vza* на территории ИМЗ, как и в других регионах, трудна прежде всего потому, что реконструируемые формы топоформанта **-jeg(a)*, **-jog(a)*, **-jug(a)* и т.п. могут сопоставляться с обозначением реки в различных финно-угро-самодийских языках. Кроме того, исходную форму восстановить сложно еще и потому, что на русской почве в безударном положении корневой гласный топоформанта мог подвергаться интенсивной адаптации.

Всего на территории ИМЗ пока зафиксировано и закартографировано 72 гидронима на *-Vza* (карта 6), притом на относительно небольшой по сравнению с ВОМ территории КК – 31, что может свидетельствовать о более позднем и довольно интенсивном заселении этой северо-восточной части ИМЗ носителями языка гидронимии на *-Vza*. Конечный гласный форманта *-a* может быть русского происхождения, особенно с учетом смежных ареалов *-Vx* и *-Vz* (см. подробнее 1.3.4.3), но нельзя исключить, что вокальная финаль была в языке-источнике. О ее характере судить трудно. Возможно, что это был краткий редуцированный звук, который получил дальнейшее развитие в русском языке и закономерно преобразован в *a*. Три случая употребления термина в функции топонима – *Ёza* (ВОМ), *Ёza* (КК), *Юza* (ВОМ), казалось бы, подтверждают эту версию. Серьезную проблему создает, однако, фиксация на восточной периферии зоны *-Vza* четырех названий *Юz* (см. карту 6), локализацию которых здесь можно объяснить взаимодействием *-Vza* с *-Vx* и *-Vz* в контактной зоне, что хорошо видно на карте. Ср. также *Лух*.

Анализ корневого гласного топоформанта позволяет сделать следующие выводы.

1. На территории ВОМ довольно многочисленны гидронимы на *-ига* и *-ыга* (*Куфтига*, *Семига*, *Вондыга*, *Таймыга* и т.п.). Их соответственно засвидетельствовано 9 и 5, т.е. более трети всех названий

на *-Vga* в ВОМ. В КК отмечено только одно название на *-ига* (*Ножига* с вариантом *Ножега*). С учетом вокализма среднерусских говоров появление *ы* и *и* в топоформанте следует объяснить тенденцией к редукции, т.е. эти явления связаны с поздними этапами русской адаптации, что доказывается и колебанием форм: *Вондыга* / *Вондога*, *Шордыга* / *Шордога* в ВОМ, *Ножига* / *Ножега* в КК. Ср. еще в КК – *Тожега*, *Тожига*, *Тожога*, *Тожуга*.

2. Наиболее распространены топоформанты *-ога* (ВОМ – 10, КК – 9) и *-ега* (ВОМ – 6, КК – 13). Они составляют в общей сложности половину всех названий на *-Vga* (38 из 72). Возможно, этому способствовала популярная в субстратной топонимии модель освоения названий с «соединительным» гласным *e/o* (см. об этом СТРС I, 151). Что касается более широкого распространения названий на *-ега* в КК, то это могло быть обусловлено как случайностями звукового состава топооснов, воздействующих на топоформант, так и ареальным выравниванием форманта на русской почве.

3. Гидронимы на *-уга*, *-юга* встречаются сравнительно редко (соответственно 8 в ВОМ и 7 в КК). Тем не менее вопрос об исходной форме детерминанта в языке-источнике нельзя решать только на основе статистических показателей. Можно предполагать реконструкцию в виде **jogə* (*jogʲ*), **jugə* (*jugʲ*) или с закрытым *ó* **jóǵə* (**jóǵʲ*). Гидроним *Егобож* с вариантом *Югобож* (ВОМ), который уже М. Фасмер сопоставлял с мар. *joʊə* ‘река’ [Vasmer 1935: 557]¹⁰ явно указывает на эту возможность. Наконец, на такой обширной территории допустимо функционирование форм с разным вокализмом. Возможно также, что конечное *a* развилось на русской почве.

В ареальном плане наблюдается очень пестрая картина, но надо заметить, что гидронимы на *-ига*, *-ыга* засвидетельствованы преимущественно во Владимирской и Ивановской областях и что в Ярославской области наименования на *-Vga* встречаются относительно редко. Первое уже объяснялось выше, второе представляет проблему, которую еще предстоит решать. Другие ареальные признаки не являются скольнибудь существенными.

В целом названия на *-Vga* образуют в ИМЗ довольно значительный массив, имеющий наиболее заметные сгущения в верховьях Клязьмы и на клязьминской Нерли, в низовьях Шексны, на правобережье и левобережье Волги между Костромой и Унжей, причем на правобережье Унжи заметна переходная зона от названий на *-Vga* к названиям на *-Vz* (см. карту 6). Эта территория в основном совпадает с зоной распространения мерянских этнопонимов и ойконимов на *-бол*, что позволяет считать гидронимы на *-Vga* хотя бы по употреблению мерянскими и согласуется с выделением ареалов гидронимии на *-Vx* в низовьях Клязьмы и на *-Vz* к северо-востоку от Унжи. В этих гидронимических ареалах не встречаются мерянская этнонимия и ойконимы на *-бол* и *-(V)дом*, что и не позволяет относить их к мерянским, хотя они могут принадлежать языкам, близким мерянскому.

О.В. Востриков не считает возможным рассматривать наименования с детерминантом *-Vga* на территории КК как мерянские, именуя их условно названиями «племен топонимии на *-oga/-ega*» [Востриков 1979: 138]. Вряд ли все-таки следует отделять костромские гидронимы на *-Vga* от волго-окских как ввиду их географической смежности, так и особенно по причине совпадения всего ареала *-Vga* на территории ИМЗ с ареалами мерянской этнопонимии и ойконимов на *-бол*, а также четкой ареальной противопоставленности названий на *-Vga* гидронимии на *-Vx* и *-Vz*. Можно указать также на совпадения в топоосновах, ср. *Кистега* (ВОМ) – *Кистега* (КК), *Молога* (ВОМ) – *Молога* (КК), *Печуга* / *Пичуга* (ВОМ) – *Пичуга* / *Печуга* (КК).

Таким образом, анализ финно-угорского детерминанта со значением ‘река’ в его русских реализациях и выделение отдельных ареальных подтипов позволяет допустить, что названия с детерминантом *-Vga* на территории ИМЗ могут предположительно быть отнесены к мерянским, а наименования на *-Vx* и *-Vz* принадлежат каким-то иным лингвоэтническим общностям, может быть, близким к мерянской.

Гидронимы на *-Vz* большей частью находятся далеко за пределами ИМЗ (см. о них СТРС III). Напротив, названия рек на *-Vx* образуют смежный с мерянским языком ограниченный ареал, имеющий некоторые

общие черты с мерянской лингвоэтнической зоной. Поэтому в нашей работе их нельзя оставить без внимания.

1.3.4.3. Детерминант $-Vx$ ¹¹

Начало изучению этого гидронимического типа положил В.А. Никонов [Никонов 1960: 92–95]. Основываясь на фоностатистике, он гипотетически определил язык названий на $-Vx$ как «наложение архаичнотюркского слоя на финно-угорский». Никонов отнес ареал названий на $-Vx$ к бассейну Клязьмы и частично нижней Оки, но на карте в его статье они показаны на территории Рязанской области и крайнего юга Владимирской (южнее Муром). Е.М. Поспелов справедливо считает названия на $-Vx$ финно-угорскими и относит их ареал прежде всего к нижнему течению Клязьмы. Ему же принадлежит предположение, что исход этих названий связан с русской фонетической адаптацией $z > x$, и поэтому они могут быть сведены к субстратным гидронимам на $-Vz$ [Поспелов 1967: 12–13]. Г.П. Смолицкая указывает, что названия на $-Vx$ распространены главным образом в междуречье Клязьмы и Волги, хотя одиночные гидронимы встречаются и на правобережье Клязьмы, но на карте они воспроизводятся точечным способом преимущественно в Ивановской области [Смолицкая 1974: 64–65]. Наконец, О.Б. Ткаченко рассматривает названия на $-Vx$ как бесспорно мерянские, объединяя при этом такие гидронимы, как *Ландих*, *Пенюх* с наименованиями на $-Vxa$ – *Вондюха*, *Шарниха* [Ткаченко 1985: 72–73]. Топоосновы *вонд-*, *шарн-* действительно можно считать мерянскими (см. 1.4), однако форманты типа *-юха*, *-иха* могут оказаться как чисто русскими, так и возникшими в процессе фонетико-морфологической переработки и словообразовательного освоения субстратного детерминанта $-Vx$. Во всяком случае безоговорочно объединять гидронимы на $-Vxa$ и $-Vx$ даже в пределах ареала $-Vx$ все-таки не следует.

Именно из этих соображений и в целях наибольшей доказательности при картографировании гидронимов на $-Vx$ нами не учитывались названия на $-Vxa$, а также гидронимы типа *Лемешок* и *Елюшка* (ср. пос. *Палех* – р. *Палешка*) даже в пределах ареала $-Vx$, хотя вполне

вероятно, что они образованы от таких наименований на *-Vx*, как *Лемех и *Елюх. В то же время наряду с названиями рек (24) были нанесены на карту несколько наименований озер (4) на *-Vx*, восходящих к речным названиям по метонимии. Таким образом, всего было закартографировано 28 названий (у Г.П. Смолицкой – 25), однако при почти одинаковом количестве нанесенных на карту названий полученные ареалы отличаются друг от друга: по данным Смолицкой, гидронимы на *-Vx* распространены даже в западной половине Ивановской области, по результатам нашего картографирования они довольно компактно расположены в бассейне нижнего течения Клязьмы между ее устьем и местом впадения реки Уводь, а частично также на прилежащем к этой территории левобережье Оки (см. карту 6), т.е. В.А. Никонов по существу верно определил ареал гидронимов на *-Vx*, однако на опубликованной им карте этот ареал оказался смещенным к югу, чему способствовал не очень точный штриховой способ воспроизведения ареала. Напротив, точечный способ прямо указывает на преобладание гидронимов на *-Vx* в бассейне р. Лух и на прилежащей к нему территории по реке Клязьме между ее устьем и местом впадения Луха (14 названий).

Сопоставление ареала гидронимов на *-Vx* с ареалами этнотопонимов, производных от *меря*, а также ойконимов на *-бол* и *-(V)дом* (карты 1, 2, 3) приводит к однозначному результату: ареал *-Vx* нигде не пересекается с ареалами названий, идентифицируемых как мерянские (*-бол* и *-(V)дом*) или указывающих на мерю (этнотопонимы, образованные от *меря*), примыкая к ним с востока и юго-востока. Единичный для Ивановской области гидроним *Возоболь* (верхнее течение Луха) находится уже за пределами ареала *-Vx*. Все это свидетельствует о том, что гидронимы на *-Vx* были созданы не мерей, а каким-то другим финно-угорским народом.

Сопоставление ареала *-Vx* с ареалами топонимов с «озерными» основами *яхр-* и *юхр-* в свою очередь свидетельствует о том, что ареал *-Vx* коррелятивен с зоной *юхр-*, но не совпадает с территорией распространения основы *яхр-*. Это также означает, что лимнонимы с основой *юхр-* и гидронимы на *-Vx* были созданы не мерей, а каким-то другим

финно-угорским этносом, для языка которого был в той или иной степени характерен согласный ауслаут и сужение гласного в корне. Поэтому гидронимы на *-Vx* должны сравниваться прежде всего с топонимами на согласный в ауслауте (утратившими конечный гласный) и с наличием сужения гласного в корне, а именно с часто встречающимся гидронимом *Юг* (ср. фин. *joki* ‘река’) и многочисленными названиями рек на *-Vz* типа *Нюрюг* в Костромской и Вологодской областях.

Важно также, что ареалы *-Vx* и *-Vz* в Волго-Двинском междуречье находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с ареалом *-Vza*. Для последнего характерны и мерянские этнонимы и ойконимы на *-бол*. В ареалах *-Vx* и *-Vz* они отсутствуют. Это подтверждает мерянский характер названий на *-Vza* в ВОМ и КК, поддерживает версию, что западная часть КК была давно освоена мерянами, и вместе с тем позволяет поставить вопрос о том, как обозначались населенные пункты в ареалах *-Vx* и *-Vz* и были ли вообще постоянные населенные пункты на этих территориях в дорусский период.

Интересно и то обстоятельство, что в КК засвидетельствован только один гидроним на *-Vx* в верхнем течении Унжи близ Кологрива (*Вонюх*), т.е. очень далеко от ареала *-Vx* в басс. Клязьмы. Это изолированное название скорее всего возникло в результате русской переработки из **Вонюг* [Востриков 1979: 52], поскольку в верхнем течении Унжи распространены именно гидронимы на *-Vz*.

Проблему происхождения речных названий на *-Vx*, которым на РС соответствуют наименования на *-Vz* (ср. фин. *joki*, карел. *jogi*, саам. *jokká* ‘река’, мар. *йогы* ‘течение’, ‘поток’, ‘река’ и т.п.), решить нелегко. Как уже было замечено, эти названия характерны прежде всего для Ивановской и Владимирской областей, особенно для бассейна реки Лух (очевидно, из **jux* ~ **jug* ‘река’ с учетом, например, фин. *joutsen* – саам. *пјuk’čá* – морд. *локсей* ‘лебедь’). Несомненно, что зона распространения гидронимов на *-Vx* связана с волжско-пермским (и мерянским) ареалом топонимов на согласный (утративших конечный гласный), в частности, с часто встречающимся гидронимом *Юг* и многочисленными названиями рек на *-Vz* в Костромской и Вологодской областях.

В.А. Никонов, анализируя звуковой состав гидронимов этого типа, указывает на широкую употребительность *y* в первом слоге [Никонов 1960: 93]. В этом, без сомнения, следует видеть отражение тенденции к сужению гласных, явления системного для марийского языка [Грузов 1969: 126–130]. Добавим, что и в топоформанте *-Ix* узкие гласные *y* и *и* характерны по крайней мере для половины фиксаций. Обращает на себя внимание полное отсутствие *и* в анлауте, очень характерного как для марийского, так и мерянского языка звука, при довольно частой фиксации *c* (*Сасох, Саях, Сезух, Сердох, Серзух*). Впрочем, выборка невелика, и все эти факты могут оказаться случайными. Однако в финно-угорской принадлежности названий на *-Ix* сомневаться не приходится. Учитывая лимноним *Юхро* в устье Оки и возможность проникновения нижнеклязьминцев на левобережье Волги, допустимо отнести к их языку и гидроним *Выкса*, соответствующий характерному мерянскому индикатору *вёкса* ‘озерный сток’.

На археологических картах бассейна Клязьмы показано очень мало памятников ниже устья Тезы, т.е. в зоне *юхр-* и *-Ix*. По преимуществу они находятся в бассейне Тезы и между Тезой и Лухом [Финно-угры и балты: 67–92]. Эти памятники квалифицируются как мерянские и муромские. При этом обращает на себя внимание почти полное отсутствие поселений и могильников (одно мерянское селище и один могильник на Тезе, два муромских могильника между Тезой и Лухом). Между тем топонимический материал (лимнонимы на *-(V)хр(V)* и с основой *юхр-*, гидронимы на *-Ix*) довольно богат для сравнительно небольшой территории. В то же время здесь не обнаружены явные этнотопонимы. Трудно сказать, свидетельствует ли все это об образе жизни местного населения, например, об отсутствии постоянных жилищ. Остается открытым и вопрос об этнической привязке топонимического субстрата в этой зоне, хотя скорее всего он должен принадлежать муроме.

1.3.4.4. Детерминанты *-Vкша*, *-Vкса* и *-Vхта*, *-Vгда* (и варианты)

Д.П. Европеус первым попытался рассматривать в комплексе названия Средней и Северной России с формантами *-Vкша*, *-Vкса*, *-Vхта*, *-Vгда*, правда, оперирует он фактически «формантами» *-шегда*, *-логда*, *-лехта*, *-локша* и т.п., интерпретируя их в соответствии со своей угорской гипотезой [Еuropeус 1868: 62–63; 1874: 7–10]. Тем не менее важно, что он посчитал возможным сопоставить эти весьма специфические топонимические типы, лингвоэтническая интерпретация которых стала одним из узловых вопросов исследования субстратных географических названий Русского Севера и Центра России.

Несмотря на многочисленные попытки решения этой проблемы и определенные сдвиги, до разгадки тайны происхождения этих названий еще далеко. В нашей работе названия на *-Vкша*, *-Vкса* и на *-Vхта*, *-Vгда* рассматриваются в отдельных разделах (1.3.4.4.1 и 1.3.4.4.2), а затем предпринимается попытка их сопоставления (1.3.4.4.3).

1.3.4.4.1. Детерминанты *-Vкша*, *-Vкса*

М. Фасмер рассматривает наименования на *-Vкша*, *-Vкса* как единый топонимический тип [Vasmer 1941: 20]. Он приводит в общей сложности 14 названий на *-Vкша* и 5 названий на *-Vкса*. Из них к территории ИМЗ относится 8: *Колокша*, *Серокша*, *Сорокша*, *Вижекша*, *Кидекша* (Влад. г.), *Лебакша*, *Молокша* (Яр. г.), *Куекша* (Костр. г.). За пределы ИМЗ выходят *Инокша*, *Варекша* (Ряз. г.) и *Мамокша* (Вят. г.). Остальные наименования на *-Vкша* относятся к территории Русского Севера и Северо-Запада (*Шамакша*, *Шотукша*, *Котокша*). Все названия на *-Vкса*, которые приводит Фасмер, зафиксированы в Вологодской губернии (*Илекса*, *Чалекса*, *Тордокса*, *Шомокса*, *Востракса*).

Фасмер указывает, что названия этого типа до сих пор не удалось объяснить при помощи финно-угорских языков, но они без сомнения неиндогерманские и принадлежат древнему доиндогерманскому населению, которое с течением времени было оттеснено на север и северо-восток, где возрастает количество названий такого рода.

Выводы Фасмера справедливы только в отношении неиндогерманского характера названий на *-Vкша*, *-Vкса*, а их ареал установлен неточно (см. карты 7, 8). Можно говорить только о преобладании *-Vкша* в ИМЗ и *-Vкса* на РС. К северо-востоку наименования на *-Vкса* выклиниваются, полностью исчезая за Северной Двиной в бассейне Пинеги.

Следует заметить, что в другой работе [Vasmer 1935] некоторые названия на *-Vкша* возводятся Фасмером к марийским и, соответственно, мерянским данным. Таковы *Куюкша* в КК ~ мар. *kuakš*, *kuas* ‘мелкий, неглубокий (о воде и ямах)’ [Ibid.: 549] и две реки *Колокша* в ВОМ ~ мар. *kol* ‘рыба’ [Ibid.: 554, 567], причем топоформант во всех случаях сопоставляется с марийским словообразовательным суффиксом *-kš-* или *-(a)kš-*, указывающим на назначение предмета или обладающим уменьшительно-ласкательным значением [Галкин 1966: 18–20]. Толкование топоформанта проблематично, напротив, этимологии основ, особенно *кол-* в *Колокша*, правдоподобны.

Кроме того, Фасмер считает мерянским гидроним *Икша* (Моск, Нижег), сопоставляемый с мар. *iksä* ‘ручей между двумя озерами (на волжских лугах)’ [Vasmer 1935: 570]. Это сравнение также кажется перспективным.

Другую возможность интерпретации топоформанта *-Vкша* рассматривает А.И. Попов, который видит в формантах *-Vкса*, *-Vкша* рефлексы падежных форм, в частности, генитива единственного и множественного числа, образуемых по соответствующим моделям прибалтийско-финских языков, ср. такие пары названий, как *Тулос* – *Тулокса*, *Илес* – *Илекса* и т.п. [Попов 1949: 64; 1965: 110]. Этот путь впоследствии неоднократно обсуждался, причем форманты рассматривались на прибалтийско-финском фоне, но проецировались на различный финно-угорский материал (ср. [Муллонен 2002: 217–222]; СТРС II, 27–28).

В.В. Седов считает, что гидронимы на *-Vкса*, *-Vкша* «выявляют древнюю диалектно-языковую группировку финно-угров, из которых впоследствии развились прибалтийские и поволжские языки» [Седов 1974: 25]. На составленной им карте [Там же: 26–27] названия этого типа образуют особенно плотный ареал в зоне ИМЗ, т.е. на правобережье

Волги до Клязьмы на юге и на левобережье между средним течением Шексны и Унжи на севере. Реже они встречаются к западу от ИМЗ в бассейне верхнего течения Волги и районе оз. Ильмень, к востоку – вплоть до бассейна Ветлуги, к юго-востоку – между Окой и Сурой и к югу – в бассейне Оки до устья Москвы. Таким образом, В.В. Седов восстанавливает огромный гидронимический ареал, который он отождествляет с археологическим ареалом культур сетчатой и рогожной керамики, подчеркивая, однако, что наибольшая концентрация этих гидронимов приходится на ареал волосовской культуры, в основном совпадающий с территорией ИМЗ (исключая нижнее течение Оки на юго-востоке и бассейн Унжи на северо-востоке).

В другой работе [Седов 1971: 111–112] указывается, что названия такого типа известны на всей территории ВОМ, хотя в восточной части их больше. К западу и юго-западу от ВОМ они неизвестны, зато встречаются в Вологодской, Кировской, Новгородской и Псковской областях, хотя и реже, а также на правобережье нижней Оки, т.е. в области расселения предков мордвы.

Этот громадный ареал может быть еще расширен путем привлечения многочисленных названий с топоформантом *-Vкса* (реже и *-Vкша*) на РС, а также карельских и присвирских. Именно этот «ареал топонимии на *гласный + кса (кша)*» воспроизведен на карте (рис. 1) Е.М. Поспелова, помещенной в статье о топонимическом атласе Центра [Поспелов 1974: 45–47], где констатируется, что топонимия на *гласный + кса (кша)* распространена на пространстве от окского побережья до побережья Белого и Баренцева морей. На другой карте «Топонимия на *гласный + кса (кша)* в Центре» (рис. 2) приведено 42 названия этого типа (15 на *-Vкса* и 27 на *-Vкша*), среди них 6 двусложных, которые могут оказаться топонимизированными географическими терминами (*Экса* и *Акша*, *Икша*, *Окша*, *Юкша*, *Якша*)*.

В свою очередь А. Альтквист указывает, что из ярославских топонимов большинство (не меньше 2/3) составляют названия на *-Vкша* и,

---

* Гидронимы *Акша*, *Юкша*, *Якша* вряд ли являются таковыми.

следовательно, только треть общего количества топонимов приходится на имена с формантом *-Vкса* [Алквист 2001: 445]. Здесь же она подчеркивает, что в Средней России преобладают наименования с формантом *-Vкша*, а на РС – с *-Vкса*. Эти наблюдения соответствуют действительности.

По-видимому, какая-то ясность в вопросе о происхождении соответствующих топонимов может быть достигнута путем таких процедур, как отдельный анализ названий с формантами *-Vкша* и *-Vкса* с последующим их сравнением, анализ названий по отдельным регионам, сопоставление основ топонимов с формантами *-Vкша* и *-Vкса* и сравнение этих названий с наименованиями на *-Vхта*, *-Vгда* (см 1.3.4.4.3).

А. Альквист допускает двойное происхождение топонимов с формантами *-Vкша*, *-Vкса*: в основе этих формантов могут быть гидронимические термины, засвидетельствованные в топонимии Средней и Северной России, типа *Екса*, *Экса*, *Икса*, *Икша* и даже без начального гласного *Кша*, *Кза* (*Гза?* – А.М.), или эти форманты родственны финскому суффиксу *-s(-ksi)*: *-kse-* с первоначальным значением диминутивности [Алквист 2001: 444–446]. В любом случае Альквист считает их финно-угорскими [Алквист 2001: 445].

Гидронимы с топоформантами *-Vкса* и *-Vкша* на территории ИМЗ, очевидно, относятся к одному словообразовательному типу, а топоформант в обеих его разновидностях, по-видимому, следует рассматривать как детерминант. Целесообразно, однако, как уже было сказано, проанализировать эти подтипы по отдельности.

Названия на *-Vкша* образуют не очень плотный, но весьма четкий и равномерный ареал, охватывающий по существу всю территорию ИМЗ, кроме пространства между Волгой, Клязьмой, Которослью и клязьминской Нерлью, т.е. прежде всего бассейна нижнего течения Клязьмы с притоками. Единственное исключение – *Шилекша* (приток р. Елпать в Ивановской области) относится к крайнему северо-востоку этой зоны и ни в какой мере не влияет на установление ареала (см. карту 7). Почти все эти наименования являются гидронимами, два исключения (*Волокша*, оз., Влад. и *Кидекша*, с., Влад.) связаны с метонимией.

Поскольку ареал гидронимов на *-Вкша* в основном совпадает с зоной распространения этнотопонимов, производных от *меря*, а также ойконимов с детерминантом *-бол* и топонимов с основой *яхр-* (см. карты 1, 2, 4), интерпретируемых как мерянские, можно предполагать, что и гидронимы на *-Вкша* тоже мерянского происхождения. Есть, правда, осложняющее обстоятельство: названия на *-Вкша* зафиксированы и за пределами территории ИМЗ, особенно восточнее и южнее, а именно в Кировской области (*Мамокша*), Нижегородской (*Пенякша*, *Шилекша*, *Ялокша*), а также в Республике Марий Эл (*Ирыкша* / *Ирекша*). Возможны три варианта объяснения: 1) мерянский ареал был несколько шире, что проблематично; 2) гидронимы с этим формантом были характерны не только для мерянского языка, но и для некоторых других, смежных с ним языковых общностей; 3) названия на *-Вкша* не являются мерянскими, а принадлежат какому-то более древнему субстратному слою. Совпадение основного массива гидронимов на *-Вкша* с зоной этнотопонимов, образованных от *меря*, и другими мерянскими ареалами, казалось бы, свидетельствует больше в пользу второго объяснения. Проблему создает, однако, соотношение ареала *-Вкша* с ареалами других гидронимических типов ИМЗ (см. 1.3.4.4.3).

Среди картографированных названий на *-Вкша* (28 трехсложных наименований) преобладают названия на *-екша* (*Вижекша*, *Кукеша*) – 13 фиксаций и *-окша* (*Колокша*, *Молокша*) – 11 фиксаций. Кроме того, засвидетельствованы 3 гидронима на *-акша* (*Варакша*, *Лебакша*, *Подакша*) и один на *-икша* (*Шиликша*). Есть еще двусложные *Вокша* и *Икша*, которые возможно, являются топонимизированными географическими терминами (из **okša* и **ikša*). Поскольку среди трехсложных преобладают названия на *-екша* и *-окша*, эти подтипы должны считаться основными, но, учитывая возможность влияния русской фонетико-морфологической модели образования сложных слов с соединительными гласными *е* и *о* или слов с суффиксальными образованиями, имеющими параллельные формы с *е* и *о* (см. СТРС I, 151), нельзя исключить, что *-екша* < **-икша* (ср. *Шиликша* и *Икша*). Для варианта *-окша*

показательно сравнение с *Вокша* < *Окша < *okša или *Вокша* < *ʋokša < *okša.

Ряд названий локализовать не удалось, в частности, гидронимы *Падокша* и *Сорокша* в басс. Клязьмы, а также названия рек *Берекша* или *Берекса* (Влад. у.), *Вокша* (Иван), *Вокшинка* (Яр), *Инекша* (Яр), *Инокша* (Ряз. г.), *Шаликша* (Нижег). Среди них наиболее интересны *Вокша* и *Вокшинка*, поскольку они, по всей вероятности, являются топонимизированными географическими терминами, что служит подтверждением детерминантного характера топоформанта *-Vкша*. С этимологической точки зрения важны также *Инекша*, *Инокша* (см. 1.4).

Проблема происхождения форманта *-Vкша* имеет несколько решений. С учетом двух гидронимов *Вокша*, а также *Вокшинка* связь *-Vкша* с соответствующим географическим термином кажется достаточно убедительной. Вместе с тем надо иметь в виду и гидроним *Икша* (Моск), тем более что аналогичное название реки есть и в Республике Марий Эл. Поэтому детерминант *-Vкша* может быть сопоставлен как с фин. *oksa* ‘ветвь’ и его прибалтийско-финскими, саамскими (*oak'se*) и марийскими (*ukš*, *uks*) соответствиями [SSA 2: 262; YS: 92–93], так и с марийским *икса* ‘залив’, ‘заводь’, ‘старица’, ‘речка’, ‘приток’ [СМЯ II: 34]. Возникает вопрос, есть ли какая-либо связь между реконструируемым волжско-финским *oksa ‘ветвь’ [UEW: 716] и марийским *икса*, а также, видимо, связанным с *икса* мерянским по происхождению *вёкса*. Мар. *ukš*, *uks* ‘ветвь’, которое закономерно выводится из фин.-волж. *oksa ‘ветвь’, ясно указывает на отсутствие такой связи. Кроме того, детерминант *-Vкша* имел значение ‘ветвь’, ‘приток’, тогда как *вёкса* обладает специфической семантикой ‘озерный сток’. Очевидно, это фонетически близкие, но разные лексемы. Консонантная группа *киш* позволяет сопоставлять детерминант *-Vкша* прежде всего с марийскими данными (*уки*), однако субстратный термин сохраняет более древний вокализм анлаута по сравнению с марийским языком, где произошло сужение гласного *o* > *y* [Грузов 1969: 127]. Допустимо, однако, и развитие «соединительных» гласных *o* и *e* на русской почве. Другие соображения см. СТРС II, 27–28.

Топоформант *-Vкса* на территории ИМЗ встречается значительно реже. Закартографировано 15 трехсложных названий (*Ворокса, Молокса, Подокса, Узокса* и т.п.), из них 11 на территории ВОМ и 4 – в КК (см. карту 8). Почти все эти названия обозначают реки, редкие исключения явно связаны с метонимией: *Керакса*, омут (Яр), *Молокса*, бол., в прошлом озеро (Яр). Многочисленные гидронимы *Вёкса* (Яр, КК, Влгд)* не могут быть прямо связаны с гидронимами на *-Vкса*, поскольку они, во-первых, характеризуются специализированным значением ‘озерный сток’, во-вторых, имеют в анлауте спираント *в*, в-третьих, скорее связаны с мар. *икса* и субстратным гидронимом *Икша*, а в конечном счете и с коми-зыр. *вис* (*виск-*) ‘протока’, причем в данном случае значение устанавливается не только по корреляциям названий и объектов (рек, текущих из озер). Оно подтверждается нарицательным *вёкса* ‘озерный сток’, известным в некоторых говорах обширного региона ИМЗ (подробно см. *вёкса* в 1.4). К родственным с *вёкса* географическим терминам, видимо, восходят гидроним *Выкса* (Нижег), имеющий точное соответствие в белозерском *Выкса* на РС, а возможно, и *Гза* (о котором см. в 1.3.4.4.2 в связи с проблемой озвончения консонансов).

Географические названия на *-Vкса* в целом вписываются в зону *-Vкша* (см. карты 7, 8). Имеющиеся особенности невелики. Три названия на левобережье Волги в низовьях Шексны и в бассейне Мологи (*Верекса, Ворокса, Надокса*) находятся в пределах северного («пошехонского» в широком смысле) продолжения мерянской зоны, а два гидронима на левобережье клязьминской Нерли (*Подокса* и *Подыкса*, очевидно, обозначающие смежные объекты) относятся к промежуточной территории между мерянской и нижнеклязьминской зонами. Совпадение ареалов, звуковая близость формантов, сравнительная малочисленность названий на *-Vкса*, а также наличие параллельных форм *Молокша – Молокса, Подакша – Подокса* дают возможность видеть в детерминанте *-Vкса* фонетическое соответствие более частотному *-Vкша*, однако причину такого варьирования установить нелегко, тем более что это

---

* Ср. также нелокализованное *Вексенка* (Влад).

явление не носит ареального характера. Поэтому трудно сказать, было ли оно в языке-источнике или связано с русской адаптацией. Вокализм детерминанта *-Vкса*, на первый взгляд, отличен от *-Vкша* (см. табл. 1), однако эти данные не показательны из-за количественного несоответствия сравниваемых множеств. К тому же, значительная разница между *-екша* (13) и *-екса* (2) во многом снимается, если учесть частотность гидронима *Шилекша* (5 объектов) и его вариации *Шелекша* (1) и *Шиликша* (1). Так или иначе, о каком-либо воздействии гласных на консонантный состав детерминанта думать не приходится. Можно, конечно, предполагать, что спирант усваивался двояко (например, при его шепелявости), в одних случаях воспринимаясь как *ш*, а в других – как *с*. Однако диалектное колебание $*\check{s} \sim *s$, вполне вероятное в пределах столь обширной территории, ареально не подтверждается. Вместе с тем нельзя исключить возможность ассимилятивных процессов, например, дистактного воздействия переднеязычных *д*, *з*, *с*, обусловивших $*ки > кс$ в языке-источнике или уже в русском языке. С другой стороны, $*кс$ могло преобразоваться в *ки*, когда название начинается с шипящего ($*Шелекса > Шелекша$, $*Шомокса > Шомокша$ и т.п.), а таких случаев довольно много. Факты противоречивы, поэтому вопрос остается пока открытым, т.е. можно с достаточным основанием говорить о едином источнике формантов *-Vкша* и *-Vкса* на территории ИМЗ, но уверенно определить направление перехода и его механизм мы пока не в состоянии.

Таблица 1

	<i>-а</i>	<i>-е</i>	<i>-и</i>	<i>-о</i>	<i>-ы</i>
<i>-Vкша</i>	3	13	1	11	⟷
<i>-Vкса</i>	3	2	–	9	1

1.3.4.4.2. Детерминанты *-Vхта*, *-Vгда* (и варианты)

Гидронимы этого типа на территориях ВОМ и РС привлекли в свое время внимание Д.П. Европеуса, который считал их угорскими [Еuropeус 1868: 62–63; 1874: 7–10]. Я. Калима относил названия

на *-Vхта*, *-Vгда* к неизвестным языкам [Kalima 1935: 131]. М. Фасмер рассматривал наименования рек на *-Vхта*, *-Vгда* в одном ряду с гидронимами на *-Vкша*, *-Vкса*, считая их неиндогерманскими, которые вместе с тем не удастся объяснить на финно-угорской почве [Vasmer 1941: 19–20]. Он приводит 9 названий на *-Vхта* [Ibid.: 19]: *Печухта*, *Тумахта* (Твер. г.), *Сонохта*, *Воехта* (Яр. г.) и др. Кроме того, Фасмер справедливо причисляет к этому типу и модификации на *-хоть* (< *-Vхта*), а именно *Сольдобохоть*, *Изохоть*, *Обухоть* (Яр. г.). Названия на *-Vгда* рассматриваются им как отдельный тип, к которому относятся *Печегда* (Яр. г.), *Судогда*, *Шижегда* (Влад. г.), а также *Вычегда* [Ibid.]. Позднее Б.А. Серебренников указывал, что гидронимы на *-Vхта*, *-Vгда* являются специфически угорскими, поскольку эти топоформанты можно сопоставить с манс. *ахт* ‘протока’ [Серебренников 1968а: 43; 1968б: 138]. Обско-угорские толкования гидронимов на *-Vхта*, *-Vгда* находим в работах А.П. Афанасьева [Афанасьев 1996: 18, 52, 151], который видит в этих формантах, как и в основах *ухт-*, *охт-*, *вохт-* [Афанасьев 1976; 1979], обско-угорские слова со значением ‘волок’. А.Л. Шилов приводит как обско-угорские, так и прибалтийско-финские параллели, рассматривая гидронимию с этими формантами как древнее финно-угорское наследие [Шилов 2001: 14–16]. А. Альквист считает *-Vхта*, *-Vгда* «единственным надежным мерянским гидронимическим формантом», обладающим очень четким ареалом [Альквист 2000а: 30–31]. Однако в другой своей работе она высказывается более осторожно: «в целом распространенность компонента *-Vгда*, *-Vхта* сосредотачивается на мерянских землях» и «вполне возможно, что компоненты *-хоть* и *-Vхта*, *-Vгда*, если они связаны друг с другом, относятся именно к мерянскому периоду» [Алквист 2001: 447].

Вообще говоря, свести формант *-Vгда* к *-Vхта* не так легко. Самый простой путь, видимо, предположить, что *-Vхта* < **-Vкта* с диссимилиацией глухих смычных в одном случае (**kt* > *хт*) и озвончением (**kt* > *гд*) в другом. Группа согласных *кт* действительно редко встречается как в ИМЗ, так и на РС. Поэтому изменение **kt* > *хт* представляется правдоподобным. Нельзя исключить и вероятность озвончения

консонанса в интервокальном положении. Тенденция к озвончению характерна как для субстратных топонимов ИМЗ, так и РС, причем она распространяется не только на одиночные звуки, но и на группы согласных (см. об этом СТРС III, 39–40), ср. в ИМЗ *Вережжа*, *Ксегжа*, *Выжегда*, *Судогда*, ср. также *Гза* из **Огза* < **Окса* или **Игза* < **Икса*. Возможно озвончению могла способствовать фонетическая структура слова, в частности, наличие в топооснове звонких согласных.

Альквист соглашается с тем, что *-Vгда* является озвонченным вариантом гидронимического суффиксального компонента *-Vхта*, о чем, как она считает, свидетельствуют, например, варианты типа *Сонохта* – *Соногда* или *Воржсехоть*, *Воржегод*, *Воржеготь* [Алквист 2001: 446]. Вообще говоря, в живой речи местного населения ТЭ колебания такого рода почти не фиксирует. Когда же они засвидетельствованы, то в своем большинстве объясняются забывчивостью или некомпетентностью информанта, невнимательностью записывающих и тому подобными внешними причинами. Но даже если будут выявлены случаи достаточно регулярного смещения таких согласных, это будет мало способствовать решению вопроса в принципе, поскольку оппозиция *-Vхта* ~ *-Vгда* явно принадлежит глубокой старине, русской либо финно-угорской или обеим вместе. Одну из возможностей надо видеть в обратном словообразовании, например, по такой модели **Вычехта* > *Вычегодский* > *Вычегда*.

Приведем теперь результаты формантно-ареального анализа. Закартографировано 36 названий на *-Vхта*, *-Vгда*, а также на варианты *-Vхоть* и *-Vхть*. Из них на территории ВОМ – 28, в КК – 8. Волгоокские гидронимы членятся на названия с топоформантами *-Vхта* (*Воехта*, *Молохта*, *Нерехта*, *Шимахта* и др.) – 16, *-Vгда* (*Выжегда*, *Печегда* – 2 наименования, *Судогда*, *Шижегда*, а также *Гда*, о которой см. ниже) – 6, *-Vхоть* (*Воржсехоть*, *Кирехоть*, *Песохоть*, *Пунтрохоть*, *Солдобохоть*) – 5 и *-Vхть* (*Порехть*) – 1. В КК засвидетельствовано 7 названий на *-Vхта* (*Волмахта*, *Колохта*, *Нерехта*, *Норохта*, *Серахта*, *Тохта*, *Шомохта*) и одно на *-Vгда* (*Печегда*). Не удалось локализовать или остались за пределами бланковой карты на территории ВОМ

8 названий – *Изохта* (*Изохоть*), *Кужехта*, *Курыхта*, *Обухоть*, *Пелехта*, *Печухта*, *Санохта*, *Тумахта* и 4 названия в КК – *Инзахта*, *Нендохта* (*Нендохта*), *Печегда*, *Сорохта*. В сумме это составляет 12 названий: 10 топонимов на *-Vхта*, одно на *-Vхоть* и одно на *-Vгда*. Таким образом, всего пока выявлено 48 гидронимов, из них на *-Vхта* – 33, *-Vхоть* – 6, *-Vгда* – 8, *-Vхть* – 1. Уже отсюда становится ясно, что основной вариант образуют названия на *-Vхта*. По начальному гласному топоформанта наименования распределяются следующим образом*: *-ехта*, *-ехоть*, *-ехть* – 20, *-охта*, *-охоть* – 17, *-ахта* – 8, *-ухта*, *-ухоть* – 2. Поскольку в субстратной топонимии как ИМЗ, так и РС речные форманты обычно имеют в анлауте *e* или *o*, что связано с восприятием их русскими как своего рода соединительных гласных, то статистика достаточно обычна и в общем остается неясным, какой гласный был в этом случае в языке-источнике. Вариант *-ахта* вполне мог возникнуть из *-охта* на почве русского аканья, но это мало меняет общую картину. Напротив, большой интерес представляют очень редкие топоформанты *-ухта* и *-ухоть* (см. ниже), если только русские формы достаточно точны, а это трудно установить, так как гидронимы не локализованы.

По данным фонетического анализа с учетом частотности первоисточник детерминанта реконструируется в виде **ехта* или **охта*, причем имеются не очень надежные данные о первичности **ехта*, ср. *Сонехта* [ПМЯУ: 132, 133] и современное *Сонохта*. Тем не менее наиболее вероятной исходной формой следует считать **ухта* (см. об этом ниже). Что касается варианта *-Vхоть*, то он легко объясняется обратным словообразованием в русском языке, ср. засвидетельствованные в памятнике XVI в. р. *Печехта* [ПМЯУ: 157, 158], но бол. *Печехотцкое* [ПМЯУ: 140] < **Печехотское*. Ср. *Изохта* [Алквист 2001: 446] и *Изохоть* [Vasmer 1941: 19], *Нерехта* (4 названия) и *Нерехотцкое*, с. [АСВР I, № 130], *Нерехотьские Соли* [АСВР I, № 131], *Нерехть* [ПСРЛ 24: 111], а также такой вариант гидронима *Лехта*, как *Лехоть* [Алквист 2001: 447].

---

* *Гда*, естественно, исключается.

По этой модели возникли формы *Воржехоть*, *Песохоть* и т.п., что позволяет реконструировать более древние **Воржехта*, **Песохта* и т.п. Варианты со звонким консонансом *гд* (*Выжегда*, *Печегда* и т.п.) могли появиться в результате ассимилятивно-диссимилятивных процессов на русской почве (ср. *Печехта* и современное *Печегда*). Этому могла способствовать и медиальность консонантной группы.

Наиболее вероятные на первый взгляд реконструируемые географические термины **ехта* или **охта* не зафиксированы в самостоятельном топонимическом употреблении (гидронимы *⟨*⟩Ехта*, *⟨*⟩Охта* в ИМЗ не засвидетельствованы)*. Возможные производные типа *Вохтенка* (басс. Оки между реками Гусь и Унжа, см. [Смолицкая 1976: 190]) вызывают известные сомнения, поскольку могут явиться результатом переработки **Вохтема*, **Вохтенга* и т.п. К тому же, *Вохтенка* находится уже вне ареала *-Vхта* (см. карту 9).

Альквист приводит еще (без точной локализации) названия рек *Охтанка* и *Ухтанка* [Ahlqvist 1992: 26], к которым, естественно, можно отнести все вышесказанное о *Вохтенка*. Гидроним *Охтенка* не удалось локализовать**, *Ухтанка* же, если это река в басс. р. Вопша (Яр) близ границы с КК, при проверке на месте оказалась *Ухтомкой*. Всем критериям соответствует только *Ухта* в басс. р. Нея (КК), т.е. материал невелик и по большей части сомнителен. При этом необходимо еще иметь в виду распространение не только на РС, но и в ИМЗ гидронимов с топоосновами *ухт-* (*Ухтома*, *Ухтохма*) и *вохт-* (*Вохтома*), происхождение и значение которых пока дискуссионно. Вся эта неясная картина наводит на мысль, что гидронимы на *-Vхта* могут быть субсубстратными, а не мерянским субстратом.

---

* Есть только *Ихта* на территории Кировской области, т.е. достаточно далеко от ИМЗ, тем не менее это название может быть соотнесено с гидронимом *Икша* и мар. *икса* (см. 1.3.4.4.1).

** Ср. *Заохтенка* в басс. Истры (Моск) [Кусов 1993: 281].

Еще загадочнее название реки *Гда*^{*}, притока оз. Ростовское, который является продолжением р. *Сара* и «затем проходит вдоль всего озера и выходит на северо-восточной его оконечности под новым названием Вёксы...» [Титов 1885: 5]. Эта замечательная гидронимическая ситуация открывает новые пути и порождает многие вопросы. Предположение А.И. Соболевского о том, что слово **къда* или **гъда* ‘низина, река’ сохранилось в названии *Гда* и сложениях *Судогда*, *Вологда*, *Вычегда*, *Печегда* [Соболевский 1927: 13], заслуживает внимания с точки зрения анализа структуры и семантики, фонетическое же строение названия реконструировано произвольно и ничем не подтверждено. Тем не менее гидроним *Гда* нельзя не связывать с обсуждаемыми наименованиями на *-Vxma*, *-Vгда*. А.В. Кузнецов продолжает ту же линию и сопоставляет *Сара* и *Гда* с термином *sara* (прибалтийско-финско-саамским) и наименованиями *Судогда*, *Шижегда*, выделяя формант *-гда* и считая его, как и *-хта*, мерянским [Кузнецов 1991: 24–30]. Эту версию разрабатывает и А. Аלקвист, считая, что *Гда* – чистый апеллятивный гидроним, обозначающий какой-нибудь род реки, а поскольку *Гда* – часть реки *Сара*, можно, по ее мнению допустить, что первоначально существовала форма **Сарагда* с основой *sara* и детерминантом *-гда*, который стал затем эллиптической формой *Гда* [Алквист 2001: 446]. Этот конструкт неудовлетворителен в нескольких отношениях: во-первых, детерминантом следует считать все-таки *-Vгда*, во-вторых, как правило, эллиптируется формант, а не основа, в-третьих, название *Сара* неоднократно зафиксировано на территории ИМЗ и должно рассматриваться как прибалтийско-финское адстратное включение (см. 1.5¹²). Разумеется, в древнем финно-угорском языковом наследии такого форманта, как *-гда*, с группой согласных в анлауте да еще и со звонким *g* просто не могло быть, поэтому следует вычленять соответственно *-Vxma* и *-Vгда*. В то же время на первый взгляд совершенно чужеродное

---

* Вариант *Vда* [КБЧ: 133] вряд ли отражает живое произношение, хотя переход *g > v* возможен и в позиции перед согласным. Скорее, это какая-то ошибка, которых в КБЧ много. Ср., однако, потенциальную эволюцию **wüxta* (**wüгда*) *> gda*.

Гда находится рядом с бесспорно финскими географическими терминами *Сара* и *Вёкса*, подсказывающими, что и это название, независимо от его происхождения, может быть топонимизированным географическим термином.

Намного продуктивнее сопоставление *Гда* с названиями *Ухта* и производным от него *Ухтома*, которые считаются параллельными к *Гда*, а также сопоставление *Гда* с *Охта* и *Охтанка* [Алквист 2001: 446–447]. В то же время сравнение с прибалтийско-финской глагольной основой, имеющей значение ‘полоскать’ (фин. *huuhtoa*) [Там же], не выдерживает критики как с точки зрения семантики, так и фонетики (никаких следов начального *h-* в обсуждаемых названиях нет). Распространение гидронимической основы *Ухт-* на РС и в ИМЗ, а также ее сочетаемость с различными формантами тоже не поддерживают версию о прибалтийско-финских связях*.

Гидроним *Сара* уже относили к мерянским, хотя намного больше оснований считать его прибалтийско-финским (подробности см. [Матвеев 1971: 333–336]). Его исходное значение ‘ответвление, ветвь (реки)’, ‘исток реки’, ‘рассоха’ [Там же: 335]. Это позволяет восстанавливать аналогичную семантику и у названия *Гда*. Сразу же заметим, что соблазнительное сравнение *Гда* и *Вёкса* не состоятельно не только фонетически, но и с семантической стороны, так как русское *вёкса*, заимствованное из мерянского языка, имеет значение ‘озерный сток’ (см. 1.4).

Реконструкцию древнего гидронимического термина можно осуществить, отождествляя *Гда* с частью форманта *-Vгда* и предполагая, что перед *Гда* ранее был какой-то гласный звук, поскольку для финно-угорских языков группы согласных в начале слова нехарактерны. Исчезновение звука указывает на возможность замены краткого *й* языкоисточника редуцированным *ъ* с его последующим исчезновением. Этот путь подтверждает и такое название ВОМ, как *Мстера* (см. [Vasmer 1935: 561]), в котором восстанавливается древняя прибалтийско-

---

* Другое дело, что основы *Ухт-*, *Охт-* в некоторых случаях могут быть связаны с финно-угорскими словами, имеющими значение ‘волок’, ‘медведь’, ‘один’. Это пока дискуссионный вопрос, и здесь мы его касаться не будем.

финская основа **must-* (с аналогичным развитием *й > ъ > х*) подобным же образом как в гидрониме *Мста* (< **musta*) на Северо-Западе. Конечно, при этом приходится предполагать, что перед *й* развивался протетический губной **w*, а более позднему **x* соответствовало **к*, т.е. **wíkta > *wīgda > *wǣgda > *wgda > *gda* (ср. выше о форме *Вда*). Или же здесь незакономерное явление редукции начального гласного, происходившее при каких-то неизвестных нам условиях. Нелишне заметить, что в этом случае гласный *й* первоначально находился под ударением, поскольку в древних финно-угорских языках оно падало на первый слог.

Подобное же развитие можно предполагать у наименования реки *Гза*, притока Колокши в бассейне Клязьмы. Это позволяет восстанавливать как исходное **угда* для *Гда* и **угза < *укса* для *Гза*. Таким образом при раннем контакте название *Гда* ^{*} < **Укта*, а в других более поздних случаях **Укта > Ухта*^{**}, сопоставляемое с такими гидронимами ИМЗ, как *Ухтома*, *Ухтохма*, которые имеют многочисленные параллели на РС.

Отсюда возможность четко отделить *Вёкса ~ Икса, Икша* ‘озерный исток’ (ср. в Марий Эл *Икша* и *Эрекша, Ирекша, Ирыкша*) от *Охта, Ухта*, в функции детерминанта *-охта < *-ухта* ‘ветвь’ (на почве русской адаптации, а именно феномена «соединительного» гласного). Очень интересными в этой связи становятся такие факты, как нелокализованное *Печухта* в ИМЗ и вологодское *Шейбухта* (приток Сухоны).

Сказанное совсем не означает, что в ИМЗ, на РС или на смежных с ними территориях не могут быть засвидетельствованы формы типа *Охта*. Напротив, такие формы встречаются, например, *Охта* в Карелии и Ленинградской области. Но гидроним *Ухта* фиксируется значительно чаще. В то же время редкость употребления в функции

---

* Как это название связано с гидронимом *Гда* и топонимом *Гдов* на Чудском озере, трудно сказать. Но ср. петербургское *Охта*. Возможно и совпадение: псковские названия сопоставляют с балтийскими языками [Никонов 1966: 99–100].

** Это могло иметь место как на финно-угорской, так и на русской почве (ср. *Чёлмохта*, где мерянское слово могло наслониться на саамское с последующей русской переработкой [Матвеев 2000: 106–109]).

топоформанта и возможность его глубокой адаптации в древности заставляют думать о том, что, во-первых, факты такого рода могут относиться к субстрату, причем со следами древнего сужения гласных, характерного, например, для марийского и пермских языков, а во-вторых, что в центре России в гидронимии могут быть отражены древние фонетические процессы, предшествующие падению редуцированных, как то: восприятие иноязычного *й как ь с последующим исчезновением редуцированного звука. На РС этот процесс не засвидетельствован.

В ареал *-Vхта* вписываются названия на *-Vст(ь)* (карта 10). Всего их засвидетельствовано 10, но есть в той или иной степени сомнительные. В частности, *Которость* в свете новых данных [Альквист 2000а: 19] восходит к *Котрас*¹³, *Котрость* в КК может оказаться несколько преобразованным *Которость* (или *Котрас*), которое было перенесено из ВОМ, хотя могло возникнуть и самостоятельно. Топоним *Черусти*, видимо, изменен по модели образования русского множественного числа. Другие наименования этого типа членятся на две неравные группы: 1) с топоформантом *-ость* (*Ахробрость*, р., *Ведомость*, р., *Лахость*, р., *Сулость*, н. п., *Шиголость*, р.) и 2) с топоформантом *-уст(ь)* (*Салаусть**, оз. [АСВР I, № 333], *Яхруст* / *Яхрусть*, р.). В ареальном отношении важно, что группа таких названий связана с бассейном Которосли и прилегающей к нему территорией (*Ахробрость*, *Которость*, *Лахость*, *Сулость*, *Шиголость***), остальные рассредоточены по всей зоне ИМЗ. Очень возможно, что *-ост(ь)* восходит к форманту *-охта, а *Салаусть*, *Черусти*, *Яхруст(ь)* к *-ухта, причем это преобразование могло произойти как в языке субстрата, так и в русском языке. Детали его пока неясны. Обратное развитие менее вероятно, учитывая ареальную включенность *-Vст(ь)* в *-Vхта* и малочисленность этих названий. По-видимому, все-таки наименования на *-Vст(ь)* имеют

---

* Сейчас оз. *Сало*.

** Поэтому в принципе все-таки можно допустить, что исходной является форма *Которость*, но тогда модификация *Котрас* оказывается вторичной, а ее трудно вывести из *Которость*.

отношение к мерянской гидронимии. Возможно, их появление связано с наличием каких-либо фонетических особенностей в топоосновах, в частности, заднеязычных звуков, которые находим в 6 случаях (*Ахробость*, *Которость*, *Котрость*, *Лახость*, *Шиголость*, *Яхруст(ь)*). Остальные случаи темны. Мерянское происхождение названий на *-Уст(ь)* поддерживается и гидронимами *Ахробость* (< ? <*)*Яхробость*) и *Яхруст(ь)*, связанными с топоосновой *яхр-* ‘озеро’.

Альквист, обратив внимание на соответствие основ *ухт-* ~ *уст-*, находит, что первая фонетически соответствует прибалтийско-финским языкам и мерянскому компоненту *-Ухта*, *-Угда*, а вторая более архаична, при этом точкой отсчета должны считаться названия с группой согласных *st*, которые в ряде случаев не претерпели перехода, свойственного прибалтийско-финским языкам [Альквист 2000б: 86, 88]. Это не согласуется, однако, с ареальными и фонетическими данными, а также топонимами с основой *яхр-*, явно мерянской. Очень сомнительно и предположение о том, что реки *Устье* в ВОМ и на РС (фактически на РС – *Устья*), а также *Устюг* (такой реки нет, есть *Юг*) связаны с этой основой, т.е. *Уст-* < **Ухт-* с последующей народной этимологией к рус. *устье* [Альквист 2000б: 86–88]*. Намного больше оснований видеть в гидронимах *Устье*, *Устья* метонимический перенос с русского *Устье, *Устья, названия территории, где сливаются несколько рек, что и соответствует физико-географической реальности в обоих случаях. Считать, что гидроним *Устье* (*Устья*) семантически и генетически

---

* В другой работе Альквист не исключает связь гидронимов *Устье*, *Устья*, *Усье*, *Усьё*, *Усья* с названиями типа *Уса*, *Ус* [Альквист 2001: 443]. В отношении обсуждаемых названий *Устье* (ВОМ) и *Устья* (РС) это неперспективно уже с точки зрения фонетики. Вообще из примеров, которые приводит Альквист, гидрониму *Ухта* структурно наиболее соответствует *Уста* (*Устомка*) в Тул. г. Менее показательны *Устишка* (*Устонь*, *Устань*) в Моск. г., *Устань* (*Устон*) – в Рязанской, *Устренка* – в Пензенской [Альквист 2000б: 86]. При этом все они, включая тульское *Уста*, находятся за пределами мерянской лингвоэтнической зоны или на ее обочине (*Устишка*) [Там же]. Во всех отношениях интересны *Устанка* (< *Ухтанка) по [Там же] на юге Костр. обл. и *Уста* на марийской территории, но возникает вопрос, почему в одной и той же позиции встречается *хт* и *ст* на одной территории.

тождествен названию *Ухта*, на наш взгляд, все-таки неверно*, тем более что о значении основы и форманта пока идет спор, а о реконструкции праязыковых форм можно только мечтать.

*1.3.4.4.3. Сопоставительный анализ гидронимов
с детерминантами -Vхта, -Vгда (и варианты)
и -Vкша, -Vкса*

Гидронимы на *-Vхта, -Vгда* на территориях ВОМ и РС привлекли в свое время внимание Д.П. Европеуса, который толковал их в духе своей «угорской» гипотезы [Европеус 1868: 62–63; 1874: 7–10] и сопоставлял эти названия с наименованиями на *-Vкша, -Vкса*, восстанавливая для них значение ‘рукав (реки)’, ‘приток’. На связь гидронимических типов на *-Vхта, -Vгда, -Vкша, -Vкса* указывал и Е.М. Поспелов, сравнивая их как с марийскими *уки* ‘ветвь’ и *икса* ‘ручей’, ‘небольшая речка’, так и с мансийским *ахт* ‘протока’ [Поспелов 1970: 100–101]. Анализируя субстратный гидроним *Чёлмохта* на РС (пр. Северной Двины, Холм), автор настоящей работы привел ряд аргументов против угорской версии и показал, что *-охта* могло возникнуть из *-окса* во всяком случае в гидрониме *Чёлмохта* [Матвеев 2000: 106–109] с его явно саамской основой *чёлм-* ‘пролив’ (СТРС II, 99–100). Если исходить из «угорской» концепции, в названии *Чёлмохта* приходится видеть саамско-угорское сложение с более поздним угорским компонентом. Между тем саамские и близкие к ним элементы явно обнаруживаются и в микропонимии РС, которая в то же время не содержит примеров угорских названий. Если бы сторонники угорской гипотезы были правы, речь могла бы идти только об угорско-саамских сложениях, но о их существовании пока нет никаких данных. В свете всех этих наблюдений вероятность того, что формант *-Vхта, -Vгда* является угорским,

---

* Предположение о том, что зафиксированная в письменных источниках форма *Устека* (при обычном *Устья* во Влад. г.) восходит к **Устега(?)* [Альквист 2000б: 86], неприемлемо уже потому, что переход *g > k* в инлауте для гидронимов нехарактерен, тем более что логичнее в этом случае допустить упрощение **Устьрека > Устека* или неточную запись.

ничтожна, каким бы ни была его семантика. С нашей точки зрения, детерминант *-Vxma*, *-Vɣda* может толковаться ‘река’, ‘проток(а)’, ‘ветвь (реки)’, ‘приток’, но соответствие ему надо видеть в прибалтийско-финских, саамском, марийском языках (фин.-карел. *oksa*, вепс. *oks*, саам. норв. *oakse*, мар. *уки* ‘ветвь’) [Матвеев 2000: 107]. В ИМЗ возможность изменения *-Vkiša*, *-Vksa* > *-Vxma* на русской почве проблематична, хотя совсем исключить такой путь освоения нельзя и в этих местах [Там же: 109].

А. Альквист, считая *-Vxma*, *-Vɣda* «единственным надежным мерянским гидронимическим формантом», обладающим очень четким ареалом, упоминает также о его связи с гидронимией на *-Vksa*, *-Vkiša*, к которой «имеет отношение чередование сочетания согласных *-ht-* ~ *-ks-* в прибалтийско-финских языках» [Альквист 2000а: 30–31]. Однако появление *-xmt-* в мерянском языке затруднительно объяснять прибалтийско-финским чередованием сочетания согласных. Не случайно И.И. Муллонен указывает, что для фин. *oksa*, саам. *oakse*, мар. *уки* ‘ветвь’ на финно-угорской почве не просматривается возможность развития *ks*, *kš* > *ht* [Муллонен 1988: 89–90].

Реанимируя вопрос об отражении в топонимии ИМЗ чередования типа *-ht-* ~ *-ks-*, Альквист оперирует названием жителей деревни *Ворокса* – *ворогодские*, а также фин. *lahti* ‘залив’, устар. *laksi* при первоначальном **lakte* и фин., карел. *ohto* ‘медведь’, уменьш. от *oksi* (*ohden*) при лив. *oks* [Алквист 2001: 446]. В отношении *Ворокса* – *ворогодские* следует заметить, что эта словообразовательная модель, возникшая на русской почве, является «вынужденной», возникая в тех случаях, когда образовать вторичную форму на *-ский* (*-ая*, *-ое*) затруднительно или даже невозможно (ср. **вороксский*). Подобные факты неоднократно засвидетельствованы на РС (ср. *Виледь* – *Вилегодский*, *Еленьга* – *Елегонский*, *Ненокса* – *Ненокотский* и т.п.). Примеры такого рода как раз подтверждают версию о происхождении *-Vxma*, *-Vɣda* из *-Vkiša*, *-Vksa* на русской почве, ср. возможное *Ворокса* > *ворогодский* > **Ворогда*. См. об этом явлении [Матвеев 2000: 108–109]. Редкие же финские примеры на эволюцию праформы с финалью **-kte* > **-kti*

и в некоторых других случаях, во-первых, неубедительны (ср. [Шилов 2001: 14]), а во-вторых, ничего не решают, поскольку применительно к изучаемым названиям, связанным с территорией ИМЗ, нельзя напрямую прилагать прибалтийско-финские соответствия (если, конечно, не считать, что названия на *-Vкса*, *-Vкша*, *-Vхта* являются прибалтийско-финскими). При всем этом не стоит торопиться с окончательными выводами, так как в неизвестном реконструируемом языке может таиться много неожиданностей. Во всяком случае допустимо, что в мерянском языке существовал какой-то особый гидронимический термин, условно обозначи^м его **Vht(V)*.

Большое внимание реконструируемым географическим терминам, извлекаемым из формантов *-Vкса*, *-Vкша*, *-Vхта*, уделяет Е.М. Поспелов [Поспелов 1970: 98–101; 1974: 45–47]. Сопоставляя форманты субстратных топонимов и топонимизированные термины, он интерпретирует такие названия, как *Окса*, *Окша*, *Укса*, *Укша* и т.п., как ‘ветвь/приток’, а затем, основываясь на соответствии *кс ~ кш ~ хт*, характерном, по его мнению, для прибалтийско-финских языков, делает вывод о генетической связи этих названий с топонимами типа *Охта*, *Ухта*. Выделение рядов топонимизированных терминов и установление их связи с соответствующими топоформантами, несомненно, заслуживают внимания, однако соответствие *кс ~ кш ~ хт*, как уже было сказано, не может интерпретироваться на прибалтийско-финской почве (критику см. [Муллонен 1988: 89; Шилов 2001: 14]).

Вопрос о соотношении наименований на *-Vхта*, *-Vгда*, *-Vсм(ь)* с названиями на *-Vкша*, *-Vкса* особенно важен, если учесть явные параллели в основах топонимов на *-Vхта* и *-Vкша*, *-Vкса* (см. ниже) и возможность соотнесения наименований на *-Vсм(ь)* с гидронимами на *-Vкша*, *-Vкса* только через названия на *-Vхта*.

Названия на *-Vкша*, *-Vкса* как бы обходят нижнеклязьминскую зону, не затрагивая и бассейн реки Которосль, но проникают вместе с тем довольно далеко к югу от Клязьмы (см. карты 7, 8). Напротив, в КК обнаруживаются названия всех типов, т.е. на *-Vкша*, *-Vкса*, *-Vхта*, *-Vсм(ь)*, что в какой-то мере, очевидно, объясняется более поздним

освоением этой территории переселенцами из ВОМ. Если отвлечься от относительно малочисленных наименований на *-Vкиа* и *-Vсм(ь)*, отсюда следует, что в выявленной лакуне между Волгой и нижним течением Клязьмы либо вообще никогда не было названий на *-Vкиа*, *-Vкса*, либо они с течением времени были преобразованы в названия на *-Vхта*, а впоследствии кое-где и в *-Vсм(ь)*.

Примерно к такому же выводу приходит и А. Альквист, считающая, что «более узкая и центральная распространенность» названий с формантами *-Vгда* и *-Vхта* указывает на их «новаторство», в то время как в наименованиях на *-Vкса*, *-Vкиа* можно видеть более архаичную форму [Алквист 2001: 446], при этом она зачем-то ссылается на «частичную вариативность» компонентов *-Vкса*, *-Vкиа* и *-Vгда*, *-Vхта*, приводя, как уже было замечено, пример с образованием названия жителей *ворогодские* от ойконима *Ворокса*. Взаимозамена самих формантов ТЭ не фиксировалась, но если даже она и имеет место, то это, во-первых, явление, возникшее на русской почве, скорее всего, связанное с некомпетентностью информантов и собирателей, а во-вторых, если живая «вариативность» восходит к глубокой древности (во что, скажем прямо, поверить невозможно), то она должна свидетельствовать о принадлежности всех этих формантов к одному лингвоэтническому пласту, что противоречит только что сформулированному выводу об архаическом характере *-Vкиа*, *-Vкса* и интерпретации *-Vхта*, *-Vгда* как инновации.

По мнению А. Альквист, фонетически название *Ухта* и мерянский компонент *-Vхта*, *-Vгда* соответствуют прибалтийско-финским языкам, тогда как *Уста*, *Устье* и гидронимия на *-Vкиа*, *-Vкса* архаичнее. Возможно, это окаменевшие формы древних слоев финно-угорского субстрата [Альквист 2000б: 86].

В более поздней работе А. Альквист пишет, что названия типа *Керость*, *Лохость*, *Сулость*, *Которость*, *Ахробость* очень сложны для определения. О связи форманта *-Vсть* с *-Vхта* здесь уже ничего не говорится, зато высказывается предположение, что часть таких названий, может быть, содержит суффикс *-(V)c* в основе и *-(V)ть* в качестве форманта [Алквист 2001: 448]. Значения этих формантов не установлены.

Поэтому пока невозможно считать комплекс звуков $-(V)c-(V)ть$ сочетанием суффиксов, особенно потому, что в других речных наименованиях ИМЗ суффикс $-(V)c$ в основах не выявлен.

Интересные результаты дает сопоставление основ всех этих типов. Есть общие ряды: *Молюкша – Молюкса – Молюхта, Сорокша – Сорокса – Сорохта*. На первый взгляд, они подтверждают генетическое единство названий с этими формантами на уровне диалектов или языков. Но есть и разительные отличия: многократно засвидетельствованное *Печегда* не имеет эквивалента в названиях на $-Vкша$, $-Vкса$, в свою очередь, распространенное *Шилекша* не находит параллелей в названиях с формантами $-Vхта$, $-Vгда$. Столь же оригинально и четырежды зафиксированное на территории ВОМ *Нерехта*. Все это свидетельствует о своеобразии как названий на $-Vкша$, $-Vкса$, так и на $-Vхта$.

Сопоставление названий на $-Vхта$ с другими топонимическими типами территории ИМЗ свидетельствует о том, что их ареал шире зоны распространения мерянской этнотопонимии, ойконимов на $-бал$ и гидронимов на $-Vкша$, поскольку захватывает также пространство, ограниченное Которослью, Нерлью Клязьминской, Клязьмой и Волгой от Которосли до Оки, т.е. нижнеклязьминский регион. Складывается впечатление, что названия на $-Vхта$ были в равной мере присущи языкам мери и нижнеклязьминцев, образуя своего рода надязыковой (межрегиональный) пласт или же принадлежали субсубстрату, который органично, ввиду языковой близости, вошел в эти языки.

Сравнение названий на $-Vхта$ с гидронимами на $-Vкша$, $-Vкса$ и $-Vст(b)$ поучительно в методическом отношении. Исследование затруднялось следующими обстоятельствами: 1) нечеткостью границ ареалов, особенно на западе, юге, востоке ИМЗ; 2) преобладание фонетической структуры $CVС-$ в основах, что, видимо, в какой-то мере связано с наличием форманта типа $-VCCV$, который мог способствовать упрощению консонантного состава основ, а это усложняло этимологию; 3) малочисленностью убедительных финно-угорских этимологий; 4) полным отсутствием p - в анлауте, что наводило на мысль об иности этих названий в финно-угорском языковом пространстве.

В области географии названий объективно констатировалось: 1) на территории ИМЗ ареалы *-Vкиа* и *-Vкса* совпадают, но они выходят за пределы мерянской зоны, пока не установлено, в какой степени (особенно в южном направлении); 2) ареалы *-Vкиа* и *-Vкса* образуют лакуну в микрорегионе нижней Клязьмы, совпадающую с зонами распространения детерминантов *-Vх* и *-(V)хр(V)*; 3) зона форманта *-Vхта* на территории ИМЗ соответствует ареалам *-Vкиа* и *-Vкса* в совокупности с ареалами *-Vх* и *-(V)хр(V)*, но не выяснено, как она соотносится с зоной формантов *-Vкиа* и *-Vкса* за пределами ИМЗ; 4) границы ИМЗ, установленные по ареалам этнотопонимов, образованных от *меря*, и форманта *-бол*, нередко «нарушаются» названиями на *-Vхта*, *-Vкиа*, *-Vкса*.

О необходимости различать наименования на *-Vкиа*, *-Vкса* и на *-Vхта* свидетельствует не только несовпадение ареалов, но и моделирование фонетической эволюции: *-Vгда* может возникнуть из **-Vкта*, но не из *-Vхта*, в свою очередь *-Vхта* может восходить к **-Vкта*, но не к *-Vгда*. Формант *-Vгда* редок, поскольку озвончение консонансов не имело системного характера. Таким образом, основная модель фонетической эволюции **-Vкта* > *-Vхта*, но **-Vкта* и *-Vкиа* в звуковом отношении сопоставлять трудно. Еще один аргумент: распространенная основа *хр-* ‘озеро’ засвидетельствована в названиях на *-Vсм(ь)*, в частности, в *Яхруст*, а эти наименования явно связаны с гидронимами на *-Vхта* и обоснованно могут быть выведены из них при развитии *х > с* в определенных условиях (см. выше), но вряд ли могут возводиться к наименованиям на *-Vкиа*, *-Vкса*. Наконец, надо помнить о возможной семантической разнице: предполагаемое значение *-Vкиа*, *-Vкса* – ‘ветвь (реки)’, а *-Vхта*, *-Vсм(ь)* – ‘проток(а)’.

Исходя из типичной для финно-угров гидронимической типологии и общефинно-угорского обозначения реки, в верхнем пласте субстратной топонимии ИМЗ и смежных территорий надо, прежде всего, выделять гидронимы на *-Vга*, *-Vх* и *-Vг*, причем географически в мерянскую зону вписываются названия на *-Vга*. Названия на *-Vхта* (и производные от них на *-Vсм(ь)*) должны считаться общими для мери и нижнеклязьминцев, а гидронимы на *-Vкиа* и *-Vкса* рассматриваться либо

как субсубстрат, освоенный мерянами, либо как мерянские названия с особым гидронимическим детерминантом.

Что касается изменения $*_k > x$, то оно могло иметь место как на финно-угорской, так и на русской почве. Возможно, какую-то ясность в решение этого сложного вопроса может внести изучение употребления x в названиях изучаемых типов, обычно фиксируемого в группах согласных (в препозиции), но крайне редкого в начальном и интервокальном положении, т.е. необходимо исследование употребления x во всех позициях как в составе основ многосложных названий, так и в двусложных топонимах, причем это следовало бы осуществить и в ареальном плане. При этом надо учитывать и возможность развития *Юкша* > *Юкотский* > *Юхотский* > *Юхта* > *Юхоть* и т.п. Теоретически можно допустить, что и названия на *-Vхта*, *-Vгда* возникли на русской почве из *-Vкша*, *-Vкса*, но в этом случае необходимо адекватно интерпретировать ареальные, фонетические, лексические и структурные особенности тех и других.

1.3.4.5. Детерминант *-бож* (и варианты)

Названия (преимущественно гидронимы) на *-бож*, *-бои* распространены в мерянском ареале, особенно в Ярославском Поволжье между Волгой и Которослью (с Сарой), также между Волгой в районе Дубны и Клязьмой от Москвы до Владимира, т.е. в основном в западной половине мерянских земель, ср. *Бердобожка*, *Егобож*, *Инобож*, *Кибож*, *Кучебож*, *Почебоиш*, *Рандобож*, *Серобож* и др. (см. карту 11). К названиям этого типа, может быть, относятся также *Ворговаиш* (картографическая форма с вероятным искажением форманта) и *Лухтобажа* (если не из *Лухтопажа*, см. ниже о топонимах на *-паж*, *-пажа*). Проблематичнее принадлежность к этим наименованиям топонимов на *-буж*, *-буи* с вариантами типа *Гозьбужье*, *Норбужье*, *Озбуи*, *Парсубуж* и т.п., большая часть которых смещена к западу и югу от основного ареала (см. карту 11), тем более что в этих же местах течет река *Бужа*.

К мерянским наименованиям такого рода относит М. Фасмер, сравнивая их с мар. *важ*, *вож* ‘корень’ (= ‘место разветвления’, ‘исток’) [Vasmer 1935: 587–588]. Они достаточно часто встречаются в местах, населенных марийцами, ср. *Кожваж*, *Кожвож* ‘Еловый исток’, *Кўваж* ‘Каменный исток’, *Шимваж* ‘Черный исток’, *Шүргөваж* ‘Лесной исток’ и т.п. Однако подобные названия обычны и в коми топонимии, где *вож* ‘ответвление’, ‘исток реки’, ‘рассоха’, ср. *Войвож* ‘Северный исток’, *Косвож* ‘Сухой исток’, *Лунвож* ‘Южный исток’ и т.п. В прибалтийско-финских, саамских и мордовских языках соответствующих лексем или вообще нет, или они фонетически и семантически далеки (ср. морд. мокш. *ужа* ‘угол’) [КЭСК 1999: 60, 69–70].

А. Альквист предпочитает связывать мерянские названия на *-бож* и т.п. не с территориально близким мар. *важ*, *вож* ‘корень’, ‘исток’, а с коми *вож* ‘ответвление’, ‘приток’ [Альквист 1997: 28–29; 2001: 449]. Но у этих слов одна исходная семантика – ‘ветвь’ (‘корень’ тоже ‘ветвь’, только подземная) > ‘разветвление’, ‘развилка’, затем ‘исток’, ‘приток’. Этимологи пока расходятся во мнении, родственны ли пермское и марийское слово или относятся к разным корням [подробности см. Гордеев 2: 12–15; КЭСК 1999: 60, 69–70], хотя на основе марийских и пермских данных восстановлено уже фин.-перм. **woša* ‘ветвь реки (дороги)’ [UEW: 825], но, благодаря общей семантике и обоюдному употреблению в топонимии, они в равной мере могут быть связаны с мерянским словом. Его можно генетически объединить с любым из этих источников по отдельности и с обоими вместе, если они родственны, что наиболее вероятно. Для решения мерянской проблемы это не так существенно. Другое дело, что пермское наследие на территории ИМЗ вообще сомнительно. Во всяком случае самый яркий дифференцирующий признак пермской топонимии, воплощенный в специфическом обозначении озера (коми, удм. *ты*), в ИМЗ не зафиксирован.

На территории Ярославской области речной термин *вож* ‘исток’ в самостоятельном топонимическом употреблении отмечен четыре раза в форме *Вож*а (по русской адаптации к *вода*, *река*) в названиях двух притоков Колокши, а также притоков Ухры и Юхоти. Кроме того,

засвидетельствована форма *Бож*а в наименовании притока Согожи. Есть еще *Вожа*, приток Оки, в Рязанской области у самой границы с Московской. Это убедительно доказывает, что топоформант *-бож* с его многочисленными модификациями на территории мерянских земель ВОМ восходит к **важ* или **вож*.

Колебание *а – о* и в этом случае (ср. *-бож*, но *-бажа*) может иметь столь же многообразные причины, что и в *-бал*, *-бол* (см. 1.3.2.1). Так, М. Фасмер колебания гласных в обоих топоформантах считает результатом разновременной русской адаптации — древней *а > о* и более поздней *а > а*. Заметим, однако, что в подавляющем большинстве случаев зафиксировано *-бож*, обусловленное исходной формой **bož* в языке-источнике либо древностью освоения этих названий русскими (при *а > о*). Наличие *ш* вместо *ж* в исходе некоторых названий (*-бош*) скорее всего связано с неточной фиксацией. Согласный *б* в топоформанте *-бож*, видимо, возник из билабиального *β* (*w*), особенно характерного для интервокальной позиции. Анлаутное *б* в пошехонском гидрониме *Бож*а объясняется территориальной близостью к мощному очагу субстратных названий с начальным *б* в Белозерском крае (см. СТРС I, 128–129).

Немногочисленные названия на *-быш* на южных окраинах современной Ивановской области (*Комбыш*, *Сырбыш*, *Якобыш*) могут быть связаны уже не с мерянскими источниками, а с языком гидронимии на *-Vx* (см. 1.3.4.3). Впрочем, по крайней мере часть в той или иной степени дискуссионных наименований, включая и ранее охарактеризованные, могла возникнуть уже на русской почве вследствие преобразования вокализма топоформанта в заударной позиции. На это указывает вариантность фиксаций некоторых названий (ср. *Егобож* и *Егобыжа*, *Кучебиж* и *Кучебаж*, *Кучебажа* и *Кучебжа*).

Еще сложнее вопрос о названиях на *-веж*, *-беж*, *-виж*, *-биж* и т.п., а также *-паж*, *-пажа*.

География топонимов на *-веж*, *-беж* и т.п. на западе несколько выходит за пределы основного мерянского ареала, ср. *Уйвеж* и *Логовеж* в Тверской области. На востоке названия этого типа встречаются

далеко за пределами ареала на *-бож*, ср. *Иневеж* (Иван) и *Винтовеж* (Влад). Обычны эти названия в верхнем течении Клязьмы (*Кучебиж*, *Инебежска*, *Иневиж*, *Пильбиж* и т.п.). Такой разброс позволяет предполагать, что названия на *-веж*, *-беж* могут восходить к разным источникам. Учитывая гидроним *Мочевязь* (приток р. *Моча*) и форму *Логовяж* при более обычном *Логовеж* можно допустить, что эти названия в ряде случаев связаны с географическим термином **βāž* ‘приток’*, коррелятивным с **βαž*, **βož* в том же значении. В то же время нельзя исключить эволюцию таких названий в русском языке по типу **Инебож* > **Инебожа* > *(*)Инебжа* > **Инебеж* > *Инебежска* (ср. *Кучебаж*, *Кучебажа*, *Кучебжа* и *Кучебиж*). Привлекательно и сопоставление с прибалтийско-финскими данными, например, карельским *veži*, ливским *vež*, учитывая другие сведения о пребывании прибалтийских финнов на данной территории¹⁴, а также с морд. *ведь* ‘вода’ (*Иневеж*).

Названия на *-паж* (*-паиш*), *-пажа* во многих отношениях загадочны. Зона их распространения в целом совпадает с ареалом *-бож* (см. карту 11), однако связывать эти топоформанты, видимо, не следует. Во-первых, известно пять рек с названием *Паж*: три в бассейне Которосли (Яр) и по одной в Московской и Владимирской областях**, что позволяет видеть в них какой-то географический термин в роли топонима. Во-вторых, даже если допустить глубокую древность этих названий и наличие в них изменения **β > n*, остается непонятным, почему на одной и той же территории **β* передается как *n* и как *б*, а также почему в этом случае не произошел переход *a > o*, столь характерный для старых названий. Поэтому предпочтительнее считать, что этот согласный восходит к языку-источнику (**p > n*)*** и, следовательно, в мерянском или каком-либо ином языке был еще какой-то гидронимический

* Ср. еще не очень ясное *Товязь*, приток р. *Тожгега* в КК.

** Гидроним *Паж* на крайнем северо-востоке Ивановской области либо вообще не относится к названиям на *-паж*, *-пажа*, либо связан уже с костромской мерей, как и многие другие названия в этих местах.

*** Ранее мы пытались объединить названия на *-бож* и *-паж(а)*, объясняя появление *n* ассимилятивно-диссимилятивными процессами на русской почве.

термин, обозначающий реки, возможно, небольшие. Естественно, между фонетически близкими названиями на *-бож* и *-паж(а)* не могло не происходить взаимодействие. Поэтому и трудно определить, какой топоформант в языке-источнике имели, например, топонимы *Лухтобажа* и *Инопаж*. Некоторые названия (волость *Коропаш*, луг *Онтопаж*) наводят на мысль о каком-то другом негидронимическом значении термина, но скорее всего в этих случаях произошла метонимия, тем более что в самостоятельном топонимическом употреблении реконструируемое **paž* всегда обозначает реки. Параллели типа *Инобож* – *Инопаж* и озеро *Неро* – *Неропажа* (*Нѣропажа*) со своей стороны как будто бы подтверждают версию о мерянском происхождении этих интересных названий.

Важно, что почти все рассматриваемые названия, несмотря на их различия, сосредоточены на территории к западу от Которосли и клязьминской Нерли. В обширной области между Волгой (от Которосли до Унжи) и Клязьмой (от Нерли до устья), т.е. на территории Ивановской и частично Владимирской областей, засвидетельствованы только три названия на *-быш* (*Комбыш*, *Сырбыш*, *Якобыш*), два на *-веж* (*Иневезж*, *Винтовезж*), а также *Паж* и *Неребужское*. Здесь не отмечено ни одного названия на *-бож*. Это со своей стороны снова указывает на специфику топонимии Ивановского Поволжья – отсутствие явно мерянского субстрата.

Таким образом, названия, условно обозначаемые топоформантом *-бож*, на территории ВОМ очень разнообразны. Во многом это объясняется русской адаптацией (показательный пример: в памятнике XVI в. [ПМЯУ: 110–112, 114] *Норбож*, *Норбаж* при современном *Мормуж* > *Мормушка*), но, возможно, что они относятся к разным по исходному детерминанту группам наименований. Общее количество их довольно велико (51 фиксация), при этом большинство таких топонимов связано с западной половиной мерянских земель (до линии Которосль — Нерль Клязьминская).

Резкое уменьшение названий на *-бож* характерно не только для восточной части ВОМ между Волгой и Клязьмой, но и для КК. Здесь

засвидетельствованы только *Ворваж* и *Сивеж* в басс. Унжи, *Варваж* и не очень понятное по структуре *Кербаиш* в Приветлужье. Южнее в Нижегородской области находим еще *Белбаж* (в верхнем течении р. Керженец), снова *Варваж* и *Байбаиш* (в басс. Ветлуги). Гидроним *Сивеж* явно связан с многочисленными аналогичными названиями юго-востока РС. Связь некоторых костромских и нижегородских названий также очевидна (ср. *Варваж*, *Ворваж*, которые, по-видимому, относятся уже к пермскому ареалу, ср. коми *вӧр* ‘лес’)¹⁵. Очень интересны и такие соответствия, как р. *Мочевязь* (пр. р. *Моча*) в Нижегородской области близ границы с Костромской и р. *Товяз* (пр. р. *Тожега*) в Костромской области. Наконец, есть еще весьма загадочные *Ухтубуж* и *Халбуж* в басс. Унжи, причем первое в настоящее время прилагается к группе деревень (ранее *Ухтубужская волость*), а второе — часть села Угоры, где ранее был центр прихода и стояла церковь. Несмотря на параллельную форму *Ухтобож* и наименование ручья *Халбужский*, есть сомнения, что эти названия связаны с гидронимами на *-бож* уже потому, что нет никаких данных о водном объекте **Ухтобож* или **Ухтубуж*.

Выклинивание названий на *-бож* в КК может объясняться прежде всего тем, что костромская мера по своему происхождению была особенно связана с миграцией населения из той части мерянских земель, которая находилась к востоку от Которосли и Нерли Клязьминской, где названия на *-бож*, как уже было сказано, очень редки. Следовательно, это явление — выклинивание названий на *-бож* к востоку — ввиду его явной ареальности надо считать характерным для восточных диалектов мерянского языка и, в частности, для костромского.

Поэтому вполне можно допустить, что редкие названия рассматриваемого типа на территории КК и в восточной части ВОМ вообще не связаны с мерянами. В этом отношении показательны данные «Книги Большому Чертежу» 1627 г.: «В Кострому реку пала река Вожуга; из Галицкого озера, а на ней Буи город...» [КБЧ: 165]. Поскольку

сток Галичского озера в настоящее время именуется *Вёкса** (рус. диал. < мерян. *вёкса* ‘озерный сток’), гидроним *Вожуга* мог принадлежать другому языку, имея значение ‘Приточная река’ (ср. коми *вож* ‘исток’, ‘приток’, *-уга* — русская передача финно-угорского форманта со значением ‘река’). Но и это совсем не обязательно, так как можно допустить, что гидроним *Вожуга* продолжал функционировать в костромском диалекте мерянского языка, хотя лексема **bož* ‘приток’, ‘исток’ с течением времени по какой-то причине стала забываться, тогда как *вёкса*, усвоенное и русскими терминологическое обозначение озерных истоков, в русском языке топонимизировалось. Ко всему этому следует добавить, что название города *Буй* может быть связано не с рус. *буй* ‘возвышенное открытое место’ и т.п. [СРНГ 3: 260], тем более что таких особо возвышенных мест в районе этого города нет, а с близким по смыслу к *Вёкса* и *Вожуга* в их исходном значении словом, которое имеет соответствия в прибалтийско-финских (ср. фин., карел. *oja* ‘ручей’) и саамском (*vuoi*, *vuai* ‘ручей’) языках.

1.3.4.6. Детерминант -ингирь

М. Фасмер выявил пять случаев употребления этого термина, сопоставляемого с мар. *äŋgär* ‘ручей’, в функции топонима (*Ингирь*) во Владимирской и Костромской губерниях [Vasmer 1941: 28]. Еще раньше отдельные топонимы такого типа были приведены в [Семенов 1891: 234]. Фактически их больше. Пока выявлено 11 таких названий.

В ВОМ этот детерминант в самостоятельном топонимическом употреблении засвидетельствован несколько раз: два гидронима *Ингирь* во Владимирской области, а также *Ингарь* и *Ингирь* — в Ивановской. В роли топоформанта он выступает опять-таки в названиях Владимирской области — *Неньгирь*, *Сунгирь* и Ивановской — *Вангирь*, *Унгирь*. Топоформант может сильно варьировать. Наиболее обычен вариант

---

* В [КБЧ: 134] фигурирует и это название: «В реку Кострому течет река Вокса из Галицкого озера. А на реке на Воксе Буи город». В настоящее время название *Вожега* имеет один из притоков р. Ноля, впадающей в Вёксу недалеко от Галичского озера.

-ингирь, хотя встречаются также -иньгирь, -еньгирь, -ангирь и т.п. Поскольку все гидронимы с топоформантом -ингирь двусложны, не исключено, что среди них есть и такие, которые не относятся по происхождению к этому типу, хотя случаи преобразования трехсложных названий в двусложные известны как в ИМЗ [Vasmer 1935: 528], так и в субстратной топонимии РС [Матвеев 1996: 11]. Засвидетельствованные ТЭ на РС варианты *Вангирь* (< *Ваненгарь*) и *Куньгерь* (< *Куненьгарь*) убедительно показывают, как могли возникнуть двусложные гидронимы типа *Вангирь*, *Неньгирь* на территории ИМЗ (подробности см. 2¹⁶).

Особую группу образуют названия рек *Сингер* (Влад), *Сингерь* (Влад), *Сингир* (дважды – Влад и Иван), *Сингирей* (по-видимому, из *Сингир* на русской почве, Иван), *Сингорь* (Влад) и *Синкерь* (Влад). Они встречаются там же, где гидронимы *Ингирь* и другие названия на -*Ин(ь)гирь* (см. карту 12), что и позволяет относить все эти названия к одному типу. Однако ареал наименований с начальным *с-* уже и вписывается в зону распространения *Ингирь*, -*Ин(ь)гирь*. Поскольку гидронимы *Сингер*, *Сингерь* и т.п. ввиду высокой частотности на ограниченной территории также скорее всего являются географическими терминами, с этимологией Фасмера (*Сингирь* может быть из мар. *ši* ‘серебро’ + *āngār* ‘ручей’ [Vasmer 1935: 560–561]) следует считаться, хотя она и требует дополнительной аргументации.

В топонимии центральных мерянских земель – Ярославщины (районов озер Неро и Плещеево в первую очередь) детерминант *Ингирь* (и варианты) и формант -ингирь не засвидетельствован, но во Владимирской, Ивановской и Костромской областях он встречается достаточно часто: 15 фиксаций во Владимирской и Ивановской областях и столько же в Костромской. На территории Костромской области зафиксировано 7 случаев употребления этого термина в самостоятельном топонимическом употреблении (*Ингирь* – 5, *Ингерь* – 1, *Ингорь* – 1) и 8 в роли детерминанта (*Левангирь*, *Лынгирь*, *Печенгирь*, *Пынгирь* – 2, *Ухтынгирь*, *Шачингирь*, *Шингирь*). Кроме того, не локализовано *Поченгирт*, выявленное А.И. Поповым в памятниках и рассматриваемое как марийское [Попов 1974], если только это не искаженное *Печенгирь*.

Таким образом, этот детерминант на северо-востоке и востоке мерянских земель не так уж редок. Соответствующий географический термин замечателен в том отношении, что из ныне существующих финно-угорских языков засвидетельствован только в марийском, ср. *энер* ‘речка’, мар. горн. *ӓнгыр* ‘ручей’, ‘маленькая речка’, и очень широко представлен в марийской гидронимии. Таким образом, топоформант *-ингирь* относится к числу ярко дифференцирующих. Принимая мерянское происхождение названий рек с формантом *-ингирь* и гидронимов *Ингирь*, мы фактически признаем большую близость мерянского языка к марийскому. Не случайно отношение к этим названиям во многом определяется исходной установкой: М. Фасмер, В.В. Седов, О.В. Востриков считают *-ингирь*, *Ингирь* мерянским реликтом [Vasmer 1935: 528, 552, 579; Седов 1974: 32; Востриков 1979: 64–65], А.И. Попов – поздним марийским наслоением [Попов 1974: 24–25], а О.Б. Ткаченко вообще не упоминает об этом гидронимическом типе, распространенном на территории мерянских земель ВОМ.

А. Альквист вслед за А.И. Поповым считает формант *-ингирь* на территории ВОМ поздней марийской примесью [Альквист 1997: 30–31]. При единственной альтернативе (мерянский или марийский) и трудности дифференцировать мерянское *-ингирь* и марийское *-энер* дискуссия на эту тему, на первый взгляд, кажется бесперспективной. Тем не менее можно высказать ряд соображений в пользу мерянской принадлежности гидронимов на *-ингирь*.

Справедливость требует прежде всего отметить, что А. Альквист не исключает «возможное наличие данного географического термина, например, в северных и восточных диалектах мерянского языка» [Там же: 31]. Нам также представляется, что это общее восточномерянско-марийское слово.

В пользу этого предположения уже результаты картографирования: на территории ВОМ названия на *-Ин(ь)гирь* в основном сосредоточены в басс. Клязьмы ниже устья Нерли, а в КК между реками Кострома и Унжа (см. карту 12). Таким образом, их ареал очень своеобразен: на территории ВОМ он в целом совпадает с ареалом гидронимии на *-Их*,

будучи все-таки несколько шире, но находится в отношении дополнительной дистрибуции с зоной распространения этнопонимов, образованных от *меря*, ареалом *-бож* и ойконимией на *-бол*. Вместе с тем на территории КК коррелируют ареалы *Ингирь*, *-ингирь*, *-бол* и мерянской этнопонимии. Есть основания считать, что по этому показателю ИМЗ членится на две зоны: западную (к западу от линии устье Костромы – устье клязьминской Нерли) и восточную (к востоку от этой условной линии). Западная зона может быть названа соответственно мерянской (центральномерянской), восточная же в северной (костромской) части принадлежала в прошлом особому мерянскому диалекту (костромскому), а в южной (нижнеклязьминской) – какому-то волжско-финскому языку, имеющему общие черты с мерянским и марийским, а возможно, и с мордовским. Таким образом, костромская меря была связана не только с центральной мерей, но и с этой юго-восточной группировкой волжских финнов.

Смелые мысли, высказанные в прошлом лингвистами и археологами о том, что марийцы раньше обитали западнее мест их современного расселения и даже, что марийцы – прямые потомки мерян, в свете всего сказанного представляются не только очень прямолинейными, но и вообще ошибочными. В этом отношении важную роль играют как раз некоторые, на первый взгляд малозначительные различия между *-Vn(ь)гирь* и мар. *-энгер* в их распространении, употреблении, инвентаре топооснов. Определенная разница отмечается уже в звуковом составе сравниваемых лексем: марийскому *е* в субстратной топонимии ИМЗ в начальной позиции регулярно соответствует *и*. Но особенно показательна география: этнопонимы, образованные от *меря* и детерминанты *-бол*, *-Vn(ь)гирь*, а также топонимизированные *Ингирь* не встречаются восточнее Унжи в верхнем и среднем Поветлужье и, напротив, в зоне костромской мери (западнее Унжи) мы не находим явных следов марийской субстратной топонимии. Важно также, что некоторые названия на *-Vn(ь)гирь* имеют хорошие соответствия в мерянской топонимии, которые отсутствуют в марийском языке, ср. *Ухтынгирь* – *Ухтубуж*, *Шачингирь* – *Шачебол* и особенно *Печенгирь* – *Печегда* с основной *печ-*

‘сосна’, которая четко противостоит мар. *nũnčõ* ‘сосна’. Наиболее значительной ошибкой М. Фасмера в его работе о мере и черемисах [Vasmer 1935] являлось как раз причисление к мерянским чисто марийских названий восточной части КК (к востоку от Унжи), что привело к смешению мерянских и марийских названий и ослаблению в целом доказательных наблюдений этого ученого.

Все сказанное, однако, не означает, что среди названий на *-Vn(b)гирь* не могут быть собственно марийские, и это относится прежде всего к КК, где на территории с явно мерянской топонимией встречаются и этнотопонимы типа *Черемисское* (например, на правом берегу р. Межа против с. Георгиевское) и где поэтому может быть марийский адстрат (ср. [Попов 1974: 24–25]), хотя приходится иметь в виду и возможность переноса этнонима *черемиса*, *черемисы* на мерю в период утраты ею этнического самосознания (см. 1.2.1).

Это означает, что некоторые названия на *-Vn(b)гирь* по крайней мере в настоящее время могут рассматриваться как мерянско-марийские. Таковы: *Лынгирь* ~ мар. *луй*, *луй* ‘куница’ [Vasmer 1935: 547], *Левангирь* ~ мар. *леве* ‘теплый’ [Семенов 1891: 238; Vasmer 1935: 543], *Поченгирт* ~ мар. *поч* ‘хвост’, ‘конец’, *почан*, прилаг. к *поч*, *Пынгирь* ~ мар. *пий* ‘собака’, ‘собачий’ [Востриков 1979: 65], *Шингирь* ~ мар. *шийгол* ‘сом’ (*гол* < *кол* ‘рыба’) [Vasmer 1935: 544] или мар. *ший* ‘серебро’ [Ibid.: 560–561].

Вместе с тем, подчеркнем еще раз, в западной части КК, где широко представлена мерянская топонимия, другие топонимические типы с марийскими формантами практически не представлены. По этой причине наряду с уже упомянутыми выше названиями *Печенгирь*, *Ухтынгирь*, *Шачингирь* следует считать мерянскими и топонимизированные термины *Ингирь*, а потенциально и мерянско-марийские гидронимы на *-Vn(b)гирь*, о которых только что шла речь.

Особых замечаний заслуживает группа гидронимов типа *Сингер(b)*, которые скорее всего являются топонимизированными географическими терминами (ср. выше). По-видимому, этот термин образован от мерянского и нижнеклязьминского **ijir* ‘(небольшая) река’. В северной

(костромской) части ареала *-ингирь* засвидетельствовано мерянское *Шингирь*, в основе которого может быть слово, аналогичное марийскому *ший* 'серебро'. Этот гидроним точно соответствует южным (нижне-клязьминским) названиям типа *Сингер(ь)*, в основе которых следует видеть лексику, близкую к мордовскому *сия* 'серебро'. Семантическая модель «серебряная река» в топонимии различных народов встречается довольно часто (ср. русский гидроним *Серебрянка*). Можно допустить и возможность терминологизации этого словосочетания при обозначении небольших чистых («светлых») рек.

От составителя

Здесь заканчивается характеристика субстратных детерминантов предположительно мерянского происхождения и закрывается папка № 1 основной подборки. Текст с анализом субстратных основ помещен в папку № 2-осн. Оформленная часть работы (чистовая рукопись связного текста, подготовленная для компьютерного набора) занимает 56 страниц.

1.4. Субстратные основы в топонимии исторических мерянских земель

1.4.1. Предварительные замечания

Этот раздел монографии в сущности представляет собой фрагмент этимологического словаря субстратных топонимов ИМЗ, который, конечно, когда-нибудь кто-то составит. В него включены прежде всего названия с идентифицирующими мерянскими основами, которые удалось более или менее убедительно обосновать. В словнике преобладают чаще встречающиеся ("топонимически важные"), так называемые " типовые " основы, но частотность употребления названий и их " топонимичность " не являются обязательными критериями отбора. Во многих случаях высокочастотные основы истолкованы неудачно, а для редких наших достаточного убедительные этимологии. Это относится прежде всего к тем малоупотребительным основам, которые сочетаются с предположительно мерянскими детерминантами.

Этимологические статьи распределены по тематическим группам. Это сделано в целях большей наглядности и показателности, поскольку тематические группы хорошо иллюстрируют семантическую адекватность этимологизированных топонимов. Автор выделил шесть групп, а именно: 1. Физико-географические объекты, 2. Флора, 3. Фауна, 4. Человек, 5. Жизнь, хозяйство, быт, 6. Качества и отношения. Естественно, это членение весьма условно характерно и достаточно условно. Некоторые слова могут входить в несколько групп (например "камень" в группе 1, "бол" в группе 4 и т.п.), однако автор не

Автограф начальной страницы раздела 1.4 СТР IV
из архива А.К. Матвеева (папка № 2-осн. СТР IV, л. 1)

РУКОПИСЬ ТЕКСТА

1.4. Субстратные основы в топонимии исторических мерянских земель

1.4.1. Предварительные замечания

Этот раздел монографии в сущности представляет собой фрагмент этимологического словаря субстратных топонимов ИМЗ, который, надеюсь, когда-нибудь кто-то составит. В него включены прежде всего названия с идентифицирующими мерянскими основами, которые удалось более или менее убедительно объяснить. В словнике преобладают чаще встречающиеся («топонимически важные»), так называемые «типовые» основы, но частотность употребления названий и их «топонимичность» не являются обязательным критерием отбора. Во многих случаях высокочастотные основы истолковать не удалось, а для редких нашлись достаточно убедительные этимологии. Это относится прежде всего к тем малоупотребительным основам, которые сочетаются с предположительно мерянскими детерминантами.

Этимологические статьи распределены по тематическим группам. Это сделано в целях большей наглядности и показательности, поскольку тематические группы хорошо иллюстрируют семантическую адекватность этимологизируемых топонимов. Автор выделил шесть групп, а именно: 1) физико-географические объекты; 2) флора; 3) фауна; 4) человек; 5) жилье, хозяйство, быт; 6) качества и отношения. Естественно, это членение весьма общего характера и достаточно условно.

Некоторые случаи могут озадачить («камень» в группе 1, «бог» в группе 4 и т.п.), однако автор не видел смысла в слишком дробной классификации, когда легко запутаться и упустить главное. Несколько широко распространенных основ с идентифицирующими мерянскими детерминантами не удалось сколько-нибудь удачно истолковать, хотя они явно «топонимичны» и показательны по комплексу предположительно мерянских детерминантов. Эти основы образуют дополнительную седьмую группу.

Внутри групп словарные статьи расположены по алфавиту русских форм субстратных основ. Статьи построены таким же образом, что и в предшествующих частях книги (см. СТРС I, II, III), но их форма более свободна и разнообразна, поскольку материал количественно неоднороден, разработан с разной степенью глубины, а этимологии неодинаковы по степени надежности. Поэтому форма статей колеблется от краткой справки до «очерковой». Географическая привязка упрощена, так как для сравнительного анализа топонимии громадных территорий особая детализация не имеет смысла. Отсюда основные лингвогеографические противопоставления: ИМЗ – РС, ИМЗ = ВОМ + КК, однако в пределах ВОМ указываются области (Влад, Иван, Моск, Твер, Яр).

Географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении (*вёкса, кунда, кундала* и т.п.) приравниваются к топоосновам. Их привязка генерализуется, если факты единообразны и нет необходимости приводить их в полном объеме (особенно при высокой частотности). При совпадении топоосновы и детерминанта приводится наиболее близкий к этимону вариант основы и ссылка на соответствующий детерминант.

1.4.2. Физико-географические объекты

***Божя, Вожа, Вожуга* – см. -*бож* (1.3.4.5)**

ванч-, ваньч-

ВОМ: *Ванчуга*, р. (Влад).

КК: *Ваньчуровка*, о. в р. Унжа. Топоним *Ваньчуровка* может быть сюда не относится, поскольку допустимо членение *Ваньчур-овка*

с выделением форманта *-чур*. Однако это формант в КК не зарегистрирован. В то же время и членение *Ваньч-ур-овка* малопродуктивно, так как формант *-ур* в КК редок и пока не идентифицирован.

Фасмер связывает *Ванчуга* с мар. *joʒə* ‘река’, а первую часть осторожно с мар. *βanžet, βondžet* ‘переходить (реку, яму и т.п.)’ [Vasmer 1935: 564].

~ Мар. *вончаиш*, мар. горн. *ванжаиш* ‘переходить, переправляться’ [СМЯ 1: 283] мар. *вончак*, мар. горн. *ванжак* ‘переход’ [Там же], ср. еще мар. горн. *ванжак* ‘переход, перекладина (через ручей, овраг), брод’ [Саваткова СГНМЯ: 17], мар. сев.-зап. *ванцак* ‘переход; мостик, брод’ [Иванов, Тужаров ССЗНМЯ: 26]. Восстанавливают общемар. **ванжак* [Гордеев 2: 139–140].

Реконструируют доперм. **wančā-* ‘перейти (через что-л.)’ [КЭСК: 69], фин.-угор. **wančā-* ‘переходить’, ср. саам. тер., Кильдин *vā,ncē-*, Нотозеро *vā,ncē-*, мар. *wanše-, wońće-, wonče-* ‘то же’ [UEW: 557].

вёкса

ВОМ: *Вёкса*, сток озер Неро и Плещеево (Яр).

КК: *Вёкса*, сток озер Галичское, Горинское, Дорофеевское, Зеркальное, Кишинское, Чухломское. По некоторым данным, слово *вёкса* известно и в нарицательном употреблении для обозначения межозерных протоков и стоков из озер [Попов 1965: 89].

Ср. коми *вис* (*виск-*) ‘проток, канал (соединяющий озеро с рекой)’, общеперм. *visk-* [КЭСК: 58], а также мар. *икса* ‘залив, заводь, затон, старица’, ‘речка, проток’ [СМЯ 2: 34]. Следует отличать от производных фин.-волж. **oksa* ‘ветвь’ [UEW: 716]. Подробности см. [Матвеев 1974]. UEW (823) восстанавливает фин.-перм. **wiskz* в значениях ‘промежуток’, ‘предел’, сопоставляя пермские данные с мар. *wiř* ‘отверстие’, ‘проем’, ‘прогалина’, ‘промежуток’.

Считается одним из самых надежных мерянских индикаторов [Попов 1964: 207; 1965: 189; Матвеев 1974; Шилов 2001: 16–17;

Алквист 2001: 458]. Предположительно мерянская форма – **weksä*. Переход *e > o* произошел уже в русском языке.

К нижнеклязьминской зоне относится родственное мерянскому название озерного стока *Выкса* близ Муром (Нижег) с иным вокализмом первого слога (**ę*). Еще одна фонетическая разновидность этого древнего слова представлена в названии рек *Икша* в Московской и Нижегородской областях, которое сопоставляется Фасмером с мар. *iksä* ‘ручей между двумя озерами’ и рассматривается как мерянское [Vasmer 1935: 523, 570; 1941: 29]. Реконструируемое **ikšä*, близкое к мар. *икса*, может принадлежать одному из мерянских диалектов.

Многочисленные названия деревень *Веска*, *Вески* не имеют отношения к мерян. *вёкса* и восходят к рус. *весь* ‘деревня’ (ср. [Vasmer 1935: 513; Фасмер I: 305]). Но А.И. Попов указывает, что к востоку от зоны *Вёкса* встречаются речные имена *Веска* [Попов 1965: 89]. Это интересно в том отношении, что *Веска* несомненно может рассматриваться как переходная форма между *Вёкса* и коми *вис-* (*виск-*) > рус. диал. *виска* ‘протока’. В нашем распоряжении, однако, только два достаточно надежных факта: р. *Веска*, сток оз. Заборское в р. Селекша (Влад) и р. *Скивеска* в басс. р. Лух, в верховьях которой есть озеро (Иван). Последнее название ввиду необычного анлаута (*ск!*) трудно интерпретировать, хотя можно предположить, что в основе его субстратное **Кивекса*. Нельзя исключить, что и *Веска* (> Селекша) восходит к **Векса* (> **Вёкса*). Фактов мало, так что пока вопрос остается открытым.

Термин *вёкса* не имеет отношения к гидронимам с детерминантом *-Vкса* и *-Vкша* прежде всего потому, что характеризуется специфической семантикой ‘озерный сток’, а гидронимы с детерминантом *-Vкса*, *-Vкша* достаточно убедительно увязываются с фин.-волж. **oksä* ‘ветвь’ [UEW: 716].

вижс-, выжс-

ВОМ: *Вижекша* (*Выжегша*), н. п., р. (*Вижекша*, с. [ДДГ, № 57]) (Влад). *Вижница*, р. (Влад). *Выжега*, р. (Влад). *Выжегда*, р.

(Яр). Гидроним *Вижи́ница* ввиду неясного *и* может не относиться к этой группе названий.

~ Коми *видз* ‘луг, покос, сенокос, пожня’, язв. *viž*, удм. *возь* ‘то же’ < общеперм. *vž ‘луг’ ~ саам. *vijǎD¹D¹Z¹¹* ‘травянистая болотистая местность с лужами’ ~ ? мар. горн. *вазем* ‘пойма, пойменные места’ < доперм. *w8č ‘луг, пожня’ [КЭСК: 55]. Этимология подтверждается интерпретацией гидронима *Вычегда* (см. 2¹⁶).

Ингирь – см. **-ингирь** (1.3.4.6)

ки-, кив-

ВОМ: *Кибож*, р. близ р. Корожечна (Яр. г., Мышк. у.). *Кибол*, н. п. на р. Каменка > Нерль > Клязьма, в устье Каменки с. *Кидекша* (Влад, Сузд). *Кивехро*, оз. (Иван, Сав). *Киучер*, н. п. и р. *Киучерка* > Шаха > Нерль > Клязьма (Яр, Пересл). В документе 1563 г. упоминается *Кивочурский стан* Переславского уезда [Города России: 97]. Это позволяет возвести *Киучер* к *Кивочур*.

---

* В реконструируемом *Кивочур следует выделять топооснову *кив(о)-* и детерминант *-чур* с предположительным значением ‘ручей’, ‘речка’. На это, в частности, указывает микрогидроним *Чура* (пр. р. Москва), который можно рассматривать как топонимизированный географический термин (< *čur). Для этого термина находятся соответствия коми *шор* ‘ручей’ и удм. *шур* ‘река’ [КЭСК: 322; UEW: 499], анлаутный звук которых возводится к фин.-угор. *š, что позволяет, в свою очередь, видеть в восстанавливаемом *čur форму, которая могла бы существовать, например, в эрзя-мордовском языке. Также надо иметь в виду гидронимы на *-сур* (басс. р. Юг), детерминант которых соответствует саам. *sŭrr*, *suorr* < прасаам. *sōrē ‘ветвь’ (см. подробнее СТПС I, 275–279). Однако фактов пока явно недостаточно, чтобы делать сколько-нибудь надежные выводы.

Заметим, что созвучных названий много на периферии ВОМ, прежде всего южнее Клязьмы, где зафиксирован ряд гидронимов на *-сур*, *-шур*, *-шур* и особенно многочисленных на *-ур*, которые совершенно затемняют общую картину. Есть среди них и названия на *-чур* (*Винчур*, *Санчур*), но трудно сказать, какой здесь топоформант: *-чур* или *-ур*. Поэтому решение вопроса впереди после тщательного сбора на местах, сопоставления с данными памятников и картографирования.

~ Фин.-угор. *kiwe ‘камень’: фин. *kivi*, морд. *kev*, *käv*, мар. *kü*, *kij*, удм. *ke* ‘жернов’, коми *iz-ki*, хант. *köy*, *kew*, манс. *küw*, *käw*, *kaw*, венг. *kő* [UEW: 163].

В топонимах *Кибож* и *Кибол* (возможно, по ассимиляции из *Кивбож, *Кивбол) основа *ки-* сочетается с характерными мерянскими топоформантами *-бож* и *-бол*. Этимология ойконима *Кибол* убедительно подтверждается местонахождением этого населенного пункта на р. *Каменка*, что было указано уже Д.П. Европеусом [Европеус 1868: 64]. Ойконим *Кидекша*, видимо, следует возводить к **Ki(в)екша* или *Kijэкша, мерянскому названию Каменки, которое перешло на населенный пункт по метонимии. Возникновение *д'* можно объяснить устранением зияния на русской почве или изменением *j > *d'* в языке-источнике (ср. мар. *kij*).

В топонимах *Кивехро* и *Кивочур выявляется основа *кив-*. С точки зрения Фасмера, допускавшего, что в названии *Киучер* содержится мар. *kü* ‘камень’, интерпретация этого топонима в целом представляет большие трудности [Vasmer 1935: 569]. Они в значительной степени снимаются восстановленной формой *Кивочур.

Основа *ки-*, *кив-* не очень частотна на территории ВОМ, а в КК вообще нет надежных фиксаций названий с этой основой. По-видимому, это связано с физико-географическими условиями.

Несмотря на то, что названия *Кибож* и *Кибол* ~ *Кидекша* как будто бы указывают на исходное *ki и, следовательно, близость к мар. *kü*, разумнее все-таки предполагать и другую возможность: основа *ки-* во всех случаях восходит к *кив-*, так что вопрос о восстановлении мерянской формы пока остается открытым. Пока допустимо *kiw, *ki, а при определенных условиях может быть и *kij. Не исключены также диалектные или хронологические варианты.

См. об этих названиях также [Vasmer 1935: 559, 565–566, 569, 587; Попов 1965: 126–127; 1974: 14, 16, 18].

корн-

ВОМ: *Корнать*, р. (Иван).

КК: *Корнега*, *Корнеж*, *Корнежок*, рр. *Корнеж* ~ мар. *кипӓж* ‘ворон’ [Vasmer 1935: 541], *Корнега* ~ мар. *корно* ‘дорога, путь’ [Востриков 1979: 50].

~ Фин.-угор. *kirŋa ‘зарубка’, ‘борозда’: фин. *kiirna* ‘колея’, ‘борозда’, мар. *korpo* ‘борозда’, ‘дорога’, ‘путь’ [UEW: 216]. *Корнежок* производно от *Корнеж* (реки сходятся верховьями).

лап-

ВОМ: *Лапанда*, бол. (Яр), *Лапка*, р. (два гидронима, басс. р. Со-гожа и Ухра, Яр).

КК: *Лаповица*, р.

~ Мар. *лап* ‘низина, низменность’ [СМЯ 3: 302], мар. горн. *лапата* ‘низина’ [Там же: 304], мар. диал. *лапем* ‘низина, низменность’ [Там же] ~ урал. *lappz ‘плоский’: фин. *plattea* ‘плоский’, саам. Кильдин *lâpta* ‘в стороне’, морд. *lapuža*, *lapš* ‘плоский’, мар. *lap* ‘низкий’, удм. *lap* ‘низкий’, коми *lap* ‘плоская сторона’, хант. *läpsəx* ‘плоский, низкий’, венг. диал. *lap* ‘равнина, низина’ [UEW: 237].

локс-

ВОМ: *Локсица* (Локсянка), р. (Влад). *Локсимер*, р. (Яр) ~ *Локсомерь*, с. [АСВР I, № 185], *Локъсомерь* [ДДГ, № 70]. Фасмер видит в названии *Локсомерь* сочетание мар. *laksə* ‘долина, дол’, родственного фин. *laakso* ‘долина’, и этнонима *Mari* [Vasmer 1935: 557].

~ Мар. горн. *лаксак* ‘ямка; воронка; небольшое углубление’ [СМЯ 3: 298], *лаксак*, *лаксика*, *лаксы* ‘яма, ложбина’ [Саваткова СГНМЯ: 76] ~ урал. *lakčə ‘долина, низина’: фин. *laakso* ‘долина’, саам. норв. *læk'sa* ‘большая долина’, мар. *laksə*, *laksak* ‘яма, углубление’ [UEW: 683].

В [SSA 2: 32] фин. *laakso* ‘долина’, диал. *lakso*, карел. *lakši*, вепс., эст. *laks* ‘низина, лужа’ сопоставляется с мар. *laksə* ‘яма, углубление’ с двумя вопросительными знаками.

ЛОКИ-

ВОМ: Локша, р. (Иван), Локшино, бол. (Иван).

КК: Локинский, порог на р. Монза близ границы с Вологодской областью (точно не локализован). Возможно, отантропонимическое название.

Фасмер сопоставляет гидроним *Локша* с мар. *laksə* ‘яма, углубление’, фин. *lakso*, *laakso* ‘долина’, саам. норв. *læk'sa* ‘вид болота’, ‘долина’, но его озадачивает *š* в русской форме [Vasmer 1935: 549]. *Локишино* может быть отантропонимическим названием. Таким образом, и *Локша*, и *Локсомерь*, по мнению Фасмера, связаны с мар. *laksə* (см. выше *локс-* [UEW: 683; SSA 2: 32]). Можно, разумеется, допустить, что в мерянском *s*, как и в марийском, могло переходить в определенных случаях в *š*. Это поддерживается и соображением О.Б. Ткаченко: согласный *š* в мерянском языке был распространен значительно шире, чем *s* [Ткаченко 1985: 78].

Есть, однако, неясные моменты, усложняющие интерпретацию. На западе Нижегородской области близ Оки зафиксировано название населенного пункта *Лакша*, которое Фасмер сближает с *Локша* [Vasmer 1935: 577], а *Локша* впадает в картографически выраженный значимый залив Волги, что позволяет вспомнить карел. *lakši* ‘залив’ и предположение о наличии прибалтийско-финского адстрата в ИМЗ (см. 1.6).

ЛОНД-

ВОМ: Лондога, р. (Иван).

КК: Лондушка, р.

~ Мар. *landaka*, *landə ‘низина’ ~ фин. *lanto*, *lansi* ‘сырое место’, ‘(небольшая) низина’ [Vasmer 1935: 528, 552].

~ Мар. горн. *ландака* ‘низина, котловина’ [СМЯ 3: 301], *ландака*, *ландика* ‘низкое место, котловина’ [Саваткова СГНМЯ: 77] ~ ? урал. *lamte ‘низкий’, ‘низменность’: фин. *lansi* ‘низкий’, ‘низменность’, *lanto* ‘низина’ ~ ? морд. *land'a-* ‘садиться’, *lañd'a-* ‘присесть на корточки; сесть’, ~ ? мар. *landaka* ‘небольшая низина, низкое место (особенно в лесу)’ [UEW: 235–236].

нер-

Названий с этой основой очень много и возможны различные этимологические решения. Поэтому здесь рассмотрим только повторяющиеся наименования наиболее значительных водных объектов (*Неро*, *Нерль*, *Нерехта*), не касаясь проблем происхождения названий малых водоемов с единичными фиксациями (*Нераж*, *Неребужское*, *Нерег* < ?*Нерюг, *Нересль*, *Нѣропажа* и др.), а также топонимов типа *Нерская*, *Нерское*, поскольку они могут быть связаны с этнонимическими наименованиями *Мерская*, *Мерское*. Такой подход обусловлен еще и тем, что одна из серьезных этимологий возводит наименования с основой *нер-* к финно-угорскому слову со значением ‘большой’ [Ahlqvist 1998; Алквист 2001: 456–457], что и оправдывает в определенной степени подобное ограничение, хотя, как хорошо известно, в топонимии и незначительные объекты часто нарекаются большими.

1. *Неро* (*Ростовское*), оз. (Яр). *Нерон* (*Мирон*), арготическое название оз. Галичское (КК). *Нерль*, значительные притоки Волги (Твер) и Клязьмы (Влад), при этом волжская Нерль берет начало в оз. Плещеево (Яр), а клязьминская близ этого озера (подробнее см. [Матвеев 1978: 1–8]). Отсюда следует вывод, что во всех этих случаях дорусские названия озер были образованы от субстратной основы **ner-* или **ńer-*. Очевидно также, что наименования такого рода прилагались только к крупным озерам, а для менее значительных меряне использовали термин *jaxr. А. Альквист считает, что и оз. Чухломское (КК) в древности именовалось таким же образом и что на это указывает название д. *Нероново*, находящейся близ этого озера [Ahlqvist 1998: 25]. Это, однако, неприемлемо, во-первых, потому, что деревня Нероново находится не на берегу, а в 10 км от озера, и, во-вторых, потому что ойконим *Нероново* явно произведен от русской фамилии *Неронов* или имени *Нерон* [Унбегаун 1989: 54–55], во всяком случае, помещики *Нероновы* и посадский человек Рысь *Неронов* упоминаются в документах XVI в. [Веселовский 1974: 219, 275].

Другие названия (*Неро*, *Нерон*, *Нерль*) действительно могут восходить к общему источнику и давно обратили на себя внимание

исследователей. Наиболее актуальны две версии. Первая связывает мерянскую основу **нep-* с прибалт.-фин. *meri, meri* ‘море’ > прасаам. **mēre* ‘то же’ [YS: 74] < балт. [SSA 2: 160]. Версия эта предложена в работах А.Л. Погодина [Pogodin 1933: 328], Ю. Мягистэ [Mägiste 1966: 114–120], В.Я. Евсеева [Евсеев 1967: 149–150] и подробно обсуждается в нашей статье «Топонимические этимологии. XI (Название озера Неро)» [Матвеев 1978]. В основе этой версии лежит предположение, что в мерянском языке употреблялись два термина для обозначения озер: **ner (ńer)* ‘большое озеро’ (с хорошо известным семантическим переносом ‘море’ > ‘большое озеро’) и **jaxr* ‘озеро’.

Вторая версия принадлежит А. Альквист [Ahlqvist 1998; Альквист 2000а: 20; 2001: 455–456]. Она тоже сводится к тому, что *Неро* – ‘большое озеро’, но в этом названии предполагается финно-угорская основа со значением ‘большой’ (фин. *enä*, морд. *iñe*), утратившая начальный гласный. Таким образом, основа *нep-* сближается с прибалтийско-финскими и мордовскими данными в сочетании с рефлексами фин.-волж. **järwä* ‘озеро’ в виде топоформанта *-ep* (ср. фин. *järvi*, мар. *jär, jer*, морд. *eŕke* ‘озеро’), при этом название считается домерянским и, следовательно, субсубстратным. Характер этого субсубстрата не устанавливается, но приводятся все эквиваленты фин. *järvi* ‘озеро’, включая марийские и мордовские.

Предположение о том, что меряне называли словом *Неро* три самые крупные озера в ИМЗ, и эта регулярность фатально проявляется на территориях, далеко отстоящих друг от друга, плохо согласуется с версией о его субсубстратном происхождении и утрате начального гласного: такая однотипность аномальной эволюции на разных территориях маловероятна. Столь же допустимо видеть в слове *Неро* не стертую атрибутивную конструкцию, восходящую к некоему субсубстрату, а мерянский географический термин, который стал топонимом. Возражения против этой версии см. также [Матвеев 2001: 50–51].

Но у этой версии есть и другие уязвимые места. Прежде всего, вопреки А. Альквист, в зоне центральной мери ареал лимнонимов на *-Vp(V)* не прослеживается. Только в пойме Клязьмы есть разрозненные

названия этого типа. Спорен и фактический аспект этимологии, поскольку как существование, так и исчезновение гласного в анлауте трудно доказать: 1) приходится допустить, что произошел перенос ударения на второй слог, т.е. **íner(o)* или **éner(o)* > **inér(o)*, **enér(o)*, а в финно-угорской субстратной топонимии это происходит редко; 2) сколько-нибудь убедительные случаи исчезновения начальных гласных в финно-угорском топонимическом субстрате тоже являются уникальными; в лексических заимствованиях из финно-угорских языков это явление вообще не наблюдается [Kalima 1919; Матвеев 1959]; 3) начальный гласный в других топонимах ИМЗ с основой *ин(V)*-, как правило, сохраняется (*Инохра*, *Инохта*, *Инокша*^{*}, *Иноваж*, *Иней*, *Иночь*, *Инюха* и др.), поэтому его афerezис в *Неро* выглядит аномально; 4) нет никаких исторических свидетельств, которые позволяли бы реконструировать форму **íner(o)* или **enér(o)*.

Несмотря на все эти соображения, вопрос нельзя считать решенным. Он оказался еще более сложным, чем казалось первоначально. Прежде всего, появились новые факты. Во-первых, анализ названий *Нефра*, *Нефро* (см. *нефр-*) показал, что отпадение начального гласного в некоторых случаях исключить нельзя. Во-вторых, в мордовской топонимии засвидетельствован гидроним *Неляй* < **Инеляй* ‘большая река’ (< морд. *ине* ‘большой’ + *ляй* ‘река’) [Цыганкин: 230–231], а это подтверждает, что ойконим *Инеры* (5 км южнее оз. Неро) может рассматриваться как уцелевшая метонимическая форма лимнонима *Неро*.

В принципе, таким образом, можно допустить, что названия наиболее крупных озер ИМЗ, которые, естественно, были широко известны и употребительны, будучи сложениями типа **íne (íne)* + *(j)er(V)*, претерпели нехарактерную для финно-угорских названий адаптацию в русском языке и утратили начальный гласный, который, однако, сохранился в наименованиях других менее значительных объектов вроде

---

* Основу *ин-* в гидрониме *Инокша* сопоставляет с морд. *ине* ‘большой’ уже С.К. Кузнецов [Кузнецов 1910: 122].

Инобож, Инокиа (см. *инV-*). Но при этом возникает целый ряд проблем, решение которых затруднительно:

1) поскольку ‘озеро’ в языке мери обозначалось термином **jaxr* (*jäxr*), извлекаемый из основы **ner-* (*ñer-*) «озерный» детерминант *-er* (*-jer*) никоим образом не может быть мерянским, а сближается с прибалтийско-финско-саамскими и марийско-мордовскими данными (см. **järwä* [UEW: 633]). Соответственно названия ‘больших озер’ на территории ИМЗ мы должны считать домерянским субстратом, хотя основа *инV-* явно была известна мерянскому языку, где есть и другие факты сужения начального *e > i* (см. 1.3.4.6 *-ингирь*), или же прибалтийско-финским ~ марийско-мордовским адстратом, что для больших озер сомнительно;

2) «озерные» названия с детерминантом *-er* изредка встречаются на территории ИМЗ, но не образуют сколько-нибудь выраженной зональности, хотя наиболее частотны они в басс. р. Клязьма [Матвеев 2001: 54–55]. Это в основном посессивы, ареал которых дискретен и не противопоставлен **яхр*. В ряде случаев они могут интерпретироваться как прибалтийско-финский адстрат (см. подробнее [Матвеев 2001: 47–56; 2006: 227–228]). Однако названия больших озер вряд ли могли быть моложе менее значительных, которые позиционируются как мерянские. Считать же прибалтийских финнов предшественниками мерян нет никаких оснований. Поэтому видеть в лимнониме *Неро* и под. прибалтийско-финский адстрат нереально;

3) в оз. Чухломское впадает р. *Яхромша* (*яхр-* ‘озеро’). Это указывает, что меряне и значительные озера могли обозначать термином **jaxr* или сложением **(i)ne-jaxr*, которое в конечном счете должно было на русской почве измениться в *Нехро > Неффо*, что и демонстрирует фактический материал.

Из всего этого следует, что если основа **нер-* и восходит к сложению типа **(i)ne-er(V)* ‘большое озеро’, то оно не может быть мерянским по происхождению. Это допустимо только в том случае, если предположить, что в мерянском **jaxr* спираント мог элидироваться. И тогда все названия с топоформантом *-(V)r(V)* на территории ИМЗ

потенциально могут тоже считаться мерянскими, что в общем и нельзя исключить, учитывая судьбу этого финно-волжского слова в марийском языке. Разумеется, в этом случае приходится думать о том, по какой причине названия с этим топоформантом утратили *x*, сохранившееся в других названиях такого рода.

Здесь мы можем вступить в область самых разнообразных и труднодоказуемых предположений. Но сама возможность подобной фонетической эволюции солидно подтверждается тем фактом, что в зоне основы *яxр*- топоформант *-(V)xр(V)* исключительно редок (см. 1.3.3.1), а *-(V)r(V)* отмечен неоднократно.

Если название *Неро* не создает трудностей в отношении русской адаптации (см. [Vasmer 1935: 555–556]), оформляясь по среднему роду слова *озеро* (ср. лимнонимы *Долго*, *Онего* и т.п.), а исход Галичского *Нерон* (*Мирон*), видимо, связан с моделями условных языков (ср. *Галич* > *Галивон*), то гидронимы *Нерль* обращают на себя внимание необычностью форманта. Прежде всего напрашивается реконструкция при помощи морд. *лей*, *ляй* ‘река’ [Попов 1974: 20–21], эллиптированно-го в процессе адаптации. При этом, разумеется, надо иметь в виду, что название, имеющее значение ‘Река большого озера’, было мерянским, а не мордовским. Вместе с тем вполне может оказаться, что при анализе топоосновы *нер*- следует учитывать и другие субстратные этимоны, которые уже давно обсуждаются. Таковы этноним *меря*, если предполагать развитие *Меря* > *Неро* (вспомним иордановских *Merens*) (ср. [Матвеев 1978: 2–3]) и мар. *неры*, *нõры* ‘влажный, мокрый’ [Семенов 1891: 239], *нõры*, *неры*, *нõрлõ* ‘то же’ [Кузнецов 1910: 57]. Далее вполне продуктивно сопоставление *Неро* с мар. *ner* ‘мыс’, букв. ‘нос’ [Vasmer 1935: 555–556], ср. мар. *нер* ‘нос’, ‘передняя часть’, ‘конец’ [СМЯ 4: 172–173], морд. эрз. *нерь* ‘клюв’, ‘рыло’ [ЭрзРС: 410], мокш. *нярь* ‘рыло’, ‘клюв’, ‘нос (транспортных средств)’ [МокшРС: 426–427], ср. урал. *nere (*nẽre) ‘нос’, ‘клюв’, ‘морда’: саам. норв. *nierrâ*, Луле *nierra*, Кильдин *nĩrr*, Нотозеро *nierr*, морд. *ńeř*, *ńäř*, мар. *ner* ‘нос’, ‘холм’, ‘мыс’, коми, удм. *nĩr*, коми *nĩrd* ‘мыс’, ‘отрог’ [UEW: 303]. Здесь же отмечается, что метафорический перенос ‘нос’ > ‘мыс’ встречается

во многих языках [UEW: 304]. Обычен он и в русском. Примечательно, что обширный мыс находится и в южной части оз. Неро, на что было указано Фасмером [Vasmer 1935: 555–556]. В этом случае арготическое название Галичского озера *Нерон* может оказаться обычным переносом. Отнюдь не настаивая на этой этимологии, мы только стремились показать, что у внешне подобных названий могут быть разные источники и они могут по-разному трактоваться. Наиболее показателен в этом отношении анализ гидронимов *Нерехта*, которые также причисляются А. Альквист к наименованиям с основой *нер-*.

2. ВОМ: *Нерехта* I > Клязьма (Влад), *Нерехта* II > Волга (Твер).

КК: *Нерехта* III > Салоница > Волга, *Нерехта* IV > Нодога > Желвата > Волга. Всё это малые реки, но, как известно, в топонимии и незначительные речки по соотносительности могут называться большими. Важнее другое. В бассейнах всех этих рек нет не только больших, но и малых озёр, а ведь при структуризации подобных наименований и отделении мерянского топоформанта *-Vxta* ('река'?) выделяется та же самая основа *нер-*. Возникает парадоксальная ситуация: озёр нет, а «озерная топооснова» есть. Это сразу же отвергает возможность интерпретации названий *Нерехта* как 'Река большого озера', поскольку реконструкция **(i)ne-(j)er-exta* не соответствует реалиям. В данном случае интерпретация 'Мысовая' (обычная семантика для финно-угорской и русской гидронимии) намного перспективнее. Могут быть, конечно, предложены и другие этимологии, но наличие «озерной» лексемы в составе этих гидронимов совершенно исключено. Так же, как и редукция начального гласного.

нефр-

ВОМ: *Нефра*, оз. (Иван). *Нефро* (Большое и Малое), озера (Влад). В памятниках упоминаются озера *Нефр*, *Нефра*, *Нефро* (Сузд. у. [АСВР II, № 482; АСВР III, № 480, 502]). Засвидетельствована также форма *Нехра* [Смолицкая 1976: 227].

Эти названия очень интересны не только в историко-этимологическом, но и в методическом отношении. Они прилагаются к старичным клязьминским озерам и без сомнения принадлежат ареалу лимнонимов с детерминантом $-(V)xp(V)$. Сочетание согласных ϕr следует считать вторичным, учитывая следующие обстоятельства: 1) единственный характер сочетания ϕr на фоне многочисленных консонансов xr в пределах одного ареала, 2) нетипичность звука ϕ для мерянской топонимии и вообще субстратной топонимии зоны ИМЗ, 3) фиксация xr наряду с ϕr в форме *Нехра*, 4) широко распространенное в русских диалектах смешение звуков x и ϕ , хотя его происхождение и реализация различны [Русская диалектология 1972: 57–59]. Все это позволяет считать, что изменение $x > \phi$ произошло в данном случае уже в русском языке, однако о его причинах можно только догадываться, во всяком случае в других названиях клязьминских озер на $-(V)xp(V)$ это изменение не произошло.

Еще больше сложностей возникает при интерпретации структуры этих названий. Вычленив детерминант $-(V)xp(V)$ в виде *-ехра* (поскольку в безударной позиции лимнонимов с этим детерминантом обычно фиксируется *-ехра*, реже *-ихра*), мы выделяем основу из одного согласного звука n , что, разумеется, не может быть принято. Подсказку находим в работах А. Альквист, которая считает, что мерянские названия с основами *нер-* (*Неро*, *Нерль*) и *не-* (*Нея*) первоначально имели основу *ин-*, соответствующую морд. *ine* ‘большой’, но утратили начальный гласный [Ahlqvist 1998; Альквист 2000а: 20; 2001: 456–457]. Идея А. Альквист интересна, но вызывает ряд возражений (см. [Матвеев 2001: 50–51], а также статьи *не-* и *нер-* в настоящей работе), однако она приложима к названиям *Нефра*, *Нефро* $< *Hexp(V)$, поскольку $-exp(V)$ может рассматриваться как мерянский детерминант со значением ‘озеро’, а «остаточная» основа $*n-$ невозможна. Таким образом, восстанавливается первоначальная форма $*(I)нехра$, $*(I)нехро$, аналогичная костромскому гидрониму *Инохра*. Предлагаемая версия подтверждается адъективом *большой* в противопоставленных смежных лимнонимах *Большое Нефро* и *Малое Нефро*, а также тем, что оз. *Нефра* является

самым значительным в цепочке старичных озер близ пос. Новоклязьминское на левобережье Клязьмы (Иван).

См. *ин-*, *не-*, *нер-*.

палд-, палт-

ВОМ: *Палтамское*, оз. (Моск).

КК: *Палдома*, быв. д., поле, ур. ~ фин., ижор., карел. *pelto*, люд. *peld*, *peud*, вепс. *püüd*, *pöüd*, эст. *põld* ‘поле’ [SSA 2: 334] > прасаам. *pēltō, саам. сев. *bæ'l'do*, Инари *peäldu*, Колтта *peälld*, Кильдин *peäl'd*, тер. *peäl'da* ‘то же’ [YS: 100–101].

Приходится думать, что это германское слово проникло и в мерянский язык, причем корневой вокализм изменился в том же направлении (расширение гласного), что и в саамском языке, хотя о саамском посредстве говорить, разумеется, не следует. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что аналогичный процесс (ср. топонимы *Кучепалда*, *Палд-ручей*) засвидетельствован и на РС (см. об этом СТРС II, 205–209).

Труднее интерпретировать формант, хотя логично видеть в нем соответствие прибалтийско-финскому слову, зафиксированному в фин. *таа*, карел.-ливв.-люд. *тоа*, *туа*, вепс. *та*, эст. *таа* ‘земля’, ‘местность’, ‘край’, ‘сторона’, имеющему надежные параллели в пермских (коми, удм. *ти*) и обско-угорских (манс. *tā*) языках при отсутствии соответствий в саамском и волжско-финских языках (см. [SKES: 324; SSA 2: 133]). Топоним *Палдома* полностью соответствует предлагаемой этимологии, для *Палтамское* восстанавливается исходное *Палтама и приходится допустить метонимию.

Возможно, что в данном случае мерянский язык сохраняет древнее финно-волжское состояние, утраченное со временем в марийском (‘поле’ – *пасу*, *нур*) и мордовских языках (‘поле’ – *пакся*). Вместе с тем, учитывая редкость этого типа, приходится учитывать и возможность его принадлежности к прибалтийско-финскому адстрату (см. 1.5¹⁷).

Физико-географические сведения убедительно подтверждают этимологию названия урочища *Палдома*, которое находится на самом

западе КК близ знаменитого Сусанинского болота. На топографической карте показано здесь безлесное пространство, которое с севера, запада и востока окаймлено лесом, образуя незамкнутый с юга прямоугольник. С южной стороны урочище постепенно переходит в мощный массив полей, примыкающих к деревням Сумароково и Попадьино и выклинивающихся в лесах близ Сусанинского болота. Таким образом, урочище *Палдома* представляет собой северную часть этого полевого массива, а его название, явно русское по фонетическим и структурным характеристикам, свидетельствует о выдающейся древности урочища как сельскохозяйственного угодья. Поскольку непосредственно перед приходом русских западная часть КК была заселена мерей, есть все основания искать источник названия *Палдома* в мерянском языке. Это подтверждается и многократно засвидетельствованными рассказами местных жителей о том, что в незапамятные времена здесь была деревня с тем же наименованием [ТЭ].

Учитывая все вышесказанное, а также отсутствие реки с названием *Палдома* на исследуемой микротерритории, этот субстратный топоним не может включаться в ряд многочисленных гидронимов на *-Има* типа *Андома*, *Яхрома* и т.п., топоформант которых, очевидно, следует рассматривать как словообразовательный элемент. По своему происхождению костромское название, скорее всего, является детерминантным микропонимом, который затем стал использоваться и как наименование деревни, впоследствии исчезнувшей.

Вместе с тем возможность аффиксального характера топоформанта *-(V)м(V)* как в *Палдома*, так и особенно в *Палтамское* совершенно исключить нельзя.

сахт-

ВОМ: *Сахта* (*Сахотское*), бол., *Сахта*, исток (Иван). *Сахтыш*, н. п., *Сахтышское*, бол. (заболоченное озеро) (Иван).

КК: *Сахтусское*, бол. (Нижег близ границы с КК). Сюда же, видимо, относятся рр. *Сохоть* (Яр) и *Сохтинка* (КК) < *Сохта.

Фин.-перм. *säksä ‘грязь’: саам. Кола *sākse*, Кильдин, Нотозеро *sāxs* ‘грязь’, морд. эрз. *seks*, *seksē*, мокш. *seksa* ‘грязь (на теле)’, удм. *ses*, коми *ses* ‘нечистый, поганый’ [UEW: 755]. В [КЭСК: 264] приводится еще мар. *шакше* ‘безобразный, скверный’.

Этимология подтверждается реалиями и неясным по происхождению [Фасмер III: 567] заимствованием *сахта*, засвидетельствованным на РС в значениях ‘поросшая кустарником болотистая местность’, ‘лес на болоте’, ‘торфяное болото’, ‘топь, трясина’ [СРНГ 36: 157], ‘зыбкое топкое место на берегу или у берега озера’, ‘топкая грязь’ [ТЭ]. Соответствие *ks ~ *xt (*kc* ~ *xm*) может объясняться по-разному. Но при всех возражениях приходится признать, что на РС и в ИМЗ оно является реальностью, с которой приходится считаться (см. подробнее 1.6¹⁸). В свете всех этих данных нарицательное *сахта* может быть связано с мерянским или близким к нему языком.

согр-, сохр- ~ шохр-

ВОМ: *Сохра*, оз. (Влад). *Шохромка*, р. (Некрасовский район Яр близ КК).

КК: *Согра*, н. п. *Шохра*, бол., пок. *Офимина Шохра*, пок. *Шохорка*, р. *Шохрёнок*, р. и др.

Возможно, сюда же относится *Согорза*, вол. в Пошехон. у. (XVI в.) [АС I, № 121, 149] = *Согорье*, территория между рр. Сога и Ухтома Согожская, владение князей Согорских [Кучкин 1984: 312, 313, 344] (Яр).

В КК преобладают названия с основой *шохр-*. Топонимы с этими основами восходят к географическим терминам *согра*, *сохра*, *шохра*, обозначающим различные виды болот и заболоченных мест и широко распространенные в севернорусских говорах [ТЭ]. См также *согра* [СРНГ 39: 201–203].

Это слово считалось темным [Kalima 1919: 16–17; Фасмер III: 706]. Все же есть основания сопоставлять его с мар. *шёргö*, горн. *шёргы* ‘лес’, допуская метатезу *gr* > *rg*, и связывать с мерянскими и близкими к ним субстратными источниками [Матвеев 1970: 558–559; 1980: 153–154]; СТРС I, 244. В той или иной степени к этому же склоняются

[Востриков 1978: 51–53; 1990: 85–90; Куклин 1990: 58–62; Шилов 1997: 15–16].

На территории ИМЗ функционировали как формы с начальным *с*, так и с *ш*, при преобладании *ш*.

тумб-, тун(ь)б-, тюмб-, тюн(ь)б-

ВОМ: *Тумбаиш* (*Тунбаиш*), заводь [АСВР I, № 97, 314] (Влад), *Тунбица*, о. (Влад), *Тюмба*, оз. (Влад), *Тюмба* (*Тюньба*), д., в [АСВР I, № 368] *Тунба* (Яр.).

КК: *Тумба*, д., *Тумба*, пок., *Тумба*, часть реки, *Казакова Тумба*, пок., *Тумбы* (*Тунбы*), пок., *Тумбаиш* (*Тунбаиш*), пок., *Тунбаса*, пос., *Тунбы*, пок., *Тюньба*, пок., *Тюньба*, рч., *Тюньбы*, оз., пок., *Тюньба*, пок., *Егорьевская Тюньба*, пок., *Павловская Тюньба*, пок., *Платуновская Тюньба*, лес, *Под Тюньбами*, поле.

Эти названия являются топонимизированными географическими терминами. Колебание *мб* ~ *н(ь)б* русского происхождения (диссимилиация губных *мб* > *н(ь)б*). Аффикс *-аиш*, возможно, являлся уменьшительным суффиксом в языке субстрата, хотя может быть и русским (ср. *мураиш*, *торгаиш* и т.п.). Неясно, однако, колебание *т* ~ *т'* в анлауте. Может быть, оно связано с характером последующего гласного в языке субстрата (*й ?), все же вопрос остается открытым.

Топонимы обозначают разные объекты, но костромской материал явно указывает, что в большинстве случаев это наименования покосных участков. Прочие объекты, видимо, названы по метонимии.

О.В. Востриков возводит эту группу слов к неизвестному субстратному языку, указывая на соответствия в мансийском языке (манс. *tumr* ‘остров’, ‘отдельная гора’) [Востриков 1979: 66–67]. Действительно засвидетельствованы манс. *tumr* ‘остров’, ‘отдельная гора’, венг. *domb* ‘холм, возвышенность’ и восстанавливается праугор. *t8mрз ‘что-либо выступающее, торчащее и т.п. (напр. ‘холм’, ‘остров’)) [UEW: 896]. Соответствия в финских языках отсутствуют, но это совсем не означает, что данное слово не может быть и мерянским, на что указывает его география. Обращает на себя внимание, что в КК мерянских

топонимизированных терминов больше, что, может быть, указывает на более позднюю ассимиляцию мерян в этих местах.

чухл-

ВОМ: Чухлинка, д. (Моск). Чухолза, д. (Яр).

КК: Чухлома, гор. (Чухломское, оз.). Ср. Чухломка, название двух деревень в Нижег. обл., а также речки и деревни в басс. р. Угра в Калуж. обл. [Смолицкая 1976: 42]¹⁹.

Чухлинка может быть отантропонимическим образованием, Чухолза неясно в структурном отношении.

~ Урал. *čukkkz ‘холм’, ‘вершина’: саам. норв. *čokk’kâ*, Кильдин *čokk* ‘вершина горы’, коми *čuk* ‘небольшая возвышенность’, ? манс. *šaχal*, *čakal* ‘холм’, ‘возвышенность’ [UEW: 42]. Фонетически мерянские названия ближе к мансийским данным.

Наиболее показателен анализ наименования самого значительного объекта – костромского Чухлома, очевидно, наиболее близкого к языку-первоисточнику.

Название костромского города Чухлома, находящегося на берегу Чухломского озера не имеет сколько-нибудь убедительного объяснения. Существующие толкования трудно признать обоснованными. Никонов пишет о топониме Чухлома: «Сближали с финноязычной основой, означающей «нырять» (эстон. *sukelduma*, суоми *sukeltaa*, вепс. *чуклэ-стадаc*)» [Никонов 1966: 473]. С точки зрения семантики такую трактовку (‘Озеро, где ныряют’), конечно, трудно считать корректной. Однако последующие рассуждения самого Никонина о том, что существование трех селений Чухлома на Ветлуге в Горьковской (ныне – Нижегородской) области – результат переноса мигрантами или результат существования соответствующего нарицательного слова в речи прежних обитателей края [Там же: 473–474], довольно убедительны.

Интереснее версия, предлагаемая Фасмером: название Чухлома может быть связано с этнонимом чухна, образованным от чудь [Vasmer 1935: 544]. Предположение это, казалось бы, находит подтверждение в том, что Чухломское озеро первоначально называлось Чудским

[Третьяков 1970: 139]*. Эти сведения приводит и Агеева: «по словам жития св. Авраамия Чухломского, еще в XIV в. в окрестностях Чухломского озера было много язычников. Язычники эти говорили “чудски”, само же озеро называлось Чудским» [Агеева 1990: 98–99]. Отсюда заключается, что названия типа *Чухла*, *Чухлома* могут быть как-то связаны с чудью [Там же: 98].

Несмотря на внешнюю убедительность этой версии, она вызывает ряд возражений: прежде всего, известны многочисленные *Чудские* озера, реки, поселения, урочища, поэтому нет фонетических и структурных оснований для какой-либо переработки подобных названий; во-вторых, этноним *чудь*, встречающийся и в широко распространенной модификации *чухна*, не имеет производного *чухла* в значении ‘чудь’, которое не зафиксировано даже в обширном исследовании Агеевой о слове *чудь* и его вариациях. Все это свидетельствует о том, что попытки связать название *Чухлома* с этнонимом *чудь* являются своего рода «народной этимологизацией» и что у топонима *Чухлома* должны быть другие истоки. Вместе с тем название *Чудское озеро*, предшествующее наименованию *Чухломское озеро*, явно указывает на первичность наименования населенного пункта или урочища *Чухлома*, а поскольку реки *Чухлома* нет, есть основания видеть в форманте *-ма* географический термин со значением ‘земля’, ‘страна’ или аффикс обладания.

Исходя из версии, что первично ойконимическое наименование или обозначение какого-то физико-географического объекта, притом не водоема, перенесенное затем на озеро, можно сопоставить название *Чухлома*, точнее топооснову *чухл(o)-* с саам. *čok'kâ* ‘summit, mountain top...’, коми *čuk* ‘lonely hill, mountain, cone shaped mountain, conical peak’ [Collinder: 30] и далее с урал. **čukkz* ‘холм’, ‘вершина’ и манс. *šaχəl* (см. выше данные [UEW: 42]).

---

* Здесь же даются ссылки на источники: *Самарянов В.А.* Следы поселений чуди, черемиса, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии // Древности. Т. VI. М., 1876; *Филарет, архиепископ Черниговский.* Русские святые. Чернигов, 1863, июль.

В этимологическом словаре коми языка сравниваются коми *чук* ‘вершина горы; маленькая возвышенность’, ‘возвышение, выпуклость’, мар. *t’ši·k* ‘маленькая куча’, саам. *čokka, čoka* ‘вершина’ и фин. *sukki* ‘остроконечный’ [КЭСК: 312], правда сближение саамского и коми слов с фин. *sukki* финские этимологи считают ненадежным [SKES: 1097–1098].

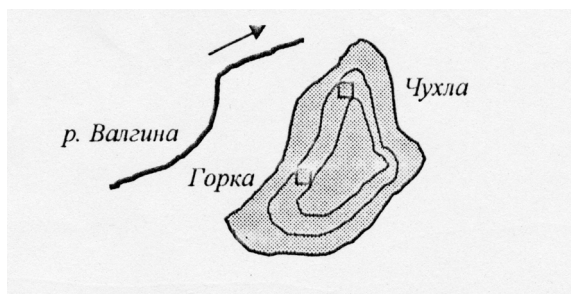
Восстанавливаемое костромское **čuxl(o)* фонетически не совсем соответствует коми, марийским и саамским данным: в этих языках в конечном слоге основы отсутствует *-l-*. Этому факту можно найти объяснение, но первоначально необходимо доказать, что значение компонента **čuxl(o)* в языке-источнике было именно ‘гора’, ‘вершина’.

Предположение, что наименование *Чухлома* означает ‘гористое место’, ‘гористая местность’ подтверждается прежде всего рельефом микротерритории: в городе Чухлома и его окрестностях находится ряд значительных для этих мест возвышенностей, имеющих свои названия: *Галичская (Слезливая) гора, Усольская гора, Успенская гора* [ТЭ]. В краеведческих описаниях также упоминаются возвышенности на берегу Чухломского озера, которые зеленым склоном, косогором сползают в этот водоем*.

Еще более интересный и доказательный факт выявлен и много северо-восточней костромской Чухломы на крайнем севере Кировской области в Лузском районе, граничащем с Архангельской и Вологодской областями. Здесь на правом берегу реки Валгина, левого притока Лузы, на четко выраженной возвышенности расположены рядом населенные пункты *Чухла* и *Горка*, названия которых представляют собой случай точной метонимической кальки (см. рис.).

---

* *Тиц А.А.* На земле древнего Галича (Галич, Чухлома, Солигалич). М., 1971. С. 57, 59.

Все эти топонимические и географические факты в совокупности свидетельствуют о том, что компонент *чухло-* в названии *Чухлома* действительно имеет значение ‘гора’, ‘горка’, ‘возвышенность’.

Прямое подтверждение этому выводу находим и в нарицательной лексике, а именно в апеллятиве *чу́гла*, засвидетельствованном в говорах Русского Севера в значениях ‘гора’, ‘горка’, ‘возвышенность’ (см. подробнее 2²⁰). Не подлежит сомнению, что перед нами одно и то же слово в двух разных фонетических вариантах – **чу́хла*, засвидетельствованное пока только в топонимии, и *чу́гла*, сохранившееся в русских говорах как в нарицательном, так и в ономастическом употреблении. Варьирование звуков *г* и *х* в финно-угорской субстратной топонимии встречается достаточно часто (ср., например, в топооснове *ягр-* ~ *яхр-* ‘озеро’), при этом апеллятивы и топонимы с взрывным *г* распространены в северной части региона, а географические название с фрикативным *х* – в южной. Следовательно, **чухла* ‘гора’, ‘горка’, ‘возвышенность’ может рассматриваться как мерянский слово с оговоркой, что пока почти нет сведений о его существовании в наречиях центральной мери (ср., однако, *Чухлинка* и неясное по структуре *Чухолза*). Определенно можно говорить о том, что это восточномерянское (костромское ?) слово.

Населенные пункты с названием *Чухлома* в бассейне Ветлуги, о которых писали Никонов и Туркин [Туркин 1986: 132], также расположены на возвышенностях. Они могли возникнуть в результате позднего мерянского или русского переселения. По сведениям Туркина, в селе Чухлома существует предание, что первыми жителями были приезжие русские.

шач(а)-

ВОМ: *Шача* I > Нодога > Желвата > Волга (Иван). *Шачебол*, д. (*Шачебала*, вол. [ДДГ, № 24]), *Шачеболка*, рч., *Шачебольское*, оз. (Яр).

КК: *Шача* II (*Шача Муравьицкая*) > Ноля (сл.) > Вёкса Галичская > Кострома. *Шача* III (*Шача Ликургская*) > Ноля (спр.) > Вёкса Галичская > Кострома. *Шача* IV > Вига > Унжа. *Шача* V > Волга. *Шача* VI > Кострома (сл.). *Шача* VII (*Шача Жилая* и *Шача Нежилая*) > Кострома (спр.). *Шача* VIII > Меза > Костромское вдхр. *Шача* IX > Немда > Волга. *Шачингирь* (*Шаченгирь*, *Шаченьгирь*, *Шачингерь*, *Шачиньгирь*) > Кильня > Нельша > Нея > Унжа²¹.

Шача, *Шачебол* – мерянского происхождения [Vasmer 1935: 585–586; Попов 1974: 16], *Шачингирь* ~ удм. *шачы* ‘вица’ [Востриков 1979: 65], *Шача* – топонимизированный географический термин со значением ‘исток’, ‘источник’, ‘родник’, ср. мар. горн. *шачаш* ‘рождаться’, ‘родиться’, но также саам. *šasse* ‘вода’ [Матвеев 1996: 18].

~ Фин.-угор. *šäčä ‘вода’, ср. ? саам. норв. *šasse*, Кильдин *šä,ss* ‘вода’, ? хант. *seč* ‘подъем воды, половодье, разлив’. Сопоставление из-за отдаленного родства считается ненадежным [Toivonen 1944: 92–93; UEW: 469]. Но если восстанавливаемая основа *šac(a) или *šäč(ä) имеет значение ‘вода’, то с учетом соответствия фин.-угор. *š ~ саам. č ~ мар. š ~ хант. s в анлауте [ОФУЯ 1974: 122] и фин.-угор. *č ~ саам. ss ~ мар. č, č ~ хант. č в интервокальном положении [Там же: 143], предлагаемая этимология находит веское подтверждение. Более того, оказывается, что мерянское слово соответствует реконструируемому марийскому оригиналу, если такой существовал. В то же время мерянское происхождение названий с этой основой со своей стороны подтверждают детерминанты таких названий, как *Шачебол* (детерминант -бол) и *Шачингирь* (детерминант -ингирь).

Следует привести и другие соображения в пользу предлагаемой этимологии.

Во-первых, почти все названия с основой *шач(а)-* являются гидронимами, при этом на территории ИМЗ в общей сложности выявлено 9 названий *Шача*, которые могут рассматриваться как топоними-

зированные географические термины. Наименования рч. *Шачингурь* и д. *Шачебол* с рч. *Шачеболка* и оз. *Шачебольское* также относятся к водоемам.

Во-вторых, детерминант *-*шача* не зафиксирован, хотя основа обозначает нечто топонимически очень важное, относящееся к гидро-объектам, т.е. данное слово не является собственно географическим термином. Такое слово в языке-источнике могло иметь значение 'вода', причем в одних языках оно способно выступать в топонимии в функции детерминанта, т.е. в роли географического термина (например, фин. *vesi*, коми *ва*), а в других не может (например, мар. *вӱд*, манс. *вит*).

В нашем случае значительный интерес представляют и ареальные данные (см. карту <14>).

Названия с основой *шач(а)*- выявлены в ИМЗ на территории КК и в двух случаях (*Шача* I и *Шачебол*) на землях Ивановской и Ярославской областей, смежных с КК. Фактически это компактный, плотный ареал, свидетельствующий о том, что основа *шач(а)*- не употреблялась в языке центральной мери и была достоянием костромской ветви мерян.

На юго-востоке РС зафиксированы гидронимы *Шача* X (басс. р. Уфтыуга > Сев. Двина) и *Шачуга* (басс. р. Ёрга > Сев. Двина), которые, по-видимому, обязаны своим происхождением мерянской миграции из КК (подробнее см. 2¹⁶). Далее к северу им на смену приходят родственные саамские гидронимы с основой *чач*-, о которых см. СТРС II, 98–99. Ареальная корреляция *шач*- ~ *чач*- совершенно очевидна.

Сама по себе семантическая модель 'вода', 'водяной' в субстратной топонимии встречается часто. Трудно, однако, решить вопрос о лингвистической принадлежности гидронимов *Шача* XI и *Шача* XII в басс. р. Цна соответственно на территории Рязанской и Тамбовской областей. Поскольку в этих местах выявлены и другие мерянизмы (ср., например, гидронимы *Кундоболка* и *Пиченбал*), речь может идти либо о какой-то форме мерянского присутствия (миграции?) далеко на юге окского бассейна за пределами ИМЗ, либо об элементах общего лексического фонда в различных вымерших финно-угорских языках.

В пользу предлагаемой версии говорит очень многое, тем не менее нельзя не учитывать еще одну возможность интерпретации основы *шач(а)-*, ср. мар. «горн.» *шачаш* ‘рождаться’, ‘родиться’, с которым могли быть связаны топонимизированные лексемы со значениями ‘исток’, ‘источник’, ‘родник’ [Матвеев 1996: 18].

шельш-

ВОМ: *Шельша*, р. и *Шелишдам*, слободка [ДДГ, № 89], *Шельшедомская волость*, старое название местности по р. Шельша [ТЭ] (Яр). Сюда же, возможно, относится *Шелешпал < князь *Шелешпалский* и *Шелешпалская межа* [АС I, № 100]. *Шельшедом*, с. (*Шелишодом*, с.) [ПМЯУ: 25] (Яр).

~ Мар. *шелше*, горн. *шелшй* ‘щель, трещина, расщелина, ущелье, расщеп, прорезь’ [СМЯ 9: 76], также причастие от *шелаши*, горн. *шелйш* ‘раскалывать, расщеплять, делить, разделять и т.п.’ [СМЯ 9: 73–74] < фин.-угор. **šälä-* ‘резать’ [UEW: 470]. Эту этимологию находим уже у Семенова [Семенов 1891: 246], см. также [Кузнецов 1910: 60] и [Vasmer 1935: 559]. Фасмер отождествил гидронимы *Шельша* и *Шольша*, объясняя *Шельша* из мар. *šolšä* ‘кипящий’, которое Семенов прилагал к *Шольша* [Семенов 1891: 247].

Для названия *Шельша* мотивация достаточно прозрачна: прямо против устья Шельши в р. Согожа впадает другая р. Сога, т.е. здесь место «разделения» трех рек. Информации относительно особенностей географического положения с. *Шельшедом* у нас нет. Впрочем, она может быть крайне разнообразной, ср. мар. *шелшынер* ‘заяц’ (букв. ‘расщепленный нос’) [СМЯ 9: 77].

шокиш-

ВОМ: *Шокиша* I (Яр. г., Рост. у.) [Титов 1885: 50]. *Шокишово*, с. (Иван).

КК: *Шокиша* II (*Шокишанка*), басс. оз. Галичское, *Шокиша* III > Водгать > Унжа, *Шокиша* IV > Черный Лух > Унжа. Вне ареала: *Шокиша* V > Мокша (Мордовия, верховья – Нижег)²².

Название *Шокша* сопоставлялось с мар. *шокша*, *шокишы* ‘теплый (незамерзающая речка, ключик, родник)’ [Семенов 1891: 247; Кузнецов 1910: 61], что все-таки маловероятно, поскольку лексема не зафиксирована в качестве основы. Позднее гидроним сравнили с мар. *шокиш* ‘рукав, приток реки’ [Поспелов 1970: 99–100], но не ясно, считалось ли это название мерянским.

~ Мар. *шокиш* ‘рукав’, ‘приток реки’ [СМЯ 9: 192] ~ урал. *soja ‘рука’, ‘рукав’: саам. норв. *soaggja*, Кильдин *suøjj* ‘крыло’, ‘рукав’, мар. *šokš* ‘рукав’, удм. *suĵ* ‘рука’, коми *soj* ‘рука’, *sos* (*sosk-*) ‘рукав’ [UEW: 445]. Широко распространенная в различных языках метафора ‘рукав’ > ‘рукав реки’. На территории ИМЗ в пользу семантики ‘рукав’ говорит факт отсутствия фиксации термина в функции детерминанта, т.е. все гидронимы *Шокша* являются топонимизированными географическими терминами. Названия соответствуют марийской форме. Ойконим *Шокшово* может быть отантропонимическим образованием. Относительно *Шокша* V см. *шач-* (*Шача* XI и *Шача* XII).

1.4.3. Флора

вонд-

ВОМ: *Вондель*, р. (Яр), *Вондина*, р. (Моск), *Вондога* (*Вондега*), р. (Влад), *Вондох*, р. (Влад), *Вондыга* (*Вондога*), р. (Иван).

КК: *Вонд*, р.

С мар. *вондо* ‘куст, тальник’ сравнивал еще [Смирнов 1929: 23], *вондо* ‘стебель, тростник’ [Vasmer 1935: 568–569; Востриков 1979: 50].

~ Мар. *вондо* ‘куст’, ‘стебель’ [СМЯ 1: 282] ~ фин.-перм. *ponte ‘палка’, ‘шест’, ‘стебель’, ‘куст’ [UEW: 734]. Мар. *вондо*, согласно UEW, родственно мар. *пондо*, горн. *панды* ‘палка; посох, трость’ [СМЯ 5: 179].

кин-

ВОМ: *Кинела*, вол. [АСВР I, № 56, 58, 115, 117, 346] (Моск), *Кинешма*, гор., *Кинешемка*, рч. (Иван), *Кинобол*, быв. н. п. (Влад).

КК: *Киновища*, рч., *Киновка*, р.

~ Мар. *кыне*, горн. *кӱне* ‘конопля’ [СМЯ 3: 268] ~ фин.-перм. **känz* ‘конопля’ [UEW: 651].

кож-, куж-

ВОМ: *Кожинка*, р. (Влад), *Кожовка*, р. (Иван), *Кожучка*, р. (Влад); *Кужлево*, н. п. (Яр) ~ мар. *kožla* ‘хвойный лес’ [Vasmer 1935: 560].

КК: *Кужбал*, н. п. ~ мар. *kižə* ‘длинный’ [Vasmer 1935: 586], *Кужлево*, лес (два названия), *Кужлево*, н. п. (два названия).

~ Урал. **kuse* ~ **kose* ‘ель’: фин. *kuusi*, саам. норв. *guossâ*, Кильдин *kūss*, морд. *kuz*, мар. *kož*, удм. *kiz*, коми *koz*, *kež* [UEW: 222–223]. Очевидна близость к марийской форме. Особенно показательны названия лесов и населенных пунктов *Кужлево*, сопоставляемые с мар. *кожла* ‘лес’ [СМЯ 2: 372], ср. [Vasmer 1935: 547, 549, 560]. Сужение гласного (*o > y*) более характерно для КК.

Этимология ойконима *Кужбал*, предложенная Фасмером, проблематична, т.к. этот населенный пункт расположен близ устья р. *Кузь* (пр. р. Нельша), название которой допускает возможную эволюцию **Кузьбал > *Кузьбал > Кужбал*, что, в свою очередь, вынуждает сомневаться и в связи *Кужбал* с мар. *kož*. Но если считать *Кузь* адстратным прибалтийско-финским названием (ср. фин. *kuusi*, карел. *kuuzi*, вепс. *kuž* ‘ель’), о которых см. 1.5²³, марийская этимология сохраняет силу, поскольку бинарная структура *Кужбал ~ Кузь* может рассматриваться как метонимическая калька. Однако и в этом случае возникают трудности, так как в КК две реки имеют названия *Кузь* (притоки рр. «Немда»²⁴ и Нельша), а также есть р. *Кусца*, пр. р. Немда.

Учитывая морд. *kuz* и соответствие *ž ~ z* в марийских диалектах (ср. мар. диал. *козла* ‘еловый лес’) [Грузов 1965: 164–165] необходимо иметь в поле зрения и параллельные основы *коз-*, *куз-*. Ср.:

ВОМ: *Коза*, н. п., *Козинка*, р. (Яр), *Козица*, р. (Влад), *Козленец*, р. (Нижег); *Куза*, р. (Яр).

КК: *Козлаковка*, поле, *Козленево*, н. п., *Козленец*, р.; *Куземка*, лес.

кой-, кой-, куй-

ВОМ: *Кой*, н. п., *Койка* I, р. (Твер), *Койгоры*, н. п. (Иван) ~ мар. *коyi*, *куyi* ‘береза’ [Vasmer 1935: 552], *Койка* II, р. (Иван), *Койка* III, р. (*Кой* [ПМЯУ: 73–80, 87, 91]) (Яр).

КК: *Коица*, р., *Койка* IV, р.²⁵; *Куюкша*, р. (два названия).

~ Урал. *kojwa ‘береза’: фин. *koivu*, морд. *kiľej*, *kelu*, мар. *куyi*, *коyi*, *куе*. Фин. *и*, морд. *ľej* и, может быть, мар. *yí* являются словообразовательными суффиксами [UEW: 169–170]. Этимология подтверждается метонимической калькой: в 3 км от н. п. *Койгоры* находится н. п. *Березник*.

Топонимы с основой *кой-* близки к усеченным уральской и прибалтийско-финской формам, в меньшей степени к мар. *куе*. Прямая связь между *Койгоры* и мар. *коyi*, *куyi* [Vasmer 1935: 552] невозможна. Напротив, наименование двух рек *Куюкша* (КК) вполне может быть сопоставлено с основой *кой-*, ср. мар. *куе*, топоформант *-Vкша*, а также изменение *о > у*, которое встречается в субстратной топонимии ИМЗ, особенно в КК. Этимология Фасмера (*Куюкша* ~ мар. *kuakš* ‘мелкий, неглубокий’ [Ibid.: 549]) опровергается наличием топоформанта *-Vкша*.

Сопоставление ойконима *Кои* (Твер) с мар. *коyi* [Ibid.: 574], ср. еще *Козаша* (Яр), с формальной стороны безупречно, однако вряд ли собственно марийская форма могла появиться на западе территории ИМЗ и сосуществовать с образованиями от основы *кой-*.

лёл-, люл-

ВОМ: *Люлех* > Теза > Клязьма (Иван). *Люлих* I (в верхнем течении пр. р. *Люлишка*) > Лух > Клязьма (Иван). *Люлих* II > Клязьма (Влад).

КК: *Лёля* > Унжа.

~ Фин.-перм. *ľelz (*ľälz*) ‘ольха’: мар. *lülpe*, *lölprö* ‘ольха’, удм. *lul-ри*, коми *lol-ри* (*ри* ‘дерево’, мар. *pe*, *pö* < *ри*) [UEW: 688].

пекш-

ВОМ: *Пекша* I > Клязьма (Влад) ~ морд. эрз. *пекше* ‘липа’ с указанием на смежную реку *Липня* [Попов 1948: 104; 1965: 111].

Пекиа II > Волга (Яр) ~ мар. *pikš* ‘стрела’ [Vasmer 1935: 553, 566]. *Пекиа* III > Маткома > Рыб. вдхр. (Яр). Ср. еще пуст. *Пекиа* у д. Журавлихи быв. Покров. у. [Смирнов 1929: 60].

~ Фин.-волж. **päkšnā* ‘липа’: эст. *pähn*, морд. *pekše, päšä*, мар. *pistā, pište* ‘то же’ [UEW: 726]. Основа характерна для западной части мерянского ареала. Сопоставление с мар. *pikš* ‘стрела’ допустимо как альтернативная этимология для *Пекиа* II и *Пекиа* III (ср. многочисленные русские *Стрелица, Стрелка, Стрельна* и т.п.).

печ-

ВОМ: *Печевка* > Согожа > Рыб. вдхр. (Яр). *Печегда* I (*Печехта* [АФЗХ III, № 314]) > Сора > оз. Неро (Яр), *Печегда* II (*Печехта* [ПМЯУ: 157, 158, 159], исток – бол. *Печехоцкое* [Там же: 140]) > Волга (Яр). *Печенка* > Судогда > Клязьма (Влад). *Печехра* (*Печхало*), оз. (Влад). *Печкур*, оз. (Влад). *Печкура* > Молокча > Шерна > Клязьма (Влад). *Печуга* I > Нерль > Клязьма (Влад), *Печуга* II > Лух > Клязьма (Иван). *Печухня* > Волга (Твер). *Печхар*, оз. (Влад).

КК: *Печегда* III (*Печелга, Печелда*) > Немда > Волга. *Печелга* (*Печелка*) > Вёкса > Воча > Кострома. *Печенгирь* (*Печеньгирь*) > Кусца > Немда > Волга. *Печерда* > Нея > Унжа²⁶.

Не локализовано: *Печухта*, р. (Твер) [Vasmer 1941: 19].

Печегда (Влад, Твер, Яр) ~ хант. *petš-šaget* ‘сосна-рукав’ [Европеус 1868: 63; 1874: 8–9], *Печкура* (Влад) = ‘сосна-овраг’ (хант.), *Печуга* ~ *petš-juga* ‘сосна-река’ [Европеус 1874: 9]. Названия *Печегда* и *Печкура* Д.П. Европеус «перевел» почти точно, привлекая, однако, для этого фактически не существующее «остяцкое» *petš* ‘сосна’.

~ Фин.-перм. **pečä* ~ **penčä* ‘сосна’: фин. *petäjä*, саам. *bæsse, pieesse*, морд. *piče, pičä*, мар. *pənčә, pünčö*, удм. *pižim*, коми *požem* [UEW: 727]. Ср. также прасаам. **pēcē* ‘то же’ [YS: 100], раннеприб.-фин. **pečä* ‘то же’ [Korhonen 1981: 84]. Фонетически основа соответствует первой из восстановленных финно-пермских форм, а также раннеприбалтийско-финской и прасаамской формам, близки также мордовские данные. Особняком стоит марийское слово с носовым в консонансе, на основе

которого восстанавливается вторая финно-пермская праформа **repšä*. Ее рефлексy на территории ИМЗ не засвидетельствованы. Повидимому, в субстратных топонимах основа выступала в усеченной форме **reš-*. В этом отношении особенно показательны названия *Печкур* и *Печкура*.

Для *Печегда* I и *Печегда* II в памятниках засвидетельствована форма *Печехта*. Это важное свидетельство в пользу мнения, что детерминанты *-Vгда* и *-Vхта* восходят к одному источнику. Зафиксированные ТЭ варианты *Печелга* и *Печелда* для *Печегда* III позволяют допустить, что костромские названия *Печелга* (*Печелка*) и *Печерда* могут восходить к первоначальному источнику **Печегда*. Эта версия находит подтверждение также в том, что «форманты» *-елга* и *-ерда* в гидронимии ИМЗ не являются сколько-нибудь регулярными, до сих пор не интерпретированы в семантическом плане и поэтому скорее всего являются фонетическими модификациями *-Vгда*, возникшими на русской почве.

О варьировании *Печехра* (*Печхало*) – *Печхар* см. 1.3.3.1.

Колебание *Печкур* – *Печкура* может быть обусловлено родом русского географического термина (*озеро* – *река*), хотя нельзя исключить и его субстратное происхождение (**kur* ~ **kura*). Гидронимы *Печевка*, *Печенка* содержат русские словообразовательные суффиксы. В *Печухня* также выделяется русский суффикс *-ня*, но в этом случае по всей вероятности произошла переработка субстратного форманта, изменившегося в *-ухня*. О гидрониме *Печухта* см. 1.3.4.4.2.

Основа *печ-* единообразно представлена на всей территории ИМЗ. К мерянскому языку достаточно надежно относятся *Печегда* I, *Печегда* II, *Печкура*, *Печуга* I, к диалекту костромской мери – *Печегда* III, *Печелга*, *Печенгирь*, *Печерда*, к языку или диалекту нижнеклязьминцев – *Печехра*, *Печкур*, *Печуга* II, *Печхар*.

пизл-

ВОМ: *Пизлеево*, н. п. (Влад) ~ мар. *pəzlə*, *pizlə* ‘рябина’ [Vasmer 1935: 569]. Ср. в КК: *Пежел*, р. ~ мар. *pəzlə*, *pizlə* ‘рябина’ [Ibid.: 543].

~ Фин.-угор. **pičla* ‘рябина’: фин. *pihlaja*, морд. *pižol*, *pižel*, мар. *pəzəlmə*, *pizle*, *pəzle* [UEW: 376].

Топоним *Пизлеево* фонетически соответствует мордовским и марийским данным, но явно восходит к антропонимическому источнику. Этимология гидронима *Пежел* проблематична как с точки зрения фонетики, так и структуры, поскольку компонент *-ел* может быть топоформантом (< *VI*).

пизд-, пист-

ВОМ: *Пиздома* > Носа > Согожа > Рыб. вдхр. (Яр).

КК: *Пистома* > Сора > Шуя > Нёмда > Волга.

Сюда же, может быть, надо относить:

ВОМ: *Пестуш* > Бол. Киржач > Клязьма (Влад).

КК: *Песта* > Шуя > Нёмда > Волга. *Пестенька* > Андоба > Кострома (а также бол. и д. *Пестенька*). *Пестовка* > Лубянка > Кусь > Нёмда > Волга.

Ср. еще: *Пистяки*, д. Влад. г., Горох. у. [Кузнецов 1910: 118], *Пистега*, р., пр. Волги, Костр. г. [Уваров 1871: 644; Востриков 1979: 48].

Предложены этимологии: *Пистяки* ~ мар. *писте* ‘липа’ (‘Липняги’) [Кузнецов 1910: 118], *Пестеньга* (фактически *Пестенька*) ~ мар. *pistə*, *pištə* ‘липа’ [Vasmer 1935: 552], *Пистега* ~ мар. *писте* [Востриков 1979: 50].

~ Мар. *писте* ‘липа’, ‘липовый’ [СМЯ 5: 122] ~ фин.-волж. **päkšnä*: эст. *pähn* ‘старая липа’, морд. эрз. *pekše*, мокш. *päšä* ‘липа’, мар. *pistə*, *pištə* ‘липа’ [UEW: 726].

Консонантная группа *st* в субстратной топонимии нередко передается *зд* (ср. на РС *Муздалемское* ~ фин. *musta* и т.п.). Подробнее см. об озвончении этого типа (СТРС III, 39–40). Поэтому *Пиздома* возводится к **Пистома* (в этом случае возможна и народная этимология на русской почве). Формант *-Iма* должен рассматриваться как разновидность финно-угорского аффикса обладания (морд. *η*, мар. *н*, манс. *η* и т.п.).

Гидроним *Пестуш* возможно, а *Пестенька*, *Пестовка* определенно оформлены русскими аффиксами. Суффикс *-як(и)* в *Пистяки* также русского происхождения (ср. *березняки*, *сосняки* и т.п.). Очень может быть, что *Пистега* ошибочная форма вместо *Кистега* (лев. пр. Волги ныне в Иван. обл.). О форманте *-Vга* см. 1.3.4.2.

Основа *пист-*, *пизд-* фонетически ассоциируется с марийскими данными. Однако гидронимы с основой *пест-* могут быть и русскими, ср. *пест*, *пестик* ‘хвощ’ [СРНГ 26: 308, 314]. В то же время поучительно, что рч. *Пестовка* впадает в рч. *Лубянка*, ср. рус. *луб* ‘внутренняя часть коры молодых листовенных деревьев (преимущественно липы)’ [СРЯ 1958 II: 273].

сел-

ВОМ: *Селекша* > Нерль > Клязьма (Влад). *Селехра* (*Селихра*), оз. (Влад).

КК: *Селенга* > *Святица* > Вига > Унжа.

~ Фин.-угор. *šala ‘вяз’: фин. *salava*, *salaja* ‘ива ломкая’, морд. *šel'ej*, *šel'eŋ*, *šäl'i*, мар. *šol*, *šolo* ‘вяз’. Фин. *va*, *ja*, морд. *j*, *ŋ*, *i* – словообразовательные суффиксы. Финское значение вторично [UEW: 458]. Принадлежность названий с формантом *-Vнга* к мерянским спорна. Наименования *Селекша* и *Селехра* соотносятся с мордовскими данными и по ареальным показателям могут быть связаны с западномерянским языком или языком нижнеклязьминцев.

том-

ВОМ: *Тома I* > Колокша > Клязьма (Влад). *Томушка* > Колокша > Клязьма (Влад). *Томоришка* > Волга (Яр). *Томиа I* > Сога > Согожа > Рыб. вдхр. (Яр).

КК: *Тома II* > Мера > Волга ~ мар. *tum*, *tumə* ‘дуб’ [Vasmer 1935: 546]. Рядом *Томиа II* > Мера. *Томиа III* > Белый Лух > Унжа.

Томушка впадает в р. Колокша близ устья р. *Тома I*, но значительно меньше. *Тома II* и *Томиа II* впадают в р. Мера неподалеку друг от друга, но *Тома II* намного больше.

~ Урал. *ḍēte (*ḍōte*) ‘черемуха’: фин. *tuomi*, саам. *duobmâ*, *tuumm^a*, морд. *l'om*, *lajmă*, мар. *lombo* (*bo* < *pu ‘дерево’), удм., коми *l'et* [UEW: 65].

Если сопоставление верно, то наиболее близки к топонимам праформа *ḍōte, а также прибалтийско-финские и саамские соответствия. Однако вслед за Фасмером можно сравнить с фин.-волж. *tota ‘дуб’, что все-таки проблематично ввиду распространения основы *тум-* в ВОМ, а также фонетики мордовских и марийской форм. Кроме того, в КК из-за частого изменения *o* > *y* ожидалась бы основа *тум-*, однако она не засвидетельствована. Наконец есть топонимы, образованные от основы *том-*, в субстратной топонимии Русского Севера, где она скорее всего имела значение ‘черемуха’ (см. СТРС III, 146). В то же время показательно, что сравнительно недалеко (12 км) от истока р. *Тома I* (> Колокша) находится вершина р. *Тумка* > *Нерль* (см. *тум-*). Это, пожалуй, может свидетельствовать в пользу отождествления основ *том-* и *тум-*.

тум-

ВОМ: *Тума*, н. п., *Тумка I* > *Каменка* > *Нерль* > *Клязьма* (Влад). *Тумка II* > *Илевна* > *Ока* (Влад) ~ мар. *тумы*, *тума* ‘дуб’ [Семенов 1891: 243], *тумă*, *тумӧ* ‘дуб’ [Кузнецов 1910: 64], *tum*, *tumə* ‘дуб’ [Vasmer 1935: 565]. *Тумахта*, р. (Твер). *Тумаи*, р. (Яр).

~ Фин.-волж. *tota ‘дуб’: фин. *tammi*, морд. *tumo*, *tuma*, мар. *tum*, *tumo* [UEW: 798].

Топонимы ВОМ соответствуют мордовским и марийским формам. Отсутствие наименований с основой *тум-* в КК может быть связано с природными условиями. Ср., однако, названия с основой *том-*.

шаб-

ВОМ: *Шабовка*, рч. (Влад. г.) [Смирнов 1929: 82]. *Шаболовка*, улица в Москве < *Шаболово*, с. (XVIII в.) [УМ: 323–324], *Шабониha* (*Шабонишный*), лес и луг (Яр. г., Пересл. у.) [Смирнов 1929: 82]. *Шабоши*, н. п. (Нижег).

КК: *Шабалы*, пок. (Галич). *Шабунка* > Ноля > Вёкса > оз. Галичское (Галич).

~ Фин.-волж. *šara ‘осина’: фин. *haara*, саам. *surpe*, мар. *šarki*, *šari*, *šorke*, где *ki*, *ke* – уменьшительный суффикс [UEW: 783]. Ср. [Ал-квист 2001: 459].

Субстратная основа соответствует финно-волжской и марийской лексемам. Озвончение *p > *b* в интервокальной позиции в субстратной топонимии обычно. Аффиксальное оформление связано с русской адаптацией, что типично для названий микрообъектов, хотя могут быть первичны и финно-угорские аффиксы *-*la*, *-*Vš*, *-*n*, переработанные на русской почве. Следует иметь в виду, что из-за отсутствия явно выраженных мерянских (и шире – финно-угорских) топоформантов для всех этих названий могут быть предложены и русские этимологии (ср. [Даль IV: 617–618]).

шарн-, шерн-, шорн-

ВОМ: *Шарна* > Обнора > Кострома, а также н. п. *Шарна* (Яр). *Шерна* > Клязьма (Моск). *Шорна* (*Шорнега*, *Шорнога*) > Бол. Киржач > Киржач > Клязьма (Влад).

КК: *Шарная* > Кильня > Нельша > Нея > Унжа. *Шарниха*, н. п. *Шарновка* > Кострома и н. п. *Шарново*.

~ Мар. *шерня* ‘тальник’ [Кузнецов 1910: 116–117], мар. *šärñi*, *šarDñi*, *šarDñe*, *šarñä* ‘верба, ива’ [Vasmer 1935: 528, 547, 549, 555, 562, 567–569].

~ Фин.-волж. *sarné ‘вид дерева’: фин. *saarni*, *saarne*, мар. *šärñi*, *šärñi*, *šertñe*, *šartñe* ‘верба, ива’ [UEW: 752]. Наиболее близки к топонимам марийские формы, разнообразие которых объясняет колебание *a* ~ *e* в вокализме первого слога. Появление *o* в основе может быть обусловлено архаическим изменением *a* > *o* в заимствованиях из финских языков.

Этимология подтверждается метонимическими кальками: по соседству с н. п. *Шарна* (Яр) находится н. п. *Ивушка*, а рядом с н. п. *Шарниха* (КК) – н. п. *Вербуха* [Vasmer 1935: 555, 549].

шол-

ВОМ: *Шолохонь*, *Шолохонье*, к.д., лес (Яр). *Шолошево*, н. п. (Яр).

КК: *Шолешка* > Межа > Унжа. *Шолокша* > Нея > Унжа.

Шолешка ~ мар. *шолешкы*, *шолшы* ‘кипящий, бьющий (вода, родник)’ [Семенов 1891: 247; Кузнецов 1910: 61].

Трудно сказать, относится ли сюда название рч. *Шоля* в басс. Ветлуги, также объясняемое из мар. *šol*, *šolə* ‘вяз’ [Vasmer 1935: 540; Востриков 1979: 73; Ткаченко 1985: 78]. Востриков приводит еще мар. *шولا* ‘левый’ [Востриков 1979: 73].

Фасмер приводит еще гидроним *Шоловка* (верховья Клязьмы, Моск), сопоставляя и его с мар. *šol*, *šolə* ‘вяз’ [Vasmer 1935: 570], но на современных картах и в справочниках (например [Смолицкая 1976: 224]) эта река именуется *Шаловка*.

~ Фин.-угор. *šala ‘вяз’: фин. *salava*, *salaja* ‘ива ломкая’, морд. *šel'ej*, *šel'eŋ*, *šäl'i*, мар. *šol*, *šolo* ‘вяз’. Фин. *va*, *ja*, морд. *j*, *ŋ*, *i* – словообразовательные суффиксы. Финское значение вторично [UEW: 458].

Жителей к. д. *Шолохонь(е)* называют *шолохонцы* (ср. *Пошехонье* – *пошехонцы* от *Шексна*), поэтому компонент *-хонь(е)* следует считать русским образованием, а о его первоисточнике можно только догадываться. Определенно мерянским следует считать *Шолокша* с детерминантом *-Vкша*, исходная структура других случаев затемнена.

шуд-

ВОМ: *Шудобол*, пож. (Яр). Значительно восточнее засвидетельствованы гидронимы *Шуда* I > Иж > Пижма > Вятка (Киров) и *Шуда* II > Ветлуга (Нижег). В этих случаях актуально также коми *шуда* ‘счастливый’ < *шуд* ‘счастье’ [КЭСК: 323]²⁷.

Шудобол ~ мар. *šudə* ‘трава, сено’ и формант *-bol* [Vasmer 1935: 568, 587; Шилов 2001: 23], мар. *шудо* ‘трава, сено’ или коми *шуда* ‘счастливый’ [Востриков 1979: 63], *Шуда* ~ мар. *šudə* [Vasmer 1935: 540].

~ Мар. *шудо* ‘трава’, ‘сено’, ‘травяной’, ‘сенной’ [СМЯ 9: 304].

яко́ть

ВОМ: *Яко́ть* > Дубна > Волга (Моск) < *Якта.

КК: *Якурга* (*Якурэ*) > Вохтома > Вига > Унжа (протекает по территории Влгд. обл. у самой границы с Костр. обл.). В этом случае реконструируется форма *Яткурга. Востриков сопоставляет *Якурга* с коми *яг* ‘сосновый лес, бор, боровой’, удм. *яг* ‘бор, боровой’ [Востриков 1979: 66].

~ Мар. *якте*, горн. *йăктӧ* ‘сосна’, ‘сосновый’ [СМЯ 10: 201]. Мар. *jakte, jäktə* считается заимствованным из прапермского или праудмуртского источников, которые восходят к фин.-угор. *jakkz ‘сосновый, еловый лес’ [UEW: 88].

1.4.4. Фауна

вирг- (верг-)

ВОМ: *Виргуза* (*Вергуза*) > Уводь > Клязьма (Иван).

КК: *Виргаз* > Шомохта > Унжа (Нижег близ КК). В памятниках – *Виргасовка* [Кучкин 1984: 213, 214, 217, 334].

~ Морд. эрз. *верьгиз*, мокш. *врьгаз* ‘волк’, которое рассматривается как финно-угорское слово и сравнивается с коми *варгӧс* ‘хитрый’. Считается иранизмом, ср. др.-инд. *vrkas* ‘волк’ [Цыганкин, Мосин 1998: 32]. В [КЭСК: 47] коми *варгӧс* сопоставляется, однако, с эрз. *вардо* ‘враг’, ‘чужой’, ‘чёрт’, мокш. *вардонь-сур* ‘чертов палец, белемнит’.

иг-

ВОМ: *Игобола* (*Игобла*) > Кубрь > Нерль > Волга (Яр) ~ мар. *иге* ‘детеныш, юнец’, *ик* ‘один, одинокий’ [Шилов 2001: 19]. *Игов*, д. (Влад. г.) ~ мар. *игы*, *иге* ‘птенец, выводок, младенец’ [Кузнецов 1910: 119]. *Игошма*, протока Волги (Яр).

КК: *Игодово*, н. п.

~ Мар. *иге*, горн. *игы* ‘детеныш’, ‘птенец’, ‘ребенок’, ‘дитя’, ‘ответвление (оврага, горы)’ [СМЯ 2: 8], *игенер* ‘приток; река, впадающая в другую реку’ [Там же]. Ср. *игыломбо*, горн. *игыломбы* ‘гусь-первогодок’ [Там же: 9], *игылудо*, *игылыды* ‘молодая утка’ [Там же: 11] и т.п. Ср. также в русской этнотопонимии названия населенных пунктов

Старая Меря и *Молодая Меря*. Марийское слово не имеет соответствий в финских языках, а угорские и самодийские параллели проблематичны [UEW: 109].

Семантика сложений *Игобола* и *Игошма* прозрачна: *Игобола* – ‘Деревня детеныша (детенышей)’ или ‘Дитя-деревня’, т.е. ‘Выселок’. *Игошма* – ‘Дитя-протока’, т.е. новая протока, прорва. *Игошма* действительно небольшая протока, отделяющая один из маленьких волжских островов от коренного берега. О форманте *-бола* см. 1.3.2.1. Возможные интерпретации форманта *-Ишма* обсуждаются в 1.6²⁸. О форманте *-VdV* в *Игодово* см. (СТРС II, 21).

кол-

ВОМ: *Колокша* I > Клязьма (Влад), *Колокша* II > Волга (Яр). *Колондыш* > Вопша > Костр. вдхр. (Яр). *Колочь* > Москва (Моск).

КК: *Колгора*, д. *Колонда* > Кострома. *Колохта* > Унжа²⁹.

Гидроним *Колокша* ошибочно возводили к мар. *колокташ* ‘убивать’ [Кузнецов 1910: 54, 116], позднее сопоставили с мар. *kol* ‘рыба’ [Vasmer 1935: 554, 567].

~ Урал. **kala* ‘рыба’: фин. *kala*, саам. норв. *guolle*, Кильдин *kūll*, морд. *kal*, мар. *kol*, хант. *kul*, *χul*, манс. *kōl*, *χūl*, *kul*, венг. *hal* [UEW: 119]. Ср. еще прасаам. **kōlē* ‘то же’ [YS: 60].

Гидронимы *Колокша* I, II и *Колохта* с уверенностью можно отнести к мерянским, поскольку они характеризуются формантами, которые интерпретируются в рамках мерянского языка (см. 1.3.4.4). Для гидронима *Колочь* важно сопоставление с названием рч. *Колочка*, притоком р. *Колокша* I. В *Колочка* следует видеть уменьшительное от *Колокша* с заменой субстратного форманта на русский суффикс. Вместе с тем не исключено, что формант *-Vч* в этом случае восходит к языку субстрата. Топоним *Колгора* представляет собой довольно редкую для КК полукальку и, возможно, является метонимией. Названия р. *Колонда* и руч. *Колондыш* (где *-ыш*, видимо, русского происхождения) характеризуются формантом *-Vнд(а)*, который объясняют по-разному. Его связывают с переработкой *-Vнга* [Алквист 2001: 439–440], но можно видеть

в нем и оригинальный финно-угорский суффикс [Муллонен 2002: 198–217]. На территории ИМЗ он не является системообразующим.

Основа *кол-* точно соответствует марийским (*kol*) и прасаамским (**kōlē*) данным, являясь дифференцирующей на фоне других финских языков. Этимология *Колокиша* II подтверждается названием близлежащего города *Рыбинск* (ранее *Рыбная Слобода*).

Не исключено, что мерянским является и гидроним *Колюга* (Костр. г.), который приводит Фасмер, сопоставляя с мар. *Koljoḡə* и фин. *Kalajoki* ‘Рыбная река’ [Vasmer 1935: 527, 540]. Нам не удалось точно локализовать это название, которое находится в басс. р. Ветлуга за пределами мерянской зоны КК³⁰. Разумеется, в пограничной полосе ареал часто расплывчат, поэтому подобное наименование может быть как мерянским, так и древнемарийским или даже древнепермским³¹.

Сомнительно, что к названиям с этой основой относятся гидронимы *Коль* (притоки рр. Гусь и Ушна в басс. Оки), как полагают [Семенов 1891: 236; Кузнецов 1910: 67, 116, 123]. Ошибочно предположение о связи *Колдома* с мар. *колдымо* ‘неслышный’ [Востриков 1979: 72]. О названиях *Колдома*, *Исколдом* с предполагаемым каритивным аффиксом см. 1.3.2.2 (*-Vдом*), а также [Семенов 1891: 236; Кузнецов 1910: 66; Ткаченко 1985: 103; Алквист 2001: 441–442].

кутк-

ВОМ: *Куткабала*, вол. [АСВР I, № 254].

Фасмер сравнивает с мар. *kutškəž*, *kutkəž* ~ фин. *kotka* ‘орел’ [Vasmer 1935: 586]. Другая версия связывает это название с мар. *кутко* ‘муравей’. Оба предположения приводятся А.И. Поповым [Попов 1974: 23] и О.В. Востриковым [Востриков 1979: 63] как допустимые. Нижегородский гидроним *Кутко* Л.Л. Трубе, по-видимому, справедливо возводит к марийскому языку [Трубе 1962: 126].

~ Мар. *куткыж* ‘беркут’ [СМЯ 3: 176] ~ фин.-перм. **kočka* ‘орел’: фин. *kotka*, эст. *kotkas*, саам. норв. *goas'ket*, Кильдин *kuoŋket*, морд. *kuŋkan*, мар. *kuŋkəž*, *kutkəš* ‘то же’ [UEW: 668] или мар. *кутко*, горн. *кыткы* ‘муравей’ [СМЯ 3: 175] ~ фин.-перм. **kutke* ‘муравей’:

эст. *kuklane*, саам. норв. *goŋkâ*, Кильдин *kõtk*, морд. *koŋkodov*, *koŋkudav*, мар. *kâtkô*, *kutko* ‘то же’ [UEW: 678].

луй-, лы-

ВОМ: *Луйка* > Уводь > Клязьма, *Луя*, н. п. (Влад).

КК: *Лынгирь* > Тебза > Кострома. ~ Мар. *luj*, *läj* ‘куница’ [Vasmer 1935: 547, 563].

~ Мар. *луй* ‘куница’ [СМЯ 3: 414], горн. *луй* ‘то же’ [Саваткова СГНМЯ: 84] ~ урал. **lujz* ‘куница’: мар. *läj*, *luj* ~ ? манс. *loisa* ‘куница’, сельк. *loça* ‘лисица’ и другие соответствия в самодийских языках [UEW: 252].

мерг-, нерг-

ВОМ: *Мерга*, н. п. в устье р. *Нерга* > Катка > Корожечна > Волга (Яр). *Мергас* > Согожа > Рыб. вдхр. (Влгд близ границы с Яр). *Мергель* > Вольга > Клязьма (Влад). *Мергуша*, оз. (Влад). *Нергель* > Пекша > Клязьма (Влад).

Колебание *м* ~ *н* могло произойти и в русском языке (ср. *Мерга* ~ *Нерга*).

~ Мар. *нерге*, горн. *нергы* ‘барсук’ [СМЯ 4: 176] со звуком *н*, который, видимо, восходит к **m*, ср. фин. диал., карел. *mäkrä*, люд. *mägr(e)*, вепс. *mägr*, эст. *mäger* ‘барсук’ [SSA 2: 195]. В [SKES: 361] прибалтийско-финские формы под вопросом сравниваются с мар. *перге* ‘барсук’.

нуж-, нуш-

ВОМ: *Нушпола* (*Нушполы*), с., *Нушполка*, рч. (*Нушпала*) [ДДГ, № 94] > Дубна > Волга (Моск).

КК: *Нуж* > Ветлуга (Нижег. г.). *Нужная* > Межа > Унжа.

Ойконим *Нушпола* предположительно из **Нужпола*.

Гидроним *Нужная* возник в русском языке по народной этимологии, хотя нельзя совсем исключить и чисто русское происхождение этого названия.

~ Мар. *нуж* I ‘крапива’, *нуж* II ‘щука’, *нужгол* ‘щука’ [СМЯ 4: 215–216] ~ урал. **носа* ‘крапива; чертополох; шип’: мар. *ниш* ‘крапива’,

niž-kol ‘щука’ (*kol* ‘рыба’) || ? ненец. *nācāedāj* ‘крапива, чертополох’, *nācadae* ‘шип’ [UEW: 307].

См. [Семенов 1891: 240; Кузнецов 1910: 67, 116; Vasmer 1935: 568, 576]. Для гидронимов фаунистическая этимология предпочтительнее.

От составителя

В этом месте чистовая часть рукописи А.К. Матвеева с единой нумерацией страниц (1–56) в папке № 2 заканчивается. После разделителя идут черновые материалы. Они пронумерованы составителем, начиная с 57-го листа. Весь черновой материал соотнесен с планом-замыслом А.К. Матвеева и дан в соответствии с разделами монографии (см. авторское «Содержание», с. 25–27 данной книги). Черновые записи внутри разделов даются в алфавитном порядке основ, каждая субстратная основа и географическое название соотнесены с номером листа. Сокращенные отсылки к теоретическим источникам в очевидных случаях переведены в более полный вид и соотнесены с библиографией, собранной А.К. Матвеевым (библиографический список приводится в конце данной книги).

- Пеще -
1. Пещел, р. от устья Манагил (сб.)
  2. Пещенга > Унжа Колыма
  3. *Пещепарт > Пещенга (Пешкарт) Колыма
  4. Пещенга > ЮЗ
  5. Пещенга > ЮЗ

1. Пещел > Везема с (в п. Тейков) > Унжа Мб.
  2. Пещел, р. Клежма (л), Керв-Теза. Сиса. 219. Влад.
  3. Пещел, речка. Кулов 309, с 695
  4. Пещел, р. Клежма (л), Керв-Теза. Сиса. 220.
- Пещел, р. от устья Манагил [Восток 1/3, Влад. 52].

* * * река "нечистый"
ИЭМ: 727.

Автограф первого листа черновой части рукописи А.К. Матвеева
(папка № 2-осн. СТРС IV, л. 57)

ЧЕРНОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

«Папка № 2-осн. СТРС IV»

«1.4.4. Фауна (продолжение):»

«л. 57»

пеж-

1. *Пежел*, р. близ Унжи (Макарьев).
2. *Пéженга* > Унжа (Кологрив).
3. *Пежспарт > Пёженга (*Пешпарт*) (Кологрив).
4. *Пеженга* > Юг.
5. *Пеженга* > Юза.

«на этом же листе на клейке:»

1. *Пежа* > Вязьма, сл. (в г. Тейково) > Уводь (Иван).
2. *Пежа*, р. (Клязьма, Нерль – Теза) [Смолицкая 1976: 219] (Влад).
3. *Пежа*, речка [Кусов 1993: 309, № 695].
4. *Пеженец*, р. (Клязьма, Нерль – Теза) [Смолицкая 1976: 220] (Влад).

«5.» *Пежел*, р. близ Узола (Макарьев) [Vasmer 1935: 543].

«~» *реѣз ‘нечистый’ [UEW: 727]³².

«л. 58»

пез-

ВОМ: *Пеза* > Тошма > Нерль > Клязьма (Яр). *Пезуха* > Сунжа > Волга (Иван).
КК: *Пеза* > Шуя > Немда > Волга и н. п. *Пезобал* (Парф).

~ Урал. *pesä ‘гнездо’: фин. *pesä*, саам. *bässe*, *piessē*, *piess*, морд. эрз. *pize*, мокш. *piza*, мар. *pəžäš*, *pəžaš*, *pižaš*, коми *poz* ‘гнездо’. Мар. (ä)š – словообразовательный суффикс [UEW: 375]. Формант -бал – мерянский ойконимический детерминант (1.2.2.1³³), -уха – русский словообразовательный суффикс. Переход *з* > *ж* в марийском языке произошёл относительно поздно [Грузов 1969: 161–162]. Мерянский язык отражает более древнее состояние.

– Vasmer 1935: 586; Попов 1965: 126; 1974: 22–23; Востриков 1979: 60; Ткаченко 1985: 61, 62, 77, 95; Шилов 2001: 21.

«л. 59»

пиг-

1. *Пига* (*Пиги* ?), бол. (Яр, Ростов).

2. *Пиголоса*, н. п. (Яр, Пошехон) [Vasmer 1935: 558] (Конгора).

«3.» *Пигалиш*, р. (Немда). *Пиголеш* > Немда, сл. [Vasmer 1935: 546].

«Вклеен отрывок об основе *Пиг(V)*- из [Алквист 2001: 460], где *Пига* связывается с прибалтийско-финским словом со значением ‘святой, священный’, ср. фин. *piha* ‘святой, священный’ и далее приведено сравнение Фасмера [Vasmer 1935] ~ *piyol* ‘пескарь’.»

«л. 60»

поч-

ВОМ: *Почeboш* > Киржач > Клязьма (Влад). *Почепалово*, н. п. (Иван, Ильин). ~ Мар. *поч*, горн. *пач* ‘хвост’, ‘конец’, ‘оконечность чего-либо’ [СМЯ 5: 205].

Засвидетельствованное в памятниках костромское *Поченгирт*, которое считается марийским по происхождению [Попов 1974: 24], по-видимому, является искаженным *Печенгирь* (см. *печ*-).

«Сверху на листе карандашом приписано «? олень». По всей видимости имеется ввиду сравнение с мар. *пўчō*, горн. *пучы* ‘олень’ [СМЯ 5: 448] (см. *пуч*-).»

«л. 61»

пуч-

ВОМ: *Пучеж*, гор. (Иван, Пучеж).

КК: *Пучега* > Нодога > Желвата > Волга. *Пучуга* > Унжа.

~ Фин.-угор. *poča ‘олень’: ? фин. *poro*, саам. *boazo*, *poaz*, *poas*, мар. *риџă*, *рйџö* ‘олень’ [UEW: 387]. Основа соответствует марийским данным.

– *Пучеж* ~ мар. *пучы* ‘олень’ [Никонов 1966: 346]. *Пучуга* ~ мар. *пучы*, *пўчö* ‘олень’ [Востриков 1979: 59].

«л. 62»

«*пы-*»

Пынгирь > Илезом > Вохтома (Парф).

Пынгирка > Идол > Нея [Востриков 1979: 65].

Пынгирь ~ мар. *пий* ‘собака’, ‘собачий’ [Там же].

«л. 63»

«*сегж-, секш-<-*»

1. *Сегжа* > Согожа, сл. > Рыб. вдхр. (Яр) (*Секша* [Альк]³⁴).

2. *Секша* > Талыша > Уводь > Клязьма (Влад, Сузд) [Смолицкая 1976: 220].

3. *Секша* > Кострома, спр. (Яр, Любим).

«4.» *Секша* > Кострома (Мисково).

«~ мар.» горн. *сексы* ‘скопа’, ср. *сака* [СМЯ 6: 174].

«л. 64»

«*тютх-*»

ВОМ: *Тюхта* > Соть > Костр. вдхр. *Тюхтедамово* (*Тюхтедомово*), н. п. (Яр, Первом). *Тюхтово*, н. п. (Влад, Кольчуг).

~ Фин.-угор. *tokta ‘гагара’: ? фин. *tohtaja*, *tohtava* ‘гагара’, саам. норв. *dovtå* ‘чернозобая гагара’, Кильдин *tovt*, Нотозеро *toxtiŋ* ‘гагара’, мар. *toktā-lūdŷ*, коми *toktj* ‘гагара’. Финское слово возможно из саамского [UEW: 530]. Ср. мар. *токталудо*, горн. *тыкты* ‘гагара’ [СМЯ 7: 132], *тукто*, горн. *тыкты* ‘гагара чернозобая’ [СМЯ 7: 238]. Если эволюция *o > *u* в свете марийских данных не удивляет, то палатальное *t* в начале слова создает проблемы. Впрочем, слово рассматривается как оноματοпозитическое [UEW: 530] и вполне могло иметь параллельные сингармоничные формы, а перед гласными переднего ряда смягчение могло произойти уже в русском языке.

Тюхтедамово находится недалеко от р. *Тюхта*. *Тюхтово*, может быть, отантропонимического происхождения.

«л. 65»

шорд-

ВОМ: *Шордога* (*Шордега*, *Шордыга*) > Пиклия > Нерль > Клязьма (Влад, Юр-Поль).

КК: *Шордик* > Кильня > Нельша > Нея > Унжа (Ней). *Шортюг* (< ? *Шордюг в результате ассимиляции) > Ветлуга (Поназ).

~ Мар. *шордо*, горн. *шарды* ‘лось’, ‘лосиный’ [СМЯ 9: 241], ср. эрз. *сярдо* [ЭрзРС: 639], мокш. *сярда* [МокшРС: 697] ‘то же’. О формантах -*Үга*, -*Үг* см. 1.2.4.2, 1.2.4.3³⁵, -*ик* – русский деминутивный суффикс. Возможна переработка -*юг* > -*ик* на почве народной этимологии (*Шордик* – небольшая речка). К интерпретации *Шортюг* из *Шордюг ср. гидроним *Шордуг* > Юг (Влгд, К-Г).

– *Шордега* ~ мар. *шордо* ‘лось’ [Семенов 1891: 247; Кузнецов 1910: 68], *Шордога* ~ мар. *šordə* ‘лось’ + *joyə* ‘поток’, ‘река’ [Vasmer 1935: 528, 566]; *Шордик* ~ мар. *šordə* ‘лось’ [Ibid.: 542]; *Шортюг* ~ мар. *шордо* ‘лось’ [Востриков 1979: 54].

«л. 68»

юкиш-

ВОМ: *Юкиша* I > Клязьма (Влад, Ковр). *Юкиша* IV > Парша³⁶ > Теза > Клязьма (Иван, Родн). *Юкиша* III, быв. д. (*Большая Юкиша*, *Малая Юкиша*) (Иван, Гавр-Пос), *Юкиша* II, ур. (Влад, Судог). *Юкиша V (*Югжа*) > Дрезна > Медведица > Волга (Твер, Кес-Гор). *Юкишино*, быв. д. (Яр, Б-Сел).³⁷

~ Фин.-перм. *jokće ‘лебедь’: фин. *joutsen* (диал. *joeksen*, *joeksin*), саам. норв. *njuk'čá*, тер. *ñukč*, Кильдин, Нотозеро *ñūχč*, морд. *lokšij*, *lokšt'im*, *lokšt'i*, мар. *jūkšə*, *d'üksö*, *jūkčö*, *jüksö*, удм. *juś*, коми *juś* ‘лебедь’ [UEW: 101]. Очевидна тождественность мерянских названий с мар. *jūkšə*. Об озвончении *ки* > *гж* в тверском *Югжа* см. (СТРС III, 39–40). Особенно показательны в этом отношении тверские и новгородские гидронимы на -*Үгжа* (*Верегжа*, *Мологжа*, *Порогжа*), в которых формант явно восходит к -*Вкиша* (см. 1.2.4.4³⁸).

Бывшая деревня *Юкишино* находилась в пределах Юхоцкой волости по реке *Юхоть* > Волга (Яр) [ПМЯУ: 166]. В документе XV в. в этой волости упоминаются дв«е» пустоши *Юкишин* [АСВР III, № 201]. Топонимы *Юкишин*, *Юкишино* могут быть отантропонимическими (< *Юкиа < *Юрий*). Вместе с тем нельзя исключить их связь с гидронимом *Юхоть* ~ *Юхта* (ср. на *Юхте*, на *Юхти* в ПМЯУ, многократно), поскольку эти формы могут восходить к *Юкиа (через промежуточное *Юхотский*, *Юхоцкий*).

– *Юкиа*, *Юкишино* ~ мар. *jüktšö*, *jükšö* [Vasmer 1935: 521, 548, 557, 565; 1941: 28; Ткаченко 1985: 77].

«На л. 69 приведена карта, см. ниже карту № 19.»

«л. 70» **1.4.5. Человек**

«л. 70»

Атебал

[Ткаченко 1985: 47, 62, 81, 85, 95; Шилов 2001: 19].

«~» Мар. *ача*, *атя* ‘отец’, морд. *атя* ‘отец’.

«л. 79»³⁹

из(и)-

1. *Изиморка*, н. п. (Киров).

2. *Изоха* > Чеснава > Рыб. вдхр. (Яр).

3. *Изохта*, руч. (Яр) [Ahlqvist].

4. *Изохоть*, р. (Яр) [Фасмер].

5. *Изурка*, р. (Ряз).

«6.» *Изина*, *Изино* [Семенов 1891: 233].

«~ Мар. » *изай* ‘старший брат’ [СМЯ 2: 15].

«л. 82»

мурм-, муром-

1. *Мурма*, р. [? *Мурхма*] (МГМ Влад, Клязьма) [Смолицкая 1976: 221].

2. *Мурмаж* > Трубеж (Пересл) (1 – справа) [Смирнов 1929], *Мурмиш* [Алькв].

3. *Мурмаж* > Трубеш (Пересл) (2 – слева) [Смирнов 1929].
4. *Мурмаж*, древнее название села Перцева (Пересл).
5. *Мурмога* (Влад, Клязьма) [Смолицкая 1976: 208], *Мурмога* > Пекша > Клязьма (Влад, Кольчугино).
6. *Мурмож* (*Мурмош*) (Влад, Клязьма) [Там же: 212].
7. *Мурмышка* > Медведица > Волга, сл. (Твер близ Яхромы).
8. *Муром*, гор. на Оке (Влад).
9. *Муромка*, р.: *Муромец*, р. (Влад, Клязьма) [Там же: 207].
10. *Муромка*, р. (Тмб) [Там же: 192].
11. *Муромка Мал.*, н. п., правый берег р. Ландех (Иван).
12. *Муромское*, оз. (Моск, Шатурская гр.).
13. *Муромское*, оз. (Клязьма) [Там же: 225].

«На л. 83 приведена карточка с топонимом н. п. *Ошмара* (Яр) без пояснений.»

«л. 84»

патр-

1. *Патра* > Согожа > Рыб. вдхр. (Яр).
2. *Патробал* (горка *Патрабольская*), Шохон. у. Яр. г. (Влгд).
- «~» Мар. *patar* ‘сильный’ [Шилов 2001: 21], *патыр* ‘богатырь, силач’ [СМЯ 5: 50].
3. *Патрина* *Продуха*, бол. (Влад, Судогда).

«л. 85»

руж-, руш-

1. *Ружбал* > Нея (Парф) [Vasmer 1935: 586].
2. *Руша* > Шача (Сус).
3. *Руша* > Кострома, сл. (Буй).
4. *Руша* > Кострома, спр.
5. *Руша* > Обнора, сл. (Любим).
6. *Руша* > Возега > Вага.
7. *Руша* > Нёмда, спр. (Антр).
8. *Руша* > Сивеж > Кисть > Вига > Унжа (Чухл).
- Ср. *Руша* > Елнать > Кострома, спр. (Яр, Любим).

Руша ~ мар. *руш* ‘русский’ [Кузнецов 1910: 58].
Рушиново, н. п. (Влад, Сима) [Семенов 1891: 241].
Руж- (*Ружбал*), *Руш-* (*Руша*) ~ *руш* ‘русский’ [Матвеев 1996].

«л. 86»

синж-

1. *Синжан*, *Синжаны*, н. п. (Влад, Меленки) [Семенов 1891: 241], (Муром у.) [Vasmer 1935: 564].

2. *Синчуваж*, р. и н. п. (Костр, Варнавин) [Кузнецов 1910: 65⁴⁰; Vasmer 1935: 540, 588].

3. *Синчуваж*, н. п. на р. $\times^{41}$ > Вая > Уста > Ветлуга (Нижег) [Востриков 1979: 73]⁴².

4. *Синча*, р. (Клязьма, Теза – устье) [Смолицкая 1976: 223].

«~» Мар. *šind'ž'a* ‘глаз’, *sinžä* К.В. встречается также в значении ‘источник’ [Vasmer 1935: 523], рус. *šinžanu* – ON⁴³ в у. Меленки Влад. г., рус. «Ableitung auf *-any* (*-ane*) als Namen der Anwohner eines Gewässers *šinža zeigt» [Vasmer 1935: 524]⁴⁴.

«л. 87»

сойла-

Сойлога > Вига > Унжа (Чухл).

«~ Мар.» *сойлаш* ‘воевать’ [СМЯ 6: 266].

«л. 78»

толг-

1. *Толга < *Толгская церковь* в Ростове (Яр).

2. *Толга*, *Толгский монастырь* (Яр) [АСВР III].

3. *Толгоболь* (*Толгобол*), н. п. и р. *Толга* (Ярославль) [Ткаченко 1985: 45, 62, 64, 66]; *Толгобола* [Vasmer 1935: 586; Шилов 2001: 22].

4. *Толга*, пож., правый берег Волги (Яр, Некрас).

«~» Морд. *толга* ‘перо птицы’, мар. *тыл* в *пыстыл* ‘перо’.

Особенно интересно название *Толгоболь*, необычное для топонимов в семантическом отношении. Возможно, основа *толго-* содержит древнее родовое или племенное название-тотем. Марийское соответствие уже сильно изменилось, напротив саам. норв. *dol'ge*, Инари *tolge*

фактически совпадает с мордовским, указывая тем самым, что в мерянском языке это слово сохранилось в древней форме.

«л. 71»

туб-

«~ Мар.» *туп* ‘спина’, ‘оборотная сторона’ [СМЯ 7: 265].

1. *Тубола* Б., н. п. (Яр, Мышкин).
2. *Туболка*, д., р. [Кусов 1993; Шилов 2001: 22].
3. *Туболовка*, р. (Клязьма, Колокша – Нерль) [Смолицкая 1976: 212].

«л. 73»

ун-

«~» Мар. *уна* ‘гость’.

1. *Унаур*, оз. (Гороховец) [АСВР; Смолицкая 1976: 228].
  2. *Унгарь* > Теза > Клязьма (Иван, Юж) [Там же: 221] = *Ўнгер*, *Ундер*, если не на -нгарь.
  3. *Унелка*, рч. [Кусов 1993: 331, № 603, 611], *Умелка* [Там же, № 602].
  4. *Унемерь*, н. п. (Яр) = *Унимерь*.
  5. *Унилец*, р. [Там же: 428, 429].
  6. *Уница*, р. > Осетр, спр. (Моск, Зарайск).
  7. *Уница*, р. близ Ростова и оз. Неро (Шулец. вол.) [Титов; Горюнова].
  8. *Ункор*, р. > Кудьма > Волга (Нижег, около Н. Новг.).
  9. *Ункор*, р., *Унгорь* (Влад, Ряз) [Смолицкая 1976: 190–191].
  10. *Ункор*, р., *Ункорка* (Тмб) [Там же: 192].
  11. *Унога*, р. (Клязьма, верховье – Воря) [Там же: 198].
  12. *Унор*, н. п. (Нижег, Выкса).
  13. *Унорка*, р. (нижнее левобережье Оки, Унжа – Клязьма) [Там же: 193].
  14. *Унцер* (*Унгер*) > Клязьма, спр. (Влад).
- КК: 1. *Ўна* > Нельша > Нея (Костр).
2. *Ўниха*, лог (Шарья).
  3. *Ўнорож*, д. (оз. Галичское).

«der ON Unemǫǣ ist echt slavisch und hat mit *Merja* nichts zu tun»⁴⁵ [Vasmer 1935: 513].

Ср. мар. *онакү* ‘жертвенный камень’, *онапу* ‘жертвенная река’⁴⁶, тюрк. ? > *он* ‘вождь’, ‘начальник’ [СМЯ 4: 300–301].

«На л. 74 приведен отрывок из работы А. Альквист, где основа *ун-* связывается с прилагательным пермских и обско-угорских языков со значением ‘большой’ [Алквист 2001: 457].»

«л. 72»

чуч-

Чуча ~ мар. *чүчү* ‘дядя’ [Матвеев 1996].

чуц-, чуч-

1. *Чуца*, *Чуча*, р. (нижнее левобережье Оки, Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976: 196; Кузнецов 1910: 116].

2. *Чуча* > Суворощь > Клязьма (Влад).

3. *Чуча* > Ока (Влад, Гороховец. р-н)⁴⁷.

4. *Чучеры*, д. при рч. *Чучер* (Яр, Ростов).

5. *Чучёры*, д. (Юг?).

6. *Чучино* (< *Чючино*), пуст. [Кусов 1993: 336, № 242, 243].

7. *Чучулка*, р. (нижнее левобережье Оки, Гусь – Унжа) [Кузнецов 1910: 66; Семенов 1891: 245; Смолицкая 1976: 189].

«На л. 75, 76 приводится абзац из книги «Ономатология» об этимологии названия быв. д. *Чучеры* от рус. диал. *чучь* ‘легендарное древнее племя, чудь’ [Матвеев 2006: 217–218].»

«л. 77»

юм-

1. *Юма* > Пижда > Вятка (Киров).

2. *Юматовка*, р. (Клязьма) [Семенов 1891: 248; Смолицкая 1976: 227].

3. *Юмахонская волость* (Иван?) (? < *Юхма*), если не на *-хон*.

4. *Юминское*, н. п. на р. Хотча > Волга (Твер).

5. Юмкино > Ястреб > Судогда > Клязьма (Влад) [Кузнецов 1910: 69].

«6.» Юмбалово [Шилов 2001: 23].

«7.» Юмашева, селен. (Ряз) [Кузнецов 1910: 125].

«Перевод основы не приведен, вероятно имеется в виду сравнение с мар. *юмо*, горн. *йымы* ‘бог’ [СМЯ 10: 174].»

1.4.6. Жилье, хозяйство, быт

«л. 88»

воки-

«~ Мар.» *ваки* ‘мельница, плотина’ [Гордеев 2: 25–26; СМЯ 1: 176].

1. *Вокша* > Кунья > Дубна [ВП – ГС МО].

2. *Вокша*, р. (Иван, Юж. р-н).

3. *Вокша*, рч. (Шуром. стан, Переясл.-Залес.) [Смирнов].

4. *Вокшеданка*, р. в басс. Солоницы (Волга) [Кучкин 1984].

5. *Вокшера*, р. (Яр) = *Вокшерка* > Ить > Волга, + н. п. *Вокшера*, *Вокшерка* [Vasmer 1935: 553] (Яр, Ром. Борис).

6. *Вокшерино*, н. п. (Яр, Рыб.) [Vasmer 1935: 558].

7. *Вокшинка*, р. (Яр) [Ahlq.].

«8.» *Вокшево*, н. п. и р. *Вокшевка* (Кологрив) [Vasmer 1935: 542].

«9.» *Вокшино* (Ряз) [Кузнецов 1910: 123].

«На листе проведена разделительная черта, после нее написан еще ряд топонимов:»

1. *Вókшево*, д. (Кологрив), *Вокшевская речка* > Унжа > Волга.

2. *Вокшенная*, р. [Востриков 1979: 72] > Волга. *Вокшенная*, рч. (Костр. у.) [Vasmer 1935: 551].

3. *Вокшер*, р. около Шачи (у. Нерехта) [Vasmer 1935: 552].

4. *Вокшинка* > Черная > Волга.

Мар. *βakšār* ‘Teich’ < *βakš* ‘Mühle’ + *jār* ‘See’ ~ ON u FIN *Vokšer*⁴⁸ (Ярославль, многократно) [Vasmer 1941: 29; Кузнецов 1910: 69–70].

ON и FIN *Vokšer*. 1. уезд Нерехта, Костр. 2. уезд Романов-Борисоглебск, Яр. ~ мар. *βakšär* ‘пруд’ < *βakš* ‘мельница’ + *jär* ‘озеро’ [Vasmer 1935: 523].

«На л. 89 приведены несколько названий с основами *кер-* и *кест-* без перевода.»

«л. 90» *Кутьма* > Лехта > Устья > Которость (Яр, Ростов).

Кутьма (Тул. г., Крапив.) [Кузнецов 1910: 135].

«~ Мар.» *кўтў*, горн. *кйтö* ‘стадо, табун, стая’ [СМЯ 3: 248]; *кўтым*: *кўтым шыжа* ‘рыболовная снасть’ [СМЯ 3: 248], *кўтымö* 1) причастие от *кўташ* ‘пасти’ [СМЯ 3: 248]; 2) ‘пастьба, пастушество’ [СМЯ 3: 249].

«л. 91, 92»

котор-, котр-

«ВОМ:» 1. *Которосль* (*Которость*, *Которось*) > Волга (Яр).

2. *Котракс* (*Которкс*), пос. в Ковыл. р-не Мордовии < «морд.» *каторокс* ‘хутор’ [Цыганкин: 157].

3. *Котраха*, р. (Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976].

4. *Котрохово*, н. п. (Иван).

«КК:» 1. *Которово*, н. п. около гор. Кострома [Альквист 2000а: 20].

2. *Кóтрость* > Тоехта > Унжа (Мантур).

3. *Кóтрость* > Кастово > Унжа (Мантур).

«На л. 93–95 приведена выдержка из текста «Ономатологии» о названии реки *Которосль* и луга *Котрас* в её истоке, зафиксированном А. Альквист [Матвеев 2006: 213–214].»

«л. 96»

куд-

1. *Кудаша* (*Кудоша*) > Рыб. вдхр., юго-западный берег (Яр) [Семенов 1891: 237; Кузнецов 1910: 70].

2. *Кудашиха*, н. п. (Нижег).

деревни, села', в тех же и близких значениях карел. *-kunta*, *-kunda*, ливв. *-kundu*, люд. *-kund*, вепс. *-kund*, вод. *kunt*, *kont*, эст. *kond*, саам. норв. *gød'de*, тер. *ko'nt*, возможно сюда же относится мокш. *końd'ä*, *kuńd'ä* 'друг, товарищ' [UEW: 206; SKES: 238; SSA 1: 437–438; Алквист 1998: 10].

Это слово, выявленное и убедительно проанализированное А. Альквист, рассматривается как важный индикатор мерянской топонимии [Алквист 2000б: 84, 90; 2001: 459], однако его можно интерпретировать по-разному: во-первых, как собственно мерянское, характерное для диалекта центральной мери (в КК оно пока не засвидетельствовано, а в близких значениях, возможно, выступало другое слово, см. ниже *Мундыр*), во-вторых, как прибалтийско-финское, поскольку влияние прибалтийских финнов в мерянском ареале было весьма значительное (см. об этом 1.3.3⁴⁹), наконец, в-третьих, как мерянизм, заимствованный у прибалтийских финнов. Ответ на этот вопрос принадлежит будущему, конечно, если его удастся решить. Во всяком случае А.Л. Шилов справедливо подчеркивает, что лексема *kunt-*, *kund-*, *kond-* известна в большинстве финно-угорских языков (отсутствует, однако, в марийском) [Шилов 2001: 13].

«л. 99» Примечательно, что на территории ИМЗ основа *кунд-* в гидронимии и названиях населенных пунктов (не частей населенных пунктов!) почти не фиксируется, что в определенной степени обусловлено ее значением и употреблением в микротопонимии. Исключения единичны. Так, засвидетельствовано название покоса *Кунадавник* в КК (Кологр), которое, по-видимому, связано с этой основой [Востриков 1979: 72]*, но может быть как мерянским, так и прибалтийско-финским.

За пределами ИМЗ названия с основой *кунд-* достаточно частотны, особенно на РС [см.: Матвеев 1970: 365; Шилов 2001: 13]. Но выявлены территориально близкие к ИМЗ гидронимы с этой основой,

---

* Есть еще пок. *Кундышева Поляна* (Яр, Некрас.), который, однако, скорее всего восходит к прозвищу *Кундыш* (о прозвище *Кунда*, *Кунда* и его отношении к основе *кунд-* см. [Алквист 1998: 9]) или фамилии *Кундышев*.

ср. *Кундала* > Ветлуга (Нижег), *Кундола* > оз. Никольское (Влгд, Гряз), *Кундыш* > Майманга > Кичменьга (Влгд, К-Г), *Большой Кундыш* (Киров, Марий Эл). Однако трудно сказать, имеют ли отношение эти наименования к мерянскому слову и вообще к основе *кунд-* в данном значении. Наиболее интересно тамбовское *Кундоболка* [Смолицкая 1976: 240, 252], аналогичное мерянским названиям, но выходящее далеко за пределы ИМЗ, что настораживает и требует осмысления.

«Л. 100 помечен значком «исключить», информация на нем в основном повторяет предыдущие листы с основой *кунда*, *кундыла*.»

«На л. 101 приведено несколько названий с основами *кондиев-*, *контиев-* и *конд-*, *конт-* без перевода, ср. р. *Контюг* (СТРС III, 86), где этот топоним сравнивается с прасаам. **kontē* ‘дикий олень’ либо фин. *kontu* ‘дом’:»

кондиев-, контиев-

1. *Кóндиевы Ноги*, пож. (Кологрив) «рядом написано: «Медвежьи Ноги».»

2. *Контеевка* > Водыш > Шача (Сус).

3. *Контеево (Коньтеево)*, н. п. (Галич).

«4.» *Контиево*, д. в басс. р. Юг.

конд-, конт-

1. *Кóндоба (Кóндома)* > Нея > Унжа (Мантур, Ней).

2. *Кондома* > Желвата > Волга + н. п.

3. *Кондурка* > Шача (Галич).

4. *Кóнтюг* > Межа? (Меж).

5. *Контюг*, басс. Сухоны [Востриков 1979: 55] > Стрельна.

«л. 102»

луп-

«~ Мар.» диал. *лупо* ‘куча хвороста, валежника’ [СМЯ 3: 430].

1. *Лупанда* > Вашка > Мал. Нерль близ с. Вашки (Яр, Пересл. у.).

2. *Лупачево*, н. п., басс. р. Юг.

3. *Луполово*, н. п. на р. Пурежка > Лух [Семенов 1891: 238].

КК: *Лупсарь* > Светица > Унжа (Кологрив) [Востриков 1979: 57].

«л. 103»

мач-

«~ Мар.» *мача́* ‘котцы’ [СМЯ 4: 34].

1. *Мачевка* > Бол. Юг > Шексна и н. п. *Мачево* (Влгд).

2. *Мачерка*, оз. (Гусь – Унжа) [Смолицкая 1976: 191].

КК: *Ма́чино*, *Мачо́во*, бол., мыс (Пыщуг).

«л. 104»

мондур

1. *Мондур*, н. п. на р. Ентала выше устья р. Пырица [Востриков 1979: 57] (их там 2!).

2. *Мондур*, н. п. на р. Ентала (другой!) [Востриков 1979: 57].

3. *Мондур*, н. п. на р. Кильченьга > Юг [Там же].

мунд- [Востриков 1979: 57]

1. *Мундовка* > Воча (Чухл).

2. *Мундор-Заболото*, н. п., *Степной Мундор* (Ветл).

3. *Му́ндорово*, берег (Мантур).

4. *Му́ндырь*, д. (Мантур).

5. *Му́ндырь*, поле (Межа).

6. *Мундырь*, н. п. (Нея).

7. *Мундырь*, н. п. (Вохма) и т.п.

«~ Мар.» *мундыра́*, горн. *мындыра* ‘клубок’, ‘запутанное сцепление, сочетание чего-л.’ [СМЯ 4: 94–95].

«~ Мар.» *му́ндыр*, горн. *мы́ндыр* ‘далекий, дальний; находящийся, происходящий на большом расстоянии, живущий вдалеке или имеющий большое протяжение’ [Там же: 118].

«л. 105»

Мушпол (Пошехон. у.) [Vasmer 1935: 586; Ткаченко 1985: 61, 62; Шилов 2001: 21].

«~ Мар.» *муш* ‘пенька, кудель’ [СМЯ 4: 112].

«л. 106»

Неньгирь, р. близ Ворши и Вежболовки (Влад. у.) [Vasmer 1935: 566].

Нікурга > Унжа (Кологр) [Востриков 1979: 66].

«~ Мар.» *ний*, горн. *ни* ‘лыко’ [СМЯ 4: 183].

«л. 107»

под-

«~ Мар. *под*» ‘котел’ [СМЯ 5: 143].

«~ Мар.» диал. *поткем* ‘омут’ [Там же: 203].

1. *Подакша*, р. [АСВР].

2. *Подмаж*, р. [Кусов 1993] (если не *подм*-!).

3. *Подокса*, р. (Влад, Ковр), *Подокса*, р. (Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976: 215].

4. *Подокса* > Вязьма > Уводь (Влад).

5. *Подоксты*, пуст. [Кусов 1993].

6. *Подом*, д.

7. *Подыкса* > Нерль > Клязьма (Влад).

КК: 8. *Пода* > Унжа (Макар), 2) *Пода* > Тожега (? Ней), 3) ? *По-да* > Номжа (Ней), 4) *Подакша*, р. [АСВР] (Соль Галицкая), 5) *Поданжа* (*Подонжа*) > Вига (Чухл).

«л. 108»

понг-

Понга > Унжа (Чухл) ~ мар. *poŋgə* ‘гриб’ с утраченным *joʊə* [Vasmer 1935: 528].

Понга > Унжа (Кологрив) [Ткаченко 1985: 48, 138, 165; Vasmer 1935: 542].

«~ Мар.» *понго*, горн. *понгы* ‘гриб’ [СМЯ 5: 182].

«~ Мар.» *понга* ‘ботало’ [Там же: 181], *понгаиш* ‘ботать’ [Там же: 182].

«л. 109»

порт-

1. *Портюг* > Межа (Меж). *Портюг*, р. близ Унжи (Кологрив) [Vasmer 1935: 541]. *Портюг(а)*, р. (Костр. г.). Wohl aus мар. *Pörjōyə*

“Badstubenfluß”, finn. Pirttijoki⁵⁰ [Vasmer 1935: 527], [Востриков 1979: 54; Ткаченко 1985: 72].

⟨2.⟩ *Péishaprt* > Пеженьга (Кологр). Ср. *Пеж-порт*.

⟨~ Мар. *пõрт* ‘дом, изба’ [СМЯ 5: 236]⟩

***порт-* < ?*порт-**

Пордух > Сердух (Влад, Клязьм).

Порда, р., басс. Согожи (Яр, Пошехон).

Порда > Тутка (КК).

Но ⟨мар.⟩ *пõрдем*, горн. *пõртом* ‘круговорот, водоворот’ [СМЯ 5: 234].

⟨л. 110⟩

порт-

КК: *Порнега* > Челсма > оз. Галичское. *Порнышиха* > Сендега > Мера > Волга (н. п. *Порныш*, Остр).

~ Фин.-перм. **porñe* ‘сосуд’, ‘ящик’, ‘короб’: фин. *purpi* ‘яма для хранения продуктов’, ‘закром’, ‘ларь’, ? саам. *puor’na*, *põrn* и т.п. удм. *berño*, коми *burña* в близких значениях. Мар. *põrña* ‘короб из липового или березового лыка’ считается заимствованием из древнепермского или удмуртского [UEW: 735–736]. По YS [110–111] фин. *purpi* соответствует прасаам. **põrne*. Мерянская форма по вокализму первого слога аналогична финно-пермской. Поэтому допустимо, что саамское и марийское слово не являются заимствованиями, а восходят непосредственно к праязыковому источнику (ср. [КЭСК: 42]).

– *Порнега*, *Порныш* ~ мар. *porña*, *purña* ‘короб из лыка, дранки’ [Vasmer 1935: 546, 550].

пурн-

1. *Пурновка* > Бол. Юг > Шексна (Влгд).

2. *Пурновка*, р. (Яр) [Уваров 1871: 643].

3. *Пурново*, ур. (Пошехон).

пырн-

Пы́рнуг > Кема [Востриков 1979: 54].

«л. 111»

пуж-, пуш-

Пужбол (Рост. у.) [Vasmer 1935: 586; Востриков 1979: 63], *Пужбал*, *Пужбол* [Шилов 2001: 21]. *Пушпол*, с. в Твер. г. [Кузнецов 1910: 160].

«~ Мар.» *пуш*, горн. *пыш* ‘лодка’ [СМЯ 5: 380]. «Фин.-перм., ? урал.» *риѣз «лодка» [UEW: 398].

Пышей > Межа (Меж). *Пышей* > Кильченьга > Юг.

«л. 112»

урд-, урт-

1. *Урда*, р. (XVI в. Суздаль).

2. *Урда* > Ирмес > Нерль (Иван, Гавр-Пос).

3. *Урдах*, *Урдух*, оз. (Влад, Камешково).

4. *Урдома* > Волга (Яр, Тутаев).

5. *Уртма* > Каменка > Нерль (?) (Влад, Сузд).

6. *Уртьма* > Ярань > Пижма > Вятка (Киров).

7. *Уртма*, н. п. на р. Урма > Бол. Кокшага (Киров), сходится вершиной с р. *Уртьма* (басс. Пижмы).

8. *Урдомисиха*, н. п. (Костр, Кологрив). *Ардомисиха*?

«~ Мар.» *урдаш* ‘содержать животных, владеть’, *урдымо* ‘прирученный, домашний’ [СМЯ 8: 91].

«л. 113»

шыжа

Шижегда.

«~ Мар. диал.» *шыжа*, горн. *шы́жй* ‘сеть, рыболовная снасть’ [СМЯ 9: 458].

«л.114» **1.4.7. Качества и отношения**

«л. 115»

аш-

Ашка, р. в басс. р. Устье близ Ростова при отсечении рус. -ка возводится к домар. *аѣ ‘белый’ (ср. морд. *ашо* ‘белый’), что находит подтверждение в названии болота *Белое* в устье этой реки.

«Здесь А.К. Матвеевым приведен отрывок об этом топонимическом факте из его статьи [Матвеев 2006: 156].»

«л. 116»

волг-

«~ Мар.» *волгыдо*, «горн.» *валгыды* ‘светлый’ [Гордеев 2: 34, 134; СМЯ 1: 275].

1. *Волга*.

2. *Волгарица* > Молома (Киров).

3. *Волгасиха*, н. п. (Тёза) (Иван).

4. *Волгуша* (Шексна) > Волга.

5. *Волгуша* (Клязьма) (Влад), 2 реки [Смолицкая 1976: 209, 211].

6. *Волгуша* – исток Яхромы (Моск, Дмитр.).

КК: 1. *Волга* > Суршинка > Нея (Ней).

2. *Волгино*, лес (Антр).

«л. 117»

воч-

ВОМ: *Воченжа* (*Вотченжа*), р. (Яр). *Вочехро*, оз. (Влад).

КК: *Воча*, р. *Вочема*, р. *Вочка*, р. *Вочь*, р.

Фасмер не без сомнений сопоставляет *Воча* в басс. р. Кострома с мар. *botšo* ‘сырой, влажный’ [Vasmer 1935: 545], ср. мар. *вочо* ‘намокшее, мозглое’ [СМЯ 1: 289], а *Воча* в басс. р. Ветлуга (неясно, это *Вочка* или *Вочь*) с удм. *воџі* ‘дикая утка’ [Vasmer 1936: 244], ср. удм. диал. *воџы* ‘чирок’ [УРС: 93]. С учетом распространения слова в ВОМ надежнее первая версия. Названия водных объектов со значением ‘водяной’, ‘мокрый’ встречаются как в русской, так и в финно-угорской топонимии.

Обращает на себя внимание урал. *woša ‘забор’, ‘рыболовный запор’ (марийских соответствий нет) с последующей семантикой ‘город’ в обско-угорских языках [UEW: 577].

«л. 118»

ил-

1. *Илевна* > Ока, сл. (Влад).

2. *Илеменка* > рч. [Кусов 1993: 283, № 288а].

3. *Илемка*, р. [Кусов 1993: 283, № 451, рчк. – № 640].

4. *Илемны*, село [Там же: 283, № 288а].

5. *Илимдиг*, р. (Влад?).

6. *Илинда (Иленда)* (Клязьма) (Влад).

рч. *Илема* (Влад, Меленк), рч. *Илемна* (Влад, Муром), *илемѵ* ‘обитаемый’; *Ильмеш* (Яр, Любим), *Илемас* (Вят. г., Малм. у.), *илмаш* ‘обитание, жилье’; *Илешево* (Костр, Кологр), *Илеш-кукмарь* (Вят. г., Урж. у.), *Ильшицево* (Уф. г., Бирск) от *иляш* ‘жить’, *илыш* ‘жизнь, бытие, пребывание’ [Кузнецов 1910: 53, 116].

«КК:» 1. *Иледам (Иледом)*, вол. Костр. (где?).

2. *Илезем (Илезом)* [Ткаченко 1985: 71]) > Вохтома > Нея (Парф)⁵¹.

3. *Илешево*, н. п. (Кологрив), ср. *Илешкукмарь* Вят. у. 1579 и др. [Семенов 1891: 233].

Иледам ~ мар. *илыме* ‘жилой’ < [СМЯ 2: 49].>

«л. 119»

ильм-

1. *Илмехта*, р. [Кусов 1993: 284, № 698], *Илмехотицкий стан* (Сузд. у.) [АСВР].

2. *Ильма* (Волга), р. (Твер).

3. *Ильма* (Которосль), р. (Яр).

4. *Ильма (Ильмахта)* с пр. *Ильмохта* (Влад) [Ahlq].

5. *Ильмеза* > Суда (Влгд).

6. *Ильмис* (Ока) (Влад?).

7. *Ильмеж* > Кортиха > Козинка > Соть (Яр).

«8.» *Ильма*, р. в Твер. г. aus finn. *Ilma(joki)*⁵² [Vasmer 1935: 525].

«9.» *Ильмеш* [Семенов 1891: 233].

КК: 1. *Ильматица* > Варзеньга > Унжа (Кологрив).

2. *Ильмович* > Сеньга > Андоба (Сус).

«~ Мар. > *илыме* ‘жилой’ [СМЯ 2: 49].

«л. 120»

ин(V)-

ВОМ: *Иневезж*, н. п. на р. *Иневезжка* > Ухтохма > Уводь > Клязьма (Иван, Ивановск). *Иневезжа (Инивишка)* > Кисма > Туношна > Волга (Яр) [Кучкин 1984: 290–291]. *Иневиж* > Ястреб > Судогда >

Клязьма (Влад, Судог) [Смолицкая 1976: 227]. *Иней* > Сога > Согожа > Рыб. вдхр. (Яр, Пошехон). *Инероч*, д. (Яр, Рост). *Инеулское устье* [АСВР III, № 500], *Инеул* > Вязьма > Уводь > Клязьма (Влад) [Там же, № 598]. *Инобежска (Инобешка)* > Липня > Клязьма (Влад) [Смолицкая 1976: 207] = ? *Инобошка, Инивежска* [Там же: 205]. *Инобаж I (Инобож)*, вол. Дмитр. у. (верховье р. Веля > Дубна, Моск) [АСВР I, № 191, 393, 414, 571]. *Инобаж II* > Устье > Которосль > Волга [ДДГ, № 93, 94] = р. *Инобожска*, н. п. *Инобожь* (Яр, Углич). *Инопаш* > Волга и н. п. *Инопажсь (Инопаж)* [ДДГ, № 82]) (Яр, Рыб). *Иночь (Иноча)*, верховье р. Москва [Смолицкая 1976: 102].

КК: *Инега*, н. п. на р. *Инежска* > Мера > Волга (Остр.). *Инобол* > Вохтома > Нея > Унжа (*Инобольская Гора* у р. Вохтома, возв.). *Инохра* > Андоба > Кострома (также болото, низина *Инохра*) (Костр.).

Вне ареала: *Инокша*, р. (Ряз. г.).

~ Урал. *enä ‘большой’, ‘много’: фин. *enä* (в топонимии), *enetri* ‘больший’, саам. норв. *ædnæg* ‘многий’, Кильдин *ienney* ‘то же’, морд. *iñe, iñä* ‘большой’, коми *ипа* ‘много’, хант. *enə* ‘большой’, манс. *jänə* ‘большой’ [UEW: 74–75]. Ср. прасаам. *ēnē ‘многое’, саам. сев. *ædne*, Инари *eäna*, Кильдин *jienne* [YS: 32–33]. По вокализму наиболее близки мордовские формы.

Названия *Инобаж*, *Инобол*, *Инохра* характеризуются специфически мерянскими детерминантами. Таков же и гидроним *Инокша*, хотя он выходит за пределы собственно мерянской зоны. В названии реки *Инега* детерминант не является дифференцирующим, однако и это наименование может быть мерянским. *Инопаш*,

«л. 121»

видимо, все-таки восходит к *Инобаж. Прочие названия структурно нелепы или допускают различную интерпретацию. Из них наиболее интересны несколько наименований с формантом *-веж*, *-беж* и т.п. Возможно, они являются вариантом имен на *-баж* «и возникли» вследствие каких-то диалектных особенностей, но уже на русской почве (например, при наличии мягкого *й, который засвидетельствован в мор-

довских языках). Но нельзя исключить, что в этом случае в языке-источнике был особый формант, родственный фин. *vesi* (*veden*) и морд. *ведь* ‘вода’.

– Кузнецов 1910: 122; Алквист 2001: 456–457.

⟨л. 122⟩

кач-

1. *Качелка*, р. (Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976: 214].
  2. *Качкар*, оз. (Влад, Вязн).
  3. *Качкур* (?) (Китен. стан Переясл. у.) [АСВР I].
  4. *Качкур*, оз. (Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976].
  5. *Качкур*, р. (Переясл. у.) [АСВР I; Смирнов 1929: 40].
  6. *Качма*, р. (Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976: 214].
  7. *Качуг* > Пичуг, спр. (Влгд?) [Востриков 1979: 53].
  8. *Качуг* > Стрельна, сл. (Влгд?) [Там же].
  9. *Качуг* > Шарженьга > Юг? (Влгд?) [Там же].
  10. *Качуг* > Юг (Влгд?) [Там же].
  11. *Качхра*, оз. (Клязьма, Судогда – устье) [Смолицкая 1976: 228].
- ⟨~ Мар. горн.⟩ *ка́цка* ‘кислый’, ‘вязкий’, *кача́ка* ‘горьковатый’ [СМЯ 2: 281].

⟨л. 123⟩

кокл-, котл-, кохл-

КОКЛ-

1. *Ко́клаж*, покос (Ней) [Востриков 1979: 72].
  2. *Ко́киль*, мыс (Кологр).
- ⟨~ Мар. *кокля*⟩ ‘промежуток, средний’, горн. ⟨*кокля*⟩ ‘чащоба’ [СМЯ 2: 381].

КОТЛ-

котл- < кокл- ‘средний’

1. *Котляж*, р. > Унжа, сл. (Кологр).
2. *Котлас*, н. п. (Вига, Судай).
3. *Котлино*, оз. (Влад, Собинки).
4. *Котлянка* > Контюга, спр. > Стрельна, сл.

КОХЛ-

Кóхлово, поле (Сус).

«л. 124»

КОЧ-

1. *Коча*, н. п. (Иван, Кинешма).
  2. *Кочеварты*, ур. (луга) близ Бол. Киржача [Смирнов].
  3. *Кочекоря*, оз., лев. б. Клязьмы близ устья Шижегды и оз. Ламхоро (Иван).
  4. *Кочемары*, прист. у устья Пра > Ока.
  5. *Кочемль (Кочемли)*, с. (Кашин., Кашинская вол, Кашин. у. в XVI в.).
  6. *Кочериха* > Уводь (Иван, Шуя).
  7. *Кочихра*, оз. (Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976], *Кочехоро* (Клязьма – Мстера).
  8. *Бол., Мал. Кочихра* (Клязьма, Теза – устье) [Смолицкая 1976].
  9. *Кочихра*, оз. [ПК] (Стародуб. стан Сузд. у., басс. Клязьмы).
  10. *Кочкорово*, н. п. (Яр, Туношна).
  11. *Кочорский*, н. п. (Иван, Кохма).
  12. *Кочкурово (Кочкур веле)* – 2 села в Мордовии. *Кочкур* – мордовское имя.
  13. *Кочкуши* – русское село в Мордовии.
  - «14.» *Кочино* [Кузнецов 1910: 116].
- Селения в Рязанской губернии: *Кочема, Кочемары, Кочуры* [Там же: 125].

«л. 124 об.»

КОЧ-

1. *Кочáра*, гора (Макар).
2. *Кóчекса* > Унжа (Мантур).
3. *Кочера*, р. (Чухл).
4. *Кочёра* > Унжа (Мантур).
5. *Кóчино*, лес (Сус).
6. *Кóчуга*, р. (Нея, Макар) [Востриков 1979: 59].
7. *Кочúра*, р. (Ней).

«~ Мар.» *кочо* ‘горький, кислый’ [СМЯ 3: 16–17]. Фин. *katkera* [SSA I: 327]. «Прасаам.» *kōsseġ [YS: 60–61]. Фин.-перм. *kačke ‘кислый’ [UEW: 113].

«л. 125»

куч-

Кучинка, басс Унжи.

1. *Бол. Куча* > Кержанец, спр. > Волга (Нижег).
2. *Кучебажа*, рч., вол. (Влад. у.) [ПК], *Кучебжа* > Вольга, сл. (Влад), *Кучебишь*, *Кучебаж*, р. (Влад, Клязьма, Киржач – Пекша) [Смолицкая 1976: 107], *Кучебиш (ж?)* > Вольга > Клязьма (Влад).
3. *Кучебир*, рч. [Кусов 1993: 293, 655]⁵³.
4. *Кучебожа (Кучебожь)*, р. (Яр, Ростов, Зверинец).
5. *Кучема*, р. (Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976].
6. *Кучерга*, *Кучерба*, р. (Влад, Клязьма, Шерна – Киржач) [Там же].
7. *Кучернага*, р.? Дмитр. у. [АСВР].
8. *Кучерское* > Колокша (Влад).
9. *Кучеры*, д. (Яр, Ростов).
10. *Кучка* > Колокша, спр. > Клязьма (Влад, Клязьма, Колокша – Нерль), *Кучка*, с. (Юрьев. у.), *Кучково Поле* (Моск, Звен) [Vasmer 1935: 570].
11. *Кучегорь*, р. (Влад, Клязьма, Киржач – Пекша) [Смолицкая 1976: 207].
- «12.» *Кученево*, селен. (Ряз) [Кузнецов 1910: 125].

«л. 125 об.: ~ Мар.» *кужу*, горн. *ку́жы* ‘длинный’ [СМЯ 3: 98–99].

«л. 126»

кукс-, кукиш-

1. *Кукса*, рч. > Волга близ Углича (Яр).
2. *Кукса*, р. > Ирмес > Нерль, близ Гаврилова Посада (Иван).
3. *Кукса*, рч. [Кусов 1993: 293, № 561].
4. *Куксенки*, н. п. (Яр) [Ahlqvist: 27].

5. *Кукиша*, н. п. (Влад?, Александр. у.).
6. *Кукиша*, гидроним (ВОМ) [Седов].
7. *Кукишин*, руч. > Опостровка > Шарженьга.
8. *Кукишинга*, н. п. на р. × > Вочь > Вохма [Кузнецов 1910: 65].
- ⟨9.⟩ *Кукишево*, с. (Ряз) [Там же: 125].
- ⟨10.⟩ *Куксóво* > Ужуга > Унжа (Кологр).
- ⟨11.⟩ *Кúкиши*, пок. (Мантур).
- ← Мар.⟩ *кукишо*, горн. *кукишы* ‘сухой’ [СМЯ 3: 108]; *кúкишö*, горн. *кúкишы* ‘высокий’ [СМЯ 3: 226].

⟨л. 128⟩

лев-

Левангирь, р. близ Унжи (Макар) ~ мар. *леве* ‘теплый’ [Семенов 1891: 238; Vasmer 1935: 543]. *Левангирь* > Унжа (Макар) ~ мар. *леве* ‘теплый’ [Матвеев 1996].

Лебакиша, р. около Ростова (Яр, Березников. вол.).

Лебышина > Лига, спр. > Устье, спр. > Которосль (Яр) [Семенов 1891: 238; Кузнецов 1910: 70].

Левеж > Кичуг > Пушма > Юг (Киров).

Левенда, н. п. в вершине р. (> Салка > Ока (Влад, Меленки).

Левенда, р. (Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976: 193].

Левжа (*Левож*), мокшанское село в Рузаев. р-не Мордовии на рч. *Левжа*.

Левкуша, р. (Клязьма, Колокша – Нерль) [Смолицкая 1976: 210].

Левонька > Юхоть, сл. > Волга, спр. (Яр).

Лёвский, о. на Ростовском озере и с. *Лёв*.

Леведянка, р. [Кузнецов 1910: 117].

⟨л. 129⟩

мотор-, мотр(а)-

1. *Моториха* > Юрманга > Лундонга.

2. *Мотра* > Ока, сл. (Влад, Муром.?) (связана протокой со старичным озером *Моцкое*).

3. *Мотра (Мотря)*, р. (Влад, Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976: 195; Кузнецов 1910: 116].

«~ Мар.» *мото́р* ‘красивый’ [СМЯ 4: 82].

«л. 130»

Му́чаж > Вига (Чухл).

«~ Мар.» *мучаиш*, горн. *мычаиш* ‘конец’, ‘предел’, ‘граница’, ‘конечный’, ‘последний’ [СМЯ 4: 106–107].

«На л. 131 приведены 2 названия *Ошма* к востоку от Ветлуги, указана их связь с мар. *ошма* ‘песок’ [СМЯ 4: 366].»

«л. 132»

Пекишево, пуст. [Кусов 1993: 309, № 453].

«~ Мар.» диал. *пекéш* ‘скупой’ [СМЯ 5: 63].

«л. 133»

пел-

«~ Мар. *пел*, *пеле* ‘половина’» [СМЯ 4: 63–66].

1. *Пелегда*, рч. [Кусов 1993: 309, № 664].

2. *Пелегова* > ?

3. *Пелегово*, н. п., лев. б. Волги (Нижег, Юрьевец?).

4. *Пеленга (Пеленда)* (Яр, Данилов) [Альквист].

5. *Пеленга* > Лунка > Соть > Костр. вдхр. (Яр, Данилов)⁵⁴.

6. *Пелехта*, рч. [Смирнов].

7. *Пеля* > Алатырь (+ с. *Пеля*) (Нижег).

8. *Пелягинец* > Юг, спр.

9. *Пелька*, рч. (Нижег) [Семенов 1891: 241; Кузнецов 1910: 58].

10. *Белебелка* [Кузнецов 1910: 61].

11. *Пелягинцы* (= *Пилягинцы*), б. д. (Пыщуг).

12. *Пелягинский*, н. п. (Пыщуг).

13. *Пелі́говка* (= *Пилі́говка*) > Нея (Ней).

пил-

1. *Пилес*, р. близ р. Меча [ДДГ], *Пилис* > Меча > Вожа > Ока (Моск).
2. *Пилига*, р. [Альк].
3. *Пильбиж*, р. (Клязьма, Шерна – Киржач) [Смолицкая 1976: 204].
4. *Пилюг* > Кичменьга [Востриков 1979].
5. *Пилюжок* > Кичменьга.

«на л. 134 приведены топонимы с основами *пен-* и *пин-*, без перевода, ср. (СТРС III, 122), где эти топонимы сравниваются с фин. *pieni* ‘малый’»

1. *Пенка* > (Унжа) (Чухл).
2. *Пенка* > оз. Чухломское (Чухл).
3. *Пенома* > Вохма.
4. *Пенька* > Вохтома.
5. *Пенаус* > Шарна, сл. > Обнора > Кострома (Яр).
6. *Пенегово*, пуст. [Кусов 1993: 310, № 294].
7. *Пених Бол.*, *Мал.*, *Пенюх Бол.*, *Мал.*, *Пенюг Бол.*, *Мал.* (Влад, Клязьма, Теза – устье) [Смолицкая 1976: 223; Ткаченко 1985: 57, 61, 73].
8. *Пенуха*, р. (Влад, Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976: 196], *Пенуха* > Суворощь > Клязьма.
9. *Пенюх*, р. (Влад, Горох) [Vasmer 1935: 561].
10. *Пенюх* > Лух (Иван, Мугреевский).
11. *Пенякша*, н. п. (Нижег, Кержанец).

пин-

1. *Пинеж Бол.*, н. п. (Киров на границе с Марий Эл).
2. *Пинор*, р. (Клязьма, Киржач – Пекша) [Смолицкая 1976: 205].
3. *Пинюг Бол.*, *Мал.* > Мала > Пушма.
4. *Пинюг*, н. п. на ж.д. к юго-востоку от Лузы (Киров).
5. *Пинюга* > Боровица > Молома (Киров, Мураш).
6. *Пинюжка* > Кичуг > Пушма.

7. *Пинюжок Мал.* > Мал. Пинюг.

8. *Пиняш*, н. п. (Яр, Рыбинск).

«л. 135»

пес-

«~ Мар.» *писе*, горн. *пѣсь* ‘быстрый’ [СМЯ 5: 120].

1. *Песколдыш* > Обнора > Кострома (Яр).

2. *Песохоть* > Солдобохоть > Урдома > Волга (Яр, Тутаев).

3. *Пёскуш* > Кусь (Мантур).

4. *Пёсома* > Вохтома (Парф).

Ср. *Пес-еденьга*⁵⁵.

пис-

1. *Писарь* > Унжа > Ока (Влад, Елатьма).

2. *Писеваж*, р. (Вятка, Яранск).

3. *Писурь*, *Писюрь* (Тамб, Гусь – Унжа) [Кузнецов 1910: 58; Смолицкая 1976: 192].

«л. 136»

нич-

«~ Мар.» *нич*, горн. *нѣц* ‘глухой, дремучий, дикий’ [СМЯ 5: 123–124].

1. *Пичингуши*, с. (Горьк, Лукоянов).

2. *Пичкиха* > Юг, спр.

3. *Пичкура* > Молокча, спр. (Влад, Александр).

4. *Пичуга* > Лух > Клязьма (Иван).

5. *Пицур* (Гусь – Унжа) [Смолицкая 1976: 190–191].

6. *Пичесь* [Кузнецов 1910: 66, 69].

7. *Пичево* > (Унжа) (Мантур).

8. *Пичеж* > Шача (Сус) [Востриков 1979: 50].

9. *Пичуг* > Юг [Там же: 54].

10. *Пичуга* > Кострома (Сус).

11. *Пичужа*, р. (Ветлуга) [Там же].

«л. 137»

поки-

Покиша, оз. (Ряз, Солотча – Пра) [Смолицкая 1976: 128].

Покша > Клязьма (Теза – устье) [Там же: 224].

КК: *Покша* > Волга.

Покша > Нея.

Покша > Стрельна, сл.

«~ Мар.» *покишел*, горн. *покишал* ‘средний’ [СМЯ 5: 159].

«л. 138»

пул-

1. *Пулохма* > Сара > оз. Неро (Яр, Ростов) [Семенов 1891: 241].

2. *Пулохна*, рч. и н. п. *Пулохня* [Кузнецов 1910: 64].

«~ Мар.» *пулэ*, горн. *пыле* ‘кривой, искривленный, косой’ [СМЯ 5: 323].

«л. 139»

пур-

«~ Мар.» *поро*, горн. *пуры* ‘добрый, доброкачественный, хороший’ [СМЯ 5: 189].

1. *Пурежка* > Лух > Клязьма (Влад или Иван) + д. *Пурежка* или *Пурешка*.

2. *Пура* > Устье > Которосль (Яр).

3. *Пурех*, н. п. на р. × > Юг > Горьк. вдхр. (Нижег, Чкаловск).

4. «на реке *Пурехе*» [ПК] (Сузд. – 1628).

5. *Пурех*, р. (Влад, Клязьма, Теза – устье) [Смолицкая 1976: 223].

6. *Пурешек*, р. (Влад, Клязьма, Теза – устье) [Там же].

7. *Пурешок* > Ландех > Лух > Клязьма (Иван).

8. *Пурка*, н. п., правый берег Оки (Влад?).

9. *Пурхаре* (*Пурхале*), оз. (Иван, Южа), *Пурхало* (Клязьма – Мстера).

10. *Пурхма*, д., Горох. у. [АСВР].

11. Исток *Пурхомской* (Клязьма, Теза – устье) [Смолицкая 1976: 224].

12. *Пурьяш* (*Пурьяшка*) > Лепша > Солоница (Яр).

13. *Пурыма*, оз. (Клязьма, Теза – устье) [Там же].

«л. 140, приведены топонимы с основой *син-*, без перевода⁵⁶:»

1. *Синеба* > Ухтохма, спр. > Уводь > Клязьма (Иван).
2. *Синига*, р. (Клязьма, Судогда – устье) [Смолицкая 1976: 228].
3. *Синишка*, оз. (Клязьма, Теза – устье) [Там же: 223].
4. *Синорья*, р. (Влад, Александр. и Покров.) [Vasmer 1935: 568].
5. *Синоха* (*Синюха*) (Влад, Клязьма, Нерль – Теза) [Смолицкая 1976: 219].
6. *Синулка*, р. (Гусь – Унжа) [Там же: 190].
7. *Синур*, р. (Гусь – Унжа) [Там же: 183].

«л. 141»

сор-

«~ Мар.» *сõráл(e)* ‘красивый’ и т.п. [СМЯ 6: 266].

Соренжа > Рыб. вдхр. (Пошехон) [Уваров 1871: 11].

Сорож, н. п. на р. × > Тома > Мера > Волга (Костр).

Сорокса > Кичменьга.

Сорокиша, р. (Клязьма, Колокша – Нерль) [Смолицкая 1976: 210].

Сорохта, н. п. на р. × > Солоница > Волга (Иван).

Сороча, рч. [Кусов 1993].

Сорохта, вол. в Костр. у. [АС I].

Сорохта, р., Костр. у. [АСВР].

Сорож, н. п. на р. («в басс. р.» Мера (Остр).

Сóрок, руч. «в басс. р.» Унжа (Кологр).

«л. 142»

сот(ь)-

«~ Мар.» *сóто*, горн. *сóты* ‘белый, светлый, чистый’ [СМЯ 6: 260].

1. *Сотенка*, р. [Кусов 1993].

2. *Сотимка* > Тошма, сл. > Нерль, спр. > Клязьма и н. п. *Соть-*
ма (Влад).

3. *Сотма*, рч. [Кусов 1993], Переясл. у. [АСВР].

4. *Соть* > Костр. вдхр. (Яр).

5. *Соть* > оз. Никольское (Яр или Влгд).

6. *Соть* > Согожа, сл. у гор. Пошехонье.
7. *Сотьма* > Лига > Устье > Которосль (Яр).
8. *Сотьма* > Луть > Устье > Которосль (Яр) + н. п. *Сотьма*.
9. *Сотьма*, р. и н. п. (Влад, Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976: 215].
10. *Сотемский стан*, Костр. у. [АСВР] (к *Соть* ?).

сод-

- ВОМ: 1) *Содима* > Ухтома Согожская [Кучкин 1984].
- 2) *Содошка*, р. [Кучкин 1984], *Содышка* > Рпень (Влад).
- КК: *Содыша*, р., междуречье Покши и Мезы. *Содинцы*, быв. д. (Пыщуг).

«На л. 143 приведена карточка с названием оз. *Туровское*, рч. *Туровка* из описания гор. Кострома со ссылкой на источник: «[Города России: 104]»»

«л. 144»

тур-

1. *Тура*, р. (Клязьма, Теза – устье) [Смолицкая 1976: 223].
  2. *Турбалово*, пуст. [Кусов 1993: 330, 493; Шилов 2001: 22], ср. *Турнал* (Влгд).
  3. *Турех*, вол. Сузд. у. [ДДГ].
  4. *Туркуши*, н. п. близ д. Туртапки (Нижег, Выкса).
  5. *Турово*, н. п. на пр. б. Волги у р. Солоница (Яр).
  6. *Туровца*, рч. [Кусов 1993: 330, 419].
  7. *Туромга*, оз., р. (Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976: 218].
  8. *Туросна*, рч. [Кусов 1993: 312, 330].
  9. *Туртапка*, р. > Ока и н. п. (Влад, Муром).
  10. *Туртапки*, н. п. близ н. п. Туркуши (Нижег, Выкса).
- «11.» *Туромша*, р. (Ряз, Морд) [Кузнецов 1910: 121].
- КК: *Турбица*, лес (Галич). *Турабьево*, н. п. (Кострома, Караваево), *Турабьево* – фамилия [Семенов 1891: 243].

Турабьево

1. *Турабьево*, с. (Дмитр. у.) [АСВР].

2. *Турабьево*, н. п. (Влад, Юр-Пол).
3. *Турабьево*, пуст. [Кусов 1993: 306, 330].

«на этом же листе на отдельной вставке:»

тур-

1. *Турки́*, ур., лес (Сус) [Кузнецов 1910: 59].
  2. *Турово*, оз. Дельта Костромы.
  3. *Ту́рово*, с. = *Ту́ровское* (Галич).
  4. *Туровское*, с. [Кусов 1993].
  5. *Туровской*, стан [Там же].
- «б.» *Турбалово* ~ мар. *ту́р* ‘край, крайний’.

«л. 145»

ул-

«~ Мар.» *у́л*- ‘нижний’ [СМЯ 8: 171].

1. *Ула*, д. [Кусов 1993: 330, 506].
2. *Улангер*, н. п. (Нижег) [Кузнецов 1910: 67; Семенов 1891: 244].
3. *Улангерь*, н. п. (Нижег) на руч. (> Южный Козленец около н. п. Хохлома.

4. *Улейма* > Юхоть > Волга (Яр, Рыбинск).
5. *Улеш*, н. п. на р. (> Бол. Кокшага (Киров).
6. *Улола* (*Улол*), с. Сузд. у. [АСВР; Кучкин 1984].

«на вставке на л. 145:»

1. *Улёш* > Талица > Унжа (Кологр).
2. *Улёш*, поле, *Улёшевский Лог*, рч. (Межа)⁵⁷.
3. *Улёши*, поле (Меж).
4. *Улёшницы*, полосы (Межа)⁵⁸.

уль-

КК: *У́льшма* > Княжая > Унжа [Ткаченко 1985: 58, 121].

У́лье-Ра́менье, пок.

«л. 146»

Унжа

«~ Мар.» *ончыл* «‘передняя часть, передний’» [СМЯ 4: 310].
«Фин.-перм. *oiśa ‘передний, передняя часть’» [UEW: 339].

ВОМ: *Унжа*, р., приток Оки (Влад, Ряз). *Унжа*, р., приток Пижмы (Нижег)⁵⁹. Есть еще р. *Унжелка* в басс. Клязьмы (Моск) [Смолицкая 1976: 198].

КК: *Унжа* > Волга (Костр).

Предложены две этимологии. Согласно первой гидроним *Унжа* восходит к мар. *унгшо* (фактически *ўнгышо* ‘смирный, тихий’ [СМЯ 8: 189]) и означает ‘тихая, спокойная, смирная’ [Кузнецов 1910: 73, 116, 119; Трубе 1962: 173]. С.К. Кузнецов считал это название мерянским. Все же соответствующая основа зарегистрирована только на окраинах мерянской территории, в сочетаниях с мерянскими формантами не встречается, марийское слово фонетически не полностью соответствует гидрониму. Наконец, О.П. Воронцова и И.С. Галкин приводят названия двух рек, засвидетельствованные на территории Республики Марий Эл в вариантах *Унчо*, *Унжа*, *Уньжа* (офиц. *Уньжинка*), справедливо не связывая их с марийским словом *ўнгышо* [Воронцова, Галкин 2002: 337]. Другая этимология предложена Э.Г. Беккер, которая видит в гидронимах *Унжа* селькупское *унджь*, *унджа* ‘ручей, речка’ [Беккер 1970: 171, 173]. О.П. Воронцова и И.С. Галкин считают марийские гидронимы очень древними по происхождению и ссылаются на селькупские данные. Пока других надежных топонимических данных о пребывании селькупов или других родственных им самодийцев на территории ИМЗ не обнаружено, но вполне может быть, что гидронимы *Унжа* содержат древнее уральское реликтовое слово, хотя его полное совпадение с селькупским как раз и делает эту версию сомнительной.

«л. 147»

уч-

ВОМ: *Уча* I > Тара > Клязьма (Влад, Вязн), *Уча* II > Клязьма (Моск, Пушк), *Уча* III > Обнора > Кострома (Яр, Любим), *Уча* IV > Сохма > оз. Яхробольское (Яр, Некрас). *Ученжа*, д. и оз. *Ученжское* (Яр, Некрас). *Учхор* (*Учкор* [АСВР I, № 314]), оз. (Влад, Вязн)⁶⁰.

~ Фин.-перм., ? фин.-угор. *icä (*ücä*) ‘малый’ ~ эст. *üsa* ‘немного(е)’, ‘мало(е)’, мар. *izi*, *ize*, *ize* ‘маленький’, удм. *iči*, *ici* ‘мало’, коми *ičet*, *učet* ‘маленький’ ~ ?? манс. *iš* ‘маленький’ [Collinder: 134; UEW:

78]. Многие исследователи сюда же относят саам. норв. *иссе* ‘малый’ (прасаам. *иссē [YS: 140]), но по [UEW: 78] это неверно. Восстанавливают также общеперм. **ič-* и доперм. **ščš-* ‘маленький’ [КЭСК: 110].

Уча I, II, IV – небольшие речки. Уча III довольно значительна, но она впадает в городе Любим в намного бóльшую р. Обнора. Оз. *Ученжское* находится рядом с оз. *Великое* (= ‘Большое’). Оз. *Учхор* совсем маленькое (менее 500 м в длину). Оно находится в басс. р. Юхорец, которая затем протекает через оз. *Великое*. Все эти факты, имеющие характер оппозиций, подтверждают этимологию. Примечательно также, что калькировались наименования более крупных объектов, а небольшие сохраняют субстратные названия, что вполне логично и может считаться еще одним доводом в пользу предлагаемой версии.

Основа ближе к саамским и допермским данным, марийские более изменились. Она не представлена в КК.

Формант *-Vнжа* анализируется в [Муллонен 2002: 198–217]. Возможно он имел диминутивный оттенок.

– *Уча* ~ мар. *у́чы* ‘месть’ [Кузнецов 1910: 62] явно ошибочно.

«На л. 148 приведена карта топонимов с основой *уч-*, см. карту № 20.»

«л. 149»

шакш-

ВОМ: *Шакша* I > Лахость > Которосль > Волга (Яр). *Шакша* II > Туношна > Волга (Яр).

КК: *Шакшанка* > оз. Галичское.

~ Фин.-перм. <*)*säksä* ‘грязь’, ‘грязный’, ‘нечистый’, саам. *sākse*, *sāχs* ‘грязь’, эрз. *seks*, *seksē*, мокш. *seksa* ‘грязь’, удм. *ses*, коми *ses* ‘нечистый’, ‘поганный’, ‘скверный’ [UEW: 755], ср. доперм. **säks8-*: коми *cōs* ‘поганный, нечистый, грязный, скверный’, удм. *ses* ‘нечистый’, мар. *шакше* ‘безобразный, скверный’, мокш. *seks*, *seksä* ‘грязь’, эрз. *сэкс* ‘грязь на теле’, саам. *sākse*, *sāχs* ‘то же’ [КЭСК: 264], ср. еще мар. *шакше* ‘противный, отвратительный, омерзительный, поганный, скверный’ [СМЯ 9: 15].

Шакша ~ мар. *шакшы* ‘нечистый, мерзкий’ [Семенов 1891: 245; Кузнецов 1910: 60].

«На л. 150 приведены черновые материалы к предыдущей словарной статье с основой *шакш-*»

«л. 151»

шим-

ВОМ: *Шимаровка* > Верекса > Сить (Яр, Некоуз). *Шимаханки*, ур. (Иван, Комс). *Шимахта* > Клязьма (Моск, Ор-Зуев). *Шимоново*, н. п. (Влад, Александр). *Шимора* > Чичиборка > Обнора > Кострома (Яр, Люб). *Шиморское*, п. г. т. (оз. *Шимарское* [Смолицкая 1976: 233]) (Нижег, Выкс). *Шимохтино*, н. п. (Влад, Александр).

КК: *Шиморово*, ур. (Меж). *Шимпал* (*Шимпол*, *Шимполка*, *Шинпал*, *Шинпалка*, *Шинпол*) > Вига > Унжа (Чухл)⁶¹.

Не локализовано: *Шиморка*, рч. (Влад. г., Александр. у.) [Смирнов 1929: 86]. *Шимушино*, н. п. (Влад. г., Александр. у.) [Там же]. Вне ареала: *Шиморха*, оз. (Ряз) [Смолицкая 1976: 130].

~ Фин.-перм. *simz ‘ржавчина’: мар. *šimə*, *šim*, *šetə*, *šet*, *šete* ‘черный’, коми *sim* ‘ржавчина’, ‘темный (об удаленном лесе)’, *sim* ‘ржаветь’, манс. *sämäl*, *sämi*, *simäl*, *simi* ‘ржавчина’, семантика марийского слова вторична [UEW: 758–759].

Этимология надежно подтверждается метонимическими кальками, поскольку рядом с р. *Шимахта* в басс. Клязьмы зафиксированы р. *Черная* и руч. *Черной* [Смолицкая 1976: 203]. Детерминанты *-ахта* и *-пал*, а также география названий с этими детерминантами (Моск, КК) явно указывают на их мерянское происхождение, хотя основы *шим-*, *шем-* широко распространены и в марийской топонимии, ср. *Шимваж* ‘Черный источник’, *Шимъяр*, *Шемъяр* ‘Черное озеро’ [Воронцова, Галкин 2002: 364–365, 370] и др. Нет сомнения, что мерянские и марийские основы в этом случае аналогичны, тогда как детерминанты *-Vхта* и *-пал* (с переносом ойконим > гидроним) являются дифференцирующими от марийских названий мерянскими индикаторами. Наименование урочища *Шимаханки* может содержать русский суффикс *-аха* (> *-аханка*).

Лимноним *Шиморха* соблазнительно выводить из *Шимохра, включая тем самым в ряд имен на *-(V)xp(V)*, однако его географическое положение вынуждает думать о связи с ареалом названий на *-рха*, примыкающих к ИМЗ с юга и напоминающих мордовские лимнонимы.

«л. 152» Наиболее трудны для интерпретации структуры топонимы с формантом *-Vp(V)*: *Шимаровка* (гидроним), *Шимора* (гидроним), *Шиморское* ~ *Шимарское* (ойконим ~ лимноним), *Шиморово* (урочище) и нелокализованное *Шиморка* (гидроним). Известен детерминант *-Vp(V)* ‘озеро’, который находит соответствия в прибалтийско-финской, саамской и марийской топонимии (см. СТРС I, 290–292). Однако среди рассматриваемых названий только один лимноним, причем неизвестно, что первично – лимноним или ойконим. А. Альквист указывает, что среди названий на *-(V)pa* есть гидронимы, но не интерпретирует их [Алквист 2001: 451]. Все это позволяет предположить, что в данном случае восстанавливаемый форматив *-VpV* может оказаться аналогом марийского суффикса *-pa* (*-pă*), который образует прилагательные от существительных, но иногда присоединяется и к безаффиксному прилагательному, ср. мар. *канга* ‘тощий’ > *кангыра* ‘тощий, сухопарый’, *луш* ‘слабо, слабый’ > *луштыра* ‘рваный, ветхий’. Соответствующий суффикс прилагательных *-pa* есть и в финском языке (ср. *hatarä* ‘редкий’, *hämärä* ‘сумрачный’, ‘темный’) [Галкин 1966: 56].

Часть названий с основой *шим-*, по-видимому, восходит к антропонимам. Таковы *Шимоново*, *Шимохтино*, *Шимушино*. Иногда эволюция имени прозрачна: гидроним *Шимахта* (*Шимохта*) > антропоним *Шимахтин* (*Шимохтин*) > ойконим *Шимохтино*. Но она может быть и затемнена, так что возникают сомнения в принадлежности наименования к топонимам с основой *шим-*, ср. *Шимоново* и др.-мар. имя *Шимон* [Черных: 558]. В других случаях (*Шимаровка*, *Шиморово*) антропонимический этап возможен, но не обязателен. Предполагается, в частности, антропонимическая основа *шимар-*, *шимор-*, которую увязывают с разными марийскими словами, особенно с *ши* ‘серебро’ и *мари* ‘мари, мариец’ [Семенов 1891: 246–247; Кузнецов 1910: 53]. Таким образом,

вопрос о происхождении всех этих названий спорен, тем не менее, они в своем большинстве, видимо, опосредованно связаны с основой *шим-*.

«л. 153» Следует обратить внимание еще на некоторые особенности названий с этой основой. Так, примечательно, что основа мерянских топонимов *шим-* соответствует горно-марийской форме *шим(ь)*. Вариант **шем-*, тождественный марийскому *šet, šete, šetə* нам не встретился.

Трудно сказать, относится ли сюда *Шенбалка* (? < **Шембалка* < ? **Шембал*), название речки в Пересл. у. Влад. г. А.Л. Шилов видит в этой основе мар. *šen* ‘трут’, но отсылает и к мар. *šet(e)* ‘черный’ [Шилов 2001: 23]. Другие исследователи предпочитают сравнение с мар. *шон, шун* ‘глина’ [Смирнов 1929: 85], мар. *šon* ‘глина’ [Vasmer 1935: 568, 587].

В ареальном плане особенно интересно *Шиморха*, выходящее за пределы ИМЗ в южном направлении, как и ряд других названий мерянского типа.

«На л. 154 приведена карта топонимов с основой *шим-*, см. карту № 21.»

«На л. 155 перечислены топонимы с основой *сим-*»

~ *шим-* [Алквист 2001: 457–458]

1. *Симачиха*, ур. (Кологр).
2. *Сима*, пуст. [Кусов 1993: 321, № 644].
3. *Сима*, н. п. на р. *Симка* (Влад) близ Колокши [Vasmer 1935: 566]. *Симка* > Селекша > Нерль (Влад, Юр-Пол).
4. *Симанга*, руч. (Унжа – Клязьма) [Смолицкая 1976: 196].
5. *Сими́га*, пос., р. *Семи́га, Сими́га* (Влад, Клязьма, Колокша – Нерль) [Смолицкая 1976: 211]. Река близ Колокши [Vasmer 1935: 567].
6. *Симизинская* (межа) [ПДП-17 ВК].
7. *Симинка* Δ с. *Сима* (Влад, Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976: 216].

8. *Симушинка*, лес (Сус).

9. *Симатово*, оз. (Мантур).

«На л. 156–159 приведена подготовленная к печати статья А.К. Матвеева «Основа *шим*- ‘черный’ в финно-угорской субстратной топонимии» [Matvejev 2010]. На л. 160–173 собраны черновые материалы к этимологии топонимов с основой *шим*-.»

«л. 174» **шул-**

«~ Мар.» *шулышо* ‘талый’.

Шула > Устье > Которосль в верховье н. п. *Шулец* (Яр, Ростов) [Vasmer 1935: 556].

«л. 175» **яки-**

~ «Фин.-угор.» *jäkšz ‘холодный’ «[UEW: 90–91]» (фин., саам., морд., мар. данные).

1. *Якишенка* > Пьяна, сл. (? В XVI в. Икша) (Нижег, Бутурлин).

2. *Якишеньга*, р. [Кусов 1993: 339, № 718].

3. *Якишинка*, р. (Гусь – Унжа) [Смолицкая 1976: 190].

4. *Якишино*, н. п. (Яр, Рыбинск).

5. *Якишино*, н. п. (Иван, Тейково).

КК: 1. *Якша*, пос. + лес (Чухл).

2. *Якша*, р. у гор. Кострома.

3. *Якианга* > Ветлуга (две реки).

4. *Якша*, н. п., Мелша (Судай).

«л. 176» **1.4.8. Основы широкого распространения
с неясной семантикой**

«л. 177» **кост-**

1. *Кóстаново*, ур. (Сус).

2. *Костаново*, бол. (Сандогора).

3. *Кóстома*, н. п. на р. Кóстомка > Тебза.

«на другой вставке на этом же листе:»

1. *Костишка* > Кашинка > Волга (Твер).
2. *Костобал*, р., *Костобалка*, н. п.; *Костоболка* [Европеус].
3. *Костома*, с. Шумаков (Обзор, IV, 57) [Любавский: 53].

«л. 178»

курд-

1. *Курдеево*, н. п. (Яр, Данилов).
2. *Курденьга*, д. на р. Юг (выше р. Варжа на правом берегу).
3. *Курденьга*, н. п. по р. Кильченьга (есть маленький ручей).
4. *Курденьга* > Юг, спр.
5. *Косковская Курденьга* > Юг, спр. (на ней д. Косково).
6. *Курденьга* > (Вохма?) (Влгд?)⁶².
7. *Курдобалово*, с. (Пересл. у. Яр.) (у д. Маурино).
8. *Курделево*, пуст. Близ р. Яхромы (Пересл. у.) [Смирнов].
9. *Курдобово* (*Курдубово*), пуст., ср. *Курдобалово* [Смирнов].
10. *Курдома* > Ветлуга, спр. (Нижег, Варнав).
11. *Курдома* > Вая, спр. (Нижег, Шахун).
12. *Курдумово*, н. п. (Иван, Пучеж).
13. *Курдумово*, н. п. (Яр, Гаврилов-Ям).
14. *Курдумово*, н. п., левый берег Волги (Яр), пригород Ярославля.

«15.» *Курдобалово* [Шилов 2001: 20].

КК: 1. *Курдома* > Ветлуга > Волга.

2. *Курдюга* > Унжа. *Куртюга* > Унжа.

3. *Курдюм*, н. п. (Желвата).

«на вставке на этом же листе:»

1. *Курта* > Кубрь > Нерль > Волга (Моск).

2. *Куртасово*, с. [Кусов 1993: 293].

3. *Куртюга*, н. п. и р. > Волга, сл. (Нижег близ Иван).

«л. 179»

мол-

1. *Моластуха*, пуст. [Кусов 1993: 301, № 431].

2. *Молахча*, р. (Пересл. Кинела).

3. *Молога* > Рыб. вдхр.
4. *Мологоща*, рч. [Там же: 301, № 393].
5. *Молодань* > Бол. Киржач (Влад).
- 5а. *Молокса*, оз., бол. (Яр, Некрас, Искробол).
6. *Молокча* > Шерна > Клязьма (Моск/Влад).
7. *Молокша* > Юхоть > Волга (Яр).
8. *Молома*, р. (Киров).
9. *Молондайка* > Илевна > Ока (Влад).
10. *Молохта* > Теза > Клязьма (Иван, Шуя) [Смолицкая 1976: 221].

«на вставке на этом же листе:»

1. *Молога*, н. п. (Буй) (реки нет!).
2. *Мóлокса* > Тёбза (Галич).
3. *Мóлокша* > оз. Чухломское.
4. *Молокша* > Черный Лух > Унжа.

«л. 180»

Нея и Нельша

КК: *Нея* I > Унжа (Макар), *Нея* II > Ветлуга (Шарьин).

Предложены две этимологии: 1) ~ мар. *nij-joуэ* (фин. *Niinijoki*) ‘лыковая река’ [Vasmer 1935: 528, 540, 543]; 2) ~ морд. *ine* ‘большой’ с редукцией начального *i* [Алквист 2001: 456]. В обоих случаях гидронимы считаются мерянскими. См. также *ин(V)-*, *нер-*, *Нефра*, *Нефро*.

Отсутствие явного форманта и краткость звукового комплекса позволяют предположить и другие этимологии (ср., например, урал. *niŋä: морд. *ni*, манс. *nē*, ненец. *ne* ‘женщина’, ‘баба’ [UEW: 305]), но все они будут проблематичны. Главный же вопрос связан с названием притока р. *Нея* I *Нельша*, в которую впадает *Нелка*. Не связывать все эти наименования рискованно. Из *Нея* могло возникнуть *Нельша* (*й* > *л'* + уменьшительный суффикс *-ша*), а *Нельша* > *Нелка*, причем все эти преобразования могли произойти на русской почве. Однако гидроним *Нельша* зафиксирован на территории ИМЗ и при отсутствии исходного *Нея*, ср.: *Нельша*, оз. (Иван, Юж). *Нельша* (*Нельшенка*), р. (басс. р. Нерль > Клязьма) и н. п. *Нельша* (Иван, Тейк). Все это крайне

запутывает ситуацию. Можно думать, что название *Нельша* имеет разное происхождение и что *Нея* и *Нельша* (ее приток) восходят к разным источникам и даже что произошел перенос названия с одного объекта на другой.

«л. 181» Определенно же следует полагать, что изменение *Инельша > *Нельша* ничем не доказывается. А такой возможности в случае *Нея* противоречит гидроним *Иней* (Яр, Пошехон), о котором см. *ин(V)*–.

Для гидронима *Нельша* предложена марийская этимология – *нелишы* ‘глотающий’, так марийцы называют реки с водоворотами [Семенов 1891: 239; Кузнецов 1910: 68]. Эту этимологию со ссылкой на [Семенов 1891: 239] приводит [Vasmer 1935: 542, 566], а затем [Ткаченко 1985: 118]. Семантика такого рода для названий рек и озер вполне возможна, но в свете вышесказанного остаются неясности.

Ср. еще *Мелша* > Вига > Унжа (КК, Чухл).

«На л. 182 содержится отрывок из «Ономатологии» о топониме *Ракульское* [Матвеев 2006: 228].»

«л. 183» *рак-*

1. *Ракобол*, *Ракоболь*, н. п. (Яр) [Vasmer 1935: 586; Шилов 2001: 21].

2. *Ракульское*, н. п. (Яр, Любим).

3. *Ракуша* > Светица > Кичменьга.

«4.» *Ракульское*, н. п. (Макар).

«5.» *Рáкуні́ха*, н. п. (Сус).

Основа *рак-* засвидетельствована на РС в 21 топониме *Ракула* (*Ракола*) и производных *Ракульское* и т.п., которые несомненно восходят к прибалтийско-финским, очевидно, карельским, названиям с локативным суффиксом *-la*. Основа, видимо, антропонимического (патронимического) происхождения, обозначает один из карельских родов (СТРС I, 245–247, 305–306). На левобережье Волги есть два названия

селений *Ракульское* (Костр, Яр), которые явно связаны с аналогичными топонимами РС, хотя трудно решить, являются ли они собственно прибалтийско-финскими или следствием русского переноса, что все же менее вероятно. В Пошехонье засвидетельствовано название населенного пункта *Ракоболь* < *Ракобол с типично мерянским детерминантом *-бол* ‘селение’. Здесь тоже можно было бы говорить об общей прибалтийско-финско-мерянской основе, сочетаемой в одном случае с прибалтийско-финским, в другом – с мерянским формантом. Сложность, однако, в том, что среди названий на *-ла* (> *-лово*) на территории ИМЗ имеются, видимо, и мерянские. Кроме того, *Ракоболь* находится на реке *Рака*, что позволяет усомниться в данном случае в патронимическом происхождении основы.

«л. 184»

ухт-

ВОМ: *Ухтома* I > Нерль > Клязьма (Иван), *Ухтома* II > Согожа > Рыб. вдхр. (Яр, Пошехон). *Ухтомка* (*Ухтанка*, *Ухтома*) > Саводранка > Вопша > Костр. вдхр. (Яр, Некрас). *Ухтохма* > Уводь > Клязьма (Иван, Лежн).

КК: *Ухта* > Нельша > Нея > Унжа (Ней). *Ухтубуж* (*Ухтубож*), д. (куст деревень, бывшая *Ухтубужская* волость), *Ухтубужское*, городище (Меж). *Ухтынгирь* (*Ухтенгирь*, *Ухтингирь*, *Ухтынгирька*) > Желвата > Волга (Кад).

Вне ареала: *Ухтыш* > Керженец > Волга (Нижег, Семенов).

Дискуссия о значении и источниках этой основы, широко распространенной и на РС, и в Карелии, продолжается до сих пор (см. СТРС III, 57–59). Нет уверенности, что и на территории ИМЗ такие названия имеют общее происхождение. Все же есть факты, явно указывающие на мерянский источник большинства этих наименований, ср. особенно *Ухтынгирь* с формантом *-ингирь*, *Ухтубуж* с редким и неустановленным, но, видимо, ойконимическим или микротопонимическим, а поэтому хронологически скорее всего более поздним, следовательно, мерянским формантом *-буж* (ср. еще *Халбуж*), *Ухтохма*,

может быть, из *Ухтошма. Гидронимы Ухтома также могут быть мерянскими (ср. Яхрома и т.п.).

– Подробности и литературу см. (СТРС III, 57–59). Ср. на территории ВОМ: Ухтомка, Ухтохма ~ мар. *ўктэмӧ* ‘водопой’ [Кузнецов 1910: 116, 133], что нельзя считать удачным.

«л. 185»

сенг-, сеньг-, ср. шеньг-

1. *Сенга* (что?) [ПДП-17 ВК].
2. *Сенга* > Ижа > Уста > Ветлуга (Нижег).
3. *Сенгилейка* > Волга в пос. *Сенгилей* (Влад, Петушки) [Барашков].
4. *Сеньга* > Клязьма (+ оз. *Сеньга*).
5. *Сеньга* > Лежа, сл. (Влгд, Вохтога).
6. *Сеньга*, р., (Клязьма, верховья – Судогда) [Смолицкая 1976: 225] + оз. *Сеньга*, там же.
7. *Сеньга*, р. и бол. (Яр) [Альк].

сен-

1. *Сенег*, приток реки *Сеньга* [АСВР].
2. *Сенеж* (*Сенежское*), оз. (Моск, Клин) + н. п. *Сенеж*.
3. *Сенеж*, оз. Клин. у. Моск. г. < фин. *Säynäs(järvi)* [Vasmer 1935: 525].

«на отдельной вставке на этом же листе:»

сеньг-

1. *Сеньга*, бол. (Сандогора).
  2. *Сеньга* > Точма > Воча (Чухл).
  3. *Сэньга* > Шача (Сус), в верховье бол. *Сэньга*.
  4. *Сэньга* > Андоба (Сус), в верховье бол. *Сэньга*.
- «в конце листа отдельно приписано:» *Шеньга* > Юг (Киров).

«л. 186»

шиг-

ВОМ: 1. *Шига*, р. (Яр, Пошехон) [Семенов 1891: 246; Vasmer 1935: 558].

2. *Шиголость* > Волга (Яр, Некрас).

3. *Шигуй*, н. п. на р. х > Рыб. вдхр. (Яр, Пошехон).
- ⟨4.⟩ *Шиголош*, *Шиголость* (Яр, Яр. у.) [Vasmer 1935: 553].
- ⟨5.⟩ *Шиголята*, *Шиголево* [Кузнецов 1910: 118].
- ⟨6.⟩ *Шигараиш* (Яр, Данилов) [Там же: 54].
- КК: 1. *Шігарь* (*Шігарка*) > Вига.
2. *Шигино*, н. п. (Сандогора).
3. *Шігорино*, луг (Галич).
4. *Шигари*, оз. (Мантурово).
- Ср. *Шегары*, н. п. (Остр), (Мера).

⟨на вставке на этом же листе относительно названия *Шиголош* (*Шиголость*) приводится ссылка на [Алквист 2001: 448] и этимология М. Фасмера [Vasmer 1935] ~ мар. *šigol* ‘сом’ + мар. суф. *-aš* (уменьшительный), по Фасмеру [Vasmer 1935; 1941], исход *-ость* представляет собой народно-этимологическое приближение к старославянскому суффиксу.⟩

⟨~ Мар.⟩ *шыгыр* ‘тесный, узкий, густой, глухой, дремучий’ [СМЯ 9: 446].

⟨л. 188⟩

шил-

Шилыково (Солигалич) [Vasmer 1935: 545] ⟨~⟩ мар. *šalək* «Ort eines gottesdienstlichen Handlungs»⁶³ > рус. *šilykovo* в Солигалич. у. [Vasmer 1935: 528].

1. *Шілеговский Криуль*, по Унже.
2. *Шілекша* > Унжа⁶⁴.
3. *Шілекша* > Шокшанка > оз. Галичское.
4. *Шілекша* > Черный Лух > Унжа.
5. *Шиленга*, вол., Костр. у. [ДДГ].

шил-, шел-

1. *Шелекша* > Ухтома > Согожа > Рыб. вдхр. (Яр).
2. *Шелокша* > Кудьма > Волга (Нижег).
3. *Шилеговица* > Това > Лундонга.
4. *Шилеконка* > Шилекша > Елнать > Волга (Иван).
5. *Шилекша* > Елнать > Волга (Иван).

6. *Шилекша* > Кудьма > Волга (Нижег)⁶⁵.
  7. *Шилекша* > Унжа > Волга.
  8. *Шилокша* > Теша > Ока (Нижег, Муром).
  9. *Шилемша* (*Шилешма*), пок., бол. (Яр, Некрас, Яхробол).
  10. *Шиликша* > Вая > Уста > Ветлуга (Нижег).
  11. *Шилокша*, бол. (Мокш) [Смолицкая 1976: 245].
  12. *Шильпухова*, н. п. (Яр, Любим).
  - «13.» *Шилекша*, р. близ Унжи (Кологр) [Vasmer 1935: 542].
- Шелекша*, *Шилекша* и *Шилокша* ~ мар. *шыл* 'мясо'.

«л. 188а» «от *Шелешпальские межи* до р. *Шелекша*» [АС I, № 100].

«л.187»

ших-

1. *Шиха* > Нерль > Клязьма (Сима).
  2. *Шихобалово* (*Шихобалово*, *Шехобол* [Горюнова]), н. п. в вершине р. Шуга > Ирмес > Нерль (Влад, Сузд) [Vasmer 1935: 587; Шилов 2001: 23].
  3. *Шихода*, р. (Клязьма, Нерль) [Смолицкая 1976: 214].
  4. *Шихмари*, д. [ПМЯУ: 65].
- КК: 1. *Шиха*, оз. (Костр, Разливы).
2. *Шихалка* > Нея (Ней).
- «~ Мар.» горн. *шигä* 'леший' [СМЯ 9: 112].
- «~ Мар.» *шийгол*, горн. *шигол* 'сом' [Там же: 121].

«л. 189»

шиш(e)-

ВОМ: *Шишебольцево*, с. (Москва) [Кусов 1993, № 79]. *Шишелово* I, д. (Иван, Юж), *Шишелово* II, д. (Твер, Брус), *Шишелово* III, д. (Яр, Б-Сел), *Шишелово* IV, д. (Яр, Некрас), *Шишелово* V, часть гор. Пошехонье, быв. д. (Яр, Пошехон), *Шишелово* VI, д. (Яр. у.) [ПМЯУ: 206]. *Шишолово*, пуст. (Моск, Мож. у.) [Кусов 1993, № 409].

КК: *Шишедом* (*Шишадам*, *Шишаданов Овин*), пож. (Остр).

Не локализованы: *Шишеловка*, р. близ р. Сутка (Яр. г., Мышк. у.). *Шишелово* (*Шишолово*), пуст. (Моск) [Кусов 1993, № 202, 204], *Шишолово*, д. (Влад. г., Александр. у.). Есть еще р. *Шишленда* в басс. Клязьмы (Влад, Горох), однако в этом случае неясно членение *Шишл-енда* или *Шиш-ленда*.

Несмотря на довольно представительный материал, основа не имеет убедительной интерпретации, хотя названия *Шишебольцево* и *Шишедам* ясно указывают на мерянские истоки (форманты *-Вбол* и *-Вдам*), естественно с оговоркой, что *Шишебольцево* образовано от **Шишебольцев* < **Шишеболец*. Редкая основа *шиж-* в гидрониме *Шижегда* (> Клязьма) может восходить к **шиш-* (**Шишегда*), и в этом случае ввиду наличия детерминанта *-Vгда* ~ *-Vхта* также подтверждает мерянское происхождение названий такого рода. Среди многочисленных *Шишелово* могут быть и антропотопонимические, но ввиду частотности допустимо и собственно топонимическое происхождение, тем более что формант *-Vл-* может рассматриваться как суффикс места, аналогичный финскому *-la*, *-lä* и архаичному марийскому *-ыл* (*-ел*) [Галкин 1966: 59]. Преобразование *Шишел-* > *Шишл-* объясняется редукцией гласного в заударном положении на русской почве. Если же в языке субстрата был звук типа марийского *ы*, который является редуцированным [Грузов 1969: 108–116], то подобный процесс мог иметь и дорусские истоки. В сочетаниях с сонантами этот звук в марийском языке нередко выпадает [Современный марийский язык 1960: 62].

Если структура названий и их мерянские связи достаточно прозрачны, то интерпретация основы трудна. Большинство предложенных этимологий совершенно невразумительны: *Шишелка*, *Шишелова*, *Шишелово*, *Шишилово*, *Шишолово* ~ мар. *шү-шолы* ‘витое металлическое шейное украшение (вместо

«л. 190» ожерелья)» [Семенов 1891: 247; Кузнецов 1910: 72, 160], *Шишеловка* < **Шишелово* < **šišel* ~ мар. *šejšal'ə*, *šijšal'i* ‘ящерица» [Vasmer 1935: 559]. Интерес представляет только сравнение ойконима *Шишебольцево* с эрз. *шиш* ‘овин’, особенно ввиду варианта *Шишедамов*

Овин (см. выше *Шишедам*), предложенное А.Л. Шиловым [Шилов 2001: 23]. Эта этимология безусловно должна учитываться, хотя обилие «овинных» населенных пунктов удивляет (ср., однако, *Едьма*, *Идьма* в Поважье на РС, см. 3⁶⁶). Кроме того, настораживает интерпретация соответствующих мордовских данных, ср. эрз. р. *Шишлей*, где *-лей* ‘река’, а *ишии* возводится к фин.-угор. *šiše ‘ручей, речка’ [Цыганкин: 408]. Фактически это означает, что «живой» детерминант сочетается с архаической, забытой в функционирующем языке основой, как бы ее ни интерпретировать. Поразительно, что совершенно аналогичным образом выглядит ситуация и в марийской топонимии, где зафиксированы два гидронима *Шишэгер* с детерминантом *эгер* ‘река’, а основа сравнивается с хант. *ишиынг* ‘текущий’ [Воронцова, Галкин 2002: 372]. Видимо, мы действительно имеем дело с почему-то забытой в волжских языках лексемой, которая отражена в топонимии, в том числе и мерянской.

В качестве альтернативных могут быть предложены для названий с основой *ишишел-* мар. горн. *шйшбйл* ‘приятный, симпатичный, милый,

«л. 191.» красивый, очаровательный’ [СМЯ 9: 519], а для имен с основой *ишиш-* мар. диал. *ишые* ‘забор, ограда; то, чем огорожено или отгорожено что-л.’ [Там же: 513], при этом допустимо и преобразование основы *ишишел-* в *ишиш-* в результате комбинаторных изменений как в русском языке, так и, может быть, в языке-источнике.

И, наконец, еще одна сложность. В древнерусских памятниках засвидетельствованы антропонимы *Шишелин*, *Шишелов*, *Шишилов* [Тупиков: 867–868], *Шишел*, *Шишелов*, *Шишлан* [Веселовский 1974: 370], указывающие на возможную связь топонимов с основой *ишишел-* с древнерусским антропонимиконом, что выводит уже на загадочные русские омонимы *ишиш*¹ ‘кукиш’ и *ишиш*² ‘разбойник’ и не имеет отношения к теме нашего исследования.

«На л. 192–196 содержатся отдельные карточки топонимов с основной *шииш-*, которые представляют собой черновые материалы к предыдущей словарной статье.»

«л. 197»

шуг-

КК: *Шугома* > Кострома (Солигалич) [Кузнецов 1910: 61].

ВОМ: 1. *Шуга* > Ирмес > Нерль (Влад, Юр-Пол), в вершине н. п. Шихобалово [Vasmer 1935: 566].

2. *Шугарово*, платформа и с. *Шугарово* (Моск).

3. *Шугаровская*, пуст. (Колом. у.) [АСВР].

4. *Шугорь*, н. п., *Шугорка*, р. (Яр, Рост).

5. *Шугарово* (Моск, Серпух).

6. *Шугорь* (Яр, Молог).

«~ Мар.» *шўгар*, *шигар* или *шугар* ‘могила, кладбище’ [Кузнецов 1910: 54].

«л. 198»

шух-

КК: 1. *Шухомаш* (что?) (Костр. у.) [АСВР].

ВОМ: 1. *Шухобал*, с. (Сузд. у.) [исторический памятник] = с. *Шухобалово* на р. Шуга [Попов], ср. *Шихобалово* [Vasmer 1935: 587; Шилов 2001: 23].

2. *Шухобино*, н. п. (Яр, Данилов).

3. *Шухободь*, н. п. (Влгд, Череповец).

4. *Шухомаш*, р. (Сузд. у., Клязьма, Теза – устье) [Смолицкая 1976: 223].

5. *Шухомка* > Шача > Волга (Иван, Фурманов) (верховье н. п. *Шухомош*), *Шухомош*, с. (Шуйск).

6. *Шухорма* > Хотча > Волга (Моск), ср. *Шухрома*, р. (Твер. г.) [Фасмер].

«далее на отдельной вклейке:» *Шухобал* – «мар.» *шуко* ‘много’ (т.е. ‘много селений’, ‘многие селения’, ср. аналогичный топоним *Монепелды* < карел. *топи* ‘многий’, *peldo* ‘поле’ на РС).

От составителя

Выводы и обобщения автора на основе анализа топонимов исторических мерянских земель, судя по структуре работы, должны были содержаться в разделах 1.5. и 1.6. Главу 2 книги предполагалось посвятить субстратной топонимии мерянского типа на Русском Севере, в отличие от главы 1, где рассмотрены топонимы исторических мерянских земель (ИМЗ). В главе 3 планировалось заключение ко всей монографии. К сожалению, А.К. Матвеев не успел написать эти разделы. В архиве нами не обнаружено каких-либо цельных частей текста с выводами по анализу мерянских топооснов или с общими выводами по проблеме. Однако в папке № 4-осн. содержатся отдельные заметки обобщающего характера, касающиеся мерянских детерминантов в ИМЗ. Это два небольших текста: «Некоторые результаты изучения предположительно мерянских детерминантов» и «Выводы к 1 части». Кроме них, есть отдельные конспективные обобщения, собранные на архивном листе папки № 4-осн. под заголовком «Общие соображения о происхождении мери и мерянского языка». Публикацию неоконченного труда А.К. Матвеева мы завершаем этими материалами.

Картотека А.К. Матвеева к СТРС IV в его кабинете

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

Некоторые результаты изучения предположительно мерянских детерминантов «папка № 4-осн.»

«л. 1»

1. Ойконимические детерминанты *-бол* и *-Vдом* без сомнения являются мерянскими.

2. Детерминант лимнонимов *-(V)хр(V)* неоднократно засвидетельствован на территории нижнеклязьминцев, в некоторых случаях – у мерян. Соответствующая «озерная» основа в мерянской топонимии имеет вид *яхр-*, в нижнеклязьминской – *юхр-*. Детерминант *-кор*, *-кур* в различных модификациях встречается как в названиях озер, так и рек, преимущественно в западной части мерянского ареала. Идентифицирующая способность его невелика.

3. Гидронимический детерминант *-Vга*, ареально четко противопоставлен детерминантам *-Vг* и *-Vх*, которые восходят соответственно к языкам южан (см. СТРС III) и нижнеклязьминцев. По употреблению названия на *-Vга* определенно являются мерянскими. Их происхождение более проблемно.

4. Мерянскими следует считать гидронимический детерминант *-бож* в западной части ИМЗ и *-ингирь* – в восточной.

5. Как мерянские по употреблению можно рассматривать гидронимические детерминанты *-Vкиа*, *-Vкса*, которые могли функционировать и в некоторых других смежных языках, исключая нижнеклязьминский.

6. Как для мерянской, так и для нижнеклязьминской языковой общности характерны форманты *-Vхта*, *-Vгда* и *-Vсм(ь)*, представленный в основном в мерянской зоне. Не исключено, что они были мерянскими и по происхождению.

«л. 2» 7. Для дифференциации западномерянского и восточномерянского наречий (языков?) значимо противопоставление детерминантов *-бож* и *-кор*, *-кур* детерминанту *-ингирь*.

8. Для языка нижнеклязьминцев характерны прежде всего гидронимы на *-Vх*, лимнонимы на *-(V)хр(V)* и основа *юхр*, возможно, также детерминанты *-Vхта* и *-ингирь*. Ойконимические детерминанты в нижнеклязьминской зоне не засвидетельствованы. Все это указывает на специфичность языка нижнеклязьминцев, хотя он имел и общие черты с мерянским. Поскольку этнотопонимы, образованные от *меря*, в нижнеклязьминской зоне отсутствуют, есть основания считать, что на этой территории функционировал особый финский язык, отличный от мерянского. Не исключено, что это был язык муромы.

9. Из табл. 1 следует, что для мерянских названий характерно употребление географического термина не только в качестве детерминанта, но и основы, а также в роли термина-топонима. Исключения объясняются семантикой термина (**bol*, **bal* ‘селение’, а также **ijir* ‘ручей’ в функции основы). Если же термин известен только как детерминант, наиболее вероятно его субсубстратное происхождение (**Vkša*, **Vksa*, а может быть и **Vxta*, **Vgda*).

**Мерянские и нижнеклязьминские
географические термины в топонимии**

Термин-топоним	Термин-топоформант	Термин-основа	Реконструируемый мерянский термин	Значение
—	-бол, -бал	—	* <i>bol</i> , * <i>bal</i>	‘селение’
Эдома	- <i>Vдом</i>	<i>edom</i> - (<i>ведом</i> -)	* <i>edom</i>	‘возвышенность’
Яхра	- <i>Vхр(V)</i>	<i>яхр</i> -	* <i>jaχr</i>	‘озеро’
Юхра	- <i>Vхр(V)</i>	<i>юхр</i> -	* <i>juχr</i>	‘озеро’
Кура	- <i>кор</i> , - <i>кур</i>	<i>кор</i> -, <i>кур</i> -	* <i>kor</i> , * <i>kur</i>	‘речка’, ‘старица’
Юг, Ёга, Ега	- <i>Vг</i> , - <i>Vга</i>	<i>юго</i> -, <i>его</i> -	* <i>jug</i> , * <i>jugə</i>	‘река’
Лух	- <i>Vх</i>	—	* <i>juχ</i>	‘река’
	- <i>Vкша</i>			
	- <i>Vкса</i>			
	- <i>Vхта</i>	<i>ухт</i> -, <i>вохт</i> -, <i>охт</i> -		
Гда	- <i>Vгда</i>			
Вожя, Божя	- <i>бож</i>	<i>вож</i> -	* <i>wož</i>	‘приток’, ‘ветвь’
Ингирь	- <i>ингирь</i>	—	* <i>iŋir</i>	‘речка’, ‘ручей’
Уста, Устье	- <i>Vсть</i>			

Выводы к 1 части⁶⁷

«папка № 4-осн.»

«л. 144»

1. С ареалом этнотопонимов с основой *меря* в своей основе совпадает ареал ойконимов на *-*bal*. Это дает основание причислять их на данной территории к числу мерянских. Названия на *-Vдам* встречаются лишь в северной части региона. Их тоже следует считать мерянскими. Они могут быть диалектной особенностью или указывают на характерную черту природы или социальной организации северных мерян.

2. С ареалом мерянской этнотопонимии сопоставляются гидронимы на *-Vга*, с которыми коррелируют на северо-востоке за пределами мерянской зоны гидронимы на *-Vг*, на юго-востоке гидронимы на *-Vх*, которые тоже выходят за пределы мерянской зоны, поскольку в их ареале практически не встречаются названия на *-*bal* и мерянские этнотопонимы.

«л. 145»

Однако распространение в мерянской зоне термина-топонима *Юг* (**jug*) – ‘река’ не позволяет уверенно причислять гидронимы на *-Vга* к числу мерянских, тем более что во многих случаях мерянские наименования указывают на согласный характер ауслаута (ср. *-*бал*, *-*Vдам*). Гидронимы на *-Vг* принадлежат особому финно-угорскому языку, гидронимы на *-Vх* или особому диалекту мерянского языка, или особому мерянскому языку (или фин.-угор. языку, близкому мерянскому).

3. Ареалы гидронимов на *-вож*, *-кур(a)*, *-ингирь* совпадают с зоной мерянской этнотопонимии и зоной *-бал* только частично. При этом ареал *Ингирь* захватывает северо-восток мерянской зоны, а также зону гидронимов на *-Vх*. Это указывает на его особое отношение к мерянскому ареалу: *Ингирь* может быть адстратным явлением (марийским?), но может оказаться достоянием как мерянского северо-востока, так и языка гидронимии на *-Vх*.

Ареалы гидронимов на *-бож* и *-кур(a)* очень неопределенны из-за невысокой частотности и сильного варьирования. Все же названия на *-бож* достаточно ярко представлены на западе ИМЗ, гидронимы на *-кур(a)* – на крайнем западе и на юге. Есть некоторые основания считать, что в некоторой части этих наименований засвидетельствовано соответствие $o \sim y$ (т.е. *бож* $\sim$ *буж*, *кор* $\sim$ *кур*). В настоящее время трудно с уверенностью считать эти названия мерянскими: возможно, это мерянские диалектные термины, но может быть и адстратная примесь, а возможно и то и другое.

4. Ареал лимнонимов на *-VxpV* с вариантами совпадает с зоной распространения гидронимов на *-Vx*, поэтому должен рассматриваться аналогичным образом как принадлежность особого мерянского диалекта или языка. Есть прямые указания, что термин со значением ‘озеро’ в этой зоне выглядел

«л. 147» как **juxr* (ср. *Юхроболево*, но *Яхробол* на севере меряницы, а также названия озер *Юхор* и *Юхора*). В собственно мерянской зоне гидроформант *-VxpV* не прослеживается, поскольку соответствующие физико-географические объекты редки и условий для сохранения форманта не было, однако картографирование соответствующей основы *яxp-* показало, что она точно вписывается в ареал мерянских этнопонимов и ойконимов на *-бал*, и этот термин несомненно является принадлежностью мерянского языка. Лимнонимы на *-Vp* сосредоточены в основном в южной полосе меряницы, их соотношение с названиями на *-VxpV* пока неясно, но в зоне *яxp-* озерная основа *ep-* не представлена. Возможно, мы имеем дело с явлениями адстратного характера, возможно, отчасти, прибалтийско-финскими. Вопрос требует дальнейшего изучения.

5. Названия на *-Vhta* и варианты (*-Vгда*, *-хоть*) охватывают всю собственно мерянскую зону, но представлены также и в зоне *-Vx*. Кроме того, надо учитывать их

«л. 148» корреляцию с *-Vкиа* и *-Vкса*, которые нехарактерны для всей территории между двумя Нерлями и Волгой от устья Унжи до устья Оки. Наиболее частотным следует считать *-Vкиа*, который прежде всего и соотносится с *-Vхта* в позиции дополнительной дистрибуции, выходя, однако, несколько за пределы мерянской территории. Возможно, *-Vкса* следует рассматривать как вариант (синхронический или диахронический) для *-Vкиа*. Возможно, гидронимы всех этих типов являются мерянскими, но остается нерешенным вопрос о гидронимах на *-Vхта* в зоне *-Vх*, если только не считать зону *-Vх* диалектной для мерянского языка. Поскольку термин (*охта*, *вохта*, *ухта*) в самостоятельном употреблении редок, вопрос о субсубстрате пока актуален.

6. Фонетические наблюдения дают основания видеть широкое распространение перехода фин. *a* > рус. *o* (*bal* ~ *bol*, *baž* ~ *bož* и т.п.), наличие согласного ауслauta (отпадение конечного гласного в языках субстрата), появление *x* в соответствии с *z*, возможно, на русской почве, но не обязательно, явной тенденции к сужению гласных (*o* > *y*) и даже *яхр* > *юхр*, что в целом характерно для эволюции фонетической системы перм. и волж.-фин. языков.

Общие соображения о происхождении мери и мерянского языка⁶⁸ «папка № 4-осн.»

«л. 151»

«на отдельной вклейке на этом же листе:»

Мерянская проблема в зеркале субстратной топонимии

1. Лексика – не средство в силу невозможности ее идентификации с мерей и несистемности.

2. Меря – остаток древнейшего (первой волны) финно-угорского населения (отсюда архаика), которое заселило в неолите огромную территорию от Финляндии до ВОМ и от Днепра до Вятки – это севернофинская г р у п п а⁶⁹ языков (у Попова – мерянские языки).

3. Калима правильно обнаружил совпадения, но объяснил их русским переносом (м. б.⁷⁰, частью мерянским?), на деле все было не так⁷¹.

4. Но были и переселен. движения самой мери (Устье)⁷², вероятно, поздние.

«на отдельной вклейке на этом же листе:»

NB. Меря м. б. близка к марийцам, а разница во многом связана с тем, что мы сопоставляем мерянские данные тысячелетней давности с соврем. мар. языком, испытывавшим к тому же сильное тюркское влияние.

«на отдельной вклейке на этом же листе:»

NB. – меря была немногочисленна (относительно), но это не имеет значения для многочисленности названий (ср. манси). Впрочем, немногочисленность мери – ?, упоминание мери в перечне участников похода на Царьград или изгнании варягов свид. о том, что ее участие достойно упоминания.

«отдельно вписано на этом же листе:»

Гипотеза промежуточного положения мерянского языка до Ткаченко разраб. Поповым, Матвеевым, Востриковым, Добродомовым.

«на отдельной вклейке на этом же листе:»

*Эффекты, которые способствовали меря > пбф ~ саамы*⁷³

1) эффект «бóльшей исследованности» пбф ~ саам. (SKES и др. словари)

2) дехронологизация (не учитывается большая близость пбф ~ саам. к ВФ⁷⁴ в старину)

3) эффект гибридизации ВФ (тюркизация и татаризация) – «вымывания древних лексем»

4) не учитывается большая архаичность мерянского языка (языков)⁷⁵.

«на отдельной вклейке на этом же листе:»

1. Нельзя представлять мерянский язык как конгломерат пбф + ВФ⁷⁶. Он должен нести черты этих языков в системе и гармонии, а не в виде смеси.

2. Важно учитывать происх. специф. маризмов⁷⁷ – *шим, йылме, чодра* и т.п. Это в связи с такими деталями, как *Мстера*⁷⁸ и т.д.

«Примечания научного редактора»

¹ Это ссылка на главу 2 *Субстратная топонимия мерянского типа на Русском Севере*, которую автор не успел написать.

² О том, что *Imniscaris* Иордана не имеет отношения к черемиси и это слово следует читать как *in Miscaris* «в Мещере» убедительно показано в работах В.В. Напольских, которые вышли уже после смерти А.К. Матвеева, см.: *Напольских В.В.* «Список народов Германариха» – готский путь от Ладоги до Кубани // Уральский исторический вестник. № 2 (35). 2012. С. 20–30; *Напольских В.В.* «Список народов Германариха» – готский итинерарий IV в. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II науч. конф. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 1. С. 207–209.

³ В КОМТ здесь вставлена часть текста, которая не попала в СТРС IV (папка № 2-доп., л. 11):

«Возможно, сюда же надо отнести и такие названия населенных пунктов на территории ВОМ, как *Маймеры*, *Унимерь*, *Учмер* и некоторые другие. Хотя Фасмер считает название *Унимерь* славянским [Vasmer 1935: 513], оно может быть и мерянским ввиду гидронима *Уница* близ Ростова».

⁴ Видимо, имеется в виду: на правобережье Волги в Ивановской области.

⁵ В КОМТ здесь вставлена часть текста, которая не попала в СТРС IV (папка № 2-доп., л. 13–14):

«Реконструированную по этнотопонимическим данным картину расселения мери на территории ВОМ интересно сравнить с результатами картографирования уже упомянутых названий населенных пунктов на *-мер(ь)* типа *Локсомерь*.

При картографировании из числа названий на *-мер(ь)* и производных от них были исключены славянизмы, гидронимы, а также разные сомнительные случаи (ойконимы *Водомерово*, *Мермерины*, гидронимы *Жидомерка*, *Хотимерка* и т.п.). Всего было картографировано 7 названий поселений, из которых 3, по-видимому, антропотопонимы, ср. *Локсомерь*, *Маймеры*, *Унимерь*, *Ючмер*, но *Бечмерово*, *Техтемерово*, *Тюрмеровка*. В Ярославском уезде по материалам XVI в. было еще село *Ботмерово* [ПМЯУ: 65], но этот топоним не удалось локализовать.

Картографирование этих названий показало, что все они связаны с ареалом “центральной” мери (в ростовской зоне – 5, во владимирской – 2). На территории современных Ивановской и Костромской областей сколько-нибудь надежные названия такого рода не отмечены. Нет их и в Пошехонье.

Соотносительность этнотопонимов, образованных от *меря*, и субстратных ойконимов на *-мер(ь)* подкрепляет предположение о том, что в ареале “центральной” мери топоформат *-мер(ь)* в ойконимах может восходить к этнониму *меря*. Вместе с тем возникает вопрос, почему ойконимы на *-мерь* отсутствуют на мерянской периферии. Один из возможных ответов видится в том, что названия на *-мер(ь)* связаны с зоной первоначального заселения мери, когда номинация по родовым группам была вполне естественна. Последующие смещения внутри мерянского этноса, особенно в ходе миграций за пределы первоначально освоенной зоны, привели к утрате этого фактора мотивации».

⁶ К этой части текста в КОМТ (папка № 2-доп., л. 18) автором приколота вырезка статьи Ю. Тутиной «Камень, который не тонет» из газеты «Аргументы и факты» (2007, № 27).

⁷ В русских публикациях автора А. Ahlqvist имеются разночтения, связанные с использованием то транскрипции (А. Аלקвист), то транслитерации (А. Алквист) этого имени. В настоящей публикации

применяется такой порядок: при отсылках к определенному изданию используется тот вариант имени, который зафиксирован в этой публикации; в авторском тексте А.К. Матвеева (вслед за данными журнала «Вопросы языкознания» и книги А.К. Матвеева «Ономатология». М., 2006) последовательно применяется вариант А. Альквист.

⁸ В оригинале значок реконструкции «*», видимо, ошибочно, стоял перед знаком «>».

⁹ В рукописи здесь ошибочно поставлена ссылка на работу [Альквист 2000а].

¹⁰ Цифра «557» написана нечетко, возможно, имелся в виду другой номер страницы.

¹¹ Отдельные фрагменты этого параграфа в общих чертах повторяют некоторые абзацы из статьи А.К. Матвеева, которая была впервые опубликована в журнале «Вопросы языкознания» [Матвеев 2001] и затем перепечатана в книге [Матвеев 2006]. Однако этот текст существенно переработан и дополнен автором по сравнению с указанными изданиями.

¹² В авторском *Содержании* подраздел о прибалтийско-финских адстратных включениях на территории ИМЗ указан в разделе 1.6.

¹³ В рукописи после слова *Комрас* написано «(подробнее см.)» и далее зачеркнута отсылка к подразделу КОМТ «2.3.2», но отсылки к параграфу СТРС IV не сделано. В связи с этим стоит привести здесь отрывок из соответствующего подраздела 2.3.2 КОМТ (папка № 2-доп., л. 92–93), который не был включен А.К. Матвеевым в СТРС IV:

«Субсубстратным считается и название реки *Которосль* [Альквист 1997: 34; 2000а: 20], ранее часто *Которость*, а в памятниках XIV–XVI вв. регулярно *Которось*, ср. «в реке в Котороси» [АСВР III, № 192, 196, 199, 208, 209, 210, 213, 214]. Эти фиксации свидетельствуют, что формы *Которость*, *Которосль* являются более поздними, возможно, народно-этимологическими русскими образованиями, из которых А. Алквист и извлекает лимноним *Которо. Название луга *Комрас* у истока реки *Которосль*, недавно зафиксированное лично Алквист, а также наименование болота *Комрас* (по Алквист), в материалах ТЭ

ручья *Котрас*, притока Лежи в Грязовецком районе Вологодской области, при обсуждении вопроса о происхождении гидронима *Которосль*, несомненно, имеют решающее значение, так как совершенно ясно, что именно форма *Котрас* является рефлексом древнего финно-угорского гидронима, которая сохранялась у постепенно утрачивающих свой язык мерян Ярославщины и Вологодчины. Первичность этой формы как раз и доказывает вологодский гидроним *Котрас*, не имеющий параллельных образований. Подростовские меряне тоже сохранили это название, но уже в результате метонимии применительно к лугу в истоке реки, наименование которой утвердилось в адаптированной русской форме (*Котрас* > *Которось* > *Которость*, *Которосль*). Эта форма является, таким образом, более поздней».

¹⁴ В рукописи номер подраздела пропущен. Вероятнее всего имелся в виду подраздел 1.6.4. *Прибалтийско-финская адстратная топонимия на территории ИМЗ*.

¹⁵ Лучше все-таки применительно к этим названиям говорить о древнемарийском ареале, ср. мар. *варыш* ‘возвышенность, склон, гора’ [Воронцова, Галкин 2002: 138–139], см. также об этом: *Смирнов О.В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 1 // *Вопр. ономастики*. 2013. № 2 (15). С. 29; *Он же*. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 2 // *Вопр. ономастики*. 2014. № 1 (16). С. 17.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду отсылка к главе 2 *Субстратная топонимия мерянского типа на Русском Севере*, которую автор не успел написать.

¹⁷ Подраздел о прибалтийско-финском адстрате в авторском *Содержании* значится в разделе 1.6.

¹⁸ Так в рукописи.

¹⁹ К рукописи приложена карта с местоположением указанных названий, мы помещаем ее в приложении (карта № 13).

²⁰ Так в рукописи.

²¹ К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *шач(а)-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 14).

²² К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *шокиш-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 15).

²³ Подраздел о прибалтийско-финском адстрате в авторском *Содержании* значится в разделе 1.6.

²⁴ В рукописи, вероятно, ошибочно, написано «Вига», хотя р. Кусь является притоком реки Нёмда, см. [Атлас Костромской области. Масштаб 1:100000. Роскартография. 2009. С. 154].

²⁵ К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *кои-, кой-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 16).

²⁶ К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *печ-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 17).

²⁷ В виду наличия в Марий Эл подобных названий в форме *Шудӧ* [Воронцова, Галкин 2002: 386] можно приводимые автором восточные топонимы также сравнивать с удм. *сьӧд* ‘черный, темный’ [КЭСК: 269] или мар. горн. *шӱдӱ* ‘злой’ [Воронцова, Галкин 2002: 389].

²⁸ В рукописи написано «1.6», но в одном из вариантов черновика написано «1.5.3», судя по содержанию (см. авторское *Содержание*) должно быть 1.5.3, но поскольку во многих случаях выше А.К. Матвеев последовательно вместо 1.6 пишет 1.5, то, вероятнее всего, разделы 1.6 и 1.5 на каком-то этапе были переставлены автором местами в структуре СТРС IV.

²⁹ К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *кол-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 18).

³⁰ Ср. на современных топографических картах: р. *Колюга* > Нужна > Вол > Ветлуга [Атлас Костромской области. Масштаб 1:100000. Роскартография. 2009. С. 121].

³¹ Последние исследования делают минимальной вероятность интерпретации субстратных названий с формантом *-уг, -уга* в бассейне Ветлуги как древнепермских, см.: *Смирнов О.В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне

среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 1 // Вопр. ономастики. 2013. № 2 (15). С. 29–33.

³² Эта этимология написана автором внизу карандашом. Если следовать этой версии, то данная основа должна была быть рассмотрена в подразделе 1.4.5. *Человек*, поскольку значение ‘нечистый’ здесь скорее всего имеет религиозный смысл.

³³ Очевидно, имеется в виду параграф 1.3.2.1.

³⁴ Здесь и далее мы сохраняем неполную ссылку на источник вслед за оригиналом черновика.

³⁵ Очевидно, имеются в виду параграфы 1.3.4.2 и 1.3.4.3.

³⁶ В действительности впадает в протекающую рядом с р. Парша рч. Постна > Теза > Клязьма.

³⁷ К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *юки-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 19).

³⁸ Очевидно, имеется в виду параграф 1.3.4.4.

³⁹ Здесь и далее мы переставляем листы черновых материалов в соответствии с алфавитным порядком основ.

⁴⁰ В рукописи не совсем понятно, относится сноска на Кузнецова к топониму *Синжаны* или *Синчуваж*.

⁴¹ Знак «×» означает отсутствие в источнике названия объекта, которое могло быть перенесено на смежный объект.

⁴² Название № 2 и № 3 объединены в черновике знаком вопроса, видимо, автором ставится вопрос о том, что это обозначение одного объекта.

⁴³ KB – Kozmodenjansk-Bergdialekt – немецкое обозначение горного наречия марийского языка.

ON – сокращение немецкого слова *Ortsname* ‘географическое название, топоним’.

⁴⁴ «русское производное на *-аны (-ане)* указывает на топоним *šinžanu* как на имя жителей водоема **šinža*» (пер. с нем.).

⁴⁵ «географическое название *Unetěřъ* является по-настоящему славянским и не имеет отношения к *Мере*» (пер. с нем.).

⁴⁶ Видимо, описка, должно быть ‘жертвенное дерево’.

⁴⁷ Перед этим топонимом приписано «Чучи?».

⁴⁸ «мар. *βakšār* ‘пруд’ < *βakš* ‘мельница’ + *jär* ‘озеро’ ~ географические названия и названия рек *Vokšerъ*» (пер. с нем.).

⁴⁹ Возможно, имеется в виду подраздел, обозначенный в *Содержании* как 1.6.4. *Прибалтийско-финская адстратная топонимия на территории ИМЗ*.

⁵⁰ «Вероятно, из мар. *Pörtjoγä* “Банная речка”, фин. *Pirttijoki*» (пер. с нем.).

⁵¹ Топонимы № 1 и № 2 объединены автором знаком вопроса.

⁵² «из фин. *Ilma(joki)*» (пер. с нем.).

⁵³ Со знаком вопроса стоит стрелка, которая означает, что это, возможно, вариант топонима под № 2.

⁵⁴ Стоит значок, объединяющий названия № 4 и № 5.

⁵⁵ Имеется в виду ссылка на этимологию р. *Песья Деньга* в басс. р. Сухона, которая опубликована в СТРПС III, где этот топоним рассматривается как народноэтимологическое переосмысление названия *Песьеденьга, правда, там основа *пес-* сопоставляется с приб.-фин. глагольным корнем со значением ‘мыть’ (СТРПС III, 69–71).

⁵⁶ Ср. (СТРПС III, 138), где топонимы с основой *син-* на РС связываются с прибалтийско-финскими и мордовскими словами со значением ‘синий’.

⁵⁷ Очевидно, имеется в виду басс. р. Межа > Унжа в Костромской области.

⁵⁸ Названия полей, полос можно сравнить с мар. диал. *ўлыш* ‘надел, доля, пай’ [СМЯ 8: 173].

⁵⁹ Этот приток Пижмы территориально ближе к КК.

⁶⁰ К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *уч-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 20).

⁶¹ К рукописи приложена карта с местоположением названий с основой *шим-*, мы помещаем ее в приложении (карта № 21).

⁶² Этимология топонимов *Курденьга* на РС, в частности в басс. р. Юг, рассматривается в (СТРПС III, 91–92).

⁶³ «место служения богам» (пер. с нем.).

⁶⁴ Стоит значок, объединяющий название № 1 *Шилеговский Криуль* и № 2 *Шилекша*, т.е. указывающий на их взаимосвязь.

⁶⁵ Со знаком вопроса в рукописи указано, что название под № 2 *Шелокша* и название под № 6 *Шилекша* могут обозначать один объект.

⁶⁶ Скорее всего, ссылка идет на главу 2 *Субстратная топонимия мерянского типа на Русском Севере*, которую автор не успел написать. О топонимах *Едьма*, *Идьма* см. также [Матвеев 2006: 177].

⁶⁷ Судя по названию, а также по некоторым терминологическим особенностям (отсутствие употребления термина «детерминант», который автор последовательно использовал в более поздних текстах СТРС IV), – это более ранний текст, чем приведенные выше «Некоторые результаты изучения предположительно мерянских детерминантов». Вероятнее всего, он относится ко времени работы А.К. Матвеева над КОМТ. Во всяком случае, текст написан не ранее 2000 г., так как на оборотной стороне листов содержатся черновики словаря географических названий Свердловской области, который был издан А.К. Матвеевым в 2000 г.

⁶⁸ Это отдельные заметки А.К. Матвеева, видимо, разного времени, собранные им в виде вклеек отдельных карточек на одном листе под общим авторским заголовком.

⁶⁹ Слово *группа* дважды подчеркнуто А.К. Матвеевым.

⁷⁰ Сокращение: «может быть».

⁷¹ Автор, вероятно, имеет в виду, что совпадения в топонимии ИМЗ и РС не столько обусловлены «переносом», сколько близким языковым родством языков-источников (мерянского и севернофинских языков Русского Севера).

⁷² «переселенческие движения самой мери (Устье)». Имеется в виду гипотеза А.К. Матвеева о переселении мери в среднеустьянский микрорегион на Русском Севере, см. [Матвеев 2006: 145–154].

⁷³ Видимо, имеется в виду сближение некоторыми исследователями мерянского языка с прибалтийско-финско-саамскими языками.

⁷⁴ Сокращение: «прибалтийско-финско-саамских языков к волжско-финским».

⁷⁵ А.К. Матвеевым проведена стрелка от этого замечания к замечанию № 2 о большей близости прибалтийско-финско-саамских языков к волжско-финским в старину. Стрелка указывает на взаимосвязь этих мыслей.

⁷⁶ Сокращение: «прибалтийско-финских и волжско-финских языков».

⁷⁷ Сокращение: «происхождение специфичных маризмов». А.К. Матвеев, видимо, имеет в виду наличие в марийском языке значительного пласта специфичной лексики, отличной от других финно-угорских языков.

⁷⁸ О топониме *Мстёра* см. [Матвеев 2006: 227–228].

От составителя

По замыслу А.К. Матвеева, книга должна была заканчиваться библиографией, списком сокращений, картами и указателем топонимов, см. *Содержание* на с. 25–27. Эти разделы не были написаны автором, они составлены в ходе работы над текстом книги.

Как уже указывалось во введении от редактора, научный аппарат чистовой части рукописи (ссылки на литературу и сокращения) приведен к единообразию. Список литературы составлен на основе библиографической картотеки по мерянской проблеме, содержащейся в архиве А.К. Матвеева. Карты со списками обозначенных на них топонимов собраны воедино и помещены нами в конце книги, как было предусмотрено автором. На основе сверстанного текста составлен указатель топонимов. Ввиду того, что эти разделы сформированы редактором-составителем, названия их взяты в угловые скобки.

Алеквит А. 1997 — Мерянская
земля на фоне литовско-польской
земли // ВЯ, 1997. №6.

Алфимов А. 2001 — Алфимов А.
Судостроительная топонимия
древнерусского Поволжья // *Очерки исторической географии:
Северо-Запад России: Славяне
и финны*. СПб., 2001.
С. 436–467

Попов А.И. 1974 — Топонимы
древних мерянских и литовских
областей // *Географическая среда
географических названий. Сборник
статей*. Л., 1974.

Востриков О.В. (V)
Финно-угорские названия
элементов в русских топонимах
Вост.-Финляндия
Канд. дисс.
Свердловск, 1979.

Автограф библиографических карточек из архива А.К. Матвеева

«Библиография»

Агеева 1970	– Агеева Р.А. Об этнониме <i>чудь</i> (<i>чухна</i> , <i>чухарь</i>) // Этнонимы. М., 1970. С. 194–203.
Агеева 1990	– Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1970.
Алквист 1996	– Алквист А. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä 10–15.08.1995. Pars VII. Litteratura, Archaeologia & Anthropologia / Red. H. Leskinen, R. Raittila, T. Seilenthal. Jyväskylä, 1996. С. 247–255.
Алквист 1997	– Алквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 22–36.
Алквист 1998	– Алквист А. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // Studia Slavica Finlandensia. XV. Helsinki, 1998. С. 5–38.
Алквист 2000а	– Алквист А. Меряне, не меряне... (I) // Вопр. языкознания. 2000. № 2. С. 15–34.
Алквист 2000б	– Алквист А. Меряне, не меряне... (II) // Вопр. языкознания. 2000. № 3. С. 83–96.

- Алквист 2001 – *Алквист А.* Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 2001. С. 436–467.
- Алквист 2006 – *Алквист А.* Культовые камни на земле древних мериан // Финно-угроведение. 2006. № 1. С. 3–34.
- Андреева 1987 – *Андреева Ж. В., Артеменко И. И., Бадер О.Н.* и др. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
- АС I – Архив П.М. Строева. Т. I. Петроград, 1915. (Русская историческая библиотека. Т. XXXII).
- АСВР I – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. I. М., 1952.
- АСВР III – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М., 1964.
- Атлас пресноводных рыб России – Атлас пресноводных рыб России. Т. 1. М., 2003.
- Афанасьев 1976 – *Афанасьев А.П.* «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. М., 1976. С. 21–26.
- Афанасьев 1979 – *Афанасьев А.П.* Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Топонимика на службе географии. Сб. 110. М., 1979. С. 56–63.
- Афанасьев 1996 – *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996.
- АФЗХ 3 – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 3. М., 1961.
- Барашков – *Барашков В.Ф.* По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск, 1994.

- Беккер 1970 – *Беккер Э.Г.* О некоторых селькупских географических терминах // Местные географические термины. Вопр. географии. Сб. 81. М., 1970. С. 171–174.
- Брюсов 1952 – *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Веселовский 1974 – *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Воронцова, Галкин 2002 – *Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002.
- Востриков 1978 – *Востриков О.В.* Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (*сорьез, тохта, шохра*) // Этимологические исследования: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 45–53.
- Востриков 1979 – *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
- Востриков 1990 – *Востриков О.В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.
- ВП – ГС МО – Все Подмосковье. Географический словарь Московской области / Ред. Н. Солнцев. М., 1967.
- Галкин 1966 – *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1966.
- Гордеев 2 – *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола, 1983.
- Гордеев 1985 – *Гордеев Ф.И.* Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола, 1985.
- Города России – Города России XVI в. Материалы писцовых описаний. М., 2002.
- Горюнова 1961 – *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 94).

- Грузов 1965 – *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.
- Грузов 1969 – *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Добродомов 1980 – *Добродомов И.Г.* Проблема изучения мерянского субстрата в севернорусских говорах // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 65–66.
- Дубов 1990 – *Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
- Европеус 1868 – *Европеус Д.* К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Т. 139, июль.
- Европеус 1874 – *Европеус Д.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874.
- Евсеев 1967 – *Евсеев В.Я.* Проблема летописной меры в свете фольклора прибалтийско-финских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 147–153.
- Житие св. Леонтия – Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С предисловием А.А.Титова. Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1893. Кн. 4.
- Иордан 1960 – *Иордан.* О происхождении и деянии готв. М., 1960.

- Исанбаев 1994 – *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1994.
- Иванов, Тужаров ССЗНМЯ – *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.
- КБЧ – Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.
- Кузнецов 1910 – *Кузнецов С.К.* Русская историческая география. Вып. 1. М., 1910.
- Кузнецов 1991 – *Кузнецов А.В.* Об историко-географических центрах освоения этносов вепси и лопь в I тыс. н.э. (по данным топонимии) // Антропогенные преобразования природы Севера Европейской части СССР. Вологда, 1990.
- Куклин 1985 – *Куклин А.Н.* Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопр. марийской ономастики. Вып. 5. 1985. С. 119–189.
- Куклин 1990 – *Куклин А.Н.* Названия исчезнувших селений Марийской АССР (с апеллятивом *чодыра* ‘лес’) // Вопр. марийской ономастики. 1990. С. 49–74.
- Кусов 1993 – *Кусов В.С.* Чертежи Земли Русской. XVI–XVII вв. М., 1993.
- Кучкин 1984 – *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- КЭСК 1999 – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Леонтьев, Рябинин 1980 – *Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А.* Этапы и формы ассимиляции летописной мери // Советская археология. 1980. № 2. С. 67–79.
- Лыткин 1957 – *Лыткин В.И.* Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.

- Любавский — *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- Манюхин 1996 — *Манюхин И.С.* Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 343–361.
- Матвеев 1959 — *Матвеев А.К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. (Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Вып. 32.).
- Матвеев 1960 — *Матвеев А.К.* Историко-этимологические разыскания. I. Из опыта изучения севернорусской топонимики на *-ньга*. II. О дофинноугорском субстрате в севернорусской диалектной лексике // Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Вып. 36. Языкознание. Свердловск, 1960. С. 85–126.
- Матвеев 1965 — *Матвеев А.К.* Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *яхр* (озеро) на Русском Севере (к вопросу об использовании данных физической географии в топонимических исследованиях) // Изв. АН СССР. № 6. Сер. геогр. 1965. С. 17–22.
- Матвеев 1970 — *Матвеев А.К.* Русская топонимика финноугорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
- Матвеев 1971 — *Матвеев А.К.* Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971. М., 1973. С. 332–355.
- Матвеев 1974 — *Матвеев А.К.* К этимологии коми-зыр. *вис-* (*виск-*) // Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 24, f. 1–4. Budapest, 1974. Old. 255–259.
- Матвеев 1978 — *Матвеев А.К.* Топонимические этимологии. XI (Название озера Неро) // Советское финноугроведение. 1978. № 1. С. 1–7.

- Матвеев 1980 – *Матвеев А.К.* К интерпретации звукового соответствия *gr (xp) – vr* в субстратной топонимии Русского Севера // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 153–154.
- Матвеев 1996 – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопр. языкознания. 1996. № 1. С. 3–23.
- Матвеев 1997 – *Матвеев А.К.* К проблеме расселения летописной мери // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 1. 1997. № 7. Екатеринбург, 1997. С. 5–17.
- Матвеев 1998 – *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопр. языкознания. 1998. № 5. С. 90–105.
- Матвеев 2000 – *Матвеев А.К.* Топонимические этимологии. XII // Этимология 1997–1999. М., 2000. С. 106–115.
- Матвеев 2001 – *Матвеев А.К.* Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопр. языкознания. 2001. № 5. С. 32–59.
- Матвеев 2006 – *Матвеев А.К.* Ономатология. М., 2006.
- Матвеев 2010 – *Матвеев А.К.* Мерянские дендротопонимы как лингвостнический индикатор // *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. В. 32/33. Hamburg, 2010. С. 437–445.
- МокшРС – Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б.А. Серебrenникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М., 1998.
- Муллерон 1988 – *Муллерон И.И.* Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Муллерон 2002 – *Муллерон И.И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Мурзаев 1984 – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Николаев 1994 – *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопр. языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.

- Никонов 1960 – *Никонов В.А.* Известные языки Поочья // *Вопр. языкознания.* 1960. № 5. С. 89–95.
- Никонов 1966 – *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Никонов 1993 – *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. М., 1993.
- ОС 1974 – Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- ПДП-17 ВК – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С. И Коткова. М., 1984.
- Петровский 1966 – *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1971.
- ПК – Переписные книги 1676–1682 гг. // *Летопись занятий Археографической Комиссии.* Вып. 8. СПб., 1888.
- ПМЯУ – Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: Вотчинные земли. СПб., 1999.
- Попов 1947 – *Попов А.И.* Из истории финно-угорских народностей. Ч. 1, 2. Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1947.
- Попов 1948 – *Попов А.И.* Топонимика Белозерского края // *Уч. зап. ЛГУ.* № 105. Сер. востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948. С. 164–174.
- Попов 1949 – *Попов А.И.* Материалы по топонимике Карелии // *Советское финно-угроведение.* V. Петрозаводск, 1949. С. 46–66.
- Попов 1964 – *Попов А.И.* Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР // *Вопр. финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология.* М.; Л., 1964. С. 205–212.
- Попов 1965 – *Попов А.И.* Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965.
- Попов 1973 – *Попов А.И.* Названия народов СССР. Введение в этнотопонимику. Л., 1973.

- Попов 1974 — *Попов А.И.* Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 14–27.
- Поротников 1970 — *Поротников П.Т.* Семантическая и грамматическая классификация прозвищ говоров Талицкого района Свердловской области // Вопр. топонимистики. № 4. Свердловск, 1970. С. 54–70.
- Поспелов 1967 — *Поспелов Е.М.* Субстратная топонимика волгоокского междуречья // Материалы Московского филиала Географического общества СССР. Топонимика. Вып. 1. М., 1967. С. 12–14.
- Поспелов 1970 — *Поспелов Е.М.* Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. Вопр. географии. Сб. 81. М., 1970. С. 96–105.
- Поспелов 1974 — *Поспелов Е.М.* Содержание Топонимического атласа Центра // Топонимия Центральной России. Вопр. географии. Сб. 94. М., 1974. С. 34–58.
- ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. 1962.
- ПСРЛ 24 — Полное собрание русских летописей. Т. 24. Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921.
- Русская диалектология 1972 — Русская диалектология: учеб. пособие / Под ред. проф. Н.А. Мещерского. М., 1972.
- Рябинин 1986 — *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. М., 1986.
- Рябинин 1997 — *Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А.* Археология Костромского края. Кострома, 1997.
- Саваткова СГНМЯ — *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. I–. Екатеринбург, 2001–.

- Седов 1971 – *Седов В.В.* Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. С. 99–113.
- Седов 1974 – *Седов В.В.* Гидронимические пласты и археологические культуры центра // Топонимия Центральной России. Вопр. географии. Сб. 94. М., 1974. С. 20–33.
- Семенов 1891 – *Семенов Т.С.* К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. II. М., 1891. С. 228–258.
- Серебренников 1955 – *Серебренников Б.А.* Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопр. языкознания. 1955. № 6. С. 19–31.
- Серебренников 1963 – *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебренников 1967 – *Серебренников Б.А.* Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 165–180.
- Серебренников 1968а – *Серебренников Б.А.* Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? // Советское финно-угроведение. 1968. № 1. С. 39–47.
- Серебренников 1968б – *Серебренников Б.А.* К проблеме этнической принадлежности создателей гидронимии на -ым (-им) // Nyelvtudományi Közlemények. LXX, 1. Budapest, 1968. С. 127–138.
- Серебренников 1974 – *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Смирнов 1911 – *Смирнов М.И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911.
- Смирнов 1929 – *Смирнов М.И.* Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края. (Материалы для ее изучения) // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. XI. Переславль-Залесский, 1929. С. 1–139.

- Смолицкая 1973 – *Смолицкая Г.П.* Субстратная гидронимия бассейна р. Оки // Ономастика Поволжья. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973. С. 243–249.
- Смолицкая 1974 – *Смолицкая Г.П.* Картографирование гидронимии Поочья // Топонимия Центральной России. Вопр. географии. Сб. 94. М., 1974. С. 59–69.
- Смолицкая 1976 – *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Смолицкая 1987 – *Смолицкая Г.П.* Об одном этническом аспекте топонимики // Этническая топонимика. М., 1987. С. 23–28.
- СМЯ – Словарь марийского языка: В 10 т. / Под ред. И.С. Галкина, Н.И. Исанбаева и др. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- Соболевский 1927 – *Соболевский А.И.* Названия рек и озер русского Севера // Изв. ОРЯС АН СССР 1927 года. Т. XXXII. Л., 1927. С. 1–42.
- Современный ма-
рийский язык 1960 – *Грузов Л.П.* Современный марийский язык. Фонетика. 4-е изд. Йошкар-Ола, 1960.
- СРЛИ – *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имен. М., 1995.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин; Ф.П. Сороколетов. М.; Л., 1965–.
- СРЯ 1958 – Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. М., 1957–1961. Т. 2. М., 1958.
- СТРС I – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001.
- СТРС II – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург, 2004.
- СТРС III – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. III. Екатеринбург, 2007.
- Титов 1885 – *Титов А.А.* Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание. М., 1885.

Ткаченко 1985	–	<i>Ткаченко О.Б.</i> Мерянский язык. Киев, 1985.
Третьяков 1970	–	<i>Третьяков П.Н.</i> У истоков древнерусской народности // Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. Л., 1970. С. 111–141.
Трубе 1962	–	<i>Трубе Л.Л.</i> Как возникли географические названия Горьковской области. Горький, 1962.
Тупиков	–	<i>Тупиков Н.М.</i> Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Туркин 1986	–	<i>Туркин А.И.</i> Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
ТЭ	–	картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
Уваров 1871	–	<i>Уваров А.С.</i> Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. Т. II. М., 1871. С. 633–847.
УМ	–	Улицы Москвы. Старые и новые названия: Топонимический словарь-справочник. М., 2003.
УЛС	–	Устюжский Летописный Свод (Архангелогородский Летописец). М.; Л., 1950.
Унбегаун 1989	–	<i>Унбегаун Б.О.</i> Русские фамилии. М., 1989.
УРС	–	Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. М., 1983.
Фасмер	–	<i>Фасмер М.</i> Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1996.
Федосюк 1996	–	<i>Федосюк Ю.</i> Русские фамилии. М., 1996.
Финно-угры и балты	–	Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
Фосс 1952	–	<i>Фосс М.Е.</i> Древнейшая история севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. № 29. Л., 1952.
Хайду 1985	–	<i>Хайду П.</i> Уральские языки. М., 1985.

- Цыганкин — *Цыганкин Д.В.* Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2005.
- Цыганкин,
Мосин 1998 — *Цыганкин Д.В., Мосин М.В.* Этимологический словарь. Саранск, 1998.
- Черных — *Черных С.Я.* Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995.
- Шилов 1996 — *Шилов А.Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов 1997 — *Шилов А.Л.* Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // *Вопр. языкознания.* 1997. № 6. С. 3–21.
- Шилов 2001 — *Шилов А.Л.* О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // *Вопр. языкознания.* 2001. № 6. С. 13–27.
- ЭрзРС — *Серебренников Б.А., Бузакова Р.Н., Мосин М.В.* Эрзянско-русский словарь. М., 1993.
- Ahlqvist 1992 — *Ahlqvist A.* Наблюдения над финно-угорским субстратом в топонимии Ярославского края на материале гидронимических формантов *-(V)ga* и *-(V)нга*, *-(V)ньга*, *-(V)нда* // *Studia Slavica Finlandensia.* VIII. Helsinki, 1992.
- Ahlqvist 1998 — *Ahlqvist A.* Merjalaiset – suurten järvien kansaa // *Virittäjä.* 1998. № 1. S. 24–55.
- Castrén 1857 — *Castrén M.A.* Nordische Reisen und Forschungen. Bd. IV. SPb., 1857.
- Collinder — *Fenno-Ugric Vocabulary.* Hamburg, 1977.
- Kalima 1919 — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Syrjänschen. Helsinki, 1919. (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* XLIV).

- Kalima 1935 – *Kalima J.* Forschungen über baltisch-finnische und finisch-slavische Beziehungen. Zu dem westfinnische geographischen Namen in Russland // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XII. Doppelheft 1/2. Leipzig, 1935.
- Kalima 1941 – *Kalima J.* Äänisen tienoon paikannimiä // Virittäjä. 1941. S. 323–329.
- Kalima 1942 – *Kalima J.* Karjalaiset ja merjalaiset // Uusi Suomi. 19.7.1942.
- Kalima 1946 – *Kalima J.* Über die Erforschung russischen Ortsnamen fremden Ursprung // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1945. Helsinki, 1946.
- Korhonen 1981 – *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historian. Helsinki, 1981. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 370).
- Lehtisalo 1936 – *Lehtisalo T.* Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. LXXII).
- Matvejev 2010 – Matvejev A.K. Основа *шум-* ‘черный’ в финно-угорской субстратной топонимии // Ad fontes. Księga jubileuszowa ofiarowana profesor Oldze T. Molczanowej / pod red. E. Komorowskiej i P. Kamińskiej. Szczecin, 2010. S. 269–276.
- Mägiste 1966 – *Mägiste J.* Merjalaisten kansallisukseni ja merjalaisprobleemi // Virittäjä. 1966. № 1. S. 114–120.
- Nissilä 1962 – *Nissilä V.* Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962.
- Nissilä 1967 – *Nissilä V.* Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 144).
- Paasonen 1948 – *Paasonen H.* Ost-Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XI).

- Pogodin 1933 – *Pogodin A.* Was ist Merja? // *Liber semisaecularis Societatis Fenno-Ugricae*. Helsinki, 1933. (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 67). S. 326–330.
- Ravila 1937 – *Ravila P.* Das Merja-Problem im Lichte der Ortsnamenforschung // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. XXIV. 1–3. Anzeiger. Helsinki, 1937.
- Ravila 1938 – *Ravila P.* Merja und Tscheremissen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. XXVI. I. Anzeiger. Helsinki, 1938.
- SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I–VII. Helsinki, 1955–1981.
- SSA – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Toivonen 1944 – *Toivonen Y.H.* József Szinnyei // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1944. Bd. 28, H. 1.
- UEW – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991. Bd. 1–3.
- Vasmer 1935 – *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Phil.-hist. Klasse*. XIX. Berlin, 1935.
- Vasmer 1936 – *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permian in Nordrussland // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Phil.-hist. Klasse*. XX. Berlin, 1936.
- Vasmer 1941 – *Vasmer M.* Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // *Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften*. Heft 5. Berlin, 1941.
- YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989. (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 200).

«Сокращения»

«Языки и диалекты»

балт.	— балтийские языки
венг.	— венгерский язык
вепс.	— вепсский язык
вод.	— водский язык
волж.-фин.	— волжско-финские языки
горн.	— горное наречие марийского языка
доперм.	— допермская форма
домар.	— домарийская форма
др.-инд.	— древнеиндийский язык
др.-мар.	— древнемарийский язык
ижор.	— ижорский язык
карел.	— карельский язык
карел.-ливв.-	— ливвиковский и людиковский диалекты карельского
люд.	языка (сокращение из SKES)
Кильдин	— кильдинский диалект саамского языка
Колтта	— колттовский диалект саамского языка
коми	— коми-зырянский язык
ливв.	— ливвиковский диалект карельского языка
Луле	— диалект Луле саамского языка
люд.	— людиковский диалект карельского языка

манс.	– мансийский язык
мар.	– марийский язык
мерян.	– мерянский язык
мокш.	– мокшанское наречие мордовского языка
морд.	– мордовский язык
нем.	– немецкий язык
ненец.	– ненецкий язык
норв.	– норвежско-саамский (северносаамский) диалект саамского языка
Нотозеро	– нотозерский диалект саамского языка
общемар.	– общемарийская форма
общеперм.	– общепермская форма
прасаам.	– прасаамский язык
праугор.	– праугорский язык
приб.-фин.	– прибалтийско-финские языки
рус.	– русский язык
рус. диал.	– диалектная форма русского языка
саам.	– саамский язык
сев.	– северносаамский (норвежско-саамский) диалект саамского языка
сев.-зап.	– северо-западное наречие марийского языка
сельк.	– селькупский язык
тер.	– терский диалект саамского языка
удм.	– удмуртский язык
урал.	– уральский (прауральский) язык
фин.	– финский язык
фин.-волж.	– финско-волжский (прафинно-волжский) язык
фин.-перм.	– финно-пермский (прафинно-пермский) язык
фин.-угор.	– финно-угорский (прафинно-угорский) язык
хант.	– хантыйский язык
эрз.	– эрзянское наречие мордовского языка
эст.	– эстонский язык
язьв.	– коми-язьвинский язык

«Географические пометы»

Антр	–	Антроповский район Костромской области
Арх	–	Архангельская область
Бел	–	Белозерский район Вологодской области
Ветл	–	Ветлужский район Нижегородской области
Влад	–	Владимирская область
Влад. г.	–	Владимирская губерния
Влгд	–	Вологодская область
ВОМ	–	Волго-Окское междуречье
Вохм	–	Вохомский район Костромской области
Вят. г.	–	Вятская губерния
Галич	–	Галичский район Костромской области
Иван	–	Ивановская область
ИМЗ	–	исторические мерянские земли
Калуж. обл.	–	Калужская область
Кир	–	Кирилловский район Вологодской области
Киров	–	Кировская область
КК	–	Костромской край
Кологр	–	Кологривский район Костромской области
Костр	–	Костромская область
Костр. вдхр.	–	Костромское водохранилище
Костр. г.	–	Костромская губерния
Мантур	–	Мантуровский район Костромской области
Меж	–	Межевский район Костромской области
Моск	–	Московская область
Ней	–	Нейский район Костромской области
Нижег	–	Нижегородская область
Нижег. г.	–	Нижегородская губерния
Нянд	–	Няндомский район Архангельской области
Парф	–	Парфеньевский район Костромской области
Пересл. у.	–	Переславский уезд Владимирской губернии
Пин	–	Пинежский район Архангельской области

Плес	–	Плесецкий район Архангельской области
Покров. у.	–	Покровский уезд Владимирской губернии
Пошехон. у.	–	Пошехонский уезд Ярославской губернии
Пыщуг	–	Пыщугский район Костромской области
Рост. у.	–	Ростовский уезд Ярославской губернии
РС	–	Русский Север
Рыб. вдхр.	–	Рыбинское водохранилище
Ряз	–	Рязанская область
Ряз. г.	–	Рязанская губерния
Сузд. у.	–	Суздальский уезд Владимирской губернии
Сус	–	Сусанинский район Костромской области
Твер	–	Тверская область
Твер. г.	–	Тверская губерния
Тул. г.	–	Тульская губерния
Холм	–	Холмогорский район Архангельской области
Яр	–	Ярославская область
Яр. г.	–	Ярославская губерния

«Географические термины»

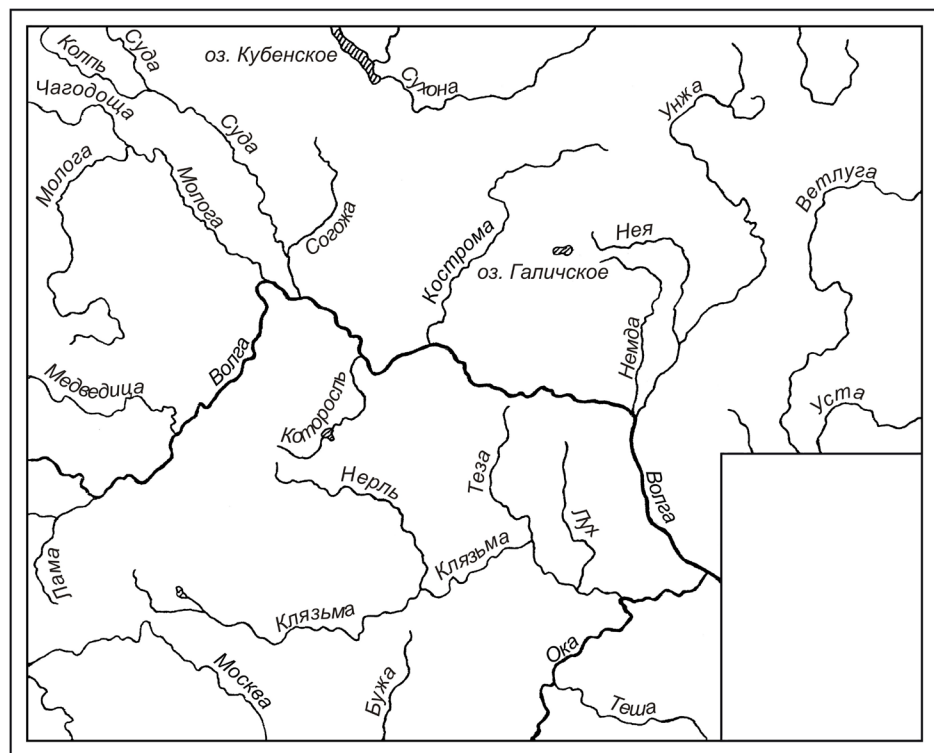
басс.	–	бассейн
бол.	–	болото
быв. д.	–	бывшая деревня
быв. н. п.	–	бывший населенный пункт
быв. с.	–	бывшее село
вдхр.	–	водохранилище
возв.	–	возвышенность
вол.	–	волость
г.	–	губерния
гор.	–	город
д.	–	деревня
зал.	–	залив
к. д.	–	куст деревень
н. п.	–	населенный пункт

о.	—	остров
обл.	—	область
оз.	—	озеро
п. г. т.	—	поселок городского типа
пож.	—	пожня
пок.	—	покос
пос.	—	поселок
пр.	—	приток
прист.	—	пристань
пуст.	—	пустошь
р.	—	река
рр.	—	реки
руч.	—	ручей
рч.	—	речка
с.	—	село
селен.	—	селение
у.	—	уезд
ур.	—	урочище

«Прочее»

букв.	—	буквально
в.	—	век
гр.	—	группа
диал.	—	диалектная форма
др.	—	другое
кн.	—	князь
напр.	—	например
офиц.	—	официальная форма
прич.	—	причастие
сл.	—	слева
см.	—	смотри
спр.	—	справа
ср.	—	сравни

«Карты»

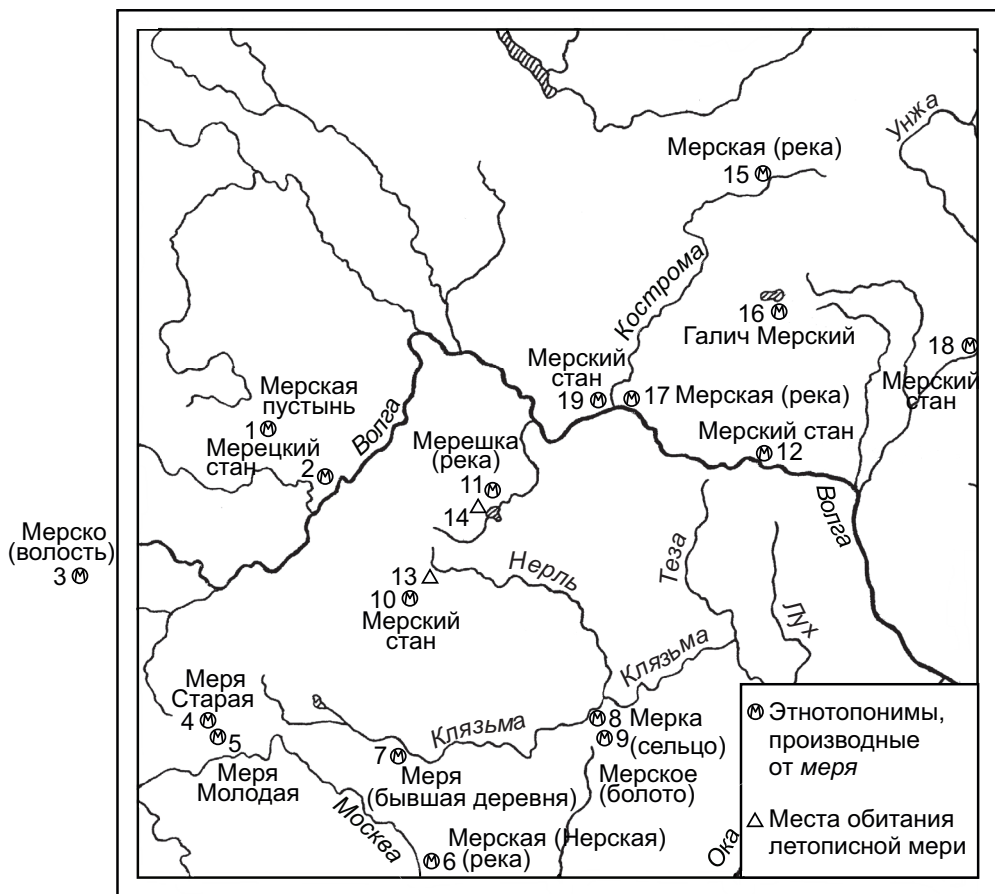

«Бланковая карта, использованная
А.К. Матвеевым в СТРС IV»

«Исторические мерянские земли»

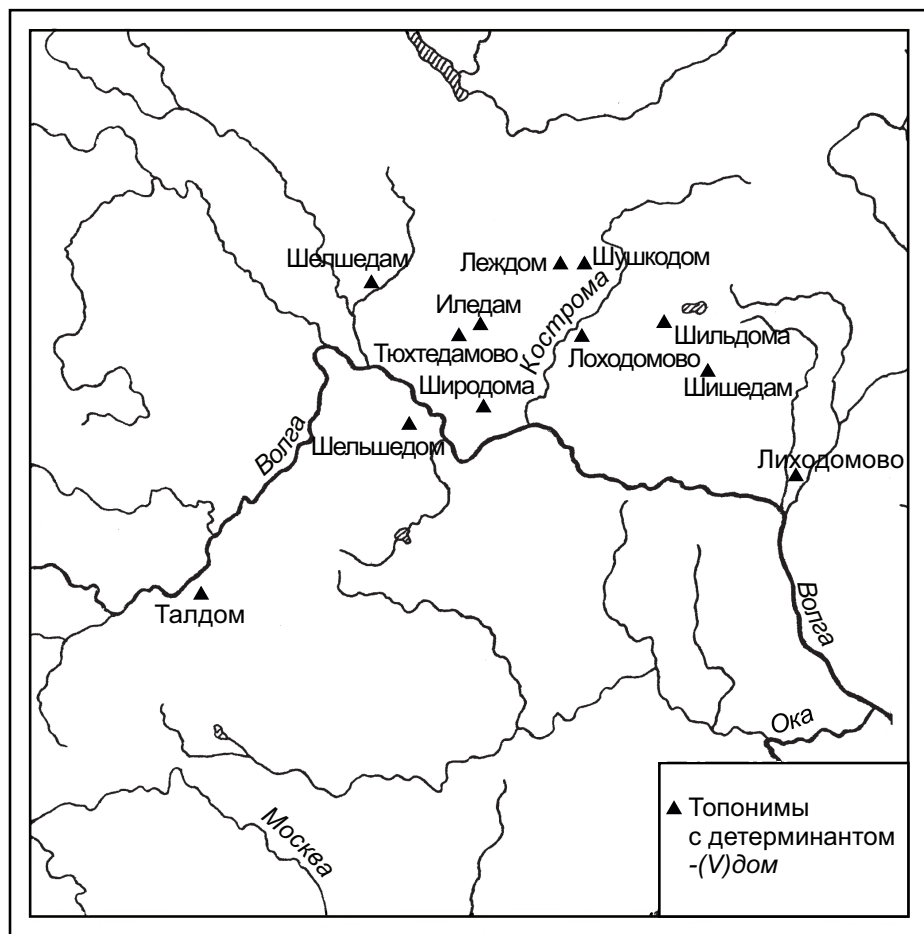

Ниже публикуются подготовленные А.К. Матвеевым карты из папок № 1-осн. и № 2-осн. СТРС IV. Сохранена авторская нумерация карт. Списки топонимов, которые обозначены на картах, были обнаружены нами в папке № 4-осн. СТРС IV, в данной книге карты и списки воссоединены. При публикации карт и списков топонимов делается отсылка на соответствующие папки и листы в них. — *Сост.*

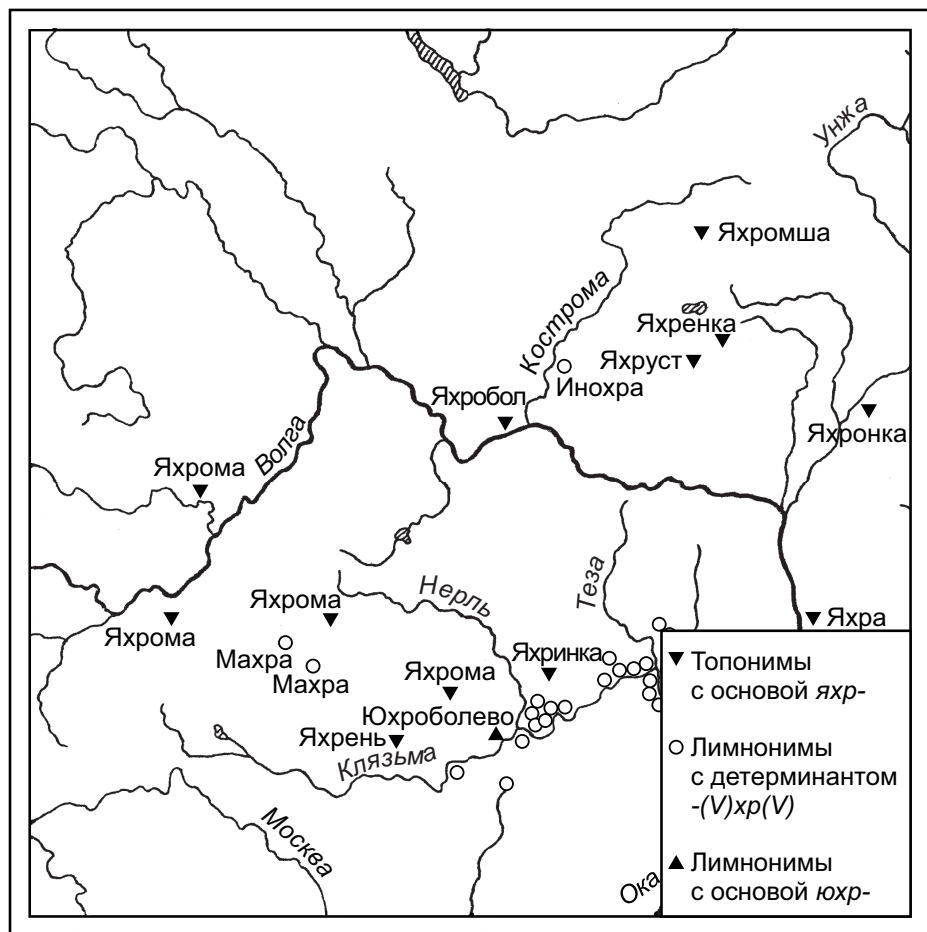

«Карта 1»
«Папка № 1-осн. СТПС IV, л. 23»

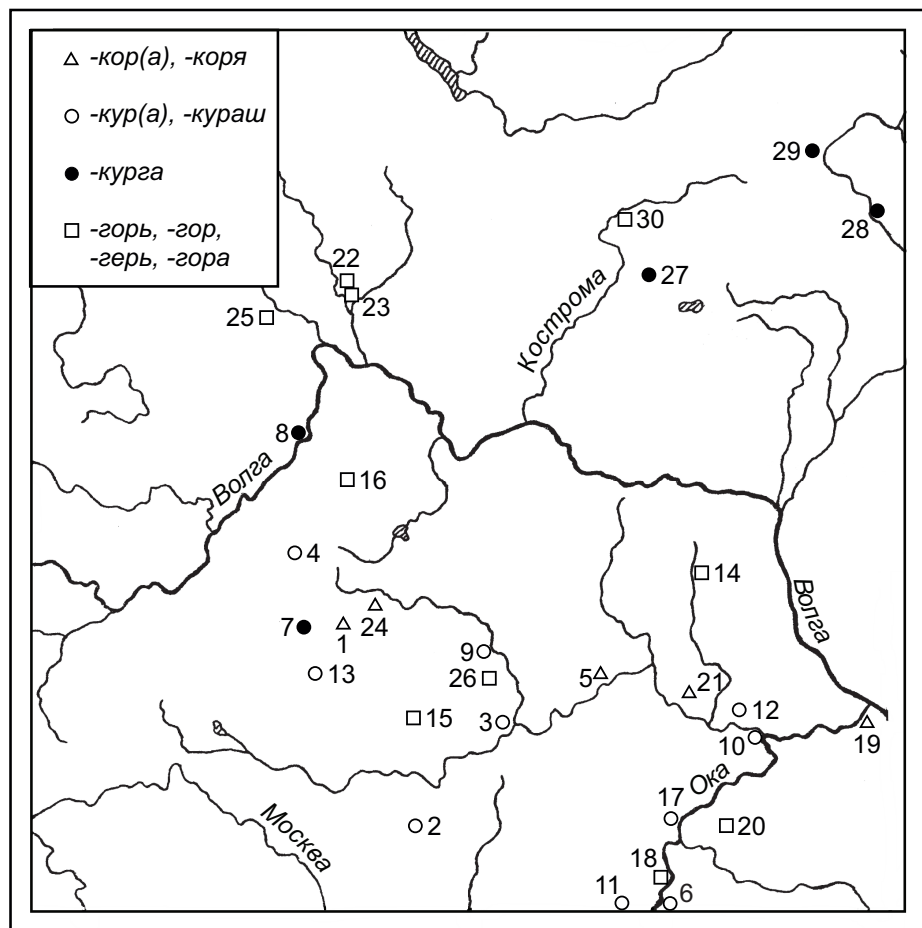

«Карта 3»
«Папка № 1-осн. СТПС IV, л. 50»

«Карта 4»
 «Папка № 1-осн. СТПС IV, л. 61»

«Карта 5»

«Папка № 1-осн. СТПС IV, л. 65»

В целях удобства восприятия редактором объединены значки для обозначения некоторых вариантов форманта: (-кор(а) и -коря; -горь (-гор), -гора и -герь; -кур, -кура и -кураш). Поскольку список топонимов к карте приводится, то ареальные особенности распространения соответствующих разновидностей форманта очевидны. – *Сост.*

**«Обозначения топонимов на карте
(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 10)»**

1. <i>Вескорка</i> , р.	9. <i>Курка</i> , р.	16. <i>Сигорь</i> , нп.	23. <i>Янгора</i> , р.
2. <i>Вишкура</i> (<i>Вишкур</i>), р.	10. <i>Куро</i> (= <i>Курово</i>), оз.	17. <i>Сучкур</i> (<i>Сучкарь</i>), оз.	24. <i>Корья</i> , топ. место
3. <i>Воскураш</i> , оз.	11. <i>Ликурка</i> , р.	18. <i>Укогор</i> , о.	25. <i>Латыгор</i> , р.
4. <i>Качкур</i> , р.	12. <i>Печкур</i> (<i>Б. и М.</i>), оз.	19. <i>Ункор</i> , р.	26. <i>Пиногорь</i> , р.
5. <i>Кочекоря</i> , оз.	13. <i>Печкура</i> (<i>Пичкура</i>), р.	20. <i>Ундюгерь</i> , р.	27. <i>Ликурга</i> , вол., с.
6. <i>Кура</i> , оз.	14. <i>Пошагорь</i> , р.	21. <i>Учкор</i> (<i>Учкоро</i> , <i>Учхор</i>), оз.	28. <i>Никурга</i> , р.
7. <i>Курга</i> , р.	15. <i>Кучегорь</i> , р.	22. <i>Конгора</i> , р.	29. <i>Якурга</i> (<i>Якург</i>), р.
8. <i>Курга</i> , р.			30. <i>Конногорь</i> , р.

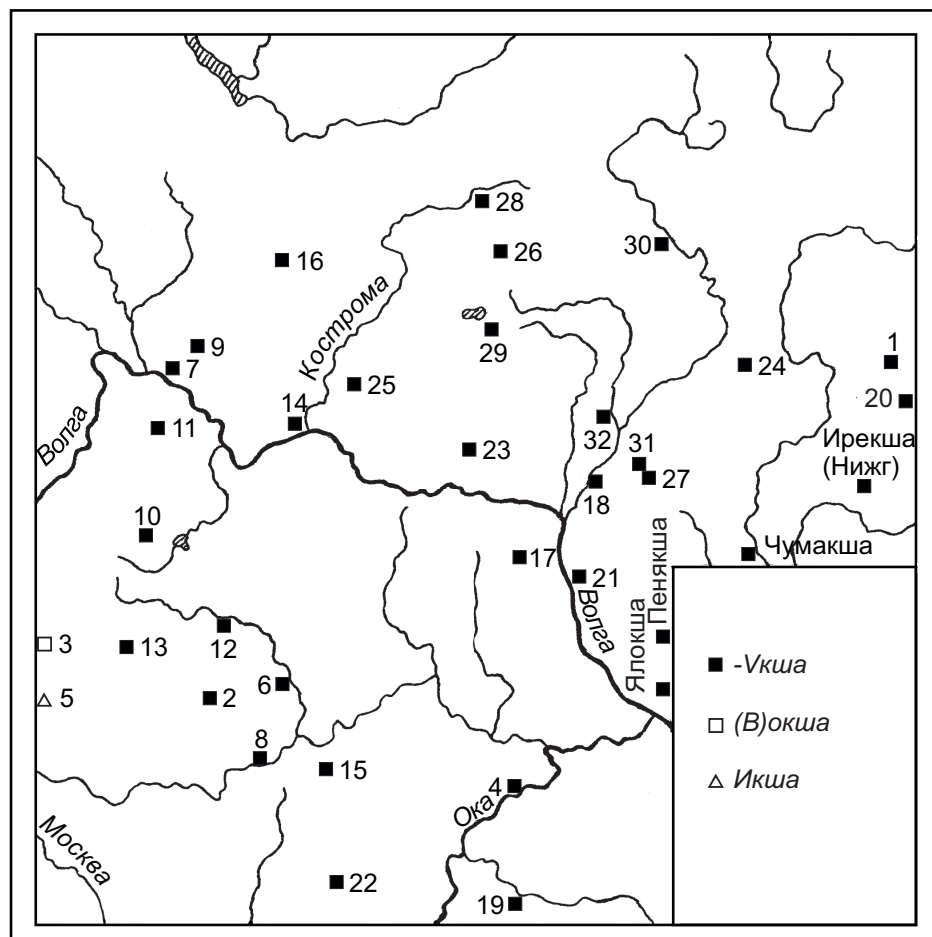
**«Обозначения топонимов на карте 6
(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 11–14)»**

**Названия
на -Vga**

1. *Вóдога*, р.
2. *Вондыга*,
р. (*Вондога*,
ж. д. ст.)
3. *Вондога*, р.
(*Вондега*)
4. *Ванчуга*, р.
5. *Вичуга*, р.
6. *Вóдога*, р.
7. *Воймега*, р.
8. *Воймига*, р.
9. *Воймига*, р.
10. *Волнога*
(*Волнушка*), р.
11. *Вохтога*, р.
12. *Выжсига*
(*Выжсига*), р.
13. *Ёга*, р.
14. *Инега*
(*Инешка*), р.
15. *Капчига*, р.
16. *Кистега*, р.
17. *Куфтига*
(*Кувтига*), р.
18. *Куртюга*, р.
19. *Молога*, р.
20. *Мулига*, р.
21. *Мурмога*, р.
22. *Нозыга*
(*Нозога*,
Нозага), р.
23. *Недуга*, р.
24. *Печуга*, р.
25. *Печуга*, р.
26. *Рачмига*, р.
27. *Семига*
(*Симига*), р.
28. *Сердуга*, р.
29. *Синига*, р.
30. *Солдога*, н. п.
31. *Таймыга*, р.
32. *Таноса*, р.
33. *Тоймига*, р.
34. *Тормыга*, н. п.
35. *Унога*, р.
36. *Шалега*, н. п.
37. *Шордыга*
(*Шордога*), р.
38. *Ямуга*, р.
39. *Самлѣга*
(*Самнѣга*), р.
40. *Вóзсига*, р.
41. *Ёга*, р.
42. *Кѣхтога*, р.
43. *Килсига*
(*Тилсига*), р.
44. *Кистсига*, р.
45. *Корсига*, р.
46. *Корсига*, р.
47. *Кочуга*, р.
48. *Лóхтога*, р.
49. *Лондога*, р.
50. *Лузога*
(*Лугоза*), р.
51. *Лыстога*, р.

**Названия
на -Vx**

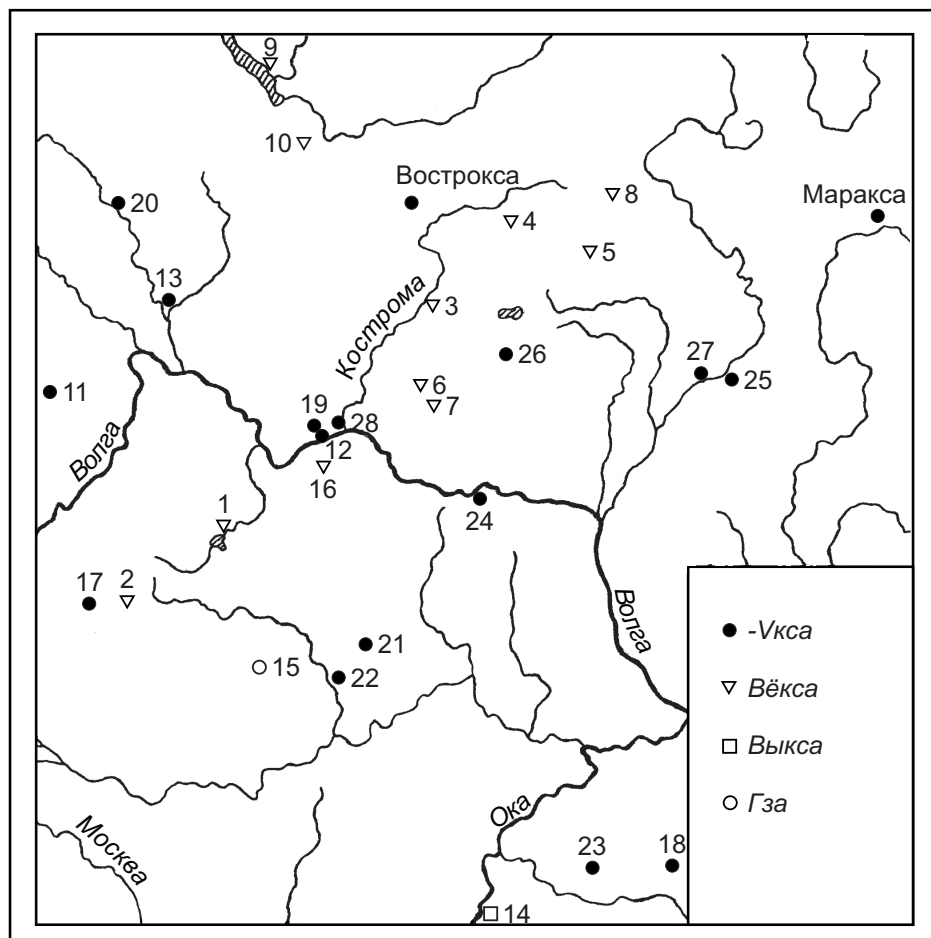
1. *Варсх*, оз.
2. *Вондсх*, р.
3. *Вохнсх*, оз.
4. *Инсрих*, р.
5. *Керсх*, р.
6. *Ламсх*, р.
7. *Ландсх*, р.
8. *Лсх*, р.
9. *Люлсх*, р.
10. *Люлсх*, р.
11. *Люлсх*, р.
12. *Палсх*, п. г. т.
(*р. Палсшска*)
13. *Парсх*, р.
14. *Пенсх*, р.
15. *Пордсх*, р.
16. *Пурсх*, р.
17. *Пурсх*, р.
18. *Сасх*, р.
19. *Сясх* (*Сасюг*), р.
20. *Сезсх*, р.
21. *Сердсх*, оз.
22. *Серзсх*, р.
23. *Тасх*, р.
24. *Тетсх*, р.
25. *Тюлсх*, р.
26. *Тюлсх*, р.
27. *Урдсх*
(*Урдсх*), оз.
28. *Утрсх*, р.
29. *Вóнсх*, р.
52. *Нодога*
(*Надога*), р.
53. *Нóжсига*
(*Нóжсига*), р.
54. *Пичуга*
(карт. *Печуга*), р.
55. *Пóрнега*, р.
56. *Пучсига*, р.
57. *Пучсига*, р.
58. *Рóвдуга*
(*Рóлдуга*), р.
59. *Сендега*, р.
60. *Сэндсига*
(*Сэндсига*), р.
61. *Сендсига*
(*Сендега*), р.
62. *Сенсига*, р.
63. *Сóвсига*, р.
64. *Сóйлсига*, р.
65. *Сóндсига*, р.
66. *Тóжсига*
(*Тóжсига*, *Тóжсига*,
Тóжсига), р.
67. *Тóлсига*
(*Тóлсига*), р.
68. *Ужсига*, р.
69. *Вóжсига*, р.
70. *Юга*, р.
71. *Варсига*
(*Варсегово*),
бол. (теперь
н. п. *Варсегово*)

«Карта 7»
«Папка № 1-осн. СТПС IV, л. 80»

**«Обозначения топонимов на карте
(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 17–18)»**

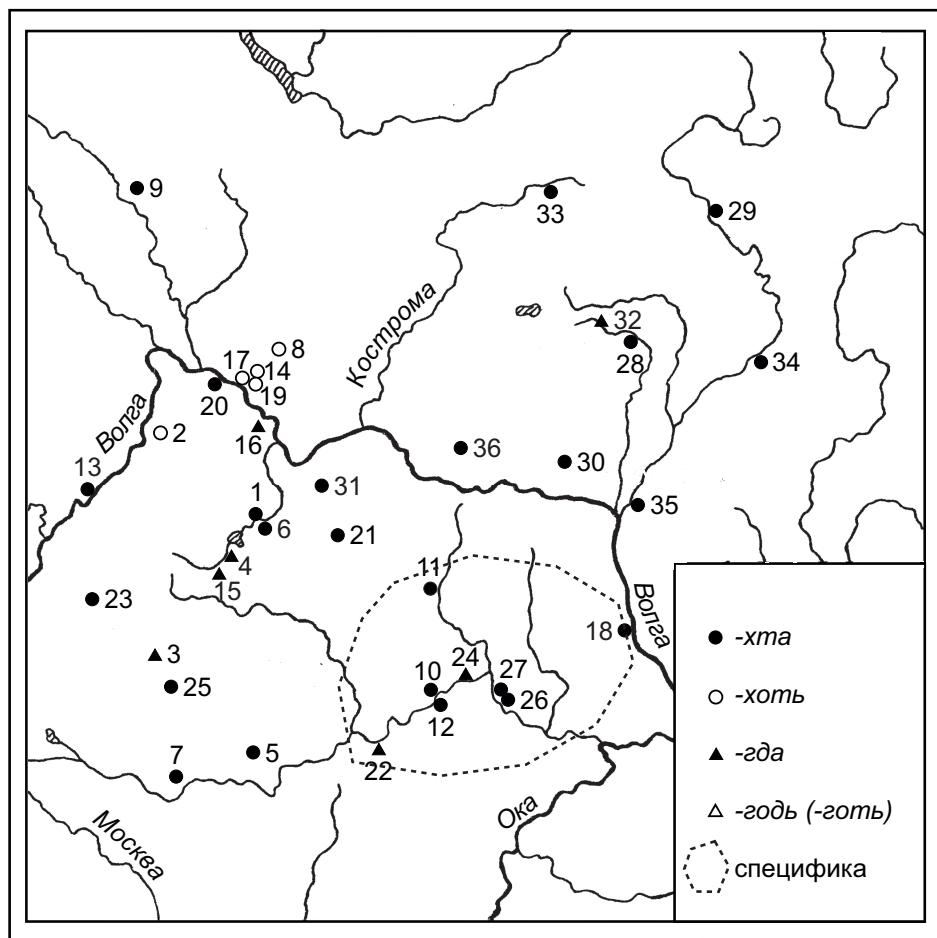
1. <i>Варакша Б.</i> , р.	10. <i>Лебакиша</i> , р.	18. <i>Шилекиша</i> , р.	26. <i>Мóлокша</i> , р.
2. <i>Ви́жсекша</i> , н. п., р.	11. <i>Молокиша</i> , р.	19. <i>Шилокиша</i> , р.	27. <i>Молокиша</i> , р.
3. <i>Вокиша</i> , р.	12. <i>Селекиша</i> , р.	20. <i>Шиликиша</i> , р.	28. <i>Подакиша</i> , р.
4. <i>Волокиша</i> , оз.	13. <i>Серокиша</i> , р.	21. <i>Ширмокиша</i> , р.	29. <i>Шилекиша</i> , р.
5. <i>Икиша</i> , р.	14. <i>Соекиша</i> , р.	22. <i>Широкиша</i> ,	30. <i>Шилекиша</i> , р.
6. <i>Кидекиша</i> , с.	15. <i>Шаркиша</i> , р.	<i>Шурокиша</i> , р.	31. <i>Шилекиша</i> , р.
7. <i>Колокиша</i> , р.	16. <i>Шелекиша</i> , р.	23. <i>Күекиша</i> , р.	32. <i>Шóлокша</i> , р.
8. <i>Колокиша</i> , р.	17. <i>Шилекиша</i> , н. п.	24. <i>Кўекиша</i> , р.	
9. <i>Крокиша</i> , р.	на р. <i>Шилеконка</i>	25. <i>Күекиша</i> , р.	

«Карта 8»
 «Папка № 1-осн. СТРС IV, л. 81»

**«Обозначения топонимов на карте
(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 19–20)»**

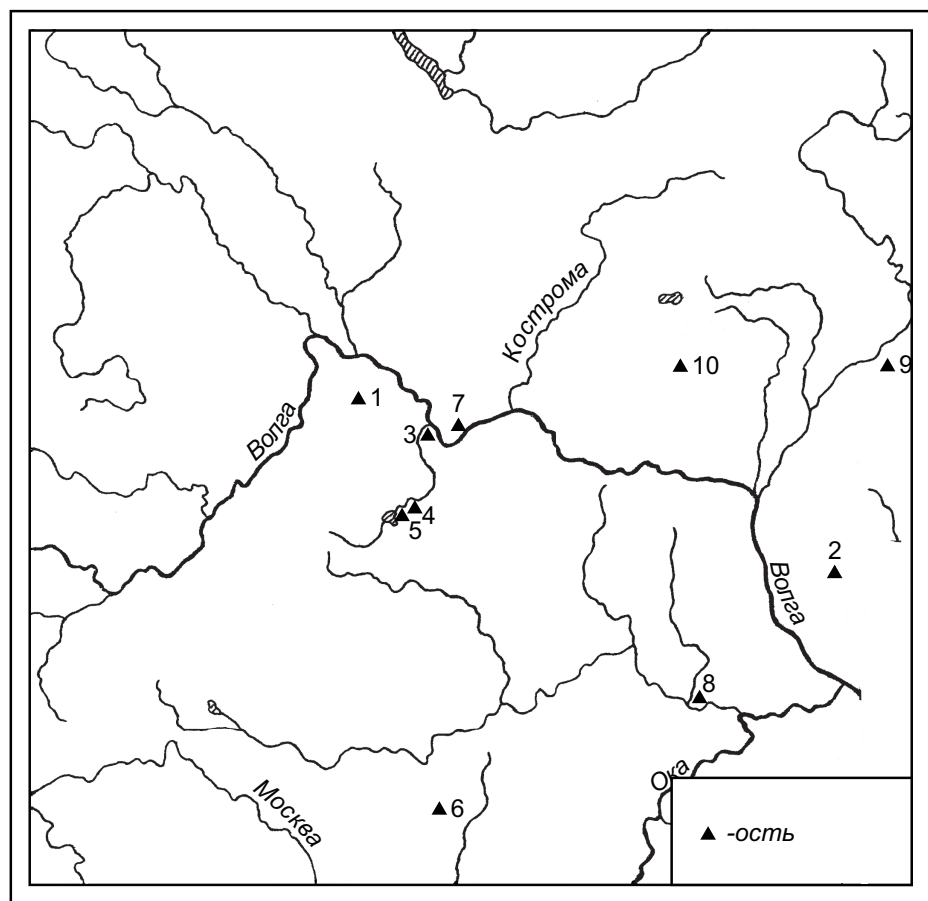
1. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Неро)	6. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Кишинское)	11. <i>Верекса</i> , р.	20. <i>На́докса</i> , р.
2. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Плещеево)	7. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Горинское)	12. <i>Во́рокса</i> , н. п.	21. <i>Подокса</i> , р.
3. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Галичское)	8. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Дорофеевское)	13. <i>Во́рокса</i> , р.	22. <i>Подыкса</i> , р.
4. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Чухломское)	9. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Токшинское)	14. <i>Выкса</i> , р.	23. <i>Салакса</i> , р.
5. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Зеркальное)	10. <i>Вёкса</i> , р. (сток оз. Молотовское)	15. <i>Гза</i> , р.	24. <i>Юндокса</i> , р.
		16. <i>Вёкса</i> , р.	25. <i>Ко́чекса</i> , р.
		17. <i>Керакса</i> , омут	26. <i>Мо́локса</i> , р.
		18. <i>Ковакса</i> , р.	27. <i>Пу́зокса</i> , р.
		19. <i>Молокса</i> , быв. оз., бол.	28. <i>Узокса</i> , р.

«Карта 9»
 «Папка № 1-осн. СТРС IV, л. 90»

**«Обозначения топонимов на карте
(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 27–28)»**

1. <i>Воехта</i> , н. п.	10. <i>Курохта</i> , оз.	19. <i>Солдобохоть</i> , р.	28. <i>Вóлмахта</i> , р.
2. <i>Воржсехоть</i> , р.	11. <i>Молохта</i> , р.	20. <i>Сонохта</i> , р.	29. <i>Кóлохта</i> , р.
3. <i>Выжегда</i> , р.	12. <i>Нерехта</i> , р.	21. <i>Сорохта</i> , н. п.	30. <i>Нерехта</i> , р.
4. <i>Гда</i> , р.	13. <i>Нерехта</i> , р.	22. <i>Судогда</i> , р.	31. <i>Нерехта</i> , р.
5. <i>Илмехта</i> , р.	14. <i>Песохоть</i> , р.	23. <i>Шибихта</i> , р.	32. <i>Печегда</i> , р.
6. <i>Ирехта</i> , р.	15. <i>Печегда</i> , р.	24. <i>Шижегда</i> , р.	33. <i>Серахта</i> , р.
7. <i>Ишмехта</i> , р.	16. <i>Печегда</i> , р.	25. <i>Шимахта</i> , р.	34. <i>Тóехта</i> , р.
8. <i>Кирехоть</i> , р.	17. <i>Пунтрохоть</i> , р.	26. <i>Порехть</i> , оз.	35. <i>Шóмохта</i> , р.
9. <i>Козохта</i> , н. п.	18. <i>Санахта</i> , р.	27. <i>Немахта</i> , оз.	36. <i>Норохта</i> , заводь

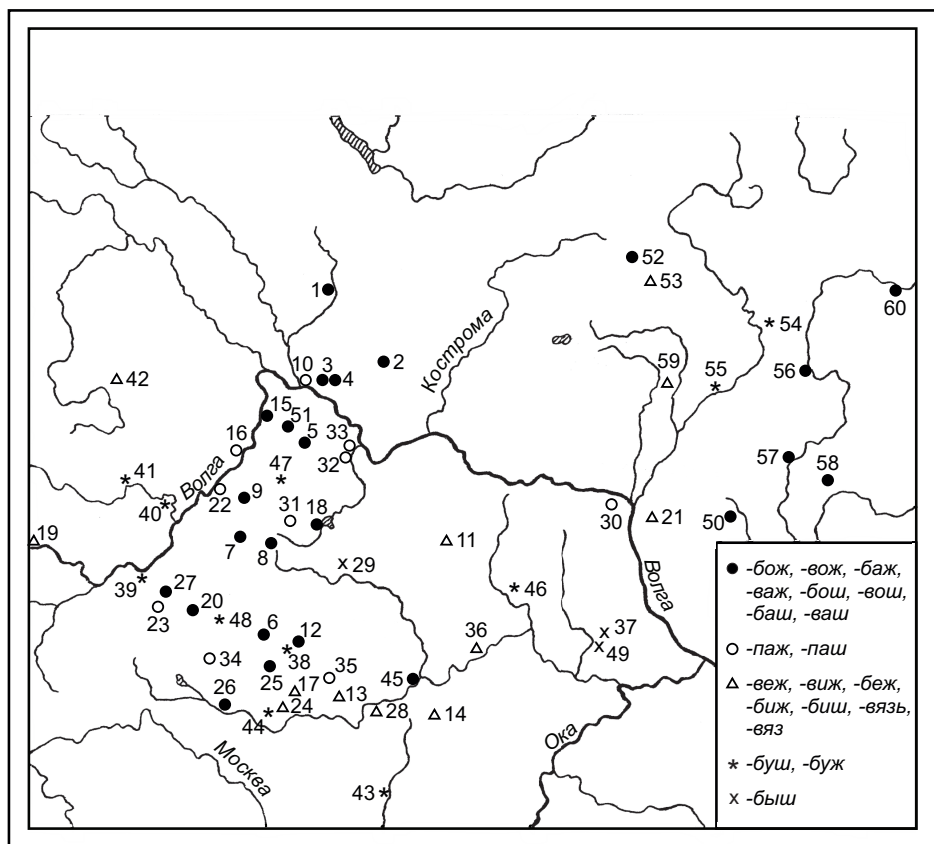
«Карта 10»
«Папка № 1-осн. СТРС IV, л. 91»

«Обозначения топонимов на карте

(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 29)»

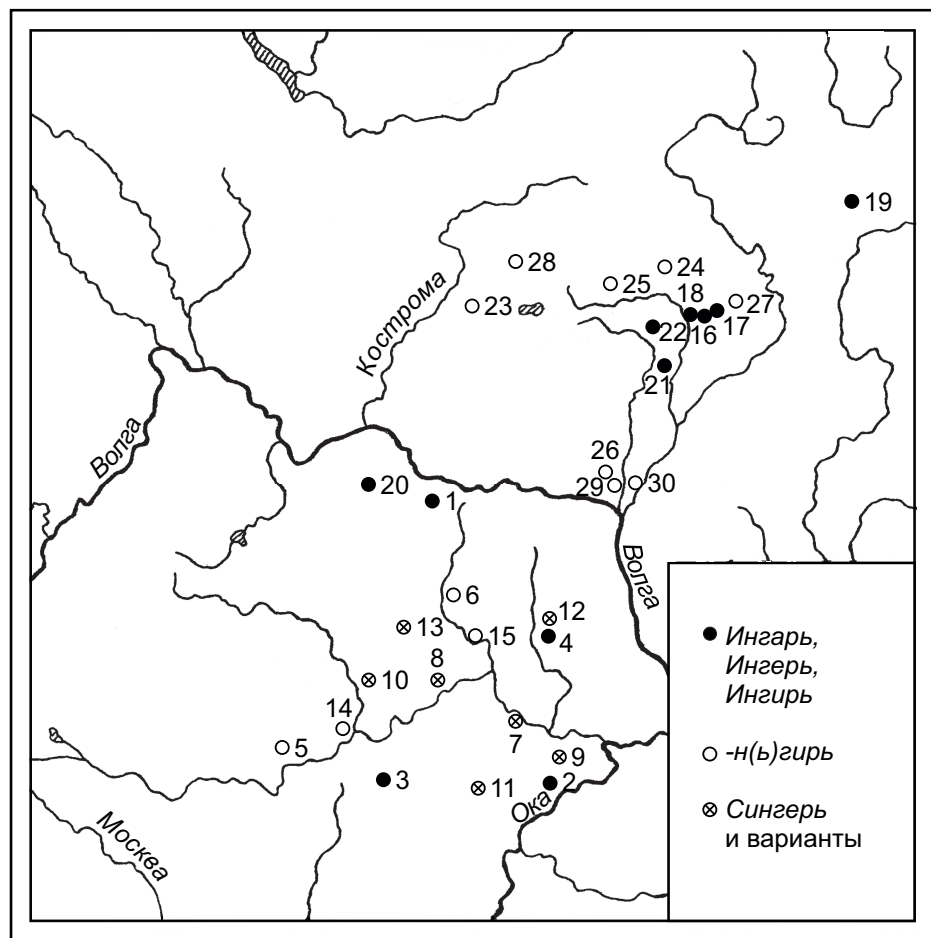
1. <i>Ахробость</i> , верховье р. Черемуха (обширные торфоразработки)	3. <i>Которость</i> , р.	7. <i>Шиголость</i> , р.	10. <i>Яхруст</i> (<i>Яхрусть</i>), р.
2. <i>Ведомость</i> , р.	4. <i>Лахость</i> , р.	8. <i>Салаусть</i> , оз. (<i>Сало</i> , оз.)	
	5. <i>Сулость</i> , н. п. и р. (?)	9. <i>Кóтрость</i> , р.	
	6. <i>Черусти</i> , н. п.		

«Карта 11»
 «Папка № 1-осн. СТРС IV, л. 101»

**«Обозначения топонимов на карте
(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 30–31)»**

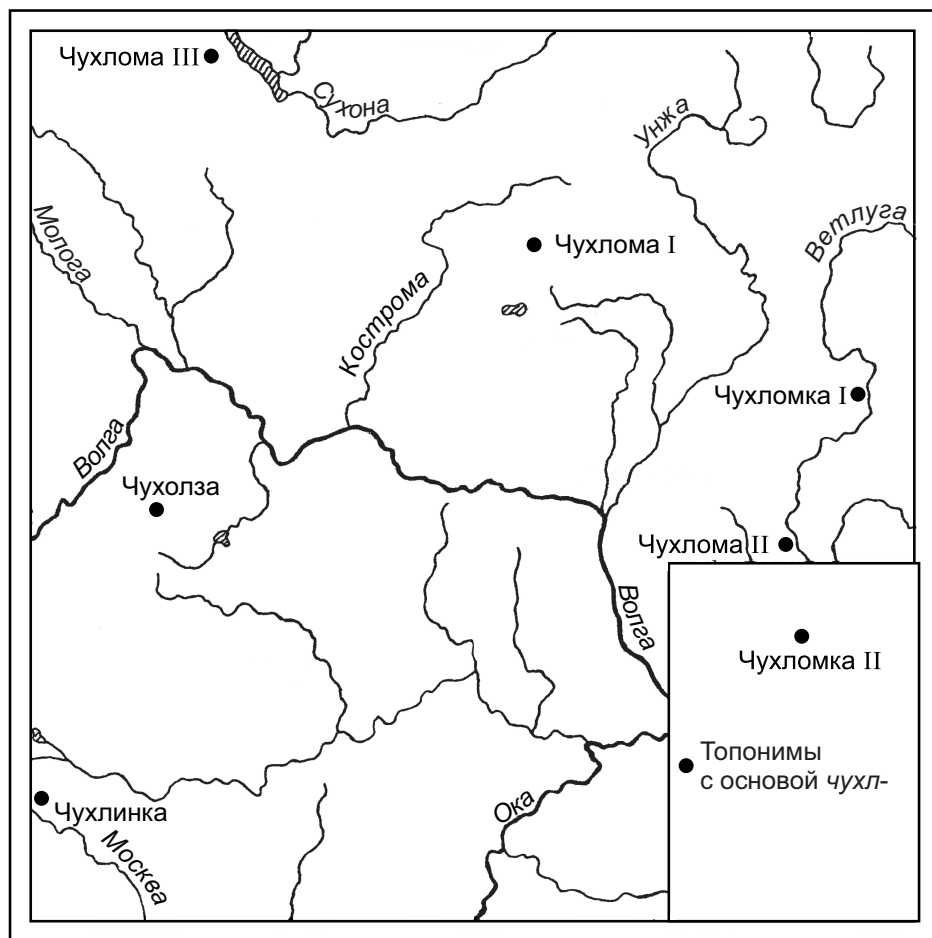
1. <i>Бож</i> , р.	17. <i>Кучебиж</i>	31. <i>Паж</i> I, р.	48. <i>Имбушка</i> II, р.
2. <i>Вож</i> I, р.	(<i>Кучебаж</i> , <i>Кучебаж</i> ,	32. <i>Паж</i> II, р.	49. <i>Комбыш</i> , ур.
3. <i>Вож</i> II, р.	<i>Кучебж</i>), р.	33. <i>Паж</i> III	50. <i>Белбаж</i> , р.
4. <i>Вож</i> III, р.	18. <i>Кучебож</i>	(<i>Паж</i> ица), р.	51. <i>Норбож</i> (<i>Норбаж</i> ,
5. <i>Вож</i> IV, р.	(<i>Кучебож</i>), р.	34. <i>Паж</i> IV, р.	<i>Нарбож</i> , <i>Нарбаж</i>), р.
6. <i>Бердобожка</i>	19. <i>Логовеж</i>	35. <i>Паж</i> V	(теперь р. <i>Мормушка</i>)
(<i>Пердобожка</i> ,	(<i>Логоваж</i>), р.	(<i>Паж</i> ица), р.	52. <i>Ворваж</i> , р.
<i>Елдобошь</i> ,	20. <i>Лухтобаж</i> , р.	36. <i>Винтовеж</i> , оз.	53. <i>Сивеж</i> , р.
<i>Ердобошка</i>), р.	21. <i>Мочевязь</i> , р.	37. <i>Сырбыш</i> , рч.	54. <i>Ухтубуж</i>
7. <i>Ворговаш</i> , р.	22. <i>Неропаж</i>	38. <i>Урубуйка</i>	(<i>Ухтобож</i>), д., вол.
8. <i>Егобож</i> , р.	(<i>Нъропаж</i> ,	(<i>Урбушка</i>), рч.	55. <i>Халбуж</i> , центр
9. <i>Инобож</i> , р.	<i>Неропаж</i>), р.	39. <i>Парсубуж</i> , рч.	прихода (<i>Халбужская</i> ,
10. <i>Инопаж</i> , р.	23. <i>Онтопаж</i> , луг	40. <i>Норбужье</i> , н. п.	рч.)
11. <i>Иновеж</i> , р.	24. <i>Пильбиж</i> , р.	41. <i>Озбуш</i> , пустошь	56. <i>Кербаш</i> , р.
12. <i>Инобошка</i> , р.	25. <i>Почебош</i> , р.	42. <i>Уйвежъ</i>	57. <i>Варваж</i> , р.
13. <i>Инобежска</i> , р.	26. <i>Рандобож</i> , р.	(<i>Уйвешъ</i>), р.	58. <i>Байбаш</i> , р.
14. <i>Иневиж</i> , р.	27. <i>Серебож</i> , с., вол.	43. <i>Буж</i> , р.	59. <i>Товяз</i> , р.
15. <i>Кибож</i> , р.	28. <i>Тонковижа</i>	44. <i>Гозьбуже</i> , оз.	60. <i>Варваж</i> , р.
16. <i>Коропаш</i> , вол.	(<i>Танковижа</i>), р.	(<i>Гось-Бужье</i> , бол.)	
	29. <i>Якобыш</i> , рч.	45. <i>Гуньбошь</i> , оз.	
	30. <i>Паж</i> , р.	46. <i>Неребужское</i> , оз.	
		47. <i>Имбушка</i> I, р.	

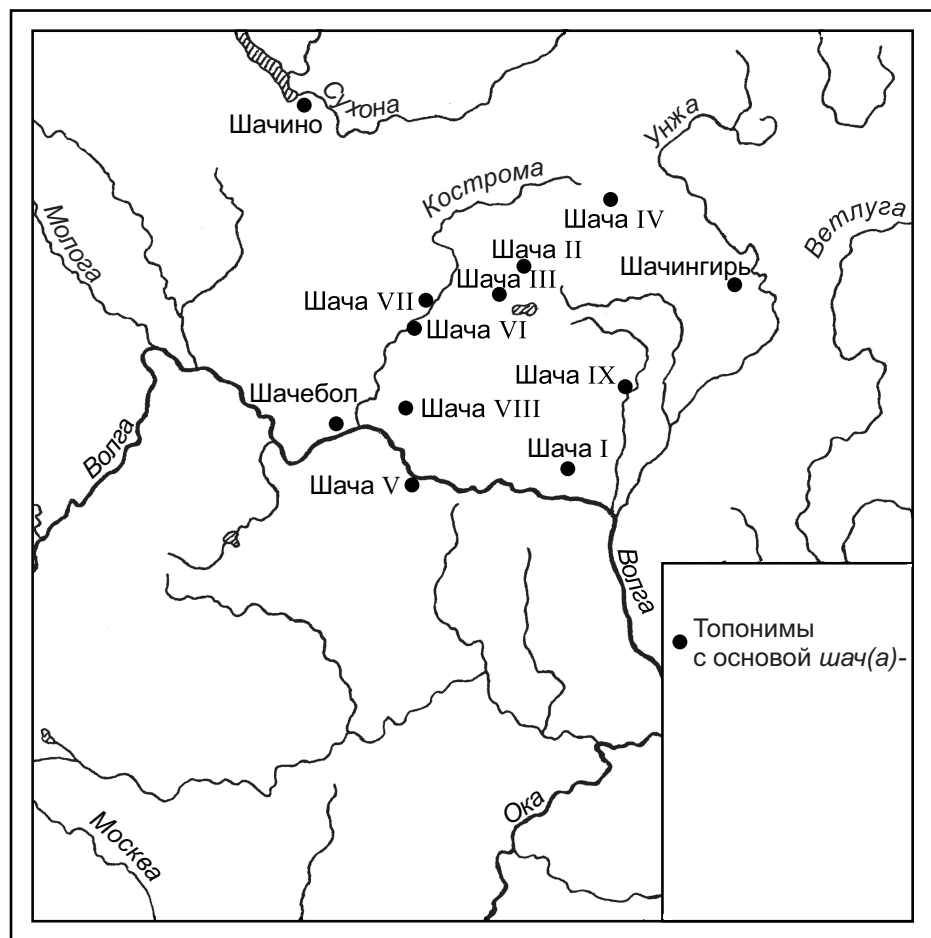
«Карта 12»
 «Папка № 1-осн. СТРС IV, л. 106»

**«Обозначения топонимов на карте
(папка № 4-осн. СТРС IV, л. 32)»**

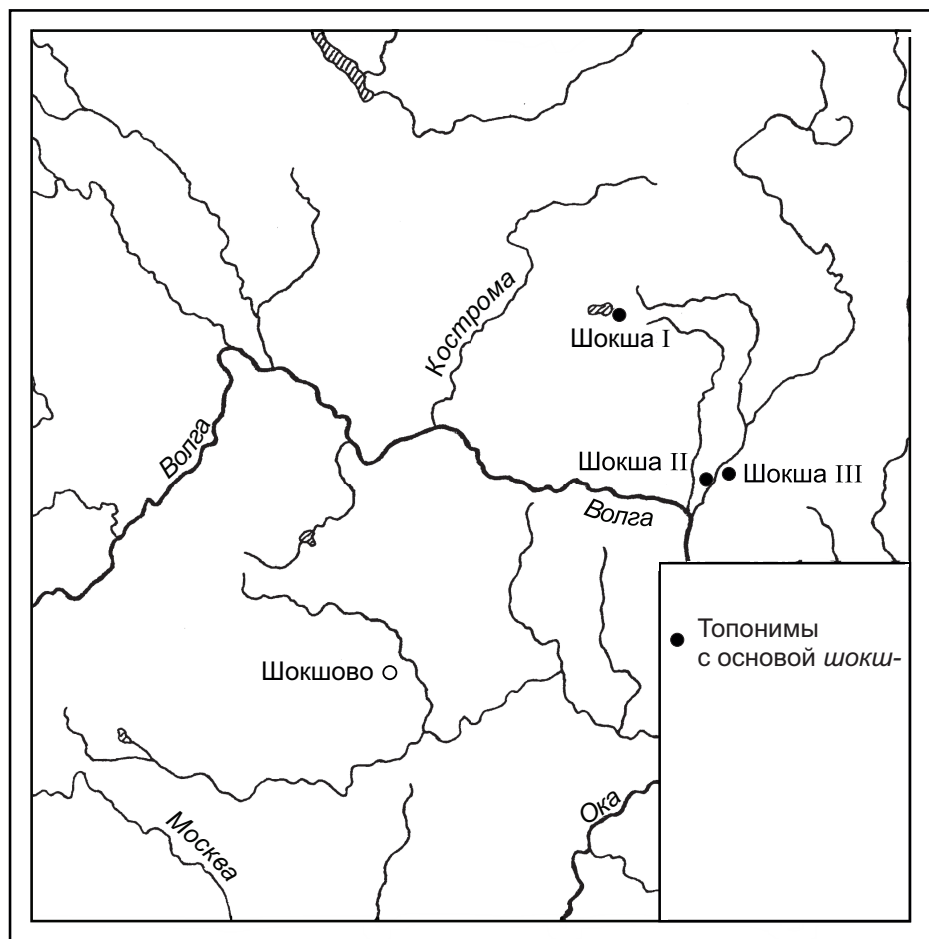
1. <i>Ингарь</i> , р.	10. <i>Синкерь</i> , р.	19. <i>Ингерь</i> (<i>Большой</i>	27. <i>Шачингирь</i>
2. <i>Ингирь</i> , р.	11. <i>Сингир</i> , р.	<i>Ингерь</i>), р.	(<i>Шаченгерь</i>), р.
3. <i>Ингирь</i> , р.	12. <i>Сингир</i> , р.	20. <i>Ингорь</i> , р.	28. <i>Шингирь</i>
4. <i>Ингирь</i> , р.	13. <i>Сингирей</i> , р.	21. <i>Ингирь</i> , р.	(<i>Шингерь</i>), р.
5. <i>Неньгирь</i> , р.	14. <i>Сунгирь</i> , р.	22. <i>Ингирь</i> , р.	29. <i>Пёченгирь</i>
6. <i>Вангирь</i> , бол.	15. <i>Унгер</i> (<i>Унгарь</i> ,	23. <i>Лынгирь</i>	(<i>Пёченьгирь</i>), р.
7. <i>Сингерь</i>	<i>Ундер</i>), р.	(<i>Лынгерь</i>), р.	30. <i>Лёвангирь</i>
(<i>Сингирь</i>), р.	16. <i>Ингирь</i>	24. <i>Пынгирь</i> , р.	(<i>Лёвенгирь</i>), р.
8. <i>Сингорь</i> , р.,	<i>Большой</i> , р.	25. <i>Пынгирь</i> , р.	
о. (леса?)	17. <i>Ингирь Малый</i> , р.	26. <i>Ухтынгирь</i> , р.	
9. <i>Сингер</i> ,	18. <i>Ингирь</i> , р.		
протока			
из озера			

«Карта 13»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 29а»

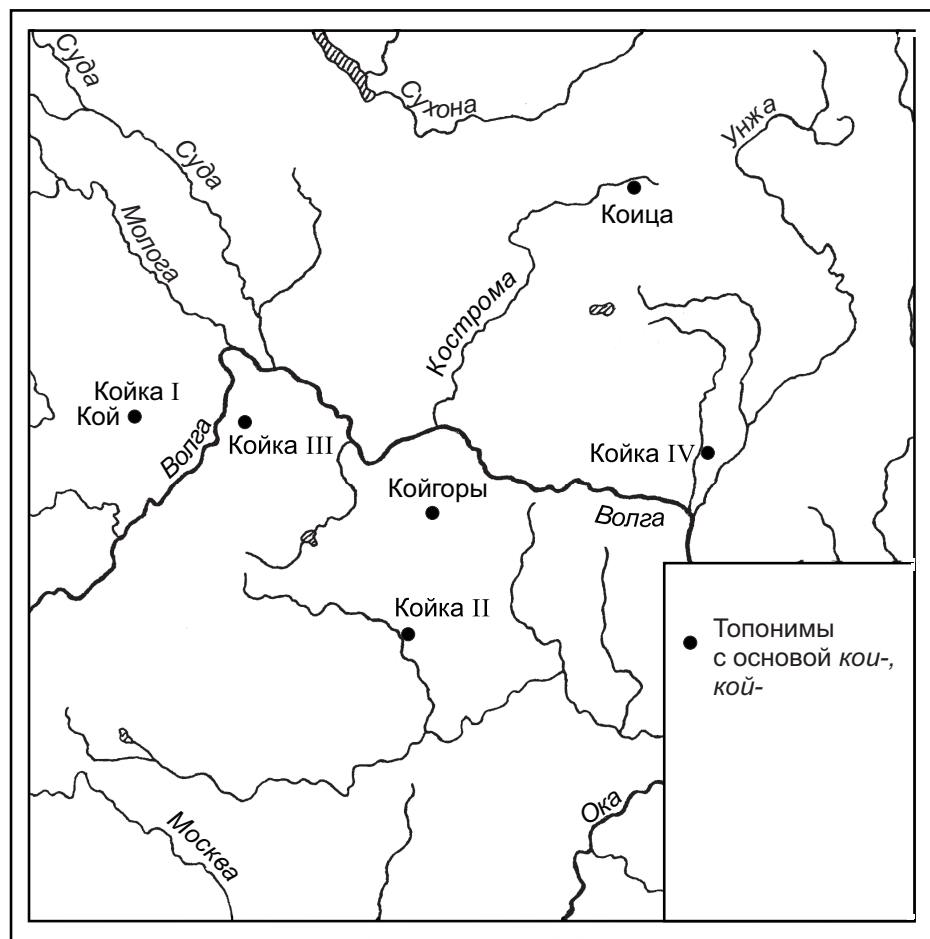

«Карта 14»
«Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 32а»

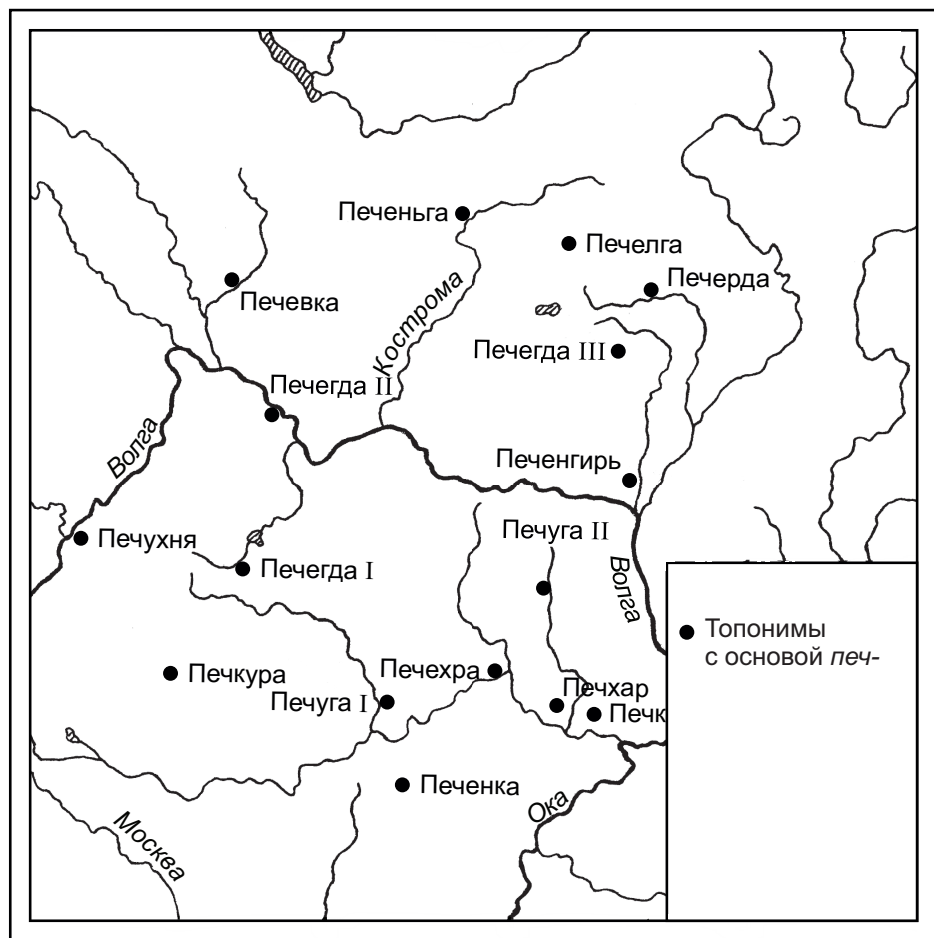

«Карта 15»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 34а»

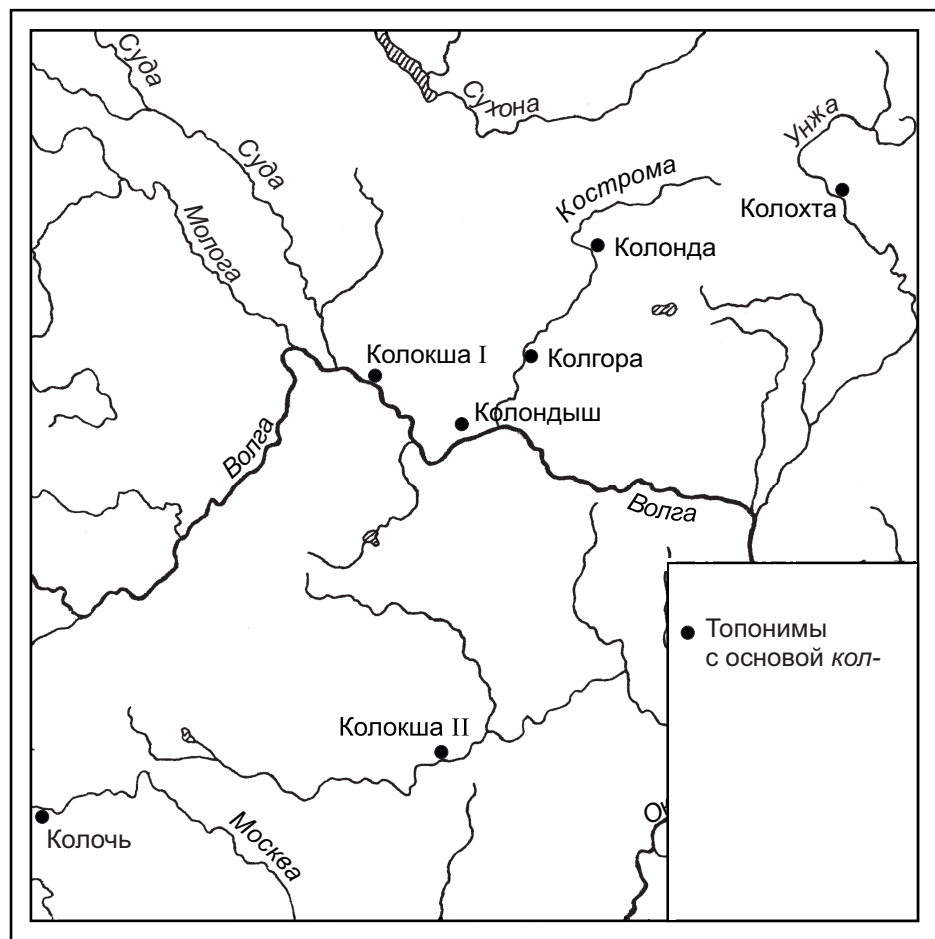

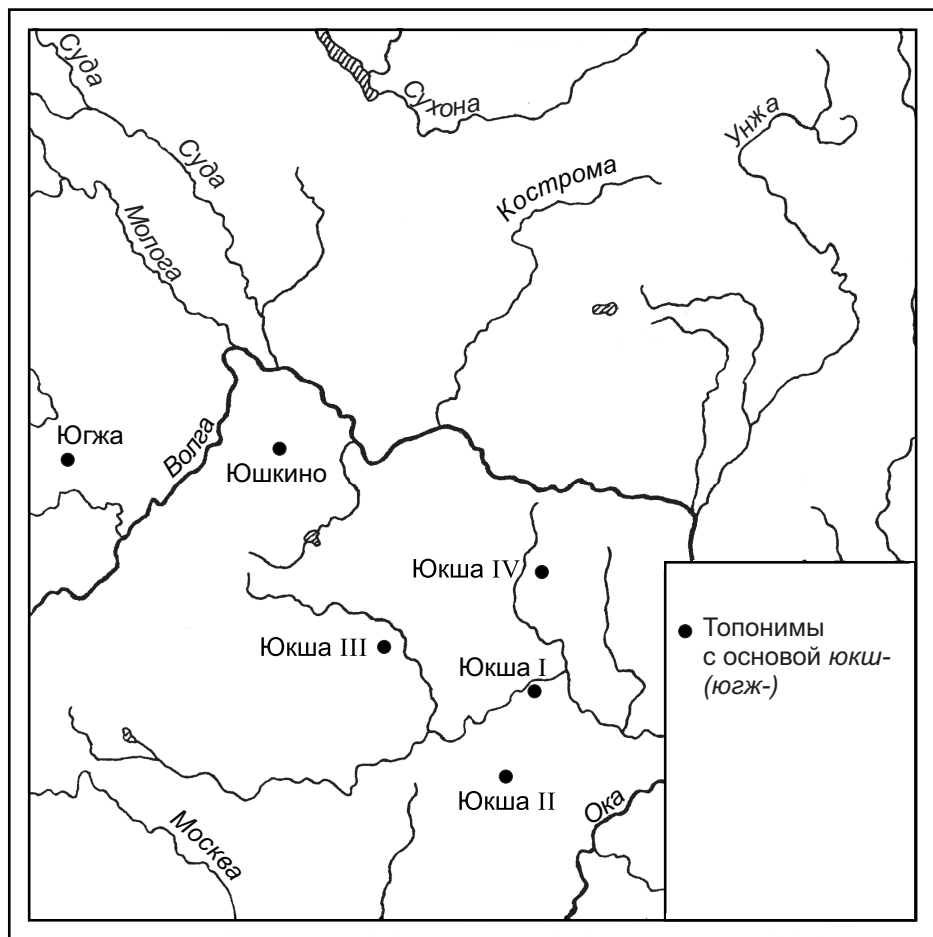
«Карта 16»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 37а»

«Карта 17»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 41а»

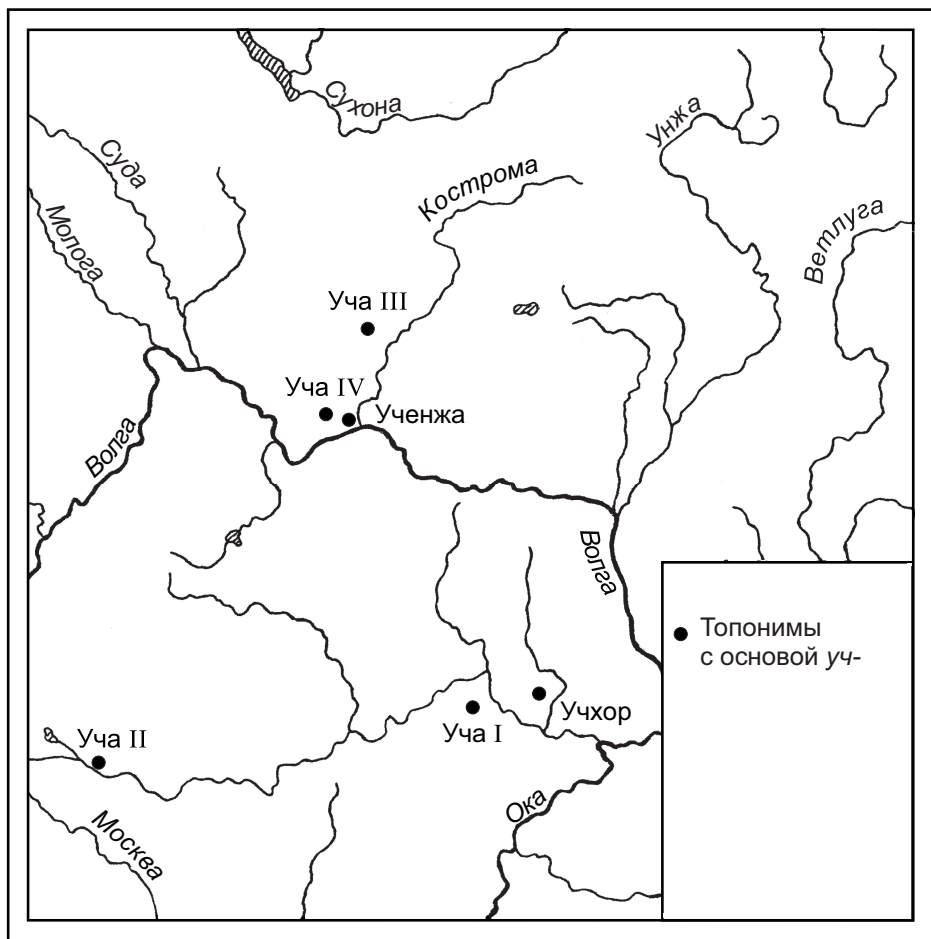

«Карта 18»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 54а»

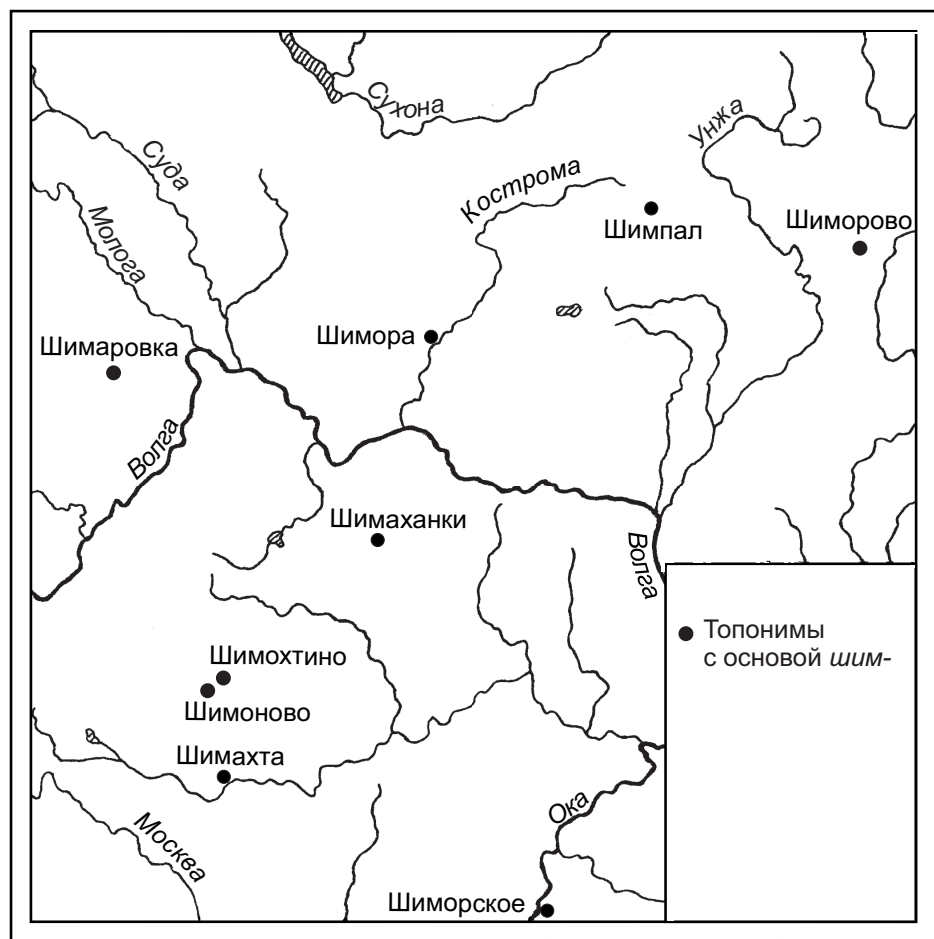
«Карта 19»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 68»

Римская нумерация топонимов приведена в соответствие с текстом словарной статьи «юкш-» в разделе 1.4.4. – *Сост.*

«Карта 20»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 148»

Римская нумерация топонимов приведена в соответствие с текстом словарной статьи «уч-» в разделе 1.4.7. – *Сост.*

«Карта 21»
 «Папка № 2-осн. СТРС IV, л. 154»

Указатель топонимов

А

Акиа, 96
Амстрадамово, 72
Андога, 60
Андозеро, 60
Андома, 71, 146
Андопал, 60
Арбужевесь, 44
Арполово, 64
Астрадамово, 72
Атебал, 176
Ахробость, 76, 109, 110, 114
Ашка, 189

Б

Байбаш, 122
Безберезье, 69
Безвершинный, 69
Бездонная Ляга, 69
Бездонное, 69
Бездонный, 69
Безрыбное, 69

Безрыбье, 69
Безымянная, 69
Безымянное, 69
Безымянный, 69
Белбаж, 122
Белебелка, 197
Бердобожка, 117
Березник, 158
Берекса, 99
Берекша, 99
Бечмерово, 231
Божя, 119, 131, 223
Бол. Кочихра, 194
Бол. Куча, 195
Большая Нерль, 47
Большая Юкша, 175
Большое Нефро, 144
Большой Кундыш, 185
Ботмерово, 230
Брембола, 56
Бужа, 117
Буй, 123

В

Вангирь, 123, 124
Ваненгарь, 124
Ванчуга, 131, 132
Ваньчуровка, 131
Варакша, 98
Варваж, 122
Варекша, 94
Вда, 106, 108
Ведомка, 68
Ведомость, 68, 109
Ведомиа, 68
Вежболовка, 60
Вежболово, 56, 59, 64
Вёкса, 100, 107, 108, 123, 132,
133
Вексенка, 100
Великое, 205
Вербиха, 164
Вергуза, 166
Верегжа, 103, 175
Верекса, 100
Верхние Куры, 83
Веска, 133
Вески, 133
Вижсекша, 94, 98, 133
Вижница, 133, 134
Виледь, 112
Винтовеж, 120, 121
Винчур, 134
Виргаз, 166
Виргасовка, 166
Виргуза, 166
Вихра, 73, 77, 78
Вичехра, 78

Вишкур, 82
Вишкура, 82
Водомерово, 230
Воехта, 102, 103
Вожа, 118, 119, 131, 223
Вожега, 123
Вожуга, 123, 131
Вознеболка, 56
Возобол, 56
Возоболь, 56, 57, 91
Возопол, 56
Возополь, 56
Войхра, 78
Вокша, 98, 99, 181
Вокшевка, 181
Вокшево, 181
Вокшевская речка, 181
Вокшеданка, 181
Вокшенная, 181
Вокшер, 181
Вокшера, 181
Вокшерино, 181
Вокшерка, 181
Вокшинка, 99, 181
Вокшино, 181
Волга, 190
Волгарица, 190
Волгасиха, 190
Волгино, 190
Волгуша, 190
Волмахта, 103
Вологда, 106
Волокиа, 97
Вонд, 156
Вондега, 156
Вондель, 156

Вондина, 156
Вондога, 88, 156
Вондух, 82, 156
Вондыга, 87, 88, 156
Вондюха, 90
Вонюх, 92
Ворваж, 122
Ворговаш, 117
Воржегод, 103
Воржеготь, 103
Воржехоть, 103, 105
Вороболово, 56
Ворокса, 100, 112, 114
Воскураш, 82, 84
Востракса, 94
Вотченжа, 190
Вохро, 77, 79
Вохрыч, 73, 79
Вохтенка, 105
Вохтома, 105
Воча, 190
Вочема, 190
Воченжа, 190
Вочехро, 73, 77, 79, 190
Вочка, 190
Вочь, 190
Выболово, 64
Выжега, 133
Выжегда, 103, 105, 133
Выжегша, 133
Выкса, 93, 100, 133
Выхрица, 73, 79
Вычегда, 102, 103, 106, 134
Вышехро, 77, 79

Г

Галивон, 142
Галич, 142
Галичская (Слезливая) гора, 151
Гда, 103, 104, 106, 107, 108, 223
Гдов, 108
Гза, 97, 100, 103, 108
Гозьбуژه, 117
Горка, 151

Д

Дёбол, 62
Дёбола, 62
Дёболо, 62
Деболово, 62
Дёболово, 62
Деболовское, 61
Дёболы, 56, 62
Долго, 142

Е

Ега, 223
Ёга, 87, 223
Егобож, 88, 117, 119
Егобыжа, 119
Егорьевская Тюньба, 148
Едомша, 68
Едьма, 218, 236
Екса, 97
Еленьга, 112
Елюшка, 90
Ерболово, 57

Ж

Жидомерка, 230
Жирдома, 66

З

Завохранец, 78
Заохтенка, 105

И

Ивушка, 164
Игобла, 166
Игобола, 56, 60, 166, 167
Игов, 166
Игодово, 166
Игошма, 166, 167
Идьма, 218, 236
Изиморка, 176
Изина, 176
Изино, 176
Изоха, 176
Изохоть, 102, 104, 176
Изохта, 104, 176
Изурка, 176
Икса, 97, 108
Икша, 95, 96, 97, 98, 99, 100,
105, 108, 133
Илевна, 190
Иледам, 65, 66, 68, 191
Иледом, 191
Илезем, 191
Илезом, 191
Илекса, 94, 95
Илема, 191
Илемас, 191

Илеменка, 190
Илемка, 190
Илемна, 191
Илемны, 190
Иленда, 191
Илес, 95
Илешево, 191
Илеш-кукмарь, 191
Илимдиг, 191
Илинда, 191
Илмехотцкий стан, 191
Илмехта, 191
Илышево, 191
Ильдомское, 65, 66
Ильма, 191
Йльматица, 191
Ильмахта, 191
Ильмеж, 191
Ильмеза, 191
Ильмеш, 191
Ильмис, 191
Йльмович, 192
Ильмохта, 191
Ингарь, 123
Ингерь, 124
Ингирь, 123, 124, 125, 126, 127,
134, 223, 224
Ингорь, 124
Инебежска, 120
Иневезж, 120, 121, 191
Иневезжа, 191
Иневезжска, 191
Иневиж, 120, 191
Инега, 192
Инежска, 192
Иней, 140, 192, 212

Инекиша, 99
Инероч, 192
Инеры, 140
Инеул, 192
Инеулское устье, 192
Инзахта, 104
Инивежска, 192
Инивишка, 191
Инобаж, 192
Инобаж I, 192
Инобаж II, 192
Инобежска, 192
Инобешка, 192
Инобож, 117, 121, 141, 192
Инобожска, 192
Инобожсь, 192
Инобол, 57, 192
Инобольская Гора, 192
Инобошка, 192
Иноваж, 140
Инокша, 94, 99, 140, 141, 192
Инопаж, 121, 192
Инопажсь, 192
Инопаш, 192, 193
Инохра, 73, 79, 80, 140, 144, 192
Инохта, 140
Иноча, 192
Иночь, 140, 192
Инюха, 140
Ирдом, 72
Ирекша, 98, 108
Ирмарь, 44
Ирыкша, 98, 108
Исихра, 79
Исколдом, 72, 168
Исколдома, 68

Истомка, 72
Ихмарь, 54
Ихта, 105

К

Казакова Тумба, 148
Каменка, 60, 135
Картополово, 57
Ка(р)чководом, 65
Каскура, 83
Качелка, 193
Качкар, 193
Качкур, 82, 193
Качма, 193
Качуг, 193
Качхра, 79, 193
Керакса, 100
Кербаиш, 122
Керость, 114
Кеиштома, 66, 68
Кза, 97
Кибож, 117, 134, 135
Кибол, 134, 135
Киболо, 56, 60, 61, 64
Кивехро, 79, 134, 135
Кивочурский стан, 134
Кидекиша, 94, 97, 134, 135
Кинела, 156
Кинешемка, 156
Кинешма, 156
Кинобол, 56, 64, 156
Киновица, 156
Киновка, 156
Кирехоть, 103
Кистега, 89, 162
Киучер, 134, 135

Киучерка, 134
Кобыльё, 46
Когаша, 158
Коги, 158
Кожинка, 157
Кожовка, 157
Кожучка, 157
Коза, 157
Козинка, 157
Козица, 157
Козлаковка, 157
Козленево, 157
Козленец, 157
Кой, 158
Койгоры, 158
Койка I, 158
Койка II, 158
Койка III, 158
Койка IV, 158
Коица, 158
Кóкиль, 193
Кóклаж, 193
Колгора, 167
Колда, 71
Колдай, 71
Колдов, 71
Колдозеро, 71
Колдокурья, 71
Колдома, 68, 70, 71, 72, 168
Колдомка, 71
Колдомский, 71
Колдомское, 71
Колдручей, 71
Колдюга, 71
Кóлогорье, 84
Колокша, 94, 95, 98, 167

Колокша I, 167
Колокша II, 167, 118
Колонда, 167
Колондыш, 167
Колохта, 103, 167
Колочка, 167
Колочь, 167
Коль, 168
Кольдема, 68, 70, 71
Колюга, 168, 233
Комбыш, 119, 121
Конгора, 82, 84
Кóндиевы Нóги, 185
Кóндоба, 185
Кондома, 185
Кондурка, 185
Конногорь, 84, 85
Контёевка, 185
Контееево, 185
Контиеево, 185
Контюг, 185
Конхро, 79
Коньтеево, 185
Кора, 84, 85
Корама, 84
Кораи, 84
Кордоболь, 57
Корега, 84, 85
Кореж, 84
Кореш, 84
Корнатъ, 136
Корнега, 136
Корнеж, 136
Корнежок, 136
Коропаш, 121
Корыпалово, 64

Корья, 83
Корюга, 84, 85
Косковская Курденьга, 210
Костаново, 209
Костишка, 210
Костобал, 210
Костобалка, 210
Костоболка, 210
Костома, 210
Котлас, 193
Котлино, 193
Котляж, 193
Котлянка, 193
Котокиша, 94
Которкс, 182
Которово, 182
Которосль, 182, 231, 232
Которость, 109, 110, 114, 182,
231, 232
Которось, 182, 231, 232
Котракс, 182
Котрас, 109, 182, 231, 232
Котраха, 182
Котрость, 109, 110
Кóтрость, 182
Котрохово, 182
Кóхлово, 194
Коча, 194
Кочáра, 194
Кочеварты, 194
Кочекоря, 82, 194
Кóчекса, 194
Кочема, 194
Кочемары, 194
Кочемли, 194
Кочемль, 194

Кочера, 194
Кочéра, 194
Кочериха, 194
Кочехоро, 73, 77, 79, 194
Кочино, 194
Кочихра, 79, 194
Кочкорово, 194
Кочкуррово, 194
Кочкуши, 194
Кочорский, 194
Кóчуга, 194
Кочúра, 194
Кочуры, 194
Кошкодамово, 72
Ксегжа, 103
Кúданга, 183
Куданово, 183
Кудасна, 183
Кудашиа, 182
Кудашиха, 182
Кудма, 183
Кудоша, 182
Кудьма, 183
Кудянка, 183
Куккиша, 94, 95, 98, 158
Кужбал, 57, 58, 61, 157
Кужсехта, 104
Кужлево, 157
Куза, 157
Куземка, 157
Кукмарь, 44
Кукса, 195
Куксенки, 195
Куксóво, 17, 196
Кукиша, 196
Кукишево, 16, 196

Кўкиши, 17, 196
Кукишин, 196
Кукишинга, 16, 196
Кунадавник, 184
Кунда́ковка, 183
Кунда, 183
Кундала, 185
Қундйловка, 183
Кундоболка, 64, 154, 185
Кундола, 185
Кундыла, 183
Қунды́лка, 183
Қунды́ловка, 183
Кунды́нка, 183
Кундыш, 185
Кундышева Поляна, 184
Куненьгарь, 124
Кунйдовка, 183
Кунйловка, 183
Қуны́довка, 183
Қуны́герь, 124
Кура, 83, 223
Кураш, 84
Курга, 83, 85
Курдеево, 210
Қурделево, 210
Қурденьга, 210, 235
Қурдобалово, 56, 210
Қурдобово, 210
Қурдома, 72, 210
Қурдубово, 210
Қурдумово, 210
Қурдюга, 210
Қурдюм, 210
Қурка, 83
Қуро, 83

Куровка, 84
Курово, 84
Қурумза, 84
Қурухта, 84, 104
Қуручина, 84
Курта, 210
Қуртасово, 210
Қуртюга, 210
Қусца, 157
Қусь, 157
Қуткабала, 168
Қутко, 168
Қуткобал, 56, 60
Қутъма, 182
Қуфтига, 87
Қухмарь, 54
Қучебаж, 119, 120, 195
Қучебажа, 119, 195
Қучебжа, 119, 120, 195
Қучебиж, 119, 120
Қучебир, 195
Қучебиш, 195
Қучебишь, 195
Қучебож, 117
Қучебожа, 195
Қучебожь, 195
Қучегорь, 82, 195
Қучема, 195
Қученево, 195
Қучепалда, 145
Қучерба, 195
Қучерга, 195
Қучерпага, 195
Қучерское, 195
Қучеры, 195
Қучинка, 195

Кучка, 195
Кучково Поле, 195
Кша, 97

Л

Лакша, 137
Ламхоро, 77, 79
Ламхра, 79
Ландех, 82
Ландих, 90
Лапанда, 136
Лапка, 136
Лаповица, 136
Латыгор, 82
Лахость, 109, 110, 114
Лебакша, 94, 98, 196
Лебышна, 196
Лёв, 196
Левангирь, 124, 127, 196
Леведянка, 196
Левезж, 196
Левенда, 196
Левжа, 196
Левкуша, 196
Левож, 196
Левонька, 196
Лёвский, 196
Лежа, 66, 69
Леждом, 67, 69
Лёля, 158
Лемешок, 90
Лехоть, 104
Лехта, 104
Ликурга, 85
Липня, 158
Лиходомово, 66, 67
Логовеж, 119, 120
Логовяж, 120
Локсимер, 136
Локсица, 44, 136
Локсомерь, 44, 136, 137, 230
Локсянка, 136
Локиша, 137
Локишино, 137
Локишинский, 137
Локъсомерь, 136
Лондога, 137
Лондушка, 137
Лоходомово, 66
Лохтома, 71
Лубянка, 162
Луйка, 169
Луковесь, 44
Лумарь, 44
Лупанда, 185
Лупачево, 185
Луполово, 185
Лүпсарь, 186
Лух, 87, 223
Лухтобажа, 117, 121
Лухтопажа, 117
Луя, 169
Лынгирь, 124, 127, 169
Люлех, 158
Люлих, 82
Люлих I, 158
Люлих II, 158
Люлишка, 158
Ляжмарь, 44

М

Маймеры, 229, 230

Мал. Кочихра, 194
Малая Юкша, 175
Малое Нефро, 143, 144
Мамокиша, 94, 98
Махра, 73, 77, 78, 79, 80
Мачевка, 186
Мачево, 186
Мачерка, 186
Мáчино, 186
Мачóво, 186
Медвежий Угол, 48
Мелша, 212
Мерга, 169
Мергас, 169
Мергель, 169
Мергуша, 169
Мериново, 45, 46
Мериньё, 46
Мерлекуры, 83
Мермерины, 230
Мерская, 138
Мерские станы, 45
Мерский стан, 46, 47
Мерско, 46
Мерское, 138
Мерское болото, 46
Мерицины, 50
Мер(ь)ская, 47
Меря, 44
Мирон, 138, 142
Мирские камни, 49
Моластуха, 210
Молахча, 210
Молога, 89, 211
Мологжа, 175
Мологоца, 211

Молодань, 211
Молодая Меря, 167
Молокса, 100, 115, 211
Молокча, 211
Молокиша, 94, 98, 100, 115, 211
Молома, 211
Молондайка, 211
Молохта, 103, 115, 211
Мондур, 186
Монепелды, 219
Мормуж, 121
Мормушка, 121
Моториха, 196
Мотра, 196, 197
Мотря, 197
Моцкое, 196
Моча, 120, 122
Мочевязь, 120, 122
Мста, 108
Мстера, 107, 228, 237
Муздалемское, 161
Мунамарь, 44
Мундовка, 186
Мундор-Заболото, 186
Му́ндорово, 186
Мундыр, 184
Мундырь, 186
Мурма, 176
Мурмаж, 176, 177
Мурмиш, 176
Мурмога, 177
Мурмож, 177
Му́рмош, 177
Мурмышка, 177
Муром, 177
Муромец, 177

Муромка, 177
Муромка Мал., 177
Муромское, 177
Мурхма, 176
Мучаж, 197
Мушпол, 186

Н

Надокса, 100
Нелка, 211
Нельша, 16, 76, 211, 212
Нельшенка, 211
Неляй, 140
Немдохта, 104
Нендохта, 104
Ненокса, 112
Неньгирь, 123, 124, 187
Нераж, 138
Нерга, 169
Нергель, 169
Неребужское, 121, 138
Нерег, 138
Нересль, 138
Нерехотицкое, 104
Нерехотские Соли, 104
Нерехта, 103, 104, 115, 138, 143
Нерехта I, 143
Нерехта II, 143
Нерехта III, 143
Нерехта IV, 143
Нерехть, 104
Нерль, 47, 138, 142, 144
Неро, 121, 138, 139, 140, 141, 142, 144
Неро (Ростовское), 138
Нерон, 138, 142, 143

Нерон (Мирон), 138
Нероново, 138
Неропажа, 121
Нѣропажа, 121, 138
Нерская, 47, 138
Нерский стан, 47
Нерское, 47, 138
Нефр, 77, 143
Нефра, 79, 140, 143, 144, 211
Нефро, 79, 140, 141, 143, 144, 211
Нефро Большое, 143
Нефро Малое, 143
Нехра, 143, 144
Нехро, 141
Нечихра, 79
Нея, 16, 76, 144, 211, 212
Нея I, 211
Нея II, 211
Никурга, 85, 187
Новоселки Нерлские, 47
Новоселки Нерльские, 47
Новоселки Нерские, 47
Ножега, 88
Ножига, 88
Норбаж, 121
Норбож, 121
Норбужье, 117
Норохта, 103
Нуж, 169
Нужная, 169
Нушпала, 56, 58, 169
Нушпола, 56, 58, 169
Нушполка, 58, 169
Нушполо, 56, 58, 61
Нушполы, 56, 58, 169

Нюрюг, 92

О

Обнора, 65

Обухоть, 102, 104

Озбуш, 117

Окса, 113

Окиша, 96, 113

Онега, 61

Онего, 61, 142

Онтопаж, 121

Офимина Шохра, 147

Охта, 107, 108, 113

Охтанка, 105, 107

Охтенка, 105

Охтома, 71

Ошма, 197

Ошмара, 177

П

Павловская Тюньба, 148

Падокша, 99

Паж, 120, 121

Пажа, 120

Палдома, 145, 146

Палд-ручей, 145

Палех, 90

Палешка, 90

Палтамское, 145, 146

Парсубуж, 117

Патра, 177

Патрабольская, 177

Патрина Продуха, 177

Патробал, 56, 58, 177

Пачебол, 60

Пачеболка, 60

Пежа, 172

Пежел, 160, 161, 172

Пеженга, 172

Пеженец, 172

Пеза, 172

Пезобал, 57, 58, 172

Пезуха, 172

Пекишево, 197

Пекша, 159

Пекша I, 158

Пекша II, 159

Пекша III, 159

Пелегда, 197

Пелегова, 197

Пелегово, 197

Пеленга, 197

Пеленда, 197

Пелехта, 104, 197

Пелиговка, 197

Пелька, 197

Пеля, 197

Пелягинец, 197

Пелягинский, 197

Пелягинцы, 197

Пенаус, 198

Пенегово, 198

Пених Бол., 198

Пених Мал., 198

Пенка, 198

Пенома, 198

Пенуха, 198

Пенька, 198

Пенюг Бол., 198

Пенюг Мал., 198

Пенюх, 90, 198

Пенюх Бол., 198
Пенюх Мал., 198
Пенякша, 98, 198
Перта, 71
Пертема, 71
Пертнаволох, 71
Пертова, 71
Пертозеро, 71
Пертома, 68, 71
Пертоя, 71
Пертручей, 71
Пертуга, 71
Пертюг, 71
Пес-еденьга, 199
Песколдыш, 199
Пёскуш, 199
Пёсома, 199
Песохоть, 103, 105, 199
Песта, 161
Пестеньга, 161
Пестенька, 161, 162
Пестовка, 161, 162
Пестуш, 161, 162
Песья Деньга, 235
Печевка, 159
Печегда, 102, 103, 104, 105, 106,
115, 126, 159
Печегда I, 159, 160
Печегда II, 159, 160
Печегда III, 159, 160
Печелга, 159, 160
Печелда, 159, 160
Печелка, 159, 160
Печенгирь, 124, 126, 127, 159,
160, 173
Печенка, 160

Печеньгирь, 159
Печерда, 159, 160
Печехотцкое, 104
Печехоцкое, 159
Печехра, 77, 79, 159, 160
Печехта, 104, 105, 159, 160
Печкур, 82, 159, 160
Печкура, 82, 159, 160
Печуга, 89, 159
Печуга I, 159, 160
Печуга II, 159, 160
Печухня, 159, 160
Печухта, 102, 104, 108, 159, 160
Печхало, 77, 79, 159, 160
Печхар, 77, 79, 159, 160
Пешипарт, 172, 188
Пига, 173
Пи́галиш, 173
Пиги, 173
Пиголеш, 173
Пиголоса, 173
Пижмарь, 44
Пиздома, 161
Пизлеево, 160, 161
Пилес, 198
Пилига, 198
Пили́говка, 197
Пилис, 198
Пильбиж, 120, 198
Пилюг, 198
Пилюжок, 198
Пилягинцы, 197
Пинегга, 61
Пинегь, 61
Пинеж Бол., 198
Пинор, 198

Пинюг, 198
Пинюг Бол., 198
Пинюг Мал., 198
Пинюга, 198
Пинюжка, 198
Пинюжок Мал., 199
Пиняш, 199
Писарь, 199
Писеваж, 199
Пистега, 161, 162
Пистома, 161
Пистяки, 161, 162
Писурь, 199
Писюрь, 199
Пічево, 199
Пічеж, 199
Пиченбал, 64, 154
Пичесь, 199
Пичингуши, 199
Пичкиха, 199
Пичкура, 199
Пичуг, 199
Пичуга, 89, 199
Пичужа, 199
Пищур, 199
Платуновская Тюньба, 148
Под Тюньбами, 148
Пода, 187
Подакша, 98, 100, 187
Пóданжа, 187
Подмаж, 187
Подокса, 100, 187
Подоксты, 187
Подом, 187
Подонжа, 187
Подыкса, 100, 187

Покиа, 199, 200
Пóнга, 187
Понехра, 77, 79
Поныхарь, 77, 79
Порда, 188
Пордох, 188
Порехть, 103
Порнега, 188
Порныш, 188
Порнышиха, 188
Порогжа, 175
Портюг, 187
Портюг(а), 187
Потозеро, 70
Почебош, 117, 173
Поченгирт, 124, 127, 173
Почепалово, 56, 58, 173
Пошагорь, 82, 83
Пошехонье, 165
Пужбал, 189
Пужбол, 189
Пужболо, 56, 60, 61
Пузехра, 73, 77, 79
Пулохма, 200
Пулохна, 200
Пулохня, 200
Пумарь, 44
Пунтрохоть, 103
Пура, 200
Пурежжа, 200
Пурех, 200
Пурешек, 200
Пурешка, 200
Пурешок, 200
Пурка, 200
Пурновка, 188

Пурново, 188
Пурхале, 200
Пурхало, 77, 79, 200
Пурхаре, 200
Пурхаро, 77, 79
Пурхма, 200
Пурхомской, 200
Пурьяш, 200
Пурьяшка, 200
Пуряма, 200
Пустая, 69
Пустое, 69
Пустой, 69
Пустые, 69
Пучега, 174
Пучеж, 173, 174
Пучуга, 174
Пушпол, 56, 57, 189
Пынгирка, 174
Пынгирь, 124, 127, 174
Пыполово, 56
Пы́рнуг, 188
Пышей, 189

Р

Рака, 59, 213
Ракобол, 212
Ра́коболо, 56
Ракоболь, 56, 212
Ракола, 212
Ракула, 212
Ракульское, 212
Ра́куні́ха, 212
Ракуша, 212
Рандобож, 117
Рі́мгурье, 84

Ростов, 63
Ружбал, 57, 58, 60, 61, 177, 178
Рухтома, 71
Руша, 177, 178
Рушеягръ, 78
Рушиново, 178
Рыбинск, 168
Рыбная, 70
Рыбная Слобода, 168
Рыбница, 68, 70

С

Салаусть, 109
Сало, 109
Санохта, 104
Санхар, 79
Санчур, 134
Сара, 106, 107
Сасох, 93
Сахотское, 146
Сахта, 146
Сахтусское, 146
Сахтыш, 146
Сахтышское, 146
Саях, 93
Святица, 162
Сегжа, 174
Сезехра, 79
Сезух, 93
Секша, 174
Селекша, 162
Селенга, 162
Селехра, 79, 162
Селихра, 79, 162
Семахар, 77, 79
Семахро, 77, 79

Семига, 87, 208
Сенга, 214
Сенгилей, 214
Сенгилейка, 214
Сенег, 214
Сенеж, 214
Сенежское, 214
Сеньга, 214
Серахта, 103
Сердых, 93
Серебрянка, 128
Серзых, 93
Серобож, 117
Серокша, 94
Сибол, 57
Сивеж, 122
Сим'ушинка, 209
Сима, 208
Симанга, 208
Симатово, 209
Симачиха, 208
Симига, 208
Симизинская, 208
Симинка, 208
Симка, 208
Сингер, 124
Сингер(ь), 128
Сингерь, 124
Сингир, 124
Сингирей, 124
Сингирь, 124
Сингорь, 124
Синеба, 201
Синжан, 178
Синжаны, 178, 234
Синига, 201

Синие камни, 49, 51
Синий камень, 50, 51
Синишка, 201
Синкерь, 124
Синорья, 201
Синоха, 201
Синулка, 201
Синур, 201
Синча, 178
Синчуваж, 178, 234
Синюха, 201
Скивеска, 133
Смехро, 77, 79
Согорза, 147
Согорье, 147
Согра, 147
Содима, 202
Содинцы, 202
Содошка, 202
Содыша, 202
Содышка, 202
Сойлога, 178
Солдобохоть, 103
Солебал, 57
Сольдобохоть, 102
Сомбал, 57
Сонехта, 104
Соногда, 103
Сонохта, 102, 104
Соренжа, 201
Сорож, 201
Сóрок, 201
Сорокса, 115, 201
Сорокша, 94, 99, 115, 201
Сорохта, 104, 115, 201
Сороча, 201

Сотемский стан, 202
Сотенка, 201
Сотимка, 201
Сотма, 201
Соть, 201, 202
Сотьма, 201, 202
Сохоть, 146
Сохра, 79, 147
Сохтинка, 146
Спас-Патрабóлье, 56, 58
Старая Меря, 167
Степной Мундор, 186
Стрелица, 159
Стрелка, 159
Стрельна, 159
Субол, 57
Судогда, 102, 103, 106
Суехра, 77, 79
Сúздалиха, 63
Суздаль, 63, 64
Сúздарь, 63
Сулость, 109, 114
Сунгирь, 123
Сучкур, 82
Сырбыш, 119, 121

Т

Таймыга, 87
Талдом, 65, 67, 68
Техтемерово, 230
Товяз, 120, 122
Тоехта, 103
Тожега, 88, 120, 122
Тожига, 88
Тожога, 88
Тожуга, 88

Толга, 59, 178
Толгобол, 178
Толгобола, 178
Толгоболь, 56, 59, 178
Толгская церковь, 178
Толгский монастырь, 178
Тома, 76
Тома I, 162
Тома II, 162
Томоришка, 162
Томушка, 162
Томша, 76
Томша I, 162
Томша II, 162
Томша III, 162
Тордокса, 94
Тубола Б., 179
Туболка, 179
Туболовка, 179
Тулокса, 95
Тулос, 95
Тума, 163
Тумахта, 102, 104, 163
Тумаш, 163
Тумба, 148
Тумбаиш, 148
Тумбы, 148
Тумка, 163
Тумка I, 163
Тумка II, 163
Тунба, 148
Тунбаса, 148
Тунбаиш, 148
Тунбица, 148
Тунбы, 148
Туньба, 148

Туньбы, 148
Тунгор, 83
Тура, 202
Турабьево, 202, 203
Турбалово, 56, 202, 203
Ту́рбица, 202
Турех, 202
Турки́, 203
Туркуши, 202
Туровка, 202
Турово, 202, 203
Туровское, 202, 203
Туровской, 203
Туровца, 202
Туромга, 202
Туромша, 202
Туросна, 202
Турпал, 202
Туртапка, 202
Туртапки, 202
Тюкогор, 83
Тюмба, 148
Тюньба, 148
Тюрмеровка, 230
Тюхта, 68, 174, 175
Тюхтедамово, 65, 68, 174, 175
Тюхтеданово, 68
Тюхтедомово, 65, 174
Тюхтово, 174, 175

У

Узокса, 100
Уйвеж, 119
Укогор, 82
Укса, 113
Укша, 113

Ула, 203
Улангер, 203
Улангерь, 203
Улейма, 203
Улеш, 203
Улёшевский Лог, 203
Улёши, 203
Улёшницы, 203
Улол, 203
Улола, 203
У́лье-Ра́менье, 203
У́льшма, 203
Умелка, 179
У́на, 16, 179
Унаур, 179
Унгарь, 179
Унгер, 123, 179
Унгорь, 179
Ундер, 179
Ундюгерь, 84
Унелка, 179
Унемерь, 179
Унжа, 204
Унжелка, 204
Унилец, 179
Унимерь, 179, 229, 230
У́ниха, 179
Уница, 16, 179, 229
Ункор, 82, 179
Ункорка, 179
Унога, 179
Унор, 179
Унорка, 179
У́норож, 179
Унцер, 179
Урда, 189

Урдах, 189
Урдома, 68, 71, 72, 189
Урдомисиха, 189
Урдомка, 71
Урдох, 189
Урдюга, 71
Урдюжское, 71
Урдырьозеро, 71
Уртма, 189
Уртьма, 189
Ус, 110
Уса, 110
Усольская гора, 151
Успенская гора, 151
Уста, 110, 223
Устанка, 110
Устань, 110
Устека, 111
Устишка, 110
Устомка, 110
Устон, 110
Устонь, 110
Устренка, 110
Устье, 110, 223
Устья, 110, 111
Устюг, 110
Усье, 110
Усья, 110
Ухта, 105, 107, 108, 110, 111,
113, 114, 213
Ухтанка, 105, 213
Ухтенгирь, 213
Ухтингирь, 213
Ухтобож, 122
Ухтома, 71, 105, 107, 108, 213,
214

Ухтома I, 213
Ухтома II, 213
Ухтомка, 105, 213, 214
Ухтохма, 105, 108, 213, 214
Ухтубож, 213
Ухтубуж, 122, 126, 213
Ухтубужская, 213
Ухтубужская волость, 122
Ухтубужское, 213
Ухтынгирь, 124, 126, 127, 213
Ухтынгирька, 213
Ухтыш, 213
Уча I, 204
Уча II, 204
Уча III, 204
Уча IV, 204
Ученжа, 204
Ученжское, 204
Учкор, 82, 204
Учмер, 229
Учхор, 77, 79, 204, 205

Х

Халбуж, 122, 213
Халбужский, 122
Хихиболы, 57, 59
Хотимерка, 230

Ч

Чалекса, 94
Чёлмохта, 108, 111
Черемисское, 127
Череповесь, 44
Черная, 206
Черной, 206

Чертово, 70
Черусти, 109
Чудинка, 42
Чудинки, 42
Чудиново, 45
Чудская, 42
Чудская волость, 42
Чудское, 149
Чудское озеро, 150
Чудской Закоулок, 42
Чудской Конец, 42
Чудицы, 42
Чудь, 42
Чура, 134
Чухла, 150, 151
Чухлинка, 149, 152
Чухлома, 149, 150, 151, 152
Чухломка, 149
Чухломское, 149
Чухломское озеро, 149, 150
Чухолза, 149, 152
Чуца, 180
Чуча, 180
Чучеры, 180
Чучино, 180
Чучулка, 180
Чючино, 180

Ш

Шабалы, 164
Шабовка, 163
Шаболовка, 163
Шаболово, 163
Шабониha, 163
Шабонишный, 163
Шабоши, 163

Шабунка, 164
Шакша, 206
Шакша I, 205
Шакша II, 205
Шакшанка, 205
Шаликша, 99
Шаловка, 165
Шамакша, 94
Шарна, 164
Шарная, 164
Шарниха, 90, 164
Шарновка, 164
Шарново, 164
Шача, 153
Шача I, 153, 154
Шача II, 153
Шача III, 153
Шача IV, 153
Шача V, 153
Шача VI, 153
Шача VII, 153
Шача VIII, 153
Шача IX, 153
Шача X, 154
Шача XI, 154, 156
Шача XII, 154, 156
Шача Жилая, 153
Шача Ликургская, 153
Шача Муравьицкая, 153
Шача Нежилая, 153
Шачебала, 153
Шачебол, 62, 126, 153, 154
Шачеболка, 153, 154
Шачебольское, 153, 154
Шаченгирь, 153
Шаченьгирь, 153

Шачингерь, 153
Шачингирь, 124, 126, 127, 153, 154
Шачиньгирь, 153
Шачуга, 154
Шаипал, 56, 59, 61
Шебал(ь), 57
Шегары, 215
Шейбухта, 108
Шексна, 165
Шелашедом, 68
Шелекша, 101, 215, 216
Шелешпалская межа, 155
Шелешпальские межи, 216
Шелешпальский, 38
Шелокиа, 215, 236
Шелтозеро, 29, 30
Шелшедам, 65, 66, 68, 69, 155
Шелишодом, 66, 155
Шельша, 66, 69, 155
Шельшедом, 65, 66, 155
Шельшедомская волость, 66, 67, 69, 155
Шенбалка, 56, 58, 208
Шеньга, 214
Шерна, 164
Шехобол, 216
Шига, 214
Шигараш, 215
Шигари, 215
Шигарка, 215
Шигарь, 215
Шигино, 215
Шиголево, 215
Шиголость, 109, 110, 214, 215
Шиголош, 215

Шиголята, 215
Шигорино, 215
Шигуй, 215
Шигжеда, 102, 103, 106, 189, 217
Шилеговица, 215
Шилеговский Криуль, 215, 236
Шилеконка, 215
Шилекша, 97, 98, 101, 115, 215, 216, 236
Шилемша, 216
Шиленга, 215
Шилешма, 216
Шиликиа, 98, 101, 216
Шилокиа, 216
Шилыково, 215
Шильдома, 66, 67
Шильпухова, 216
Шимаровка, 206, 207
Шимарское, 206, 207
Шимаханки, 206
Шимахта, 103, 206, 207
Шимоново, 206, 207
Шимора, 206, 207
Шиморка, 206, 207
Шиморовка, 207
Шиморово, 206, 207
Шиморское, 206, 207
Шиморха, 206, 207, 208
Шимохта, 207
Шимохтино, 206, 207
Шимпал, 206
Шимпол, 57, 206
Шимполка, 206
Шимушино, 206, 207
Шингирь, 124, 127, 128

Шинпал, 206
Шинпалка, 206
Шинпол, 206
Ширдома, 66
Широдома, 66
Широдьма, 66
Шиха, 216
Шихáлка, 216
Шихмари, 216
Шихобалово, 216, 219
Шихода, 216
Шишадам, 66, 216
Шишаданов Овин, 216
Шишебольцево, 57, 68, 216, 217
Шишедам, 66, 68, 217, 218
Шишеданов Овин, 218
Шишедом, 216
Шишелка, 217
Шишелова, 217
Шишеловка, 217
Шишелово, 217
Шишелово I, 216
Шишелово II, 216
Шишелово III, 216
Шишелово IV, 216
Шишелово V, 216
Шишелово VI, 216
Шишилово, 217
Шишленда, 217
Шишилово, 216
Шишиолово, 217
Шокша, 29, 30, 155, 156
Шокша I, 155
Шокша II, 155
Шокша III, 155
Шокша IV, 155
Шокша V, 155, 156
Шокшанка, 155
Шокшиово, 155, 156
Шолешка, 165
Шоловка, 165
Шолокша, 165
Шолохонь(е), 165
Шолошево, 165
Шолтома, 68
Шольша, 155
Шоля, 165
Шомокса, 94
Шомокша, 101
Шомохта, 103
Шордега, 175
Шордик, 175
Шордога, 88, 175
Шордуг, 175
Шордыга, 88, 175
Шорна, 164
Шорнега, 164
Шорнога, 164
Шортюг, 175
Шотукиа, 94
Шохорка, 147
Шохра, 147
Шохрёнок, 147
Шохромка, 147
Шуга, 59, 219
Шугарово, 219
Шугаровская, 219
Шугома, 219
Шугорка, 219
Шугорь, 219
Шуда, 165
Шуда I, 165

Шуда II, 165
Шудобол, 165
Шула, 209
Шулец, 209
Шухобал, 56, 59, 64, 219
Шухобалово, 219
Шухобино, 219
Шухободь, 219
Шухомаш, 219
Шухомка, 219
Шухомош, 219
Шухорма, 219
Шухрома, 219
Шушкодом, 65, 66, 68

Э

Эдома, 68, 223
Экса, 96, 97
Эрекиша, 108

Ю

Юз, 87, 92, 110, 223, 224
Юга, 87
Югжа, 175
Югобож, 88
Юкша, 96, 117, 176
Юкша I, 175
Юкша II, 175
Юкша III, 175
Юкша IV, 175
Юкшин, 176
Юкишино, 175, 176
Юма, 180
Юматовка, 180
Юмахонская волость, 180

Юмашева, 181
Юмбалово, 181
Юминское, 180
Юмкино, 181
Юхма, 180
Юхор, 80, 82, 225
Юхора, 80, 82, 225
Юхотский, 117, 176
Юхоть, 117, 176
Юхоцкий, 176
Юхра, 223
Юхро, 80, 82, 93
Юхрободской, 81
Юхроболево, 65, 80, 81, 225
Юхта, 117, 176
Ючмер, 230

Я

Ягорба, 74
Ягрема, 74, 75
Ягренево, 74
Ягрова, 74
Ягрыш, 74
Якобыш, 119, 121
Якоть, 166
Якург, 85, 166
Якурга, 85, 166
Якша, 96, 209
Якианга, 209
Якишенка, 209
Якишеньга, 209
Якишинка, 209
Якишино, 209
Ялокша, 98
Ямбол, 57
Янгора, 82

Яхарма, 75
Яхна, 59
Яхнобол, 57, 59
Яхорза, 75
Яхорма, 75
Яхра, 73, 75, 223
Яхренга, 73
Яхренка, 75
Яхрень, 75
Яхреньга, 74
Яхринка, 75
Яхробол, 56, 58, 62, 65, 73, 74,
75, 81, 225

Яхроболской, 65, 81
Яхробольское, 58, 75, 81
Яхробомша, 75, 76
Яхрово, 74
Яхрома, 73, 74, 75, 146, 214
Яхромино, 74, 75
Яхромша, 75, 141
Яхронка, 75, 76
Яхруст(ь), 75, 76, 109, 110, 116
Яхруша, 75, 76
Яхрянка, 73

Научное издание

Матвеев Александр Константинович

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ
РУССКОГО СЕВЕРА
IV
ТОПОНИМИЯ МЕРЯНСКОГО ТИПА

Редакторы	<i>А.А. Макарова, Т.В. Матвеева</i>
Оригинал-макет	<i>Е. С. Николаева</i>
Подготовка карт	<i>В. Г. Марадудин</i>
Дизайнер	<i>В. В. Сермягина</i>

Подписано в печать 00.07.2015. Формат 60 x 84 ¹/₁₆

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 20,0. Усл.-печ. л. 18,0. Тираж 200 экз. Заказ 277

Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7(343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7(343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

